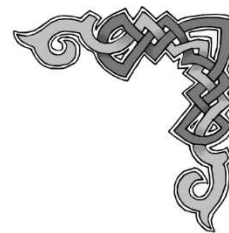

ООО «Наука и образование»

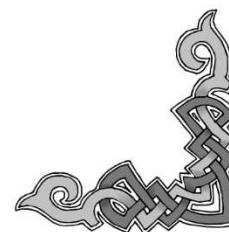
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

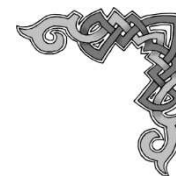

**№ 3
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 3

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

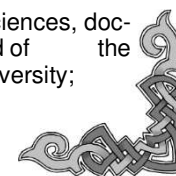
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» РАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузигов Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забиорович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of RAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

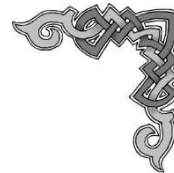
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Хунагов Рашид Думаличевич.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Белозерова К.С. Межнациональная семья как элемент в структуре полиэтнического сообщества	15
Бондин В.И., Латышева А.Т., Самыгин С.И. Формирование компетенций преподавателя высшей школы: компетентностная парадигма образования	19
Бурмистров С.В., Волочай А.В., Самыгин С.И. Социальные механизмы управления формированием и развитием компетенций инновационно ориентированного персонала (на примере образовательных организаций)	23
Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Пономарев И.Е. Социологическая диагностика как метод измерения социального здоровья молодежи	28
Кузьменко И.С. Солидаризация в современном обществе: социально-коммуникативный аспект	33
Орлова О.Ю. Теоретико-методологические основы системного анализа государственной политики в области защиты прав ребенка	37
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахина Т.А., Абдуллаев С.С. Анализ обращений за медицинской помощью российских студентов и студентов из СНГ	40
Юшина С.В., Брусенцева Д.М. Интерпретация проблемы террористических практик в контексте теории социальных полей	43
Ярмолинец Л.Г., Кунина М.Н. Межкультурная коммуникация и этнические особенности коммуникативного поведения субъектов спорта как представителей различных лингвокультур	47
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Абдулаева З.Т. Требования к тексту и содержанию проекта нормативного правового акта	53
Бельчик А.М., Павлов Н.В. Административный порядок защиты гражданских прав и интересов. Некоторые проблемы, возникающие в процессе их реализации	56
Бондаренко Ю.А. Особенности расследования мошенничества, совершенного с использованием электронной подписи	60
Боровских Р.Н., Зыков Д.А., Семенов С.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 159–159.6 Уголовного кодекса РФ	64
Дадаева М.С. Общая характеристика воли в гражданском праве Российской Федерации	67
Дадаева М.С. Оформление проекта нормативного правового акта о внесении изменений в правовые акты	70
Даова М.Х., Богатырев А.З. Шотландский кейс: основные тенденции реализации права народов на самоопределение	73
Ермилов В.Б. «Объективное банкротство»: теория и практика	77
Загалаева Ж.А. Оформление приложений к проектам нормативных правовых актов	81

Загалаева Ж.А. Хранение в ломбарде и хранение ценностей в банке как специализированные виды договора хранения	84
Захаров И.Е. К вопросу о правовом статусе прокурора в арбитражном процессе	87
Зыков Д.А., Михайлов А.Е., Семенов С.А. О некоторых аспектах прогнозирования развития следственной ситуации при расследовании незаконной пересылки наркотиков	90
Игнатъев Е.А. Правовые особенности обеспечения военнослужащих и сотрудников НКВД СССР в годы ВОВ	94
Имгрунт С.И., Самыгин П.С. Социальное государство в современной России: проблемы теории и практики	98
Касаткина Е.А., Баринов А.В., Кузнецова И.А. Отдельные проблемы банкротства физических лиц	102
Коротаева М.А., Рябова Л.В. Некоторые проблемы квалификации превышения должностных полномочий	107
Куракина С.И., Левченко А.В. Квалифицированное молчание в конституционном правотворчестве	111
Лизикова М.С. Проблемы лицензирования деятельности в области использования атомной энергии	114
Магомадова Э.И. История и современное состояние производства по делам, возникающим из публичных правоотношений	120
Магомадова Э.И. Общие положения и проблемы правового регулирования договора условного депонирования	123
Мангушев С.Н. Особенности доказывания при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности	126
Натаева З.А. Правовое регулирование договора аренды нежилых помещений, не требующих государственной регистрации	129
Оспичев И.М. Проблемы действия трудовых договоров и пути их решения	132
Прошин В.М. Криминологический взгляд на явление коррупции	137
Савельев А.Г. Современное развитие гражданско-правовых институтов вещных прав и законного владения	139
Савосина Н.В., Васенин А.Ю., Тхаровская О.Ю. Понятие «пациент» как стороны договора возмездного оказания медицинских услуг	143
Семенова Е.Г. Особенности правового регулирования объектов незавершенного строительства	147
Соловяненко Н.И. Правовой режим электронных документов в предпринимательстве: вопросы доктрины и юридической практики	152
Сухондяева Т.Ю., Санташов А.Л., Валькова Е.В. Становление военного права как отрасли права	157
Тарькин В.К., Шатанкова Е.Н. Проблемы и тенденции реформирования воспитательных колоний в России	160

Трямкин Д.В. Гражданско-правовые особенности обеспечения вещных прав граждан в РФ	164
Хабиева З.Д. Отказ от исполнения договора дарения и отмена дарения	167
Хабиева З.Д. Структура нормативного правового акта как сущностный аспект юридической техники	170
Хлопушин Д.С. Гражданско-правовые основы оказания возмездных услуг обладателем свидетельства частного пилота	174
Хун А.З. Правовое регулирование применения оружия сотрудниками правоохранительных органов	179
Чунихина Т.Н., Водовозова М.С. К вопросу о статусе государственных языков субъектов Российской Федерации (на примере республик в составе Российской Федерации, входящих в Южный Федеральный округ)	183
Шаназарова Е.В., Поликарпова М.Ж. Проблемы проверки надежности участников корпоративных отношений	188
Щербина Н.Ю., Емелина Л.А. Особенности субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в отсутствие рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве)	191
Шмыгина О.В. Дифференциация насильственной угрозы в преступлениях против собственности	195
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Артамонова Я.С., Зенов П.Е. Экспертные сообщества и цифровизация экономики современного социума	201
Бадмаев О.М. Влияние цифровизации на бухгалтерский учет	205
Базербаша Мохаммад Роль стратегического аудита в повышении эффективности деятельности организаций	207
Баландина Т.М., Девлетов Р.Н. Параметры оценки социальной защиты военнослужащих	211
Беляева Ю.В. Трансформация потребительского поведения в России под воздействием развития информационных технологий и цифровизации общества	216
Герсонская И.В. Эффективность функционирования государственного сектора экономики	219
Демирова В.А., Суханова П.А. Ипотечное кредитование как инструмент социально-экономического развития России	222
Евстратова Т.А., Ветрова Е.А., Кабанова Е.Е., Катаева В.И. Стратегическое планирование как инструмент регионального развития (на примере Министерства экономического развития Ставропольского края)	226

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Ksenia S. Belozerova Interethnic family as an element in the structure of a multiethnic community	15
Viktor I. Bondin, Anna T. Latysheva, Sergey I. Samygin Formation of competence of a higher school teacher: competence of education paradigm	19
Sergey V. Burmistrov, Anna V. Volochay, Sergey I. Samygin Social mechanisms of management formation and development of competencies of innovative-oriented personnel (on the example of educational organizations)	23
Valery V. Kasyanov, Natalya Kh. Gafiatulina, Igor E. Ponomarev Sociological diagnostics as a method of measuring the social health of youth	28
Irina S. Kuzmenko Solidarization in modern society: social and communicative aspect	33
Olesia Yu. Orlova Theoretical and methodological approach to the system analysis of the state policy in the field of protection of the rights of the child	37
Inna R. Shagina, Aliya S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina, Sardor S. Abdullayev Analysis of appeals for medical care of russian students and students from CIS	40
Svetlana V. Yushina, Darya M. Brusentseva Interpretation of the problem of terrorist practices in the context of the theory of social fields	43
Larisa G. Yarmolynets, Maria N. Kunina Intercultural communication and ethnic features of the communicative behavior of sport subjects as representatives of various linguocultures	47
JURISPRUDENCE	
Zarema T. Abdulaeva Legal technique: requirements for text and content of regulatory legal act	53
Anastasia M. Belchik, Nikolay V. Pavlov Administrative procedure for the protection of civil rights and interests. Some problems that arise in the process of their implementation	56
Yuri A. Bondarenko Some features of the fraud investigation which doing by means of a digital signature	60
Roman N. Borovskih, Daniil A. Zykov, Sergey A. Semyonov Some problems of qualification of crimes provided for in articles 159–159.6 of the Criminal code of the Russian Federation	64
Makka S. Dadaeva General characteristic of will in the civil law of the Russian Federation	67
Makka S. Dadaeva Drafting of the draft regulatory legal act on amendment of legal acts	70
Milana H. Daova, Alim Z. Bogatyre Scottish case: main trends in the implementation of the right of peoples to self-determination	73
Valeriy B. Ermilov «The objective of bankruptcy»: theory and practice	77
Zhaneta A. Zagalaeva Drawing annexes to draft regulatory legal acts	81
Zhaneta A. Zagalaeva Storage in the pawnshop and storage of values in the bank as specialized types of storage agreement	84

Ilya E. Zakharov To the question of the legal status of the prosecutor in the arbitration process	87
Daniil A. Zykov, Alexey E. Mikhailov, Sergei A. Semenov On certain aspects of forecasting the development of the investigative situation in the investigation of illegal drug transfers	90
Evgeniy A. Ignatev Legal features of providing military personnel and employees of the nkvd of the ussr during the war years	94
Svetlana I. Imgrunt, Petr S. Samygin Social state in modern Russia: theoretical and practical aspects	98
Elena A. Kasatkina, Andrey V. Barinov, Inna A. Kuznetsova Ndividual problems of bankruptcy of natural persons	102
Marina A. Korotaeva, Lilia V. Ryabova Some problems of qualification of official powers'	107
Svetlana I. Kurakina, Andrei V. Levchenko Qualified silence in constitutional lawmaking	111
Marina S. Lizikova Problems of licensing activities in the field of atomic energy use	114
Elsa I. Magomadova History and current state of production in cases arising from public relations	120
Elsa I. Magomadova General provisions and problems of legal regulation of the condition of a conditional deposit	123
Sanal N. Mangushev Features of evidence at termination of criminal prosecution of crimes in the field of economic activity	126
Zalina A. Nataeva Legal regulation of the contract of rent of non-residential premises not requiring state registration	129
Igor M. Ospichev Problems of employment contracts and their solutions	132
Vladimir M. Proshin Criminological perspective on the phenomenon of corruption	137
Andrej Savel'ev Development of civil law institutions of property rights and legal ownership	139
Natalia V. Savosin, Andrew Yu. Vasenin, Olga Yu. Tharovskaya The concept of «patient» as a party to a contract for the reimbursable provision of medical services	143
Ekaterina G. Semenova Features of legal regulation for objects of incomplete construction	147
Nina I. Solovyanenko Legal regime of electronic documents in business: issues of doctrine and legal practice	152
Tatiana Yu. Suhondyaeva, Andrey L. Suhondyaeva, Elena V. Valkova Formation of military law as a branch of law	157
Vladimir K. Tarykin, Elena N. Shatankova Problems and trends in reforming educational colonies in Russia	160
Dmitrii V. Triamkin Civil-legal peculiarities of ensuring the substantive rights of citizens in the russian federation	164
Zaira D. Khabieva Refusal to perform the gift agreement and cancel the gift	167
Zaira D. Khabieva Tructure of a regulatory legal act as an essential aspect of legal technique	170
Dmitry S. Hlopushin Civil-legal basics for providing paid services by the owner of a private pilot's certificate	174

Aslan Z. Hun Legal regulation of the use of weapons by law enforcement officials	179
Tatiana N. Chunikhina, Marina S. Vodovozova To the question of the status of state languages of subjects of the Russian Federation (by the example of the republic of the Russian Federation, including in the southern federal district)	183
Elena V. Shanazarova, Marina Zh. Polikarpova Problems of verification of reliability of corporate relations participants	188
Nikita Yu. Shcherbina, Lyudmila A. Emelina Features of subsidiary liability of persons controlling the debtor in the absence of insolvency (bankruptcy) proceedings	191
Ol'ga V. Shmy'gina Differentiation of violent threats in crimes against property	195
ECONOMIC SCIENCES	
Yaroslavna S. Artamonova, Pavel E. Zenov Expert communities and digitalization of the economy of modern society	201
Ochir M. Badmaev Impact of digitalization on accounting	205
Bazerbashi Mohamad The role of strategic audit in improving the efficiency of organizations	207
Taisiya M. Balandina, Ruslan N. Devletov Parameters for evaluating the social protection of military personnel	211
Iuliia V. Beliaeva Transformation of consumer behavior in Russia under influence of development of information technologies and digitalization of society	216
Irina V. Gersonskaya The effectiveness of the functioning of the public sector of the economy	219
Valeriia A. Demirova, Polina A. Sukhanova Mortgage loan as an instrument of social and economic development of Russia	222
Tatiana A. Evstratova, Ekaterina A. Vetrova, Elena E. Kabanova, Valentina I. Kataeva Strategic planning as an instrument of regional development (for example, the Ministry of Economic Development Stavropol Territory)	226

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Белозерова Ксения Сергеевна

аспирантка 3 года обучения
кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
ksenya.belozerova.93@mail.ru

Ksenia S. Belozerova

Graduate student 3 years of study
Departments of Sociology,
North Caucasus Federal University
ksenya.belozerova.93@mail.ru

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ В СТРУКТУРЕ
ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

**INTERETHNIC FAMILY
AS AN ELEMENT IN THE STRUCTURE
OF A MULTIETHNIC COMMUNITY**

Аннотация. В современном обществе межнациональные или смешанные браки уже не являются редким явлением. Для данного вида брачного союза, характерен ряд особенностей, также имеется ряд положительных и отрицательных сторон, которые представляют научный интерес для социолога. В данной статье приводится вариации интерпретации термина «межнациональная семья». Рассматриваются положительные и отрицательные стороны данного типа современной семьи, а также проводится анализ роли межнациональных браков в мультикультурном социуме.

Annotation. In modern society, inter-ethnic or mixed marriages are no longer rare. This type of marriage is characterized by a number of features, as well as a number of positive and negative aspects that are of scientific interest to the sociologist. This article presents variations of the interpretation of the term «interethnic family». The positive and negative aspects of this type of modern family are considered. The positive and negative aspects of this type of modern family are considered, as well as the role of inter-ethnic marriages in a multicultural society is analyzed.

Ключевые слова: межнациональная семья, брак, современное общество, брак, экзогамия, этнически смешанная семья.

Keywords: interethnic family, marriage, modern society, marriage, exogamy, ethnically mixed family.

В современном социуме существует различные интерпретации, характеризующие понятие «межнациональная семья». Рассмотрим некоторые из них:

негативные стороны. Например, положительные стороны межнациональной семьи заключаются в следующем:

1. Бокова Т.Л. в своей научной публикации «Основные тенденции развития межнациональной семьи в современном обществе», говорит о том, что межнациональная семья – это микроячейка, являющаяся частью полиэтнического общества, в которой отображаются культурно-психологические особенности этнических групп [1].

– здоровое потомство (считается, что этнически смешанный союз способен произвести более здоровое потомство, чем в обычной мононациональной семье);

2. Межнациональная семья – это супружеский союз, заключенный между представителями, которые принадлежат к различным этническим группам, следует отметить, что данный вид семьи является формой экзогамии [2].

– одним из важных плюсов является то, что межнациональная семья способствует укреплению толерантности в обществе, т.е., терпимому отношению между людьми, относящимися к различным этническим группам;

3. Хачатрян Л.А., Чадова А.А., в научной работе «Межнациональная семья в современном российском обществе», отмечают, что межнациональная или как ее еще принято называть «этнически смешанная семья» представляет собой тип современной семьи, который трансформируются под влиянием условий изменяющегося социума [3].

– считается, что межнациональная семья прочнее и долговечнее однородной.

Молодая пара, вступившая в межнациональный брак, проходит через притирание двух культур, что нередко приводит к возникновению конфликтов, неодобрению обществом подобных союзов.

Далее, отрицательные признаки выражаются в следующем:

Межнациональные семьи как социальный феномен имеют как ряд преимуществ, так и

– в столкновении разных культур,

– в различии мировоззрения;

– в различии в семейных понятиях;

- в различие менталитета этнических групп;
- в различии сложившихся в ходе истории традиций, норм, обычаев.

Ранее нами уже упоминалось о том, что в современном обществе межнациональная семья встречается довольно часто, и отношение к ним может быть положительным, негативным, нейтральным. Это зависит от общественных, семейных установок, традиций, обычаев, правил, в которых воспитывается человек, однако, необходимо помнить о том, что брак – добровольный союз, который заключается на основе любви для создания крепкой, надежной семьи.

Роль межнациональных браков в обществе заключается в том, что подобные союзы являются показателем межнациональных отношений. Данный фактор немаловажен в современном многонациональном социуме. Следует отметить, что в Советском Союзе заключение подобных браков интерпретировалось как признак развития межнациональных дружественных отношений.

На диаграмме, изображенной на рисунке 1, мы видим ответы респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?», согласно которым 72 % имеют положительное отношение к межнациональным семьям. Что, скорее всего, может подтвердить то, что данный вид семьи может способствовать повышению уровня толерантности между представителями различных этнических групп, оставшиеся 14 % разделили ответы «нейтрально», «негативно».

На рисунке 2 мы видим результаты ответов респондентов на заданный нами вопрос: «Вступили ли бы Вы в межнациональный брак?», половина

опрошенных (50 %) допускают возможность вступить в межнациональный брак, утвердительно ответили 23 % респондентов, 3 % считают для себя неприемлемым заключать подобный брак, еще 3 % затруднились с ответом.

На рисунке 3, отображены ответы респондентов на вопрос: «По Вашему мнению, от чего зависит отношение к межнациональным семьям?». Мы видим, что ответившие выбрали следующее:

- От счастья людей в браке – 36 %;
- От степени взаимоотношения между супругами – 13 %;
- От семей супругов – 13 %;
- От культуры межнациональных отношений в обществе – 10 %;
- От мировосприятия – 13 %
- От дружеских знакомств с разными национальностями и хорошим к ним отношениям – 10 %, оставшиеся 3 % затруднились с ответом.

На диаграмме, которая изображена на рисунке 4, представлены ответы на вопрос: «Какая из ниже перечисленных форм семьи наиболее приемлема для Вас?», мы видим, что для большинства (57 %) наиболее приемлемой формой семья, а, следовательно, брака является межнациональная семья. Здесь, следует отметить, что в опросе участвовали не только респонденты, проживающие на территории Ставропольского края, но и ближайших регионах. В то время как 43 % респондентов предпочитают моногамную (обычную) семью – супруги принадлежат к одной и той же этнической группе.

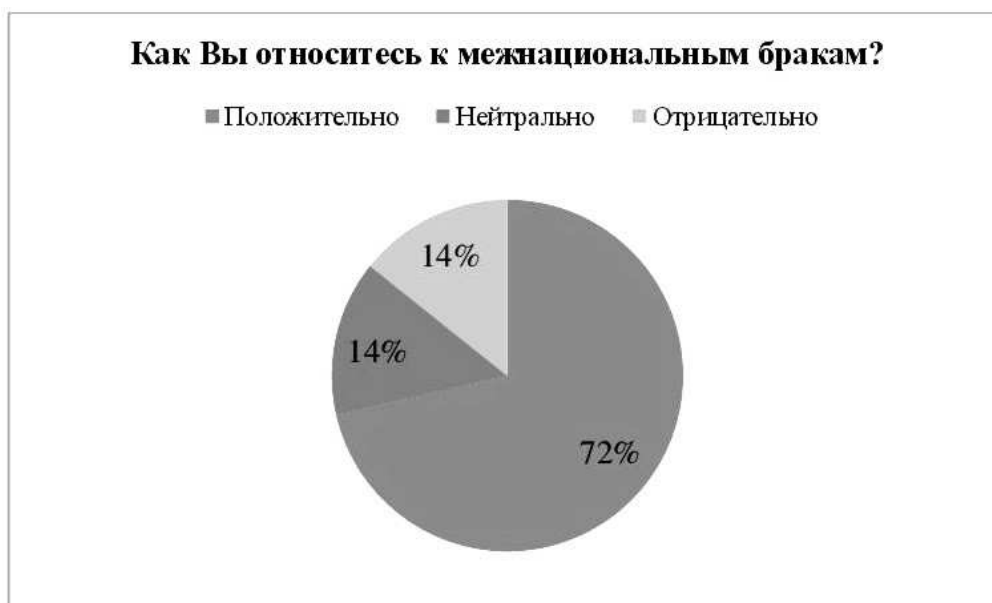

Рисунок 1 – «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?»

Рисунок 2 – «Вступили ли бы Вы в межнациональный брак?»

Рисунок 3 – По Вашему мнению, от чего зависит отношение к межнациональным семьям?

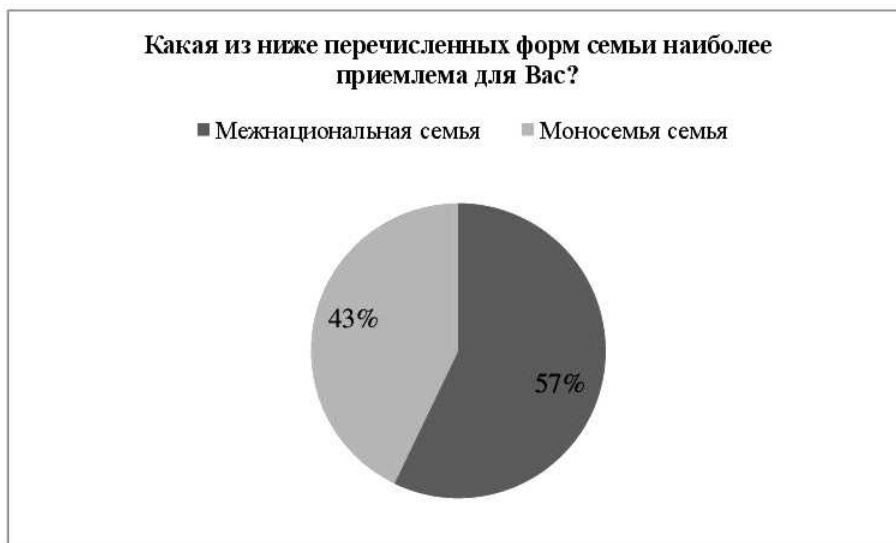

Рисунок 4 – «Какая из ниже перечисленных форм семьи наиболее приемлема для Вас?»

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что межнациональная семья – это базовая ячейка полиэтнического общества, включающая и отображающая существующие культурные и психологические особенности этнических групп. Межнациональная/этнически смешанная семья подвержена возникновению новых черт, вызванных изменениями в социуме, в целом.

Литература:

1. *Бокова Т.Л.* Основные тенденции развития межнациональной семьи в российском обществе. URL : https://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2007/v311/i7/22.pdf
2. Межнациональный брак. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. *Хачатрян Л.А.* Межнациональная семья в современном российском обществе / Л.А. Хачатрян, А.А. Чадова URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnaya-semya-v-sovremennom-rossijskom-obschestve>

Межнациональные браки являются актуальной частью общества, которую необходимо исследовать в будущем, что поможет исследователям понять текущее положение ситуации, выявить явные и латентные проблемы в этой научной области, и подобрать наиболее эффективные решения для их разрешения и стабилизации ситуации.

Literature:

1. *Bokova T.L.* Main trends in the development of the interethnic family in Russian society. URL : https://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2007/v311/i7/22.pdf
2. International marriage. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. *Khachatryan L.A.* Interethnic family in modern Russian society / L.A. Khachatryan, A.A. Chadova. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnaya-semya-v-sovremennom-rossijskom-obschestve>

Бондин Виктор Иванович

доктор педагогических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
теоретических основ
физического воспитания и спорта,
Южный федеральный университет
centreav@mail.ru

Латышева Анна Трофимовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогики
и социокультурного развития личности,
Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного
экономического университета
89281115155@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ
ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В связи с переходом на новые образовательные стандарты и применение компетентностной парадигмы в системе образования, исследовательский интерес направлен на изучение процесса формирования компетенций современного преподавателя высшей школы. Применяя компетентностную парадигму к формированию профессиональных компетенций преподавателя, авторы данной статьи выделяют знаниевый подход, деятельностный подход, моделирование педагогических компетенций, психологию педагогического образования.

Ключевые слова: компетентностная парадигма образования, система высшего образования, преподаватель, высшая школа, образование, компетенция, компетентность.

Образование выступает в качестве базового элемента развития любого государства, развития человеческого потенциала, снижения социального неравенства. Система современного высшего образования в России находится в процессе технологического и технического обновления, что обусловлено растущей ролью

Viktor I. Bondin

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Head of the Department
Theoretical Foundations
of Physical Education and Sports,
Southern Federal University
centreav@mail.ru

Anna T. Latysheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Pedagogics
and Sociocultural Development of the Identity,
Taganrog Institute name of A.P. Chekhov
(branch) of the Rostov State
Economic University
89281115155@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology Sciences,
Professor of Department of Judicial
Examination and Criminalistics,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

**FORMATION OF COMPETENCE
OF A HIGHER SCHOOL TEACHER:
COMPETENCE
OF EDUCATION PARADIGM**

Annotation. In connection with the transition to new educational standards and the application of the competence paradigm in the educational system, research interest is directed towards studying the process of forming the competencies of a modern teacher of higher education. Applying the competence paradigm to the formation of professional competencies of a teacher, the authors of this article highlight the knowledge-based approach, the activity-based approach, the modeling of pedagogical competencies, and the psychology of teacher education.

Keywords: competency-based education paradigm, higher education system, teacher, higher school, education, competence, competence.

организационных и информационных технологий [1, 2].

В связи с изменениями в системе российского образования, связанным с расширением «знаниевой» парадигмы и дополнением данной парадигмы «компетентностной» (деятельностной)

составляющей, российская высшая школа ощущает острую потребность в квалифицированных педагогических кадрах и предъявляет особые требования к преподавателю, к его компетенциям. Новые образовательные стандарты диктуют свои правила, в которых обозначено, что современный преподаватель должен быть не только интересным лектором, но и обладать компетенциями менеджера, тренера, организатора самостоятельной работы студентов.

Одним из направлений в социологии образования являются работы, касающиеся качества образовательного процесса, где важную роль играет профессорско-преподавательский состав высшей школы [3]. В рамках данных работ рассматривается образ преподавателя в системе высшего образования, его профессиональные качества [4; 5].

Анализ содержания федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) по различным направлениям подготовки и специальностям свидетельствует о том, что в компонентном составе представленных компетенций ключевыми элементами являются понятия «способность» и «готовность» [6].

Прежде чем приступить к компетентностной парадигме в области **формирования компетенций преподавателя высшей школы**, остановим взор на категориях «компетентность» и «компетенция» применительно к социально-педагогической деятельности преподавателя.

По мнению С.Д. Резник и О.А. Вдовиной, профессиональная компетентность преподавателя высшей школы представляет собой «целостную совокупность компетенций, необходимых для реализации основных направлений его деятельности: учебной, методической, научной, воспитательной, участия в управлении кафедрой, факультетом, вузом». Компетентность – это «совокупность свойств личности, позволяющих ей качественно выполнять деятельность, направленную на разрешение проблем» в той или иной области образования. При этом указанные выше ученые, дифференцируя понятие «компетентность» и «компетенция», подчеркивают, что компетенция – это «характеристика места, а не лица, т.е. параметр социальной роли человека»; кроме того «это то, на что претендует личность, это круг вопросов», по которым она хорошо осведомлена, «обладает познаниями и опытом» [7, с. 53].

Основные положения, принципы и роль компетентностного подхода в современном российском образовании в своей работе приводит И.А. Зимняя. Автор обозначает, что компетенции – это некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [8].

В данной публикации мы будем опираться на определение компетентности, предложенной Л.В. Лонской, рассматривающей компетентность

в области профессионально-педагогической деятельности преподавателя высшей школы как особую систему, совокупность знаний, умений и навыков организации образовательного процесса «и опыта проектирования методических подходов, оценивания учебных достижений обучающихся и формирования профессиональной коммуникации» [9].

Компетенции – это обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное выполнение профессиональной деятельности. Это способности человека реализовывать на практике свою компетентность [10].

Действительно, если преподаватель соответствует этой социальной роли, то можно полагать, что он обладает компетентностью по данному кругу вопросов.

Существует две основных парадигмы образования: знаниевая и компетентностная. Поскольку формирование компетентности преподавателя высшей школы представляет собой, прежде всего, формирование знаний, то знаниевая парадигма обладает большой значимостью при формировании компетентности преподавателя высшей школы. В рамках данной парадигмы преподаватель сам рассматривается в качестве ресурса, средства, которое позволит найти решение важнейших задач, стоящих перед государством. При помощи данной парадигмы человек получает знания в готовом виде – так как основа данного подхода – это дать знания. На основе данной парадигмы личность обучается: знания, которые она получает, обучают ее решать поставленные задачи, отвечать правильным образом на вопросы, стоящие перед ней. Также, в рамках данной парадигмы происходит обучение в области усвоения формулировок, доказательств и воспроизведения информации. То есть, преподаватель обучает описывать позицию других, но при этом не выражает собственное мнение. Организация учебного процесса в рамках знаниевой парадигмы протекает по схеме: представление информации – восприятие – закрепление – контроль.

Если же мы посмотрим на компетентностный подход к обучению, то здесь человек рассматривается как главная цель образования. Используя компетентностную парадигму в образовании, человек может научиться анализировать, изучая прошлый опыт. В рамках данной парадигмы он самостоятельно учится добывать, выстраивать личностные знания на основе разнородной, разноплановой информации, учится ставить задачи, интегрировать идеи, учиться усваивать способ мышления, приводящий к открытию новых знаний, работать с информацией, производя ее классификацию. Он использует в профессиональной деятельности педагогические технологии и новые информационные технологии для добывания необходимой информации.

На наш взгляд, данные парадигмы, в виде симбиоза знаниевого и компетентностного подходов служат наиболее полному формированию компетенций преподавателя высшей школы и его

продуктивному выполнению профессиональной деятельности.

Исходя из обобщенных компетенций к преподавателю высшей школы и разработанного профессионального стандарта к преподавателю высшей школы, и формируется компетентность преподавателя высшей школы.

Рассматривая вопрос формирования компетенций преподавателя высшей школы, мы представляем некий набор компетенций преподавателя – определенную модель. То есть, преподаватель высшей школы обладает совокупностью необходимых для педагогической деятельности компетенций: в рамках области знаний, в которых осуществляет свою трудовую деятельность преподаватель, и формируется модель компетенций преподавателя высшей школы. При моделировании системы педагогических компетенций целесообразно использовать структуру компетенции, предложенную в работе М.М. Спенсер и С.М. Спенсера [11]. То есть, в рамках модельного подхода выстраивается система, которая помогает преподавателю осуществлять свою профессиональную деятельность: Мотивы – Психологические особенности (свойства) – Я-концепция – Знания – Умения и навыки [12]. Мотивы направляют и дают возможность сделать выбор стратегий поведения. Психологические характеристики позволяют выработать соответствующие реакции на ситуации или информацию. Установки, ценности или образ-Я человека определяют действия преподавателя. Умения и навыки – это способность преподавателю выполнять определенную физическую или умственную задачу на основе полученных ранее знаний.

Литература:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. *International Journal of Applied Exercise Physiology* / N.Kh. Gafiatulina, L.I. Makadei, I.V. Gluzman et al. 2019. Т. 8. № 2.1. P. 293–300.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of russian youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, G.A. Vorobyev et al. // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. V. 8. № 5. P. 602–609.
3. *Фадеева И.М.* Социальные и психологические аспекты имиджа преподавателя исследовательского университета // *Интеграция образования*. 2012. № 4(69). С. 92–97.
4. *Боровкова Т.И.* Ключевые компетенции педагога в эпоху постмодерна / Т.И. Боровкова, Е.Ф. Зачиняева // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 1. URL : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27392>
5. *Бондин В.И.* Педагогическая диагностика компетенций в образовательных программах подготовки бакалавров по физической культуре /

Поскольку мы видим, что в профессиональной деятельности важны психофизиологические характеристики, то актуально прибегнуть к психологии профессионального образования [13]. На основе данного подхода выделяются этапы организации обучения для формирования компетентности преподавателя высшей школы. Сначала идет когнитивно-ориентированное обучение. На данном этапе происходит работа с психолого-педагогической информацией: получение, осмысление, структурирование и трансляция аудитории. В процессе деятельностно-ориентированного обучения выполняются практико-ориентированные задания. Затем, идет личностно-ориентированное обучение – анализ хода и результатов выполненной работы, осмысление полученного опыта, рефлексия по поводу личностных изменений, определение стратегии собственной профессионально-педагогической деятельности.

Итак, резюмируя, скажем, что в области социологии образования выделены две основные парадигмы образования: знаниевая и компетентностная. Изменения в системе российского образования связаны с расширением «знаниевой» парадигмы и дополнением данной парадигмы «компетентностной» (деятельностной) составляющей.

Таким образом, профессиональная готовность преподавателя высшей школы к своей деятельности не исчерпывается приобретением фундаментальных теоретических знаний. Требуются особые педагогические умения, стремление развивать творческий потенциал свой собственный и студенческий, настрой на соответствующую деятельность, умение использовать свои личностные возможности в решении педагогических задач в конкретных условиях.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. *International Journal of Applied Exercise Physiology* / N.Kh. Gafiatulina, L.I. Makadei, I.V. Gluzman et al. 2019. Т. 8. № 2.1. P. 293–300.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of russian youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, G.A. Vorobyev et al. // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. V. 8. № 5. P. 602–609.
3. *Fadeeva I.M.* Social and psychological aspects of the image of a teacher at a research university // *Integration of education*. 2012. № 4. P. 92–97.
4. *Borovkova T.I.* Key competencies of the teacher in the postmodern era / T.I. Borovkova, E.F. Zachinyaeva // *Modern problems of science and education*. 2018. № 1. URL : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27392>
5. *Bondin V.I.* Pedagogical diagnosis of competencies in educational programs for the preparation of bachelors in physical education / V.I. Bondin,

В.И. Бондин, О.Н. Толстокова // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 4. С. 52–54.

6. *Бондин В.И.* К вопросу о терминологии в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования / В.И. Бондин, М.В. Марченко // Интернет-журнал Мир науки. 2017. Т. 5. № 1.

7. *Резник С.Д.* Преподаватели вузов России: формирование и развитие профессиональных компетенций : монография / С.Д. Резник, О.А. Вдовина. М., 2020. 140 с.

8. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. М. : ПКПС, 2004.

9. *Лонская Л.В.* Теоретико-методические подходы к формированию компетентности преподавателя высшей школы в области профессионально-педагогической деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.

10. *Сергеев Г.А.* Компетентность и компетенции в образовании : монография. Владимир, 2010. 107 с.

11. *Спенсер Л.* Компетенции на работе / Л. Спенсер, С.М. Спенсер. М., 2005. 384 с.

12. *Петровичев В.М.* Методологические подходы к моделированию педагогических компетенций преподавателя вуза / В.М. Петровичев, З.И. Коннова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 4-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-modelirovaniyu-pedagogicheskikh-kompetentsiy-prepodavatela-vuza>

13. *Зеер Э.Ф.* Психология профессионального образования : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М. : «Академия», 2013. 416 с.

O.N. Tolstokora // Physical Culture: education, training, 2018. № 4. P. 52–54.

6. *Bondin V.I.* To the question of terminology in the federal state educational standards of higher education / V.I. Bondin, M.V. Marchenko // Internet magazine World of Science. 2017. V. 5. № 1.

7. *Reznik S.D.* Teachers of Russian universities: the formation and development of professional competencies : monograph / S.D. Reznik, O.A. Vdovina. M., 2020. 140 p.

8. *Zimnya I.A.* Key competencies as an effective and targeted basis for a competency-based approach to education. M. : PKPS, 2004.

9. *Lonskaya L.V.* Theoretical and methodological approaches to the formation of the competence of a teacher of a higher school in the field of professional pedagogical activity : abstract dis. ... cand. of pedag. sciences. M., 2013.

10. *Sergeev G.A.* Competency and competencies in education: a monograph. Vladimir, 2010. 107 p.

11. *Spencer L.* Competencies at work / L. Spencer, S.M. Spencer. M., 2005. 338 p.

12. *Petrovichev V.M.* Methodological approaches to modeling the pedagogical competencies of a university teacher / V.M. Petrovichev, Z.I. Konnova // Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences. 2014. № 4-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-modelirovaniyu-pedagogicheskikh-kompetentsiy-prepodavatela-vuza>

13. *Zeer E.F.* Psychology of vocational education : textbook for students. institutions of higher prof. education. M. : «Academy», 2013. 416 p.

Бурмистров Сергей Владимирович
кандидат экономических наук,
доцент кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
salon50@list.ru

Волочай Анна Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
anna64.01@eandex.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ КОМПЕТЕНЦИЙ ИННОВАЦИОННО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРСОНАЛА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Аннотация. Сегодня инновационные процессы, протекающие во всех сферах деятельности, на передний план выдвигают проблему поиска эффективных социальных механизмов управления современной организацией. В наиболее выраженной форме инновационные процессы проходят в образовательных организациях, перед которыми стоит проблема разработки механизмов управления формированием и развитием компетенций инновационно ориентированного персонала.

Ключевые слова: управление, компетенции, механизмы управления, инновационно ориентированный персонал, образовательные организации, инновации, образовательная система, федерально-региональный проект.

Современные социальные условия требуют новых подходов к управлению **формированием и развитием** профессиональных **компетенций** персонала, ориентированного на инновации, сопряженные со способностями к саморазвитию, выстраиванию индивидуальной траектории

Sergey V. Burmistrov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Personnel
Management and Sociology,
Rostov State Economic University
salon50@list.ru

Anna V. Volochay
Candidate of Philosophy Sciences,
Associate Professor Personnel
Management and Sociology,
Rostov State Economic University
anna64.01@eandex.ru

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociology Sciences,
Professor of Department Personnel
Management and Sociology,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

SOCIAL MECHANISMS OF MANAGEMENT FORMATION AND DEVELOPMENT OF COMPETENCIES OF INNOVATIVE-ORIENTED PERSONNEL (ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS)

Annotation. Today, innovative processes taking place in all areas of activity bring to the fore the problem of finding effective social mechanisms for managing a modern organization. In the most pronounced form, innovation processes take place in educational organizations, which are faced with the problem of developing mechanisms for managing the formation and development of competencies of innovation-oriented personnel.

Keywords: management, competencies, management mechanisms, innovatively oriented personnel, educational organizations, innovations, educational system, federal-regional project.

профессионального и социального развития, эффективной коммуникации [1; 2], самостоятельному и ответственному принятию управленческих решений [3; 4]. Подходы, ориентированные на поддержание знаний, умений и навыков специалистов в узко предметной области научного

знания, уже уходят в прошлое, однако, сформированная система знаний, умений и способностей инновационно ориентированного персонала образовательной организации составляет основу его профессиональной деятельности как преподавателя и как ученого [5].

В настоящее время определены характеристики профессиональной компетентности специалиста любой области, в том числе, и преподавателя высшей школы:

– когнитивная компетенция состоит из уровня профессиональных знаний;

– регулятивная – дает возможность пользоваться профессиональными знаниями в трудовой деятельности;

– рефлексивно-статусная – дает право действовать определенным образом за счет признания авторитетности;

– нормативная – это полномочия, которыми обладает специалист в рамках занимаемой должности;

– коммуникативная – установка контакта (взаимодействия) для реализации практической деятельности;

– креативная – подразумевает творческий компонент деятельности [6].

Управление любой организацией построено на принципах системы менеджмента качества [7] и образовательная организация также не является исключением, т.к. ее деятельность регулируется нормами, прописанными в Национальном стандарте Российской Федерации системы менеджмента качества [8]. В данном документе обозначены ключевые аспекты компетентности, которые распространяются как на уровень компетентности персонала, так и на уровень компетентности руководителя той или иной организации. В условиях российской системы высшего образования разработан и утвержден профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», на основе которого происходит формирование кадровой политики и в управлении персоналом образовательной организации [9].

Разработка системы управления **формированием** и **развитием** профессиональных **компетенций** персонала (в рамках рассмотрения образовательных организаций) предусматривает постановку вопроса: каким образом необходимо изменить организационно-педагогические условия (информационные, материально-технические, учебно-методические, организационные и др.) для формирования компетенций инновационно ориентированного персонала с тем, чтобы обеспечить соответствие компетенций потребностям организации?

Анализ современного состояния образовательной системы позволяет сделать вывод о том, что сегодня изменились не только требования к

профессиональной компетентности персонала образовательных организаций, но модернизировалось и само ее содержание, изменились технологии ее осуществления [10; 11]. В данных условиях большими ресурсными возможностями обладают федеральные проекты, не только выполняющие поддерживающую инновационную деятельность функцию, но и задающие направление развития, координаты, формат оценки целесообразности и эффективности управленческой деятельности в разработке новых социальных механизмов управления.

Социальный анализ опыта работы в данном направлении показывает, что проект «Инновационный менеджмент в образовании» был поддержан регионами, различными образовательными организациями, общественностью. Секрет этого успеха заключается в социальной востребованности, в направленности на решение ключевой проблемы управления современной образовательной организацией – подготовки высокопрофессионального персонала, а также формирование и развитие компетенций инновационно ориентированного персонала.

Условие продуктивности работы в указанном проекте состоит в том, что модернизационные процессы в системе повышения квалификации и переподготовки персонала активизированы приоритетным национальным проектом «Образование»; это, по мнению С.Ф. Хлебуновой, «подготовило содержательный, материально-технический и кадровый ресурс системы повышения квалификации и развития компетенций персонала для решения масштабных задач социальных инноваций» [12, с. 214]. Оценивая общественную значимость управленческого проекта, автор подчеркивает, что он инициирован необходимостью разрешить противоречия, сложившиеся в социуме между глобальностью задач модернизации образования и образовательных организаций, усилением роли федеральных начал в этих процессах и уровнем региональных возможностей их разрешения [12].

Определенная Законом РФ «Об образовании» ответственность субъекта РФ за повышение квалификации, а также – формирование и развитие компетенций персонала далеко не всегда и не везде автоматически включает в себя поддержку региональных систем дополнительного профессионального образования, в частности, институтов повышения квалификации. Федерально-региональный проект является одним из конструктивных способов разрешения этих проблем.

Для успешной реализации инновационных процессов в области социологии управления образовательной организацией и ее персоналом сегодня имеется политическая поддержка и социальный заказ, предложен инновационный механизм, выстроенный как эффективная социальная технология. В современных условиях целесообразно сосредоточиться на вопросе качества региональной системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки персонала, достигаемого реализацией инновационного ресурса данного проекта.

Эффективное управление формированием и развитием компетенций инновационно ориентированного персонала – это целенаправленная деятельность руководства образовательной организации по поддержке развития профессиональной компетентности каждого специалиста той или иной организации. Первостепенную роль в данном процессе должны играть учебно-методические отделы, содействующие в организации семинаров и тренингов, практикумов по инновационным методам учебно-образовательной деятельности, организации научно-исследовательской работы и обеспечению курсов по подготовке и переподготовке кадров, повышению их квалификации в иных образовательных учреждениях.

Главным методологическим принципом, лежащим в русле компетентностного подхода, – это соответствие системы развития профессионально й компетентности персонала образовательной организации тем инновационным изменениям, которые наблюдаются сегодня во всех сферах и отраслях человеческой деятельности.

По мнению 95 % респондентов экспертного сообщества, социальные механизмы управления формированием и развитием компетенций являются прерогативой ответственности самого персонала; при этом 82 % экспертов полагают, что развитие компетентности и механизмы управления ею находится в юрисдикции образовательной организации; 68 % экспертов указали на необходимость непосредственного участия кафедры в этом процессе [13, с. 78].

Социальные механизмы эффективного управления научно-исследовательской работой инновационно ориентированного персонала в образовательной организации предполагает реализацию основных направлений [13]:

– определение направлений научных исследований с учетом внешних конкурентных запросов, а также внутренних (личностных) потребностей, реальных возможностей и сферы научных интересов персонала образовательной организации;

– поддержку и приоритетное развитие фундаментальных исследований в рамках деятельности ведущих научно-исследовательских школ;

– широкое информационное обеспечение научных исследований;

– внедрение в систему научно-методической работы организационно-финансовых механизмов развития исследовательской деятельности инновационно ориентированного персонала образовательной организации.

Итак, обозначим социальные механизмы управления формированием и развитием профессиональных компетенций и компетентности инновационно ориентированного персонала образовательной организации:

Во-первых, равноуровневая научно-методическая работа, предполагающая включение

преподавателя в различные формы и методы педагогической, научно-исследовательской деятельности на основе учета его научных интересов, потребностей, ценностных ориентаций и морально-нравственных установок, в частности:

– наставничество опытного персонала;

– посещение аудиторных занятий, научно-методические семинары кафедры, факультета;

– участие в подготовке и разработке учебно-методических комплексов преподаваемых дисциплин;

– участие персонала образовательной организации в работе научно-методических конференций и семинаров;

– изучение, обобщение и внедрение передового педагогического опыта.

Во-вторых, подготовка персонала и повышение его квалификации (с развитием инновационных компетенций):

– организация лекций и семинаров по психологии и педагогике высшей школы;

– обучение молодых кадров на курсах и факультетах повышения научно-педагогической квалификации.

В-третьих, стимулирование исследовательской деятельности в образовательной организации, в частности:

– повышение мотивации научно-исследовательской работы;

– содействие внедрению научных результатов в практику и образовательный процесс, использованию инновационно ориентированным персоналом своей интеллектуальной собственности при организации учебной и научной работы студентов.

Наконец, в-четвертых, повышение квалификации профессорско-преподавательского персонала образовательной организации, в частности:

– прохождение стажировки на предприятиях;

– стажировку в ведущих образовательных организациях страны и за рубежом.

Для стажировки в рамках управления формированием и развитием компетенций важен учет фактора образовательной миграции, являющегося еще одним инновационным ресурсом и механизмом управления персоналом. Образовательная миграция дает возможность представить специфику региональных систем, их менталитет, профессиональные компетенции, стиль работы, традиции, специфические особенности управленческой культуры, приоритеты в управлении.

Социальные механизмы управления формированием и развитием компетентности инновационно ориентированного персонала образовательной

организации призваны решать комплекс задач по формированию необходимых условий, обеспечивающих получение желаемого результата – создание системы поддержки, позволяющей

формировать и развивать у персонала способность успешно решать социально-педагогические задачи в любой конкретной ситуации.

Литература:

1. *Гурье Л.И.* Технологи развития профессиональной компетентности преподавателя вуза : монография. Казань, 2010.
2. *Гафиатулина Н.Х.* Социально-психологические технологии деловых и межличностных коммуникаций / Н.Х. Гафиатулина, Я.В. Артамонова. Ростов-н/Д.; Таганрог, 2019.
3. *Popov A.V.* Specificity of explication of the category «Management decisions» and scientific-methodological approaches for their development. Revista Inclusiones / A.V. Popov, A.V. Rachipa et. al. 2019. T. 6. № 2. С. 215–224.
4. *Susimenko E.V.* Analysis of transformational processes of modern Russian higher education system. International Transaction Journal of Engineering, Management and Applied Sciences and Technologies / E.V. Susimenko, S.I. Samygin et. al. 2018. T. 9. № 4. С. 317–328.
5. *Шарипов Ф.В.* Профессиональная компетентность преподавателя вуза // Высшее образование. 2010. № 1.
6. *Сергеев Г.А.* Компетентность и компетенции в образовании : монография. Владимир, 2010. 107 с.
7. *Бурмистров С.В.* Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации / С.В. Бурмистров, А.В. Волочай, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 26–29.
8. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 Системы менеджмента качества. Требования. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200124394>
9. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 608н) URL : <http://www.fgosvo.ru/news/21/1344>
10. *Гафиатулина Н.Х.* Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 189–194.
11. *Гафиатулина Н.Х.* Инновационные подходы к социальному здоровьесбережению в организации непрерывного образования в вузе // Кавказ и мир: междунар. науч. журн. 2014. № 17. С. 255–260.

Literature:

1. *Gurye L.I.* Technologists for the development of professional competence of a university teacher : monograph. Kazan, 2010.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-psychological technology of business and interpersonal communications / N.Kh. Gafiatulina, Y.V. Artamonova. Rostov-n/D.; Taganrog, 2019.
3. *Popov A.V.* Specificity of explication of the category «Management decisions» and scientific-methodological approaches for their development. Revista Inclusiones / A.V. Popov, A.V. Rachipa et. al. 2019. T. 6. № 2. P. 215–224.
4. *Susimenko E.V.* Analysis of transformational processes of modern Russian higher education system. International Transaction Journal of Engineering, Management and Applied Sciences and Technologies / E.V. Susimenko, S.I. Samygin et. al. 2018. Vol. 9. № 4. P. 317–328.
5. *Sharipov F.V.* Professional competence of a university teacher // Higher education. 2010. № 1.
6. *Sergeev G.A.* Competency and competencies in education: a monograph. Vladimir, 2010. 107 p.
7. *Burmistrov S.V.* Motives of labor activity in the organization's personnel management system / S.V. Burmistrov, A.V. Volochay, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 9. P. 26–29.
8. GOST R ISO 9001-2015 Quality Management Systems. Requirements. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200124394>
9. Professional standard «The teacher of vocational training, vocational education and additional professional education» (approved by the order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of September 8, 2015 № 608n). URL : <http://www.fgosvo.ru/news/21/1344>
10. *Gafiatulina N.Kh.* Management of the process of formation of social health of Russian students: social management technologies / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetskiy // State and municipal management. Scientists notes. 2018. № 3.
11. *Gafiatulina N.Kh.* Innovative approaches to social health conservation in the organization of continuing education at the university // Caucasus and World. Int. scientific journal 2014. № 17. P. 255–260.

12. *Хлебунова С.Ф.* Инновационный менеджмент в образовании: проблемы и перспективы / Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования: материалы Междунар. научно-практической конференции. Ростов-н/Д., 2016. С. 213–219.

13. *Резник С.Д.* Преподаватели вузов России: формирование и развитие профессиональных компетенций : монография / С.Д. Резник, О.А. Вдовина. М., 2020. 140 с.

12. *Khlebunova S.F.* Innovation management in education: problems and prospects / Innovation potential of subjects of the educational space in the context of modernization of education. Rostov-n/D., 2016. P. 213–219.

13. *Reznik S.D.* Teachers of Russian universities: the formation and development of professional competencies : monograph / S.D. Reznik, O.A. Vdovina. M., 2020. 140 p.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of Chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры региональной
социологии и моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor of Chair of Region
Sociology and Modeling of Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Пономарев Игорь Евгеньевич

кандидат социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
ponomarev.igor54@gmail.com

Igor E. Ponomarev

Candidate of Sociological Sciences,
Professor,
Rostov State University of Economics
ponomarev.igor54@gmail.com

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА
КАК МЕТОД ИЗМЕРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
МОЛОДЕЖИ**

**SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS
AS A METHOD OF MEASURING
THE SOCIAL HEALTH OF YOUTH**

Аннотация. Внимание к современной молодежи в контексте измерения ее социального здоровья в условиях антропогенных и социокультурных рисков является одной из актуальных проблем современной социологии здоровья. Авторы данной публикации обращаются к социологической диагностике как методу (специфическому процессу деятельности) измерения социального здоровья молодежи. По мнению авторов, социологическая диагностика социального здоровья молодежи является одним из наиболее эффективных инструментов социального управления при решении индивидуальных и общественных проблем в области здоровья и выработке адекватных мер по его улучшению.

Ключевые слова: социальное здоровье, молодежь, социологическая диагностика, социальный диагноз, здоровый образ жизни, общество, внутренняя картина здоровья, управление.

Annotation. Attention to today's youth in the context of measuring their social health in the face of man-made and sociocultural risks is one of the pressing problems of modern health sociology. The authors of this publication turn to sociological diagnostics as a method (specific process of activity) for measuring the social health of youth. According to the authors, the sociological diagnosis of social health of youth is one of the most effective tools of social management in solving individual and social problems in the field of health and in developing adequate measures to improve it.

Keywords: social health, youth, sociological diagnostics, social diagnosis, healthy lifestyle, society, internal picture of health, management.

Внимание к современной молодежи в контексте измерения ее социального здоровья в условиях антропогенных и социокультурных рисков [1] является одной из актуальных проблем современной социологии здоровья, поскольку все чаще в науках о человеке и обществе здоровье

личности, группы и общества, в целом, интерпретируется как социальная проблема [2].

Актуальность рассмотрения проблемы социологической диагностики как метода измерения социального здоровья молодежи обусловлена, во-

первых, потребностями дальнейшего развития научного обеспечения исследования условий и факторов, обуславливающих социальное здоровье молодежи; во-вторых, индикативным характером его показателей для оценки качества жизни современной молодежи и разработки механизмов социального управления [3].

Понятие «социальное здоровье» все чаще включается в инструментарий современных социологических и социально-психологических исследований, что связано как с его инструментальными возможностями, так и значимостью изучения социальных настроений и социального самочувствия, а также – выработки системы корректирующих воздействий.

В рамках данной публикации, прежде чем вести речь о диагностике социального здоровья молодежи, зададимся вопросом: что же представляет собой здоровье вообще и социальное здоровье, в частности?

Обратимся к Уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в которой говорится, что здоровье представляет собой триединую модель благополучия, обусловленную совокупностью трех сторон здоровья: физического, психического и социального, характеризующую состояние индивида, группы [4].

Здоровье выступает в качестве состояния, которое детерминировано факторами социальной среды. То есть, на здоровье могут оказывать влияние различные социальные группы, отдельные индивиды, а также - факторы на макро-, мезо- и микроуровнях общества. Также, стоит отметить, что состояние социального здоровья, в свою очередь, воздействует на процессы, происходящие в социуме, что подчеркивает особую значимость социального здоровья для общественного развития [5, с. 92].

Как отмечает А.М. Старостин применительно к понятию «социальное здоровье», «могут быть предприняты шаги по инструментализации и параметризации. Например, конкретизация через индикаторы социального тонуса, социальных оценок и отношений к наиболее важным сферам жизни общества» [6, с. 211].

А.С. Москвич в рамках социальной диагностики социального здоровья такой социально-демографической группы, как молодежь, определила главные факторы, детерминирующие социальное здоровье в условиях регионального измерения. К таким факторам относятся: образ жизни, а также, такой рискогенный фактор, как низкий уровень самосохранности в отношении здоровья как такового со стороны молодежи [7].

Таким образом, актуализируется очень важная задача в рамках выбранного исследовательского поля – поиск средств, которые стабилизируют уровень социального здоровья молодежи, а также – позволят его улучшить, что в свою очередь благоприятно повлияет на общественное развитие.

На наш взгляд, социологическая диагностика – это одно из самых эффективных средств, позволяющих найти механизмы для улучшения социального здоровья молодежи. Достичь желаемого результата можно в том случае, если получаемая информация будет точной и достоверной, также, много зависит и от работы системы здравоохранения, и управления в рамках социальной молодежной политики. Отметим, что об этом факте также говорил в своих работах П.Г. Зинченко [8].

Сегодня мы все чаще можем наблюдать за тем, что понятия «социальная диагностика» и «социологический диагноз» используются в рамках исследований социально-гуманитарного направления. Конечно, в каждой из наук эти термины имеют свое определение, что связано с объектами диагностики, постановкой цели в рамках социологической диагностики. Именно об этом пишет в своих работах Ю.Г. Волков. Ученый отмечает, что определить социальный диагноз можно только при понимании целей и пределов реализации социальной диагностики [9, с. 30]. При этом вводимые методы в постановку социологического диагноза (нормативный, системный, рефлексивный, ситуативный) базируются на принципах классической социологии, ибо «содержат описание и анализ структурных и институциональных параметров деятельности изучаемого объекта» [9, с. 30].

Обращаясь к социологии здоровья, отметим, что при социологической диагностике используются количественные методы в виде социологического опроса и качественные методы сбора информации – интервью, наблюдение, беседа, анализ документов и статистических данных.

Социологическая диагностика социального здоровья молодежи представлена в виде исследования социального здоровья путем получения методических данных для построения общей картины здоровья молодежи в контексте социальных, экономических и профессиональных групп.

Выстраивая социальную политику в молодежной среде, необходимо проводить социологическую диагностику социального здоровья молодежи. Диагностика здоровья молодежи позволит принимать наиболее эффективные решения. Ведь главным условием эффективности социального управления – является постановка точного социологического диагноза. Получив диагноз в результате социологической диагностики, можно будет выбрать наиболее оптимальные средства для более эффективных преобразований в сфере социального здоровья молодежи. Таким образом, социологическая диагностика существует для социологического анализа объекта и обеспечивает направленность управленческих решений [8].

Характер социологической диагностики является разносторонним, но, в любом случае, социологическая диагностика представлена в виде различных социальных технологий, которые необходимо использовать для принятия управленческих решений. Сущность социологической диагностики – это оценка исследуемого объекта и обеспечение для данного объекта наиболее оптимального функционирования.

Касаясь целей социологической диагностики, отметим, что прежде всего, сюда можно отнести определение факторов, оказывающих влияние на состояние исследуемого объекта. Данная цель позволит осуществлять контроль над происходящими тенденциями и давать обратную связь в виде управленческих решений [8].

В.В. Щербина предлагает рассматривать социологическую диагностику с точки зрения одного из трех предложенных им оснований, а именно:

- 1) как определенный процесс деятельности, который находится на стыке науки и практики;
- 2) как специфическое средство, создаваемое в рамках той или другой научной дисциплины, для реализации указанного процесса;
- 3) как дисциплина, которая обеспечивает создание средств и предусматривает теоретико-методологическое осмысление и обеспечение этого процесса [10].

Исходя из данных подходов, мы полагаем, что социологическую диагностику в области социального здоровья можно рассматривать как специфический процесс деятельности, который связан с определением состояния объекта. В нашем случае речь идет об исследовании состояния социального здоровья молодежи, социальных последствий и выработки необходимых мер повышения уровня здоровья молодежи с целью реализации последующего корректирующего воздействия с возможным изменением его состояния.

Проведенный нами анализ дает нам возможность рассматривать диагностику в качестве процесса распознавания и изучения как объекта (молодежи) или явления (социального здоровья) через определенные методы, средства и формы для выявления реального физического, психического или социального состояния данного объекта или явления, что в свою очередь, позволяет выявлять причинно-следственные связи.

В процессе диагностического исследования социального здоровья молодежи могут ставиться различные цели в зависимости от диапазона поставленных перед исследователем задач. Так, диагностике социального здоровья молодежи и прогнозированию социальных последствий тех или иных поведенческих девиаций [11] может помочь такая методика, как исследование внутренней картины здоровья (ВКЗ), которая является своеобразным эталоном здоровья, с которым будут сравниваться полученные переменные с целью выявления степени отклонения. Вопрос определения нормативного образца вообще представляет собой дискуссионное явление в социологической науке при разработке программ и методов социального исследования.

Динамичный характер такого феномена, как социальное здоровье молодежи, связанного с социокультурной обусловленностью формирования отношения к здоровью, позволяет с более или менее достоверной точностью вырабатывать нормативные показатели в области диагностики социального здоровья; при этом важно учитывать,

что социальные нормы в отношении картины здоровья могут варьировать в соответствии с конкретной исторической страной, культурой и т.д. Поэтому методика исследования внутренней картины здоровья в определенной степени позволяет выработать нормативный потенциал социального здоровья, на который можно будет ориентироваться при осуществлении диагностического исследования [12].

Рассматривая внутреннюю картину здоровья (ВКЗ), необходимо прибегнуть к системному подходу. Данный подход позволяет исследовать любой объект в качестве сложной системы, где все звенья очень тесно связаны между собой. При таком подходе внутренняя картина здоровья представлена в виде уровней и подсистем, на которые воздействуют определенные факторы, детерминирующие ВКЗ молодежи.

Внутреннюю картину здоровья невозможно рассмотреть без личностного подхода, который позволяет представить личность в качестве системы отношений, формирующихся в определенных социально-исторических, экономических и бытовых условиях. Осознавая свои потребности, анализируя свои мысли, молодежь приходит к тому, что начинает обращать внимание на свое здоровье. Представления молодежи о здоровье может быть выражено как в адекватном отношении – здоровый образ жизни, укрепление здоровья, так и в пренебрежительном отношении. Основным компонентом ВКЗ является именно отношение объекта к своему здоровью в рамках трех уровней: когнитивного (познавательного), эмоционально-аффективного и поведенческого.

Когнитивный уровень предполагает совокупность субъективных заключений о здоровье, формирующийся у личности молодого человека в процессе социализации и жизненной практики. Эмоциональный уровень связан с различными видами психоэмоционального реагирования на состояние здоровья, а поведенческий уровень связан с актуализацией деятельности индивида по сохранению, укреплению и восстановлению здоровья. Третий уровень отношения к здоровью является наивысшим и требует социальной активности субъекта. Слагаемыми ВКЗ являются биологические, физические резервы молодого человека, его психосоциальные возможности.

Таким образом, мы полагаем, что социологическая диагностика социального здоровья молодежи является одним из наиболее эффективных инструментов социального управления при решении индивидуальных и общественных проблем в области здоровья. Но необходимо отметить тот факт, что эффективность использования подхода будет зависеть от того, как государственные органы на федеральном и региональном уровнях будут воплощать на практике рекомендуемые решения [13]. Это объясняется также и тем, что социальное здоровье молодежи отражает отношение общества к здоровью, в целом, и на уровне планирования и проектирования социального управления в области системы здравоохранения, формирования и поддержки здорового образа жизни, в том числе [14].

Социальное здоровье молодежи выступает в качестве одного из показателей мироощущения молодого поколения. Данный показатель является общей характеристикой удовлетворенности или, наоборот, неудовлетворенности молодежи своим социальным положением в обществе.

Интегральным показателем для определения уровня социального здоровья населения может считаться индекс развития человеческого потенциала, который был введен в XX веке и активно стал использоваться социальными работниками в работе. Индекс развития человеческого потенциала включает в себя: ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования, индекс уровня жизни. Совокупность этих показателей отражает три главных качества: здоровую жизнь, состояние знаний, достойный человек уровень жизни. Состояние национальной безопасности измеряется именно данными показателями [15].

Литература:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev.* 2019. Т. 8. № 2.1. С. 250–257.
2. *Колпина Л.В.* Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. № 2.
3. *Гафиатулина Н.Х.* Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. №3. С. 189–194.
4. Устав ВОЗ. Женева.1968. С. 1.
5. *Кулиш В.В.* Социальное измерение здоровья молодежи: проектирование показателей комплексного социологического исследования / В.В. Кулиш., Н.А. Матвеева // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2017. № 6. С. 89–102.
6. *Старостин А.М.* «Социальное самочувствие и идентичность». Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов-н/Д, 2010. С. 211.
7. *Москвич А.С.* Социальное здоровье молодежи как фактор социально-экономического развития региона : автореф. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2008.
8. Технологии диагностики административной работы / Под ред. Зинченко П.Г. Ростов-н/Д., 2001.
9. *Волков Ю.Г.* Концептуализация социологического диагноза: теоретическая рефлексия // Гуманитарий Юга России. 2014. С. 29–38.

В заключении хотелось бы отметить, что социологическую диагностику в области социального здоровья можно рассматривать как специфический процесс деятельности, который связан с определением состояния объекта. В нашем случае речь идет об исследовании состояния социального здоровья молодежи, социальных последствий и выработки необходимых мер повышения уровня здоровья молодежи с целью реализации последующего корректирующего воздействия с возможным изменением его состояния. Таким образом, социологическая диагностика социального здоровья молодежи будет способствовать реализации основной задачи, стоящей перед российским обществом, – оценке социального здоровья современной российской молодежи и выработке адекватных мер по его улучшению.

Literature:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev.* 2019. Т. 8. № 2.1.
2. *Kolpina L.V.* Social health: definition and mechanisms of influence on general health: literature review // *Synergy.* 2017. № 2.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Management of the process of formation of social health of Russian students: social management technologies / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetskiy // *State and municipal management. Scholarly notes of SKAGS.* 2018. № 3. P. 189–194.
4. WHO Constitution. Geneva, 1968. P. 1.
5. *Kulish V.V.* The social dimension of youth health: designing indicators of a comprehensive sociological study / V.V. Kulish, N.A. Matveeva // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2017. № 6. P. 89–102.
6. *Starostin A.M.* «Social well-being and identity» / *Social well-being of the population in modern Russia.* Rostov-n/D/, 2010. P. 211.
7. *Moskvich A.S.* Social health of youth as a factor in the socio-economic development of the region : abstract ... cand. sociologist. sciences. Khabarovsk, 2008.
8. Technologies for diagnostics of administrative work // under edition Zinchenko P.G. Rostov-n/D., 2001.
9. *Volkov Yu.G.* Conceptualization of a sociological diagnosis: theoretical reflection // *Humanitarian of the South of Russia.* 2014. P. 29–38.

10. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.

11. Касьянов В.В. Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций / В.В. Касьянов, О.И. Шкуропий, Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 70–74.

12. Зузуля И.В. Социальное здоровье молодежи как фактор стабильности общественного развития и национальной безопасности России : дис ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д, 2007.

13. Shakhbanova M.M. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, I.V. Gluzman, M.A. Polivina, M.A. Gnatyuk, R.O. Ramazanov // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. С. 296–305.

14. Пономарев И.Е. Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен / И.Е. Пономарев, Л.Ю. Стриева, С.Б. Олонец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.

15. Иванов В.Н. Социальное здоровье граждан – управляемый объект // Знак вопроса. 2005. № 4.

10. Shcherbina V.V. Means of sociological diagnostics in the control system. M., 1993.

11. Kasyanov V.V. The specifics of social adaptation of youth as a mechanism for the prevention of behavioral addictions / V.V. Kasyanov, O.I. Shkuropiy, N.Kh. Gafiatulin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 70–74.

12. Zuzulya I.V. Social health of youth as a factor in the stability of social development and national security of Russia : dis cand. sociol. sciences. Rostov n/D., 2007.

13. Shakhbanova M.M. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, I.V. Gluzman, M.A. Polivina, M.A. Gnatyuk, R.O. Ramazanov // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. № 2. P. 296–305.

14. Ponomarev I.E. Mass sport and sports of the highest achievements as a modern sociocultural phenomenon / I.E. Ponomarev, L.Yu. Strieva, S.B. Olonets // State and Municipal Administration. Scientists notes. 2019. № 1. С. 236–240.

15. Ivanov V.N. Social health of citizens – a managed facility // Question mark. 2005. № 4.

Кузьменко Ирина Сергеевна
кандидат социологических наук,
Краснодарский университет МВД России
irina-kuzmenko909@yandex.ru

СОЛИДАРИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В современном обществе интенсивность информационной коммуникации и социального взаимодействия крайне высока. Это оказывает влияние на характер социальных отношений. Немаловажным фактором в данном случае становится то, что сложность общественной структуры и многообразие культурных форм определяет расхождение в социальных характеристиках членов общества. На этом фоне происходят процессы объединения членов общества по критерию общности интересов, что приводит к формированию специфических социальных групп, обладающих внутренней однородностью. Тревожной тенденцией является то, что в качестве объединяющего фактора могут выступать не только нейтральные или конструктивные аспекты социальной жизни, но и конфликтные установки, активное неприятие отдельных социальных явлений и процессов. Это позволяет говорить о развитых предпосылках деструктивной солидаризации членов общества. В статье рассматриваются основные аспекты солидаризации в современном обществе, связанные с текущим состоянием информационной и коммуникационной сфер. Исследуется сфера Интернет-коммуникации, рассматривается значение современных средств массовой информации в формировании социальных установок членов общества. Рассматривается ценностный аспект социальной активности и проблема самоидентификации членов общества. Ставится вопрос о причинах деструктивного характера отдельных тенденций солидаризации. В завершении статьи делается вывод о перспективах разрешения проблемы деструктивной солидарности.

Ключевые слова: солидарность, общество, деструктивная солидарность, механистическая солидарность, органическая солидарность, информационная коммуникация.

Современное общество находится в состоянии непрерывного изменения, что связано с актуализацией процессов дифференциации и одновременно – с обострением социальных различий [1]. Последнее связано с тем, что в настоящее время наблюдается деактуализация сдерживающих факторов социальной коммуникации. Под

Irina S. Kuzmenko
Candidate of Sociological Sciences,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
irina-kuzmenko909@yandex.ru

SOLIDARIZATION IN MODERN SOCIETY: SOCIAL AND COMMUNICATIVE ASPECT

Annotation. In modern society the intensity of information communication and social interaction is extremely high. It has an impact on the nature of the social relations. An important factor in this case is the fact that the complexity of public structure and variety of cultural forms defines a divergence in social characteristics of members of society. On this background there are processes of association of members of society by criterion of community of interests that leads to formation of the specific social groups having internal uniformity. A disturbing trend is that not only neutral or constructive aspects of social life, but also conflict installations, active rejection of the separate social phenomena and processes can act as the uniting factor. It allows to say about the developed prerequisites of a destructive solidarization of members of society. In article the main aspects of a solidarization in modern society connected with current state of information and communication spheres are considered. The sphere of Internet communication is explored, the value of modern mass media in formation of social installations of members of society is considered. The valuable aspect of social activity and a problem of self-identification of members of society is considered. It is asked about the reasons of destructive nature of separate trends of a solidarization. At the end of article the conclusion about prospects of solution of the problem of destructive solidarity is drawn.

Keywords: solidarity, society, destructive solidarity, mechanistic solidarity, organic solidarity, information communication.

сдерживающими факторами социальной коммуникации мы подразумеваем естественные и искусственные основания, определяющие затруднения в осуществлении коммуникативной деятельности. Как отмечает Н.В. Нарыков, исходное состояние общества предполагало преобладание непосредственной коммуникации между людьми

виду недостаточного развития средств опосредованной передачи знаний, а также значимости фактора географической удаленности членов общества [2]. Преодоление расстояний и длительный характер процесса передачи информации – основные естественные преграды на пути социального взаимодействия. Вместе с тем, немаловажное значение имеют также и искусственные барьеры, связанные с государственными границами, неприятием инаковости, языковыми различиями и т.д.

Длительное время социально-коммуникативные процессы имели локальный характер, однако, со временем, развитие техники, рост уровня образованности членов общества, развитие транспортных технологий и связанный с этим феномен сокращения расстояний – в совокупности, определили увеличение масштабов социальных процессов, рост сложности общественной структуры и увеличение взаимосвязи между ее элементами.

Изменения в структуре общественных отношений определили интенсификацию взаимодействия людей, различающихся по широкому ряду социальных признаков. Это становится причиной развития ксенофобии, религиозной нетерпимости и других форм негативной дифференциации. Вместе с тем, оборотной стороной данного процесса становится то, что в рамках отгораживаемых социальных групп формируется социальная солидарность, основанная на общности деструктивных установок. Это свидетельствует о том, что некоторые интеграционные процессы в современном обществе, будучи естественными по своему характеру, приводят к усугублению социальной ситуации. В этой связи правомерна постановка вопроса о факторах формирования негативной солидарности в современном обществе

Современные социальные исследования позволяют судить о глубокой взаимосвязи солидаризационных процессов и ценностной ориентации членов общества. И здесь действует следующий принцип: система ценностей вписывается в общую картину социального мировоззрения. Индивидуальная субъективность экстраполирует свое мировоззрение на надывдивидуальную субъективность некоторой социальной общности и находит в ней достаточное отражение [3, с. 159–161]. Чем более развитым является индивидуальное мировоззрение, тем, соответственно, более целостной и непротиворечивой является система ценностей. В данном случае важно то, что в ситуации, когда система ценностей членов общества характеризуется высокой степенью противоречивости, достаточно проблематичным является формирование общей конструктивной направленности в силу многочисленных частных противоречий, возникающих между участниками общественных отношений. Рассмотрим подробнее основные тенденции развития современных социально-информационных процессов.

Одной из ведущих тенденций становится увеличение темпов информационного обмена. Вместе с тем, процесс коммуникации и, в частности, отбора ее участников, основанного на применении компьютерных технологий, приводит к постепен-

ному дроблению общества на многочисленные тематические группы и течения. Одновременно с этим происходит чрезвычайно интенсивный процесс межкультурной коммуникации, что в совокупности приводит к насыщению информационного пространства теоретическими, мировоззренческими, ценностными установками других культур. Основная проблема в данном случае заключается в том, что в ходе данного процесса создаются практически идеальные условия для формирования не критичного, эклектичного по своей содержательной наполненности типа мировоззрения. Особенность носителей эклектичного мировоззрения состоит в противоречивости взглядов, легкой подверженности манипулятивным практикам, поверхностности суждений. Причина состоит в том, что их мировоззрение уже содержит в себе разнообразные установки, и в данном случае субъекту манипуляции достаточно просто апеллировать к ним. Обозначенные процессы в совокупности приводят к тому, что на уровне современного общества происходит непрерывное развитие солидаризационных процессов, в основе которых лежит не распределение ролей, но общность социальных признаков. До тех пор, пока речь идет о незначительных социальных признаках (интерес к определенному направлению кино или музыки, занятия спортом и т. д.), это не отражается на целостности структуры общества. Вместе с тем, в отдельных случаях актуализация групповой идентичности носителей определенного социального признака становится одновременно основанием актуализации различий между ними и остальными членами общественной структуры. Так возникают конфликты на базе различий в вероисповедании, национальности, расовой принадлежности и т. д. Что характерно – коллективное неприятие определенного социального признака выступает в качестве свидетельства развития масштабных тенденций солидаризации, носящей механистический характер.

Следует отдельно подчеркнуть, что механистическая солидарность не является чем-то негативным сама по себе, более того, без механистической солидарности крайне проблематичным является формирование конструктивного микросоциального взаимодействия. Так, например, общность внутри семейных групп, трудовых коллективов, учебных классов и т. д. – это примеры механистической солидарности. Не менее значимыми являются такие типы механистической солидарности, в которых в качестве объединяющего принципа берется некое качество, присущее чрезвычайно широкой общности. Так, например, патриотизм или космополитизм могут быть рассмотрены как формы механистической солидарности при условии, если ключевое значение в социальной самоидентификации приобретает именно качество (национальный признак, принадлежность к роду человеческому), а не совместная соотнесенность с неким значимым объектом. Говоря о деструктивных формах солидарности, мы рассматриваем в качестве негативного не объединение членов общества по определенному признаку, но моменты обособления их от остального общества и конфронтации с ним. И в данном случае ключевое значение имеют такой момент, как приоритетность конкретного типа солидарности

в общей системе мировоззрения. Любой человек обладает множеством социальных связей, по которым может быть осуществлена его идентификация или самоидентификация. Механистическая солидарность выражается в формировании совместной ценностно-целевой ориентации с членом общества или группой людей, сходных по определенному признаку. Однако по факту, таких типов включенности множество и, соответственно, могут иметь место различные типы включенности и разные способы самоидентификации, между которыми человек выбирает в каждой конкретной ситуации. По этой причине крайне важным становится то, какая из социальных сфер имеет приоритетное значение на уровне мировоззрения членов общества. Правомерна гипотеза о наличии определенной иерархии ценностей и связанных с ними типов солидарности (общечеловеческие, гражданские, этнические, семейные и т.д.), в которой нарушение иерархии приводит к постановке под вопрос общественных устоев. Таким образом, негативны не отдельные социальной солидарности, но нарушение их соотношенности между собой.

Социальная теория должна учитывать специфику современного развития информационных процессов. И при этом речь идет не только о динамике информационных процессов в современном обществе, но и о характере их протекания [4.]. Все чаще в объектив социального знания попадает феномен тематического объединения членов общества, основой которого стало применение компьютерных технологий в классификации членов общества по различным социальным признакам. Это представляет собой лишь одно из возможных проявлений информационных технологий в процессах социальной коммуникации. Вместе с тем, следует отметить, что выход социальной коммуникации на уровень цифрового общения значительно ускорил темпы протекания общественных процессов, что значительно повышает нагрузку на регулятивные функции общественной структуры.

Отдельного внимания в анализе современных информационных процессов, определяющих формирование солидарности в обществе, заслуживает рассмотрение современных СМИ, как важнейшего регулятора установок социального сознания. На уровне СМИ, с одной стороны, происходит информирование об актуальных тенденциях протекания общественных процессов, что реализуется как на уровне новостных информационных сообщений, так и в форме различных образовательных программ, описывающих отдельные аспекты современного общества. Вместе с тем, информационные сообщения, транслируемые на уровне средств массовой информации, содержат в себе не только отражение фактического состояния общественной структуры, но также и момент интерпретации социальной обстановки. В результате реализуется последовательное формирование у членов общества специфических установок мировоззрения, определяющих способ их отношения к отдельным аспектам социальной жизни. Такой феномен, как массовая культура, стал возможен во многом именно благодаря чрезвычайно широкому распростране-

нию информационных ресурсов, делающих возможным широкую трансляцию информационных сообщений.

Одним из важных аспектов деятельности средств массовой информации является наличие возможностей по кратковременной актуализации в социальном сознании отдельных идей и проблем, что, в отдельных случаях, приводит к возникновению серьезного общественного резонанса. Фактически, современные информационные ресурсы представляют собой не только инструмент информирования членов общества, но также – и существенный рычаг проведения манипуляций общественным сознанием.

Массовый характер современных информационных процессов в совокупности с тенденцией возникновения противоречивого, эклектичного по своей содержательной наполненности мировоззрения членов общества представляют собой чрезвычайно серьезный фактор, определяющий облик современных интеграционных процессов в обществе. Подверженность членов общества манипулятивным практикам выступает в качестве серьезного фактора социального риска общества. Рассмотрим, какие социальные факторы определяют устойчивость общественной структуры по отношению к формированию деструктивных тенденций массового характера. Чем более последовательным является мировоззрение участника общественных отношений, тем выше его устойчивость по отношению к производимым социальным манипуляциям. Кроме того, большое значение имеет не только целостность социального мировоззрения, но также и способность к адекватной оценке окружающих социальных процессов. Наконец, третьим важным фактором является текущее состояние социальной включенности членов общества. И если первые два аспекта относятся к тематике культурного развития членов общества и формирования на информационном уровне адекватной картины общественной реальности, то последнее отражает действующий аспект социальной солидарности, как фактора противодействия негативным тенденциям. Как было уже показано выше, один и тот же человек может находиться в состоянии включенности в различные социальные общности. Вместе с тем, в отдельных случаях возможна ситуация, когда один тип солидарности противоречит другому. Само формирование включенности человека в противоречащие друг другу социальные объединения может являться результатом непоследовательности его социального мировоззрения, при котором социальные установки проявлялись последовательно, без их соотношения друг с другом. Вместе с тем, наличие конструктивных установок солидарности на уровне представляет собой один из значимых защитных механизмов, как на уровне единичного сознания, так и на общесоциальном уровне. Это свидетельствует о значимости развертывания информационных процессов, направленных на формирование конструктивных форм социального мировоззрения. Одновременно с этим актуализируется тематика информационной безопасности, как основания предотвращения развития негативных форм солидарности в обществе.

Итак, проблема преодоления деструктивных форм солидарности коренным образом отлична от проблемы преодоления социальной общности по определенному признаку. Наиболее серьезное значение имеет то, как эта общность соотносится с иными формами включенности социального субъекта, и, в целом, какова ценностная иерархия личности. Иными словами, мы имеем дело с тонкой настройкой социальных процессов, в которой

Литература:

1. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
2. *Нарыков Н.В.* К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. 2014. № 6-1.
3. *Плотников В.В.* Надындивидуальный субъект, как категория социально-гуманитарного познания // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар, 2018. С. 159–161.
4. *Чупров В.И.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства : монография / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 352 с.

деструктивность или конструктивность конкретного типа социальной солидарности определяется его соответствием тому месту, которое занимает конкретный тип общности в системе социального взаимодействия. И, коль скоро речь идет о приоритетах членов общества, ключевое значение приобретают культурно-информационные процессы.

Literature:

1. *Merton R.* Social Theory and Social Structure / Robert Merton. M. : ACT : ACT Moscow : Storageer, 2006. 873 p.
2. *Narykov N.V.* On the issue of determining the factors of the intensification of modern political processes // ISOM. 2014. № 6-1.
3. *Plotnikov V.V.* The supra-individual subject, as a category of social and humanitarian knowledge // Actual problems of socio-humanitarian knowledge: history and modernity. Interuniversity collection of scientific papers. Krasnodar, 2018. P. 159–161.
4. *Chuprov V.I.* Attitude to social reality in Russian society: the sociocultural mechanism of formation and reproduction : monograph / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, N.A. Romanovich. M. : Norma : INFRA-M, 2014. 352 p.

Орлова Олеся Юрьевна
аспирантка 3 курса
факультета социологии,
Санкт-Петербургский
государственный университет
olesyaorl@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретическо-методологические подходы к изучению государственной социальной политики в области защиты прав ребенка. Освещены основные проблемы, связанные с участием власти в управлении социальной сферой общества и в формировании социальной политики в области защиты конституционных прав несовершеннолетних. В статье анализируется теория фамилизма как базовое научное основание изучения современных проблем семьи и тенденций в сфере защиты прав ребенка. Рассматриваются факторы социализации детей и подростков, влияющие на становление их личности. Статья подводит итог о цели политического и социального конструирования в сфере защиты прав детей, детства, поддержки семей и молодежи.

Ключевые слова: социальная политика, детство, семья, государственная политика, права несовершеннолетних.

Как известно, в связи с введением в действие Закона о пенсионной реформе, вызвавшего преимущественно негативную реакцию со стороны общественности и экспертного сообщества, актуализировалась дискуссия о том, насколько эта реформа соответствует принципам социально-правового государства и какие изменения ожидаются в государственной социальной политике. Высказывалось мнение о том, что власти берут курс на сворачивание социальных программ и переход от социального к субсидиарному государству, в котором не останется места, в том числе и для правительственных мер в области защиты прав ребенка [1].

По мере развития социологии во второй половине XX века внимание ученых все более стала привлекать проблематика социальной детерминации детства. Основным объектом исследования стало государство, которое становится «архитектором и строителем» нового детства, а воспитание и образование детей практически во всех цивилизованных странах стало организовываться, исходя из государственных интересов [4]. В связи с этим семья стала рассматриваться в двух

Olesia Yu. Orlova
Graduate student 3 courses
faculty of Sociology,
Saint-Petersburg State University
olesyaorl@yandex.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO THE SYSTEM ANALYSIS OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD

Annotation. The article deals with theoretical and methodological approaches to the study of state social policy in the field of child rights protection. The main problems related to the participation of the authorities in the management of the social sphere of society and in the formation of social policy in the field of protection of the constitutional rights of minors are highlighted. The article analyzes the theory of familiarity as the basic scientific basis for studying modern family problems and trends in the protection of children's rights. Factors of socialization of children and adolescents that affect the formation of their personality are considered. The article summarizes the goals of political and social construction in the sphere of protection of children's rights, childhood, support for families and youth.

Keywords: social policy, childhood, family, state policy, rights of minors.

аспектах: как микроинститут институт социальной сферы и как малая социальная группа. Г. Морган и Г. Баррел выделили теории субъективистского и объективистского толка, радикального и умеренного социального регулирования семейных отношений, в рамках которых сравниваются фамилизм и феминизм. Фамилизм предполагает равноправие социокультурных ролей мужчины и женщины в семье, а феминизм отдает приоритет женщинам.

Если рассматривать современные тенденции в отношении защиты прав ребенка, то стоит отметить, что современная государственная семейная политика в цивилизованных странах придерживается принципом фамилизма, согласно которым оба родителя имеют равные права и обязанности, а при судебных разбирательствах суд не рассматривает членов семьи по половому признаку. В результате фамилизм как объективистская теория имеет больше оснований выступать в качестве базового научного основания изучения современных проблем семьи и тенденций в сфере защиты прав ребенка.

По мнению социологов, одним из трех аспектов воспитательной функции семьи является преимущественно формирование личности ребенка, развитие его способностей и интересов и передача детям взрослыми членами семьи накопленного социального опыта [3]. В качестве второго аспекта выделяется воспитательное воздействие семейного коллектива на каждого её члена в течение всей его жизни. Интересно, что третьим аспектом называется влияние детей на родителей. В связи с этим уместно напомнить, что А.В. Мудрик выделил три фактора социализации: макрофакторы (мир, страна, государство, общество); мезофакторы (этнос, регион, село); микрофакторы (семья, микросоциум, учебные и профессиональные организации) [2]. При изучении государственной политики в сфере защиты прав ребенка, конечно, особое внимание следует обратить на все факторы, активно влияющие на становление личности ребенка. Это среда, в которой должна господствовать атмосфера гуманного отношения, доверия, безопасности и обеспечиваться возможности личностного роста. Соблюдение прав и законных интересов ребенка является основой благополучия общества и проявлением стабильной и успешной государственной политики.

В различные исторические эпохи меняющаяся социально-классовая структура общества, культурные традиции влияли на содержание социальной политики в части обеспечения социального статуса и прав детей. Т. Ширрмахер в связи с этим писал: «Государство не создает права человека, государство только формулирует и защищает их. Право на жизнь человек имеет в себе самом». Такой тезис Т. Ширрмахера представляется правомерным, ибо современное демократическое социально-правовое государство как основной институт нормотворчества обязано обеспечивать уважением и защиту прав человека, закреплять их в действующем законодательстве на всех уровнях, а также разрабатывать и осуществлять эффективную социальную политику, учитывающую права и интересы всех незащищенных слоев населения, включая детей.

Социальная политика как комплекс интегрированных социальных проектов, рассматривается в этом отношении в качестве механизма конструирования определенной модели семьи, формирования стиля существования и развития людей

Литература:

1. Милецкий В.П. Системное содержание современной социальной политики / В.П. Милецкий, Н.В. Казаринова. СПб. : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 120 с.; Милецкий В.П. Социальное государство: основные предпосылки и этапы становления в постсоветской России // «Дискурс». 2017. № 1.
2. Мудрик А.В. Социализация и смутное время. М., 1991. 81 с.
3. Чукреева В.В. Влияние семьи на развитие личности ребенка, его благополучие // Проблемы

вне трудовой деятельности. При таком подходе первоочередной задачей социальной политики является обеспечение мер и условий для полноценного развития всех социальных групп в обществе. В международной практике инструментом оценки социального конструирования принято рассматривать приоритеты социальной политики. При этом акцент делается не только на том, что каждый человек должен пользоваться государственными социальными гарантиями и вести полноценную жизнедеятельность.

Подводя итог обзору методики социального конструирования можно отметить несколько направлений возможного участия государства, к которым относятся законодательное закрепление и наделение дополнительными правами незащищенные слои населения, регулирование образовательной политики, совершенствование условий для поддержки здоровья населения, поддержание и улучшение жилищных условий и др. Государство призвано обеспечивать необходимую социальную среду для полноценного развития семьи и каждого ее члена. При этом семья рассматривается как микросоциальный институт, в котором интересы каждой личности приоритетны над общественными, коллективными и государственными.

В современном мире семейные отношения выступают в качестве индикатора успешной реализации социальной политики, с помощью которого выявляются лакуны как в действующем политическом, государственном, общественном механизме, так и проблемы на уровне отдельных семей. При социальном и политическом конструировании целью является выравнивание возможностей всех семей и отдельных ее индивидов вне зависимости от их настоящего социального статуса, уровня доходов, жилищной обеспеченности, уровня образованности и иных факторов. Конструирование призвано создавать такие внешние условия, которые способны удовлетворять интересы и обеспечивать права каждой социальной группы и семьи в особенности.

Национальная стратегия действий в интересах детей призывает все институты гражданского общества, широкие слои общественности пропагандировать и активно поддерживать семейные ценности, приоритет ответственного родительства и защищенного детства.

Literature:

1. Miletский V.P. Systemic Content of Modern Social Policy / V.P. Miletский, N.V. Kazarinova. SPb. : SPbGATU «LETI», 2010. 120 p; Miletский V.P. Social State: the main prerequisites and stages of formation in post-Soviet Russia // Discourse. 2017. № 1.
2. Mudrik A.V. Socialization and Vague Time. M., 1991. 81 p.
3. Chukreeva V.V. Influence of the family on the development of the child's personality and well-being //

и перспективы развития образования. Пермь : Меркурий, 2011. Т. II. С. 180–183.

4. *Щеглова С.Н.* Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М. : Социум, 2001. С. 15.

Problems and prospects for the development of education. Perm : Mercury, 2011. Vol. II. P. 180–183.

4. *Scheglova S.N.* Sociology of Children 's Rights in Russia: New Age, New Technologies, New Perspectives. M. : Society, 2001. P. 15.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
andry75@list.ru

Абдуллаев Сардор Собитхон угли

студент 414 группы
педиатрического факультета,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

**АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ
ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩЬЮ
РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ
И СТУДЕНТОВ ИЗ СНГ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования в медицинском вузе с целью анализа обращений за медицинской помощью российских студентов и студентов, прибывших из стран ближнего зарубежья. Рассмотрен вопрос медицинской активности студентов других вузов. Были приведены результаты социологического исследования, отражающие данные обращаемости за медицинской помощью российских студентов и студентов из СНГ. Студенты, прибывшие на учебу из стран СНГ, обращаются за медицинской помощью только лишь в случае тяжелой болезни, либо только тогда, когда в течение нескольких дней чувствуют себя плохо. Студенты испытывают неудовлетворенность как платными, так бесплатными услугами медицинских учреждений. По данным анкетирования, российские студенты обращаются за медицинской помощью даже при малейшем недомогании.

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova

Senior teacher
Departments of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of Psychology
and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
andry75@list.ru

Sardor S. Abdullayev

Student of the 414th group
Pediatric faculty,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

**ANALYSIS OF APPEALS
FOR MEDICAL CARE OF RUSSIAN
STUDENTS AND STUDENTS FROM CIS**

■ ■ ■

Annotation. A sociological study at a medical university was analyzed with the aim of analyzing requests for medical help from Russian and CIS students. The issue of medical activity of students of other universities was considered. The results of a sociological study were presented, reflecting the data on the appeal for medical care of Russian and CIS students. Students who come to study from the CIS countries seek medical help only in case of a serious illness, or only when they feel unwell for several days. Students are dissatisfied with both paid and free services of medical institutions. According to the questionnaire, Russian students seek medical help even with the slightest ailment.

Ключевые слова: медицинский вуз; здоровье; медицинская помощь; студенты медицинского вуза; количество обращений; диспансерные обследования.

Keywords: medical university, health, health care, medical students, number of calls, dispensary examinations.

Введение. Актуальность исследования обусловлена увеличением количества обучающихся студентов из стран СНГ, однако, с целью увеличения мобильности студентов в задачи вуза входит качественное медицинское обслуживание и своевременное оказание первой медицинской помощи [2, 3, 4]. Большим спросом российское высшее медицинское образование пользуется у граждан ближнего зарубежья (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан). В исследовании Тимофеевой Н.Н. было установлено, что у студентов из стран Центральной Азии, как и студентов в целом, весьма низкая медицинская активность. Иностранцы студенты – 61,1 %, а среди российских студентов 18,2 % не испытывают никакого беспокойства о состоянии здоровья [7]. Следует отметить, что успешное обучение иностранных студентов напрямую зависит от бытовых, социальных и медицинских условий [5, 6]. Таким образом, важнейшей задачей вуза – является создание благоприятных условий для эффективного обучения студентов, прибывших из других стран.

Цель исследования состояла в анализе обращений за медицинской помощью российских студентов и студентов СНГ.

Материалы и методы. Направление научно-исследовательской работы выбрано соответственно определению темы изучения в г. Астрахани на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Астраханский государственный медицинский университет» Министерства

Здравоохранения Российской Федерации в 2020 году. Исследование проводилось для российских студентов и студентов, прибывших из стран СНГ, первых и вторых курсов лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов в количестве 750 человек. Средний возраст студентов составил 21,4 г. С целью анализа обращений за медицинской помощью российских студентов и студентов СНГ было проведено анкетирование студентов медицинского вуза по специально разработанной анкете с последующим анализом полученного материала. Студенты самостоятельно заполняли анкеты в присутствии интервьюеров и преподавателя. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы Statistica 20.0. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Результаты и обсуждение. По результатам социологического исследования, проведенного в Астраханском государственном медицинском университете, было установлено, что российские студенты и студенты из стран СНГ (юноши) обращаются за медицинской помощью при малейшем недомогании (50,1 % и 39,9 %). Это показатель установился на первом месте в ранге обращений (табл. 1). По результатам анализа обращений за медицинской помощью, выяснилось, что девушки обращаются за медицинской помощью только когда в течение нескольких дней чувствуют себя плохо – 40,7 % и 44,8 %, соответственно. Среди юношей данный показатель расположился на втором месте: российские студенты (33,5 %) и студенты из стран СНГ (28,7 %).

Таблица 1

Анализ обращений за медицинской помощью российских студентов и студентов из СНГ

Характерные обращения за медицинской помощью для Вас?	Юноши				Девушки			
	Россия		СНГ		Россия		СНГ	
	%	рейтинг	%	рейтинг	%	рейтинг	%	рейтинг
Когда нужен бюллетень	48,1	6	1,3	6	35,3	5	24,6	5
Когда в течение нескольких дней чувствуют себя плохо	33,5	2	28,7	2	40,7	1	44,8	1
При малейшем недомогании	50,1	1	39,9	1	40,2	2	31,8	2
Никогда не обращаюсь	59,3	4	10,2	4	20,2	4	73,4	4
Обращаюсь только в случае тяжелой болезни	12,6	3	17,5	3	87,4	3	13,0	3
По своей инициативе не обращаюсь, но прохожу обязательные диспансерные обследования	26,4	5	21,3	5	30,1	6	0,5	6

Следует отметить, что обращаются только в случае тяжелой болезни 12,6 % российских студентов (юноши) и 17,5 % студентов из стран СНГ. К сожалению, чаще всего, студенты занимаются самолечением, что приводит к развитию более тяжелых форм заболеваний, активизации форм хронических болезней и патологических процессов. Другая ситуация у девушек: российские студентки практически всегда обращаются за медицинской помощью – 87,4 % и лишь 13,0 %

девушек из стран СНГ могут обратиться за медицинской помощью, даже несмотря на наличие серьезных проблем со здоровьем, т.е. именно иностранные студенты предпочитают самолечение.

В вопросе обращения за медицинской помощью среди юношей ответили «никогда не обращаюсь» 59,3 %, что уже свидетельствует о высоком факторе риска среди российских студентов. Среди причин студенты указывают «неудобный режим

работы врачей», «платные медицинские услуги». Аналогичный рейтинг совпал у российских студентов (юноши) и студентов из стран СНГ (девушки), 73,4 % девушек никогда не обращаются за медицинской помощью. Одной из актуальных причин девушки является неудовлетворенность как платными, так и бесплатными услугами медицинской помощи. 26,4 % российских студентов (юношей) и 21,3 % студентов из стран СНГ (юноши) не обращаются по своей инициативе за медицинской помощью, но проходят обязательные диспансерные обследования (в вузе, на работе). Следует отметить, что только лишь 0,5 % девушек из стран СНГ также не обращаются по собственному желанию и 30,1 % российских девушек. Этот рейтинг среди девушек расположился на последнем месте.

Литература:

1. *Арефьев А.Л.* Экспорт российского образования: основные показатели и тенденции. Высшее образование в России. 2010. № 1. С. 126–141. URL : [p://cy-berlenmka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-obrazovam-ya-osnovnye-pokazateli-i-tendentsii](http://cy-berlenmka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-obrazovam-ya-osnovnye-pokazateli-i-tendentsii). (дата обращения 25.10.2019).
2. *Бирюкова Н.А.* Здоровьесберегающие технологии в общеобразовательных учреждениях. Гигиена и санитария. 2006. № 1. С. 76–77.
3. *Кузнецов В.В.* Параметры состояния здоровья, ассоциированные с успешностью обучения у студентов младших курсов медицинских специальностей / В.В. Кузнецов, Е.К. Косилова, Р.А. Байрамов [и др.] // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. XXXIV–XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 4–5(32). Новосибирск : СибАК, 2019. С. 28–35.
4. *Маслак Е.Е.* Dent. Forum / Е.Е. Маслак, Н.В. Куюмджиди, Е.Н. Каменнова. 2009. Т. 32. № 4. С. 35–36.
5. *Меерманова И.Б.* Состояние здоровья студентов, обучающихся в высших учебных заведениях / И.Б. Меерманова, Ш.С. Койгельдинова, С.А. Ибраев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-2. С. 193–197. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (дата обращения 15.01.2020).
6. *Готовцев Е.В.* Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов как методология анализа и оценки продуктивности процесса физического воспитания / Е.В. Готовцев, Г.Н. Германов, Ю.В. Романова, И.В. Машошина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 1(83). С. 40–45.
7. *Тимофеева Н.Н.* Состояние медицинской помощи, оказываемой иностранным студентам в СПбГПМУ // Медицина и организация здравоохранения. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-meditsinskoy-pomoschi-okazyvaemoy-inostrannym-studentam-v-spbgpmu> (дата обращения 02.03.2020).

Необходимо отметить низкую медицинскую активность среди студентов, прибывших на учебу из ближнего зарубежья. Они пользуются медицинской помощью только в случае тяжелой ситуацией угрожающей здоровью.

Заключение. Таким образом, на основании проведенного исследования по анализу обращений за медицинской помощью российских студентов и студентов, прибывших на учебу из стран СНГ, можно сделать вывод о необходимости создания комплекса мероприятий со стороны университета, направленных на решение медико-социальных проблем и укрепления здоровья иностранных студентов.

Literature:

1. *Arefiev A.L.* Export of Russian education: key indicators and trends. Higher education in Russia. 2010. № 1. P. 126–141. URL : [p://su-berlenmka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-obrazovam-ya-osnovnye-pokazateli-i-tendentsii](http://su-berlenmka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-obrazovam-ya-osnovnye-pokazateli-i-tendentsii). (date of treatment 25.10.2019).
2. *Biryukova N.A.* Health-saving technologies in educational institutions. Hygiene and sanitation. 2006; № 1. P. 76–77.
3. *Kuznetsov V.V.* Health status parameters associated with the success of training among junior students of medical specialties / V.V. Kuznetsov, E.K. Kosilova, R.A. Bayramov [and others] // Experimental and theoretical studies in modern science: collection of books. Art. by mater. XXXIV–XXXV Int. scientific-practical conf. № 4-5(32). Novosibirsk : SibAK, 2019. P. 28–35.
4. *Maslak E.E.* Dent. Forum / E.E. Maslak, N.V. Kuyumdzhidi, E.N. Kamennova. 2009. T. 32. № 4. P. 35–36.
5. *Meermanova I.B.* The health status of students in higher education / I.B. Meermanova, Sh.S. Koigeldinova, S.A. Ibraev // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 2-2. P. 193–197. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (accessed 15.01.2020).
6. *Gotovtsev E.V.* Monitoring the state of health and physical fitness of students as a methodology for analyzing and evaluating the productivity of the process of physical education / E.V. Gotovtsev, G.N. Germanov, Yu.V. Romanova, I.V. Mashoshina // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgaft. 2012. № 1(83). P. 40–45.
7. *Timofeeva N.N.* The state of medical care provided for foreign students at SPbSPMU // Medicine and Healthcare Organization. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-meditsinskoy-pomoschi-okazyvaemoy-inostrannym-studentam-v-spbgpmu> (accessed 02.03.2020).

Юшина Светлана Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и культурологии,
Донской государственной
технической университет
yushinasv@mail.ru

Брусенцева Дарья Михайловна
аспирантка по направлению
социологические науки кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
bru.dasha@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ

Аннотация. Целью данной статьи является истолкование проблемы террористических практик в контексте теории социальных полей П. Бурдьё. Авторы статьи приходят к выводу о том, что изучение деятельности адептов терроризма через призму террористических практик представляет собой взаимосвязь теоретических и практических исследований действий этих адептов в рамках тех или иных организаций террористического толка, действующих в пространстве социальных полей.

Ключевые слова: терроризм, террористические практики, теория социальных полей, социальные практики, социальное пространство, адепты терроризма.

На протяжении последних лет обсуждение проблемы терроризма в научных социально-политических, социально-философских и политико-правовых исследованиях привело к постановке вопроса о том, насколько это многогранное явление [1], проявляющее себя в разнообразных террористических практиках, может укладываться в рамки интерпретации одной, отдельно взятой теории или научно-методологического подхода. Как подчеркивает В.И. Долгий, всевозможные попытки «прийти к какому-то одному, даже исчерпывающему истолкованию, не только не имеют успеха, но и порождают все возрастающие вызовы» [2, с. 209].

Целью данной статьи является истолкование проблемы террористических практик в контексте теории социальных полей П. Бурдьё, поскольку возможности для интерпретации данной проблемы, заложенные в теории социальных полей

Svetlana V. Yushina
Candidate of Philosophy Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Cultural Studies,
Donskoy State Technical University
yushinasv@mail.ru

Darya M. Brusentseva
Graduate student in the direction
Sociological Sciences of Department
Regional Sociology and Modelling
Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
bru.dasha@yandex.ru

INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF TERRORIST PRACTICES IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF SOCIAL FIELDS

Annotation. The purpose of this article is to interpret the problem of terrorist practices in the context of the theory of social fields P. Bourdieu. The authors of the article conclude that the study of the activities of adherents of terrorism through the prism of terrorist practices is the interconnection of theoretical and practical studies of the actions of these adherents within the framework of various terrorist organizations operating in the space of social fields.

Keywords: terrorism, terrorist practices, the theory of social fields, social practices, social space, adherents of terrorism.

[3] и рефлексивного подхода в социологии остаются пока вне поля зрения большинства современных исследователей проблем терроризма. Между тем, методологические основания теории социальных полей выявляют широкие возможности для идентификации и интерпретации соответствующих социальных явлений, процессов и социальных практик, в том числе и практик террористического толка, связанных с формированием террористических установок в молодежной среде [4].

В силу того, что террористические практики отражают социальные практики отдельно взятой группы индивидов (т.н. адептов терроризма) с террористическими установками и мировоззрениями, вначале необходимо определиться с понятием «социальные практики» как инструментом социологического теоретизирования.

Надо сказать, что теорию социальных практик в социологии развивали П. Бурдьё, Э. Гидденс, И. Гофман, Т. Лукман, Т. Парсонс и др.

В рамках статьи для нас наибольший интерес представляет позиция французского социолога П. Бурдьё, рассматривавшего социальные практики как некую способность субъектов соотносить и проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающем социальном пространстве. Данные практики «определяют образ мыслей и поведения в соответствии с индикаторами доступного и недоступного, того, что «для нас» и «не для нас», тем самым заставляя социальных субъектов приспосабливаться к настоящему и будущему» [5]. Причем социальной практикой можно считать как привычные действия индивидов, так и действия, направленные на преобразование мира (в том числе и действия деструктивного преобразовательного характера). В понимании П. Бурдьё, социальные практики имеют амбивалентную природу: с одной стороны, они детерминируются социальным пространством, а с другой – воздействуют на это социальное пространство, изменяя его структуру и даже внося разрушение и деструктивные практики в рамках многомерного пространства [6]. В соответствии с точкой зрения П. Бурдьё, социальный мир можно изобразить в форме «многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, то есть свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их относительным позициям в этом пространстве» [3, 7, с. 49].

Мы солидаризируемся с мнением В.И. Долгого, который подчеркивает, что анализ теории социальных полей «позволяет предположить, что наиболее предметный взгляд на дискретные реалии, к числу которых относится и терроризм» [8] как агент формирования террористических установок и практик.

Данное обстоятельство отмечается у П. Бурдьё, который утверждает, что нарастающее в информационном обществе влияние медиаиндустрии на контроль над разнообразными информационными потоками увеличивает неравенство в обществе [3], тем самым способствует возникновению деструктивных установок и формированию практик деструктивного характера.

Прилагая означенные П. Бурдьё принципы к террористической тематике и формированию террористических практик, можно констатировать, что любые свойства адептов терроризма и окружающего их социального пространства, будь то способность к действию в условиях подполья, посредством медиа-каналов и медиапродукции или полномочия реализовывать агрессивные репрессии и экстремистско-террористические акты, предопределены различными видами власти и капиталов. Последние, в свою очередь, имеют возможность хождения в различных полях медиапространства как современной доминанте

социального пространства информационного общества [9]. А так как капитал может существовать не только в объективированном, материальном состоянии, но и в состоянии инкорпорированном, включенном в информационное пространство, его накопление и реализация, согласно П. Бурдьё, означает фактический доступ к власти в целом и к возможности действовать, в частности.

В теорию социальных полей вписывается и доктрина исламского экстремизма и связанные с ней террористические практики. Анализ затронутой в нашем исследовании проблемы показывает, что идеологи, придерживающиеся направления исламского экстремизма и терроризма ставят перед собой цель – достижение доминирования во всех возможных полях социального пространства, а по возможности и совмещение его с максимально возможным объемом пространства физического, социального т.е. распространение и установление радикального ислама повсеместно [10]. В практическом измерении эти устремления выражаются в декларациях о необходимости максимального расширения (во всех смысловых значениях этого слова). В частности, Дар аль-Ислама, Мира Ислама, символизирующего собой «единственно возможное гармоничное и справедливое устройство» общественной жизни и противопоставляется Дар аль-Харбу, Миру Войны. Причем последний, соответственно, – есть его губительная противоположность, а оппозиция двух «Миров» остается незыблемой и может исчерпать себя только с устранением одного из них [8].

Подобная логика четко прослеживается и в призывах ряда лидеров-фундаменталистов с радикалистскими установками, включая пионера-основателя «Братьев-мусульман» шейха Хасана аль Банна, на которого ссылается в своей работе «Священный террор. Внутри мира исламского терроризма» зарубежный исследователь терроризма А. Тахери: «в природе ислама доминировать, а не быть подчиненным, устанавливать свои законы для всех народов и простирать свою власть на всю планету» [11, с. 24].

Применительно к исламским террористическим воззрениям, террористические практики адептов терроризма определяются «единственно правильной религией» [12] и последовательным воплощением в жизнь вполне простых и понятных идеалов, заповедованных пророком. И в этой связи названный выше автор, замечает: «Нынешние исламские фундаменталисты видят себя в том же положении, что и Муххамед, перед тем, как он покинул Мекку и направился в Медину. Правление Мекки рассматривалось как сатанистское и незаконное, и те, кто поддерживал его, издавался над пророком и даже бросал в него камни... И так как каждый мусульманин должен строить свою жизнь подобно тому, как жил пророк и подражать его деяниям, он обязан отторгнуть себя от социальной и политической системы, заявляющей о себе как о неисламской» [11, с. 75].

Связанные с террористическими практиками исламские доктрины вполне явственно выделяют те позиции, которые агенты могут занимать в социальных полях, определяют их габитус (по

определению, введенному П. Бурдьё). Доминирующим началом социального пространства в культивировании террористических практик можно считать создание и укрепление исламского государства, как правило, в виде теократической монархии (Саудовская Аравия и система эмиратов) или теократии как таковой (власти священнослужителей, как в случае с Ираном).

Фактически агенты, действующие в системе социальных полей, образующих Дар-аль-Ислам, формируют (разумеется, с определенной долей условности), три группы:

– жреческо-пастырское сословие, которое распределяется социокультурным и информационным капиталом;

– светские правители, в ведение которых входят ресурсы общественно-политического, правового и военного влияния;

– собственно общая масса правоверных, усилиями которых достигается распределение позиций в указанных социальных полях [8].

В сущности, согласно теории социальных полей, террористические практики предстают как определенные попытки конвертировать символический культурный капитал в капитал политический, воплотить за счет применения силовой составляющих террористических практик отдельно взятые дискурсивные ожидания в институциональные преобразования.

В целом, появление террористических практик, связанных с исламом, в том числе, связано с существующей диспропорцией в концентрации

капитала в культурно-информационном и социально-политическом полях, а точнее – с дефицитом такого в последнем поле. Вынесенная из границ исламского государства, эта схема, вытекающая из теории пространства социальных полей, отчетливо проецируется и на структуру террористических организаций, в которых:

– первая группа агентов (адептов) выполняет идеологические и пропагандистские функции; вторая, опирающаяся на выдвигаемые постулаты и догмы, занимается планированием текущей оперативной деятельности; функцией третьей является изучение психологии потенциальных жертв и вербовка новых членов в пространство террористических организаций; четвертая выступает в роли исполнителей и пособников.

Таким образом, теория социальных полей П. Бурдьё дает объяснение генезису и развитию террористических практик, связанных с националистическим дискурсом.

Реальность угрозы терроризма в социальном пространстве предстает как сплетение террористических практик адептов террористической идеологии в рамках пространства социальных полей. Совокупность таких практик позволяет исследователям представить социальную картину угрозы терроризма обществу (социальному пространству) в целом. Изучение деятельности адептов терроризма через призму террористических практик представляет собой взаимосвязь теоретических и практических исследований действий этих адептов в рамках тех или иных организаций террористического толка, действующих в пространстве социальных полей.

Литература:

1. Брусенцева Д.М. Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиятулина. Ростов-н/Д., 2018.
2. Долгий В.И. Сравнительный анализ социологических подходов к изучению терроризма // Вестник МГИМО Ун-та. 2011. С. 209–214.
3. Бурдьё П. Социология политики. URL : [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Sociolog/Burd/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Burd/index.php)
4. Гафиятулина Н.Х. Медийное пространство как источник активности террористической организации / Н.Х. Гафиятулина, Д.М. Брусенцева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 38–40.
5. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
6. Бурдьё П. Начала. Choses dites / П. Бурдьё; Пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Socio-Logos. 1994.
7. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005.

Literature:

1. Brusentseva D.M. A model for countering the coverage of a terrorist organization in the media / D.M. Brusentseva, N.Kh. Gafiatulin. Rostov-n/D., 2018.
2. Dolgiy V.I. A comparative analysis of sociological approaches to the study of terrorism // Vestnik MGIMO Un-ta. 2011. P. 209–214.
3. Bourdieu P. Sociology of Politics. URL : <http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Sociolog/Burd/index.php>
4. Gafiatulina N.Kh. Media space as a source of activity of a terrorist organization / N.Kh. Gafiatulina, D.M. Brusentseva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 38–40.
5. Shugalsky S.S. Social practices: interpretation of the concept // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. № 2. P. 276–280.
6. Bourdieu P. Beginning. Choses dites / trans. with fr. N.A. Shmatko. M. : Socio-Logos, 1994.
7. Bourdieu P. Social space: fields and practices. M. : Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg : Aletheia, 2005.

8. Долгий В.И. Особенности рефлексивного подхода к интерпретации проблемы терроризма // Социальная политика и социология. М., 2008. № 2(38). С. 244.

9. Брусенцева Д.М. Формирование современным медиапространством террористических установок в молодежной среде / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиатулина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2019. № 1. С. 193–198.

10. Юшина С.В. Исторический аспект сирийского кризиса как одного из источников и причин террористической активности в современном мире // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 4(192). С. 51–55.

11. Taheri A. Holy Terror. Inside the World of Islamic Terrorism. Adler and Adler. Publisyers. 1987. P. 24.

12. Юшина С.В. Политическая теология как одно из явлений современной исламской концепции власти // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4(188). С. 18–21.

8. Dolgiy V.I. Features of the reflective approach to the interpretation of the problem of terrorism // Social policy and sociology. M., 2008. № 2(38). P. 244.

9. Brusentseva D.M. The formation of modern media space of terrorist installations in the youth environment / D.M. Brusentseva, N.Kh. Gafiatulina // State and municipal administration. Scholarly notes of SKAGS. 2019. № 1. P. 193–198.

10. Yushina S.V. The historical aspect of the Syrian crisis as one of the sources and causes of terrorist activity in the modern world // News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences. 2016. № 4(192). P. 51–55.

11. Taheri A. Holy Terror. Inside the World of Islamic Terrorism. Adler and Adler. Publisyers. 1987. P. 24.

12. Yushina S.V. Political theology as one of the phenomena of the modern Islamic concept of power // News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences. 2015. № 4(188). P. 18–21.

Ярмолинец Лариса Григоревна

кандидат филологических наук,
профессор,
Кубанский государственный
университет физической
культуры, спорта и туризма
larisa.yarmolinec@mail.ru

Кунина Мария Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент,
Краснодарский университет МВД РФ
larisa.yarmolinec@mail.ru

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СУБЪЕКТОВ СПОРТА
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР**

Аннотация. В настоящей статье производится аналитическое рассмотрение дискурсивных стратегий представителей различных лингвокультур в коммуникативном пространстве спорта и спортивных мероприятий. Исходным пунктом настоящего исследования послужила идея, согласно которой, спорт становится не просто зрелищем для людей, пришедших на спортивный объект, но он подстраивается под массового зрителя, который также полиэтничен и мультикультурен. Происходит подстройка и адаптация под запросы отдельных каналов коммуникации и глобальных медиа. Берясь за столь непростую задачу, а именно, социокультурный, дискурсивный и феноменологический анализ межкультурной коммуникации и этнических особенностей коммуникативного поведения субъектов спорта как представителей различных лингвокультур, мы понимали всю сложность и актуальность поставленной проблемы.

Ключевые слова: спорт, дискурс, коммуникативное поведение, межкультурная коммуникация.

Актуальность. Еще с давних времен спорт стал местом коммуникативного взаимодействия представителей различных этнокультурных групп, со своими обычаями, особенностями. По этой причине неудивительно, что множество исследователей из различных сфер, обращают внимание на необходимость изучения спортивного дискурса и его частных аспектов.

Цель исследования. Рассмотреть вербальные стратегии и особенности поведения отдельных представителей этнокультурного пространства

Larisa G. Yarmolinets

Candidate of Philological Sciences,
Professor,
Cuban State University of Physical
Culture, Sports and Tourism
larisa.yarmolinec@mail.ru

Maria N. Kunina

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
larisa.yarmolinec@mail.ru

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
AND ETHNIC FEATURES
OF THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR
OF SPORT SUBJECTS
AS REPRESENTATIVES
OF VARIOUS LINGUOCULTURES**

Annotation. This article provides an analytical review of discursive strategies of representatives of various linguistic cultures in the communicative space of sports and sporting events. The starting point of this study was the idea that sport is not just a sight for people who came to a sports facility, but it adapts to the mass audience, which is also multi-ethnic and multicultural. There is adjustment and adaptation to the needs of individual communication channels and global media. Tackling such a difficult task, namely, sociocultural, discursive and phenomenological analysis of intercultural communication and ethnic characteristics of the communicative behavior of sports entities as representatives of various linguistic cultures, we understood the complexity and the relevance of the problem.

Keywords: sport, discourse, communicative behavior, intercultural communication.

[1], конкретные каналы коммуникации [3], особенности медийной репрезентативности [9]. В настоящей статье мы исходим из необходимости логического анализа особенностей межкультурной коммуникации в поведении субъектов спорта как представителей различных лингвокультур [13].

Методы исследования. В теоретико-методологическом плане мы опираемся на опыт социологического и социально философского исследования массовой коммуникации, осуществленный такими авторами как М. Кастельс [6] и М. Маклюэн

[7]. Также, мы изучили отечественный опыт исследования коммуникационной среды [4; 5; 8].

Результаты. Сталкиваясь в межкультурном диалоге, субъекты спорта зачастую не способны выходить за границы своей культуры в силу лингвокоммуникативной ограниченности. Более того, в большинстве случаев особые лингвистические навыки и не требуются. Гораздо важнее знать коммуникативное пространство вида спорта, образующее единую систему надлингвистической коммуникации.

Приведем пример. Когда между собой играют футбольные или хоккейные команды из различных стран, игрокам, как правило, не важно, на каком языке говорят их соперники, куда важнее ориентироваться на сигнал свистка арбитра, который, в данном случае причастен универсальной коммуникативной системе. Таких примеров масса.

Стоит отметить, что подобного рода ситуация являлась чуть ли не базовой тенденцией достаточно длительный период. Однако с развитием спорта как особого культурного, экономического, а также медийного явления усложнились и коммуникативные процессы. Чтобы рассмотреть этот аспект наиболее целостно и всесторонне, нам необходимо выделить и классифицировать наиболее представленных субъектов спортивного дискурса.

К первой, определенно значимой категории относятся сами спортсмены. Здесь стоит заметить, что существуют индивидуальные и командные виды спорта. Следовательно, если для индивидуальных спортивных мероприятий субъекту, в первую очередь, необходимо ориентироваться на дискурсивное пространство определенного вида спорта, а также на дискурсивное пространство принимающей стороны (наиболее это значимо, когда состязания проходят вне привычной коммуникативной среды). Для командных видов спорта с повышением коммерциализации спортивной индустрии, кроме обозначенных моментов важна и внутрикомандная коммуникация.

В этой связи существует практика коммуникации на универсализирующем общении языке (в качестве такового, как правило, выступает упрощенный английский, реже французский, немецкий или испанский – также в упрощенном варианте). Под «упрощенным языком» здесь имеется в виду минимизированный тезаурус в сочетании с «прощением» ошибок в сфере фонетики и орфографии. Также, существует практика приобщения спортсменов к языковой среде той культуры, в рамках которой они работают. Так, например, футболисты, играющие в различных российских клубах, таких как «Спартак», «Зенит», «Краснодар» ит.д. далеко не всегда являются представителями отечественной лингвокультуры. Однако в качестве «хорошего тона» считается владение языком страны работодателя (в данном случае – русским) [10].

Здесь мы выделяем еще один очень значимый вид субъектов спортивной коммуникации – болельщики. Для них существует несколько наиболее распространенных коммуникативных

ситуаций. Во-первых, это общение «со своими» и «чужими» (спортсменами, болельщиками, организаторами) в рамках спортивного мероприятия, во-вторых – то же самое общение, но вне мероприятия.

Общение «со своими» предполагает коммуникативное единство (именно по этой причине приветствуется, когда иноязычный спортсмен знает язык той лингвокультурной среды, которую представляет в рамках мероприятия). Общение «с чужими», как правило, происходит в рамках практики эмоционального общения и стратегии сдерживания со стороны учредителей мероприятия.

Это объясняется тем, что болельщики, нередко вымещают досаду или иные негативные эмоции в виде проявления агрессии. Объектами деструктивных дискурсивных практик становятся, чаще всего, представители соперничающих спортивных групп, их болельщики, а также, арбитры и иные представители судейства. При этом обозначенные дискурсивные практики условно могут быть определены как допустимые и недопустимые. Именно условное определение здесь производится на том основании, что в различных культурах, странах, и даже просто местах проведения соревнований существуют различные нормы поведения. То, что допустимо для одной коммуникативной среды нередко санкционируется в другой. Например, выражать недовольство с помощью расистских выкриков нельзя в развитых странах, но для дискурса локальной соревновательной практики неразвитых общественных организаций подобные действия могут не санкционироваться в силу солидарности организаторов мероприятия и болельщиков.

В качестве эмоционального посыла могут использоваться флаги, одежда, атрибутика, а также различные «кричалки», пение и т.п. По мнению исследователей, речь идет об, особого рода, дискурсивных практиках, характерных для различных «номинированных» субъектов коммуникации [10]. В целом, в рамках мероприятия, болельщики, как правило, решают для себя три коммуникативные задачи: подбодрить своих спортсменов, дезориентировать их соперников и заявить о себе. Также, нередко встречается еще одна задача – выразить общее отношение к происходящему. Способы могут быть самые разные: от свиста или аплодисментов, до инвективных высказываний по поводу отдельных участников мероприятия, судейства или его организаторов.

Общение вне спортивного мероприятия для болельщиков означает, с одной стороны, зачастую, не столь напряженную в эмоциональном плане ситуацию, но, с другой стороны формальных ограничений существенно меньше. В этой связи, стоит выделить три преобладающих вида стратегий дискурсивных практик:

- 1) агрессивные (рискованные);
- 2) дружественные (наиболее безопасные);
- 3) нейтральные.

В рамках первой интенции выступают, например, столкновения футбольных фанатов различных команд. Речь идет о проявлении агрессии с применением вербальных и невербальных способов коммуникации. Основная задача такого рода коммуникативных интенций – утвердить собственное превосходство, сопряженное с ощущением причастности к определенной спортивно маркированной группе. В этой связи, нередко наблюдается интересная ситуация, когда болельщики, относящиеся к определенной лингвокоммуникативной группе «заботятся» о своих оппонентах, используя понятные им термины и фразеологизмы. По мнению экспертов, в обозначенной ситуации нередко присутствует аспект этнического или иного рода обобщения, которое зачастую выражается в виде сфокусированной и аффективно выражаемой этноагрессии [2].

В социокультурном плане (например, на уровне межкультурной интеграции), оставшиеся два вида стратегий дискурсивных практик несут в себе больше социальноконституирующего смысла. Так, дружественные практики коммуникации основываются на принципе солидарности, что предполагает взаимную подстройку посредством обогащения культурного опыта. Спорт выступает здесь в качестве формального повода для межкультурного диалога. На бытовом уровне подобного рода диалог, как правило, содержит следующие распространенные установки: представительство, познание и шаблонизация.

Представительность – это то, как участникам межкультурного диалога хотелось бы, чтобы судили об их этнокультурной группе. Для обозначенной интенции используются обороты обобщения и причастности, например: «мы, русские...», «я, как представитель Германии...», «для нас, французов, характерно...» и т.п. Тем самым, субъект коммуникации показывает, что он выражает этнокультурную особенность обобщенной группы и, тем самым, как правило, объясняет некоторые закономерности поведения, реакции.

Нейтральные практики способствуют развитию конструктивных практик взаимодействия.

Литература:

1. *Белютин Р.В.* Речевое поведение немецких и российских футбольных фанатов: сходства и различия // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 196–199.
2. *Горшунов Ю.В.* Вербальная этноагрессия на стадионах / Ю.В. Горшунов, Е.Ю. Горшунова // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 153–157.
3. *Гуськова Ю.В.* Ситуации оценки при обсуждении спортивных достижений во франко-канадских чат-интервью // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 30–34.
4. *Дмитриев А.Н.* Опыт сотрудничества П. Лазарсфельда и Т. Адорно в исследовании

Указанное триединство составляющих когнитивный опыт обобщения неоднородно по степени влияния компонентов и зависит от объема и чистоты полученной информации. Так, например, если в социокультурном дискурсе канадских болельщиков содержится очень мало информации о представителях Казахстана, то может так сложиться, что обобщенное представление будет складываться на основании частного опыта единичных фактов общения с казахскими болельщиками. И, напротив, если в русскоязычном дискурсе есть определенное видение представителей германской культуры, то общение с ее конкретными представителями будет существенным образом дополняться преобладающими представлениями.

Еще одна значимая категория участников спортивного межкультурного диалога – это организаторы. Речь идет не только о тех, кто руководит процессом и учреждает мероприятие, но и о тех, кто принимает в нем непосредственное участие: служба безопасности, медики, стюарты, волонтеры и т.д. Для них спортивное мероприятие – не только интересное событие, но и место работы. В этой связи вполне логично, что при грамотной организации мероприятия предполагается, что эти люди проходят определенные курсы, в рамках которых получают необходимые знания о специфике культуры возможных «гостей». Их функции не всегда заканчиваются профессиональными обязанностями, но подчас носят медиативный характер. Выступая в качестве посредника между представителями различных этнокультурных групп, они сглаживают ситуации возможной конфликтности и способствуют межкультурному диалогу.

Выводы. В целом, подводя итог, стоит отметить, что специфика коммуникативного поведения субъектов спорта как представителей различных лингвокультур на настоящий момент малоизученна, тогда как ситуативность межкультурного диалога на спортивных мероприятиях международного уровня регулярно претерпевает трансформации. В этой связи, аналитически раскрытое поле настоящего исследования нуждается в дальнейшем изучении.

Literature:

1. *Belyutin R.V.* Speech behavior of German and Russian football fans: similarities and differences // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2013. № 1. P. 196–199.
2. *Gorshunov Yu.V.* Verbal ethno-aggression in stadiums / Yu.V. Gorshunov, E.Yu. Gorshunova // Political Linguistics. 2015. № 1. P. 153–157.
3. *Guskova Yu.V.* Assessment of situations when discussing sports achievements in French-Canadian chat interviews // Izv. Sarat. University of New ser. Ser. Philology. Journalism. 2009. № 2. P. 30–34.
4. *Dmitriev A.N.* The experience of cooperation between P. Lazarsfeld and T. Adorno in the study of

массовой коммуникации // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 44–56.

5. *Душкина М.Р.* PR и продвижение в маркетинге: коммуникации и воздействие, технологии и психология. URL : <http://bizbook.online/marketing-book/prodvijenie-marketinge-kommunikatsii.html> (дата обращения 16.09.2019).

6. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

7. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

8. Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства. Материалы «круглого стола» // Социс. 2000. № 7.

9. *Снятков К.В.* Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 37.

10. *Тугуз Э.А.* Номинации болельщиков в спортивном дискурсе (на материале английских спортивных неологизмов) // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nominatsii-bolelschikov-v-sportivnom-diskurse-na-materiale-angliyskih-sportivnyh-neologizmov> (дата обращения 11.08.2019).

11. *Ярмолинец Л.Г.* Язык спортивного общения в ракурсе дискурсивной лингвистики / Л.Г. Ярмолинец, М.Н. Кунина // Интегративные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 3. С. 174–176.

12. *Yarmolinets L.G.* Mega-discourse on the cognitive and ethno-cultural aspects of the problem of the functional and genre stratification of modern sport. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities* / L.G. Yarmolinets, S.M. Akhmetov, E.N. Luchinskaya, Zh.A. Terpelets, M.N. Kunina. 2017. Vol. 25. № July. С. 125–136.

13. *Ярмолинец Л.Г.* Этнокультурная составляющая спортивного научного дискурса // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2016. Т. 1. С. 136–138.

mass communication // *Sociological Journal*. 1997. № 3. P. 44–56.

5. *Dushkina M.R.* PR and promotion in marketing: communication and impact, technology and psychology. URL : <http://bizbook.online/marketing-book/prodvijenie-marketinge-kommunikatsii.html> (accessed September 16.09.2019).

6. *Castells M.* Information era. Economics, society and culture. M., 2000.

7. *McLuhan M.* Understanding the media: external extensions of man. M., 2003.

8. Mass communication in the formation of modern sociocultural space. Materials of the «round table» // *Socis*. 2000. № 7.

9. *Snyatkov K.V.* Television sports discourse: aspects of communicative-pragmatic analysis // *Bulletin of the Russian State Pedagogical University name of A.I. Herzen*. 2007. № 37.

10. *Tuguz E.A.* Nominations of fans in sports discourse (based on English sports neologisms) // *Bulletin of KemSU*. 2014. № 1(57). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nominatsii-bolelschikov-v-sportivnom-diskurse-na-materiale-angliyskih-sportivnyh-neologizmov> (accessed 08/11/2019).

11. *Yarmolinets L.G.* The language of sports communication in the perspective of discursive linguistics / L.G. Yarmolinets, M.N. Kunina // *Integrative communications in sport and tourism: education, trends, international experience*. 2018. Vol. 3. P. 174–176.

12. *Yarmolinets L.G.* Mega-discourse on the cognitive and ethno-cultural aspects of the problem of the functional and genre stratification of modern sport. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities* / L.G. Yarmolinets, S.M. Akhmetov, E.N. Luchinskaya, Zh.A. Terpelets, M.N. Kunina. 2017. Vol. 25. № July. P. 125–136.

13. *Yarmolinets L.G.* Ethnocultural component of sports scientific discourse // *Materials of the scientific and scientific-methodical conference of the faculty of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism*. 2016. Vol. 1. P. 136–138.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Абдулаева Зарема Туркоевна
ассистент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
osmanova.zarema71@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТУ И СОДЕРЖАНИЮ ПРОЕКТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

Аннотация. Настоящее научное исследование раскрывает основные правила юридической техники, направленные на совершенствование методов и средств подготовки нормативных правовых актов. В частности, в научном исследовании отображаются основные требования к тексту и содержанию нормативного правового акта.

Для удобства уяснения позиции автора по текстовой части научного исследования приводятся примеры норм действующих нормативных правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: юридическая техника, научное исследование, текст, содержание, нормативный правовой акт, эпистолярность, официально-деловой стиль, нормотворчество, позиция, аспект, термин.

Актуальность темы данной научной работы состоит в том, что в современной Российской Федерации юридическая техника по оформлению нормативных правовых актов не имеет единообразную форму, что, в конечном итоге, приводит к деформации правовой экономии сил и средств, в процессе законотворческой деятельности, а также – к нарушению единства используемых методов правоприменения.

В целях соблюдения методологии и систематизации формализации научных знаний, необходимо раскрыть сущность понятия «юридическая техника».

Юридическая техника – это совокупность методов, принципов, средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации нормативно-правовых актов для обеспечения их совершенствования [1].

В настоящей научной работе будет приведена система накопленных знаний, сложившихся в процессе правовых экспертиз множества правовых актов, направленных на консолидацию общих правил юридической техники.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что тематика данного научного исследования по своему содержанию является новой для

Zarema T. Abdulaeva
Assistant to Department
Civil Law and Process,
Chechen State University
osmanova.zarema71@mail.ru

LEGAL TECHNIQUE: REQUIREMENTS FOR TEXT AND CONTENT OF REGULATORY LEGAL ACT

Annotation. This scientific study reveals the basic rules of legal technology aimed at improving the methods and means of preparing regulatory legal acts. In particular, a scientific study displays the basic requirements for the text and content of a normative legal act.

For convenience, to clarify the author's position on the textual part of the scientific study, examples of the norms of the current regulatory legal acts of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation are given.

Keywords: legal technique, scientific research, text, content, normative legal act, epistolary, official business style, rulemaking, position, aspect, term.

российской правовой мысли, в связи с тем, что не являлось объектом научного познания юристов теоретиков.

В этой связи, рассмотрение сущности и смыслового содержания темы научного исследования, послужит детерминирующим условием, направленным на совершенствование научной регламентации правил юридической техники.

Вместе с тем, методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, направленные в комитеты, комиссии Государственной Думы, депутатские объединения в Государственной Думе, законодательные (представительные) и высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, для их практического использования при осуществлении законопроектной деятельности, не содержат в себе императивных или диспозитивных правил, определяющих требования к тексту и содержанию проекта нормативного правового акта [2].

Обозначенные методические рекомендации определяют лишь формальный характер оформления законопроектов, в частности только требования, закрепляющие практические примеры оформления нормативных правовых актов.

В этой связи, считаю, на основе практических навыков правовой экспертизы и правового мониторинга, необходимым привести общую характеристику основополагающих требований к тексту и содержанию нормативного правового акта.

В процессе уяснения практических навыков юридической техники, складывается общее понимание того, что текст проекта нормативного правового акта, должен быть предельно кратким, суть

проекта нормативного правового акта, должна быть изложена полно.

Не допускается эпистолярность изложения текстовой части проекта нормативного правового акта.

Содержание проекта нормативного правового акта, должно строго соответствовать официально-деловому стилю русского языка.

Пример:

Статья 11

1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации [3].

Приведенный отрывок статьи Конституции Российской Федерации ясно отражает позицию законодателя по правилам юридической техники, в частности по требованиям к тексту нормативного правового акта.

Следующим немаловажным аспектом и критерием требования к тексту нормативного правового акта является то, что слова и выражения в проектах правовых актов используются в значении, обеспечивающим их точное понимание и единство терминологии, используемой в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации.

В соответствии с частью 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам.

В этой связи, при подготовке проектов нормативных правовых актов и правовых актов субъектов Российской Федерации, необходимо в императивной форме придерживаться терминов и понятий, применяемых в федеральном законодательстве, а также придерживаться единого подхода правоприменения.

В целях соблюдения обозначенных критериев законодатель допускает использование двух методов.

Первый метод состоит в том, чтобы обозначить отсылочную норму в статье проекта нормативного правового акта субъекта Российской Федерации на норму федерального законодательства, в целях детальной консолидации сути нормы права.

Пример:

Статья 6. Полномочия органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.
Полномочия органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия определяются в соответствии с Федеральным законом [4].

Второй метод заключается в том, что в части касающейся субъекта Российской Федерации,

продублировать норму, обозначенную в федеральном законодательстве.

Пример:

Статья 4. Принципы гражданской службы

Принципами гражданской службы являются:

1) приоритет прав и свобод человека и гражданина [5].

Отраженные выше примеры регламентируют основные приемы правил юридической техники, направленные на соблюдение единства терминологий, а также их точное понимание в значениях используемых и применяемых в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации.

Необходимо помнить, что дублирование всех норм федерального законодательства в законодательном акте субъекта Российской Федерации,

является нежелательным приемом юридической техники.

Заключительным критерием, составляющим требования к тексту и содержанию нормативного правового акта и правового акта, является нецелесообразность обозначения в проектах нормативных правовых актов разных понятий одним термином или одного понятия разными терминами, если это специально не оговаривается в данном проекте нормативного правового акта.

В проекте нормативного правового акта даются определения используемых в нем юридических, технических и других специальных терминов,

если без этого невозможно или затруднено его понимание.

Пример:

Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1) **здоровье** – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма [6].

Допускается использование в правовых актах новых иностранных терминов и выражений, если в русском языке отсутствуют имеющие тот же смысл термины и выражения, или терминов иностранного происхождения, ставших в русском языке общеупотребительными.

С учетом изложенного, необходимо отметить, что данное научное исследование, является исключительно разъяснением практических навыков составления нормативных правовых актов, а также направлено на совершенствование правил юридической техники и официально-делового стиля изложения текстовой части нормативного правового акта.

В процессе научной регламентации крайне важно правильное понимание сущности правил юридической техники, так как соблюдение правил юридической техники является одним из основных постулатов повышения правового сознания граждан.

Литература:

1. *Шкатулла В.И.* Юридическая техника : учебник. М., 2014. С. 4.
2. Письмо Аппарата Государственной дума Российской Федерации от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490.
3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.).
4. Закон Чеченской Республики от 14 июля 2017 года № 29-РЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Чеченской Республике».
5. Закон Чеченской Республики от 6 октября 2006 года № 29-рз «О государственной гражданской службе Чеченской Республики».
6. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Единый подход к нормотворчеству способен минимизировать правовой нигилизм общества, выражающийся в крайнем отрицании норм законодательства Российской Федерации, обусловленного коллизией нормативных правовых актов.

В этой связи, текстовая часть проекта нормативного правового акта выступает основным постулатом, направленным на правильное уяснение норм законодательной базы Российской Федерации.

Лишь отвечающая обозначенным требованиям, содержательная часть проекта нормативного правового акта, может претендовать на целостность, точность и полноту изложения воли законодателя.

Literature:

1. *Shkatulla V.I.* Legal technique : textbook. M., 2014. P. 4.
2. Letter of the Apparatus of the State Duma of the Russian Federation of November 18, 2003 № vn2-18/490.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993).
4. Law of the Chechen Republic of July 14, 2017 № 29-RL «On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) in the Chechen Republic».
5. Law of the Chechen Republic of October 6, 2006 № 29-RL «On the state civil service of the Chechen Republic».
6. Federal Law of November 21, 2011 № 323-FL «On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation».

Бельчик Анастасия Максимовна
студентка,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
belchik_a_m@mail.ru

Павлов Николай Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного
и финансового права,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
nik281@mail.ru

Административный порядок защиты гражданских прав и интересов. Некоторые проблемы, возникающие в процессе их реализации

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в процессе реализации административного порядка защиты гражданских прав и интересов. Авторами исследована и дана характеристика двух форм защиты (юрисдикционная и неюрисдикционная). Подробно рассмотрен специальный порядок. Выделены главные особенности, отличающие его от других форм защиты. Даны различные обоснования в необходимости решения возникших проблем. Предложены пути их nivelирования.

Ключевые слова: гражданские права, административный порядок, юрисдикционная, неюрисдикционная формы защиты, общий порядок, специальный порядок, органы государственной власти, органы местного самоуправления.

■ ■ ■

К каждому гражданину Российской Федерации законодательством страны предоставлены меры, направленные на признание или восстановление своих гражданских прав и интересов в случае их нарушения или оспаривания. Гражданские права закреплены в Конституции Российской Федерации и представляют собой определённую совокупность неотчуждаемых, основополагающих, естественных, принадлежащих человеку от рождения прав и свобод, которые не зависят от принадлежности лица к конкретному государству. Защита и соблюдение прав и свобод граждан - это обязанность, которой наделены все органы государственной власти, местного самоуправления. Главными и мощными рычагами в осуществление данного вида деятельности являются суды.

Anastasia M. Belchik
Student,
Kuban State Agricultural University
name of I.T. Trubilin
belchik_a_m@mail.ru

Nikolay V. Pavlov
Candidate of Law Sciences,
Associate of Professor of
Administrative and Financial Law,
Kuban State Agricultural University
name of I.T. Trubilin
nik281@mail.ru

ADMINISTRATIVE PROCEDURE FOR THE PROTECTION OF CIVIL RIGHTS AND INTERESTS. SOME PROBLEMS THAT ARISE IN THE PROCESS OF THEIR IMPLEMENTATION

■ ■ ■

Annotation. This article discusses some of the problems that arise in the implementation of the administrative procedure for the protection of civil rights and interests. The authors investigated and characterized two forms of protection (jurisdictional and non-jurisdictional). The special order is considered in detail. The main features that distinguish it from other forms of protection are highlighted. Various justifications are given for the need to solve the problems that have arisen. Ways of leveling them are suggested.

Keywords: civil rights, administrative procedure, jurisdictional and non-jurisdictional forms of protection, general procedure, special procedure, state authorities, local self-government bodies.

■ ■ ■

Защита гражданских прав состоит из определённых форм. Они представляют собой комплекс согласованных внутренних действий, которые направлены на защиту охраняемых законом субъективных прав и интересов. Различается юрисдикционная и неюрисдикционная формы защиты. Юрисдикционная форма защиты представляет собой комплекс мер, которыми наделены государственные органы и органы местного самоуправления, направленных на защиту или оспаривание нарушенных гражданских прав и законных интересов. Согласно ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], в процессе юрисдикционной формы выделяют: общий и специальный порядки. Защита гражданских прав и интересов по общему правилу осуществляется в судебном порядке. Согласно п. 1 названной статьи, данный порядок (судебный) осуществляют

суды: арбитражный или третейский в соответствии с предоставленной им компетенцией. Средством защиты в названной юрисдикционной форме выступает иск, который представляет собой письменное обращение лица в суд с требованием о защите его нарушенного субъективного права и законных интересов [2]. П. 2 ст. 11 ГК РФ признаёт специальный порядок защиты охраняемых законом гражданских прав и интересов, то есть, административный. В процессе данной юрисдикционной формы оспариваются нормативно-правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления. Специальный порядок имеет исключительную особенность, которая заключается в применении её только в прямо указанных в законе случаях. Одним из основных способов защиты гражданских прав и интересов является обращение. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [3] предусматривает такие виды как:

- 1) предложение;
- 2) заявление;
- 3) жалоба.

Защита нарушенных гражданских прав и интересов в административном порядке осуществляется посредством подачи заявления или административной жалобы в соответствующий орган лицом, права и интересы которого были нарушены. Жалоба представляет собой вид обращения граждан в соответствующие органы государства, который основывается на просьбе гражданина в защите или восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов данного лица или законных интересов других лиц. Согласно п. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации [4] и п. 2 ст. 11 ГК РФ каждый гражданин страны имеет право на оспаривание решения, принятого по жалобе в административном порядке.

Таким образом, можно отметить, что данная форма защиты гражданских прав и интересов не исключает возможности последующего или одновременного обращения по тому же вопросу лица в суд.

Закреплённые нормами закона или договора возможные действия или бездействия, а также их совокупность, которые направлены на предупреждение, пресечение и восстановление нарушенных прав и интересов лиц представляют собой гражданско-правовой способ защиты нарушенных прав и интересов лиц. Главная цель данного способа – реальное восстановление нарушенного права лица, а не только наложение публично-правовой санкции к правонарушителю. Административные органы имеют право только на применение некоторых способов защиты нарушенных прав, к ним относятся: пресечение действий, которые не соответствуют нормам права или создают угрозу нарушения и восстановление тех положений, которые были до совершения нарушения. Можно выделить несколько возможных вариантов защиты при административном порядке:

– отмена вышестоящим органом, наделенного соответствующей компетенцией, решения, принятого нижестоящим;

– признание действия или бездействия должностного лица неправомерным;

– изменение или отмена нормативно правового акта федерального органа исполнительной власти, субъекта РФ или органа местного самоуправления противоречащих действующему законодательству;

– исправление в документах гражданско-правового значения допущенных существенных опечаток и ошибок

Перечень данных мер, используемых в административном судопроизводстве, в отличие от гражданского судопроизводства, является открытым и может быть расширен защищающими субъектами по собственному усмотрению.

Нормы административного права устанавливают порядок процедуры защиты гражданских прав и интересов. Субъекты, осуществляющие защиту гражданских прав в административном порядке, можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся лица, состоящие с потерпевшим в отношениях, основанных на равенстве. Вторая группа включает субъекты, действующие на основе подчинения нижестоящих вышестоящим.

Административный порядок защиты гражданских прав и интересов, нарушенных субъектом, который состоит с потерпевшим в отношениях, основанных на равенстве принадлежит к компетенции многих органов и должностных лиц государства. К таким органам, например, относятся: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральная антимонопольная служба. Так, защищая гражданские права, уполномоченные должностные лица Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека обладают такими правами как:

- 1) выдача изготовителям предписание о прекращении нарушений прав потребителей;
- 2) прекращение нарушений обязательных требований;
- 3) устранение обнаруженных нарушений обязательных требований;
- 4) организация и проведение мероприятий, направленных на предотвращение вреда жизни, здоровью и имуществу потребителей, окружающей среде.

Согласно ст. 44 Закона о защите прав потребителей [6], граждане имеют право на обращение в органы местного самоуправления за защитой своих нарушенных прав. Данные органы имеют право:

– на рассмотрение жалоб направленных потребителями; консультацию граждан по вопросам, касающихся защиты их прав;

– разрабатывать определённые муниципальные программы, касающиеся защиты прав потребителей;

– незамедлительно извещать федеральные органы исполнительной власти в случае выявления нарушений.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что в компетенцию органов местного самоуправления входит большой спектр полномочий, направленных на защиту прав потребителей. Однако, в то же время, существует определенная неточность, касающаяся самостоятельности органов при решении данных вопросов. Согласно ст. 2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) [7] органы местного самоуправления представляют собой избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, которые наделяются ответственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции Российской Федерации). На практике данные органы не могут организовать активные действия в области защиты прав потребителей. Им необходимо обратиться к органам исполнительной власти, которые наделены соответствующими полномочиями. На наш взгляд существует необходимость нивелирования такой проблемы как минимизация спектра полномочий, отнесённых к компетенции органом местного самоуправления в данной области.

В сфере конкурентных прав административная защита осуществляется антимонопольным органом, в компетенцию которого входят:

– предупреждение о прекращение действий, противоречащих нормам законодательства;

– изменение или отмена актов, противоречащий антимонопольному законодательству;

– выявление и устранение причин и условий, которые способствуют возникновению правонарушения;

– проведение действий по восстановлению нарушенных прав

В административном порядке антимонопольный орган защищает гражданские права и интересы в сфере рекламы в случаях:

- обращения граждан в органы государственной власти или органа местного самоуправления;

- по представлению прокурора;

- заявления физического или юридического лица в указанный орган

Данные полномочия осуществляются посредством дачи предписаний, включающих в себя меры, направленные на устранение возникших нарушений, а также – распоряжения об

изменение или отмене актов федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления, которые противоречат действующему законодательству государства о рекламе.

На основе изученной юридической литературы можно сделать вывод о том, что административный порядок защиты гражданских прав и интересов представляет собой определённую законодательно закреплённую совокупность действий лица, гражданские права и законные интересы которого были нарушены путём незаконных действий государственных органов или должностных лиц по обжалованию этих нарушений в вышестоящие органы, в компетенцию которых входит право на обжалование таких жалоб.

Приведённые положения позволяют выделить определённые особенности административного порядка защиты гражданских прав и интересов. На основе анализа нормативно-правовых актов и юридической литературы можно сказать о том, что неюрисдикционная специальная форма обладает определёнными признаками, присущими только ей и позволяющими отличить её от юрисдикционной. Можно выделить такие особенности, как:

- данная форма защиты производится именно властными структурными органами государственной власти и местного самоуправления;

- гибкий подход в выборе определённого способа защиты;

- процессуальное средство защиты – жалоба;

- более простая процедура рассмотрения и разрешения вопроса по поданной жалобе в уполномоченные органы;

- наличие права у лица права на обжалование решения, принятого государственным органом, в рамках административной защиты, в ходе судебного порядка;

- возможность последующего или одновременного обращения по тому самому вопросу лица в суд.

Вышеуказанные проблемы предполагают поиск путей их решения, поскольку их наличие оставляют пробелы в административном порядке защиты гражданских прав и интересов.

На наш взгляд, Гражданский кодекс Российской Федерации недостаточно регламентирует данную форму защиты, в связи с чем, будет разумно для более точного понимания ст. 11 ГК РФ расширить её путём внесения таких дополнений как: сформулированного понятия, перечисленных видов и способов данного порядка. Также, мы предлагаем выделить отдельную статью или главу, которая будет касаться только административного порядка защиты гражданских прав и интересов лиц. Существует необходимость выделения точного и конкретного перечня способов защиты, которые именуется сейчас как «иные способы, предусмотренные законом». Данную проблему

предлагаем решить посредством внесения изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ путём формирования полного и конкретного перечня форм защиты гражданских прав и интересов лиц в административном порядке. Это приведёт к отсутствию необходимости отсылки к иному действующему законодательству Российской Федерации. Будет

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. *Мохов А.А.* Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России : учебник / А.А. Мохов, И.В. Воронцова, С.Ю. Семёнова; Отв. ред. А.А. Мохов. М. : ООО «Юридическая фирма КонтраКТ», 2017. С. 92.
3. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
4. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014 г. № 31. Ст. 4398.
5. Закон о защите прав потребителей от 07.02.1992 № 2300-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.
6. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

разумно предоставить органам местного самоуправления помимо отнесённой обязанности незамедлительного извещения федеральных органов исполнительной власти при выявлении по обращению потребителя товаров (работ, услуг) ненадлежащего качества, также опасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, право на приостановление или прекращение продажи таких товаров.

Literature:

1. Civil code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. *Mokhov A.A.* Civil process (civil procedural law) of Russia : textbook / A.A. Mokhov, I.V. Vorontsova, S.Yu. Semenova; editor-in-chief A.A. Mokhov. M. : LLC «law firm Contract», 2017. P. 92.
3. Federal law «On the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation» dated 02.05.2006 № 59-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 19. Art. 2060.
4. The Constitution of the Russian Federation // Assembly of the legislation of the Russian Federation of August 4, 2014 № 31. Art. 4398.
5. Law on consumer protection of 07.02.1992 № 2300-1 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 140.
6. Federal law «On General principles of the organization of local self-government in the Russian Federation» dated 06.10.2003 № 131-FZ (with ed. and extra, Intro. effective from 01.09.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.

Бондаренко Юрий Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
Bondarenko_yuri@mail.ru

Yuri A. Bondarenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Criminalistics
and Legal Informatics,
Kuban State University
Bondarenko_yuri@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ

SOME FEATURES OF THE FRAUD INVESTIGATION WHICH DOING BY MEANS OF A DIGITAL SIGNATURE

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы совершения мошенничества с использованием злоумышленниками средств электронной подписи. Выявлены закономерности использования технологии электронной подписи при выборе способа совершения и сокрытия следов преступления. Также, автором приводятся примеры типичных следов, образующихся после его совершения и правила их поиска, изъятия и фиксации. Автор выявлены некоторые обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании мошенничества этого вида.

Ключевые слова: электронная подпись, хеш-функция, мошенничество, обман, расследование, следы преступления, место происшествия.

Annotation. The article reviews some ways of a fraud by means of a digital signature. The mechanism of using this tool was detected during of its execution and concealment. Also it puts into the typical traces and the rules of their searching, withdrawing and fixation. The author submits some circumstances with the fraud investigation.

Keywords: a digital signature, the hash function, a fraud, a deceive, an investigation, traces of a crime, a crime scene.

Информационные технологии активно проникают в повседневную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан. Оптимизируя процедуры управления, учета, расчетов, диагностики и прогнозирования в социальных системах, они кардинально изменили бытие личности, общества и государства в планетарном масштабе [1, с. 10–13]. Поэтому не вызывает никаких сомнений утверждение о выявленной глобальной корреляции количества мошенничеств с использованием различных электронных средств коммуникации [2, с. 588].

Сегодня информационные технологии и носители информации являются неотъемлемой частью производительных сил общества, в том числе, в сфере правоприменения. Здесь необходимо отметить такие направления, как электронный документооборот, электронная подпись, гражданско-правовой институт цифровых прав, а также находящиеся на рассмотрении Федерального Собрания Российской Федерации законопроекты о цифровых финансовых активах и об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге).

Конечно, новые технологии не остались незамеченными и преступным сообществом. В частности, анализ судебно-следственной практики позволяет нам говорить о попытках внедрения в

процесс совершения преступлений технологии электронной подписи для удостоверения с ее помощью сделок от имени третьих лиц по отчуждению и (или) принятию имущества без их согласия и надлежащего уведомления, как того требует законодательство.

Использование электронной подписи преступниками позволяет им:

- лишать собственника принадлежащего ему имущества;
- получать денежные средства от имени других лиц в кредитных и микрофинансовых организациях;
- незаконным путем производить смену собственника юридического лица;
- лишать участника гражданско-правовых правоотношений возможности подачи заявок на конкурсные процедуры в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд при хищении подписи.

Осуществляя анализ способов совершения мошенничеств с использованием электронной подписи, стоит указать на две группы таких способов: технические (технологические) и социального взаимодействия.

Среди способов технического характера выделим создание на физическом носителе из ненадежного источника электронной подписи программы-шпиона, которая может получить доступ к коду подписи и коду ее проверки. Другим средством противоправного получения сведений о ключе подписи и ее проверки является внедрение в компьютер пользователя подписи вредоносных программ с последующим получением данных о ключе подписи и ключе проверки.

Способы мошенничества на основе социального взаимодействия более распространены и разнообразны, начиная от тайного хищения носителя подписи до введения в заблуждение сотрудников удостоверяющего центра или их незаконные действия по выдаче электронной подписи неуполномоченному лицу. Здесь можно указать и на получение подписи по поддельным документам, в том числе, заверенным нотариусом доверенностям.

Так, получила широкую огласку ситуация, когда собственник недвижимости был лишен своего права путем совершения фиктивного договора купли-продажи, заверенного его электронной подписью. Было установлено, что потерпевший никогда не оформлял электронную подпись в удостоверяющих центрах и органах государственной власти. Однако злоумышленники воспользовались его скан-копией паспорта гражданина Российской Федерации, добыли информацию из электронной системы оказания государственных услуг и подделали личную подпись для выдачи электронной подписи. Удоверяющий центр не произвел надлежащим образом сверку представленных документов и выдал на имя гражданина электронную подпись, которая, в свою очередь, использовалась для удостоверения сделки по отчуждению недвижимого имущества в пользу третьего лица без согласия собственника.

Приступая к рассмотрению особенностей выявления и расследования мошенничеств этого вида, следует отметить, что они совершаются профессиональными организованными преступными группами, использующими уязвимости технологии электронной подписи программно-технического и юридического характера в противоправных целях. Специфика способов мошенничества предопределена порядком формирования и выдачи подписи аккредитованным центром, положениями гражданского законодательства о ее использовании, алгоритмом проверки подписи. На всех этапах работы с электронной подписью происходит формирование специфических следов, в том числе и электронной природы.

Технической и программной предпосылкой формирования усиленной квалифицированной электронной подписи выступает технология хеширования. Она представляет собой метод асимметричного шифрования с последующим сравнением двух сформированных кодов получателем информации и аутентификации отправителя (подписанта).

Современная следственная практика показывает, что на стадиях подготовки и совершения преступления используются закономерности генери-

рования электронной подписи и каналов проверки ее подлинности. Преступники изучили технологию хеш-проверки электронной подписи и нашли в ней некоторые уязвимости. Главной из них выступает «человеческий фактор», причиной которому – несовершенство законодательного регулирования отношений между уполномоченным центром, заказчиком подписи и пользователем, субъектами проверки подлинности подписи. Еще одна уязвимость электронной подписи – это возможность подделки сертификата проверки ключа электронной подписи. Здесь необходимо отметить, что такой сертификат выдается для возможности проверки подлинности подписи третьими лицами при использовании электронной подписи. Технология хеш-проверки проявляется в изначальном формировании двух разных электронных кодов, один из которых выступает собственным содержанием электронной подписи, а другой связывает электронную подпись с удостоверяющим центром, выдавшим ее на имя владельца.

Не затрагивая здесь самой технологии криптографического обеспечения электронной подписи, отметим, что в Российской Федерации сегодня применяются два различных стандарта проверки квалифицированных сертификатов проверки ключей электронных подписей. Используются схемы электронной подписи по ГОСТ Р 34.10-2001 и ГОСТ Р 34.10-2012, получаемые файлы подписей обычно имеют формат «.sig», «.sgn», «.p7b» для подписания электронных документов в Росреестре и последующей государственной регистрации перехода права на недвижимое имущество. Поэтому сам процесс создания и аутентификации пользователя усиленной квалифицированной электронной подписи практически невозможно сфальсифицировать без параллельного подбора алгоритма генерирования ключей проверки подписи специализированным программным обеспечением [3].

Сертификат ключа проверки электронной подписи включает в себя разнородную информацию о сроках действия такого сертификата и его номере в реестре:

- данные о владельце сертификата, его идентификационных номерах налогоплательщика и системы социального страхования;
- уникальный ключ проверки подписи;
- указание на используемое средство при создании подписи и средств аккредитованного удостоверяющего центра;
- название и место нахождения удостоверяющего центра, ограничения по использованию сертификата.

Однако экономика и логика организованной преступной деятельности на современном этапе мотивирует ее представителей к совершению мошенничеств с использованием средств электронной подписи только в случае высокой стоимости имущества, на которое направлено посягательство, а также – возможность его скорой

реализации. Практика показывает, что в Российской Федерации не зарегистрированы мошенничества, совершенные способом подбора ключей электронной подписи с созданием ее дубликата. Это подтверждает высокую надежность применяемой технологии криптографической защиты информации.

В настоящее время мошенничество с использованием электронной подписи совершается путем нарушения установленного законом порядка ее выдачи и использования субъектами взаимодействия [4].

Л.А. Латыпова обоснованно указывает на ненадежность носителей электронной подписи на смарт-картах, что позволяет преступным группам завладеть хранящейся на ней информацией. В частности, «ключ подписи может быть с микропроцессорной карты; ключи электронной подписи часто производятся в так называемых удостоверяющих центрах, а затем загружаются на смарт-карту. Во многом это вопрос доверия к удостоверяющему центру, имеющего возможность сохранить копию этого ключа» [5, с. 124–125].

Гражданин, индивидуальный предприниматель или единоличный исполнительный орган юридического лица получают усиленную квалифицированную электронную подпись при обращении в удостоверяющий центр и заключении с ним договора о предоставлении подписи, в том числе и в органах государственной власти. Получение преступниками информации о ключе подписи, ее копирование происходит либо в результате хищения смарт-карты с последующим возвратом для обнаружения владельцем, либо от сотрудника удостоверяющего центра.

Стоит сказать, что сотрудник удостоверяющего центра, обладая персональными данными гражданина, достаточными для выдачи электронной подписи, включая заявление и доверенность на ее получение третьим лицом, наделен правом по ее созданию и выдаче сертификата проверки ключа. Сама же технология создания и проверки ключа электронной подписи с использованием криптографических средств защиты обеспечивает достаточную надежность шифрования и проверки при использовании участниками электронного взаимодействия.

Приготовление, совершение и сокрытие мошенничеств с использованием средств электронной подписи закономерно влечет образование следов воздействия преступника на окружающую обстановку. Здесь необходимо разделять следы материальные, идеальные и электронные. При этом работа с электронными следами требует привлечения специалистов, обладающих специальными знаниями в области информационных технологий, компьютерной техники и диагностики компьютерных систем.

Специфику расследования такого вида преступлений составляет установление и процессуальное закрепление следов совершенного преступления, а они остаются в силу закономерностей правового и технического режима использования

подписи. Типичными следами по делам этого вида выступают:

– устройства-электронные накопители информации с файлами, имеющими формат электронной подписи;

– сертификаты ключей проверки электронной подписи на электронном и (или) бумажном носителе;

– договоры и бухгалтерские документы с удостоверяющим центром о создании и выдаче электронной подписи;

– компьютерные файлы в виде электронных документов, подписанные электронной подписью;

– программное обеспечение для проверки подлинности сертификатов ключей электронной подписи, а также смартфоны с хранящейся в них информацией.

По своей природе, изымаемые следы преступной деятельности являются электронными. Пожалуй, одно из лучших определений электронных следов предложил А.А. Бессонов, согласно которому это «информация, зафиксированная в цифровом формате, содержащаяся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах, созданных на основе их технологий, в средствах подвижной радиотелефонной связи и на различных носителях цифровой информации, причинно связанная с событием преступления, позволяющая установить обстоятельства совершенного преступления и преступника» [6, с. 47].

Выявление следов преступления часто происходит во время проведения осмотра места происшествия и предъявляемых заявителями предметов и документов при подаче заявления о преступлении. Еще один путь установления следов мошенничества с применением электронной подписи – производство выемок и обысков в удостоверяющем центре, в местах хранения документов его руководителей или назначенных ими лиц. Однако для достижения внезапности следственно-оперативная группа нередко производит осмотр места происшествия в помещениях удостоверяющего центра. Осмотру подвергаются не только документы и компьютерная техника сотрудников центра, но и содержание электронных файлов специалистов и руководителей, проводивших операции по созданию и передаче ключа электронной подписи и сертификата ее проверки.

А.И. Анапольская рекомендует следователям при осмотре электронного документа зафиксировать наименование файла, его нахождение в корневом каталоге и путь к нему, а также формат файла. После этого следует указать в протоколе название файла, справочную характеристику о нем, затем выявить информацию, содержащуюся в самом документе и связанные с данным электронным документом другие электронные документы, сведения из которых имеют доказательственное значение [7, с. 17].

Обстоятельствами, подлежащими установлению при расследовании мошенничеств этого вида,

которые детализируют предмет доказывания, выступают:

– наличие законного режима обладания имуществом потерпевшим до совершения преступления;

– выдача уполномоченным центром электронной подписи на имя потерпевшего при отсутствии его надлежащего уведомления;

– использование персональных данных потерпевшего для совершения подлога при выдаче электронной подписи на его имя;

– факт использования электронной подписи при заключении договора по отчуждению имущества, принадлежащего потерпевшему;

– переход права собственности от потерпевшего к другому лицу для реализации имущества или совершения других незаконных сделок с ним.

Литература:

1. *Дзидзоев Р.М.* Институты электронной (цифровой) демократии в России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 2.

2. *Садаф Р.* Исследование влияния глобальной сети на финансовое мошенничество: международный обзор / Р. Садаф, Д. Олах, Д. Попп, Д. Мате // Устойчивое развитие, 2018. Т. 1. (англ.)

3. *Робби Р.* Предотвращение противоречия данных с помощью метода переполнения хэширования в закрытом процессе поиска хэша / Рахим Робби; Нурджамия и Ари Рафика Дьюи // Журнал физики: серия конференций. 2017. Т. 930, Конференция 1. (англ.)

4. О видах электронной подписи, использование которых допускается при обращении за получением государственных и муниципальных услуг: постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2012 г. № 634 (в ред. от 27.08.2018) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

5. *Латыпова Л.А.* Методы защиты от фальсификации электронной подписи / Л.А. Латыпова, Л.А. Бахимова, Л.Х. Мифтахова // Вестник Казанского технологического университета. 2016. Т. 19. № 14.

6. *Бессонов А.А.* О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 3.

7. *Анапольская А.И.* Особенности тактики проведения обыска по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере проведения электронных расчетных операций // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2.

Обман как необходимое условие мошенничества имеет в исследуемом случае сложную многокомпонентную структуру. Его целью является маскировка незаконных действий преступников под видом гражданско-правовых отношений для недопущения их разоблачения.

Подводя итог, отметим, что новые принципы шифрования и проверки, хотя и обладают высокой степенью надежности кодирования информации, не защищают пользователей от недобросовестных действий со стороны сотрудников удостоверяющего центра и связанных с ними лиц. Законодатель предпринял меры по нейтрализации последствий несанкционированного использования электронной подписи обязанностью личного присутствия продавца при сдаче пакета документов для государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество.

Literature:

1. *Dzidzoev R.M.* Institutes of electronic (digital) democracy in Russia // Legal Bulletin of the Kuban state University. 2019. № 2.

2. *Sadaf R.* An Investigation of the Influence of the Worldwide Governance and Competitiveness on Accounting Fraud Cases: A Cross-Country Perspective / Rabeea Sadaf, Judit Oláh; József Popp, Domicián Máté // Sustainable development, 2018. Vol. 1.

3. *Robbi R.* Data Collision Prevention with Overflow Hashing Technique in Closed Hash Searching Process / Rahim Robbi; Nurjamiyah and Arie Rafika Dewi // Journal of Physics: Conference Series. 2017, Vol. 930. Conference 1.

4. About types of electronic signature, the use of which is allowed when applying for state and municipal services: decree of the Government of the Russian Federation of 25.06.2012 № 634 (as amended from 27.08.2018) // Reference legal system "Consultant Plus".

5. *Latypova L.A.* Methods of protection against falsification of electronic signatures / L.A. Latypova, L.A. Khakimova, L.H. Miftakhova // Bulletin of the Kazan technological University. 2016. Vol. 19. № 14.

6. *Bessonov A.A.* About some possibilities of modern criminalistics in working with electronic traces // Vestnik Universiteta after O.E. Kutafin. 2019. № 3.

7. *Anapolskaya A.I.* Features of search tactics in cases of fraud committed in the field of electronic settlement operations // Bulletin of economic security. 2016. № 2.

Боровских Роман Николаевич

доктор юридических наук,
доцент
borovskih80@yandex.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kurlak09@rambler.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТАТЬЯМИ 159–159.6
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ**

Аннотация. Статья посвящена проблематике уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьями 159–159.6 Уголовного кодекса РФ. Авторами высказываются предложения по устранению возникающих при этом вопросов и эффективности применения указанных правовых норм. В частности, ими ведется речь об ответственности за, так называемые, «специальные виды» мошенничества, потому что к настоящему времени соответствующий уголовно-правовой институт претерпел существенные изменения и дополнения.

Ключевые слова: мошенничество, специальные виды мошенничества, проблемы квалификации, уголовная политика.

С момента введения Федеральным законом РФ от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ (далее – Федеральный закон РФ № 207-ФЗ) в Уголовный кодекс РФ статей 159.1–159.6 об ответственности за, так называемые, «специальные виды» мошенничества соответствующий уголовно-правовой институт претерпел существенные изменения и дополнения. На сегодняшний день положения

Roman N. Borovskih

Doctor of Law,
Associate Professor
borovskih80@yandex.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public and Legal Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Prison Service of Russia
daniilzykov@mail.ru

Sergey A. Semyonov

Candidate of Law,
Associate Professor,
Associate Professor
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Prison Service of Russia
kurlak09@rambler.ru

**SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION
OF CRIMES PROVIDED
FOR IN ARTICLES 159–159.6
OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The article is devoted to the problem of criminal legal qualification of crimes provided for in articles 159–159.6 of the Criminal code of the Russian Federation. The authors make suggestions to eliminate the issues that arise in this case and the effectiveness of the application of these legal norms. In particular, they are talking about responsibility for so-called «special types» of fraud, because to date the relevant criminal-legal institution has undergone significant changes and additions.

Keywords: fraud, special types of fraud, the problems of qualification of criminal policy.

национального уголовного законодательства об ответственности за мошенничество представлены в виде четырех подсистем, включающих:

- 1) уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество, предусмотренное частями 1–4 статьи 159 УК РФ («материнские» нормы о мошенничестве);

2) уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств платежа; в сфере страхования, в сфере компьютерной информации (специальные нормы о мошенничестве);

3) уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности;

4) уголовно-правовые нормы об ответственности за мелкое хищение, совершенное в форме мошенничества, лицом подвергнутому административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ).

В целом, состоявшиеся на сегодняшний день законодательные решения относительно конструкции уголовно-правового института об ответственности за мошенничество, следует оценивать как целенаправленные и последовательные.

Так, согласно заявленной при принятии Федерального закона РФ № 207-ФЗ цели о необходимости четкого разграничения «бытовых» и «коммерческих» проявлений мошенничества, законодатель при изменениях и дополнениях, вносимых в уголовно-правовой институт мошенничества, строго придерживается вышеуказанной линии целеполагания.

В частности, после признания Конституционным Судом Российской Федерации положений статьи 159.4 УК РФ антиконституционными, и последующего решения законодателя об утрате ими силы (Федеральный закон РФ от 03.07.2016 г. № 325-ФЗ), в уголовном законодательстве вновь были воплощены положения об ответственности за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Данное законодательное решение стало своего рода свидетельством того, что сам концептуальный подход о дифференциации «бытовых» и «коммерческого» мошенничества успешно прошел «проверку на прочность». Законодатель, за шесть лет реализации указанного подхода получив многочисленные (далеко не всегда лестные) отзывы о применении соответствующих положений на практике, остался верен себе, не выразив сомнений в правильности избранного пути.

Говоря о последовательности законодательных новаций в рассматриваемой сфере, следует отметить и положительно оценить те изменения положений статей 159–159.6 УК РФ, которые состоялись в 2018 году и были связаны с дальнейшей дифференциацией содержания ряда квалифицирующих признаков мошенничества, а именно: совершение преступления с причинением значительного ущерба гражданину, в крупном и особо крупном размерах (Федеральный закон РФ от 23.04.2018г. № 111-ФЗ). Характерно, что вышеуказанные квалифицирующие признаки по-разному определены законодателем относительно отдельных разновидностей мошенничества.

Вместе с тем, система уголовно-правовых норм, образующих институт ответственности за мошенничество, по-прежнему характеризуется рядом недостатков, которые определяют возникновение и существование многих проблемных вопросов уголовно-правовой квалификации мошеннических посягательств. Основные из них связаны:

1) с отсутствием однозначных критериев отграничения отдельных видов мошенничества, как друг от друга, так и от мошенничества, предусмотренного «материнскими» нормами;

2) с сохраняющейся неясностью многих бланкетных признаков «специальных видов» мошенничества;

3) с нечетким видением требуемых объемов криминализации отдельных видов мошеннических проявлений (например, лишь по истечении шести лет действия положений статьи 159.3 УК РФ, законодатель увидел «узость круга» криминализированных мошеннических деяний (мошенничество с платежными картами), и принял решение о существенном расширении сферы действия рассматриваемых положений (сегодня установлена ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа);

4) с недостаточной проработанностью вопроса о содержании квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков применительно к определенным видам мошенничества (например, признак «причинением значительного имущественного ущерба гражданину» относительно мошенничества в сфере страхования (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ) выглядит излишним).

Часть проблемных вопросов разрешено сегодня в разъяснениях, сформулированных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление).

Так, пунктом 11 Постановления установлены критерии отнесения хищения в форме мошенничества к той разновидности последнего, которая предусмотрена частями 5–7 статьи 159 УК РФ. В числе данных критериев в Постановлении раскрыто содержание признаков непосредственного объекта и потерпевшего, обмана как признака объективной стороны рассматриваемого преступления, а также признаков специального субъекта его совершения и особенностей виновного отношения преступника. Данные разъяснения имеют важнейшее значение для правильной квалификации мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Кроме этого, в пункте 12 Постановления Верховным Судом РФ определены критерии отграничения вышеуказанного вида мошенничества от смежных экономических преступлений, предусмотренных статьями 172.2 и 200.3 УК РФ.

В пунктах 13–14 Постановления Пленум Верховного Суда РФ предложил решения наиболее

острых проблемных вопросов квалификации мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ). В частности, определен непосредственный объект данного преступления (отношения в сфере кредита и кредитования (ст. 819 ГК РФ), признаки потерпевшего (банка и иной кредитной организации) и специального субъекта (заемщика). Важно отметить, что в Постановлении четко проведена граница между мошенничеством в сфере кредитования и мошенничеством, предусмотренным «материнской» нормой, а также смежным преступлением экономического характера («Незаконное получение кредита» – статья 176 УК РФ).

В пунктах 15-16 УК РФ Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения относительно проблемных вопросов квалификации мошенничества при получении выплат (статья 159.2 УК РФ). Исключительно, что Верховный Суд РФ обратил первоочередное внимание на предмет указанного преступления: определил понятие «социальной выплаты» для целей статьи 159.2 УК РФ, назвал основные виды таких выплат и привел примеры выплат, которые граничат с социальными, но по смыслу статьи 159.2 УК РФ таковыми не являются и, соответственно, должны рассматриваться как предмет иных преступлений. Наряду с признаками предмета преступления, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ, Верховным Судом РФ сориентировано внимание правоприменителя на особенности содержания обмана при совершении мошенничества при получении выплат, а также специального субъекта данного преступления.

В пунктах 17–18 Постановления содержатся разъяснения относительно квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) при отграничении от смежных преступлений: кражи (ст. 158 УК РФ), фальшивомонетничества (ст. 186 УК РФ), неправомерного оборота средств платежей (статья 187 УК РФ). Даны важные рекомендации относительно квалификации указанных выше деяний по совокупности и при неоконченном преступлении.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 19 Постановления сформулировал важные рекомендации относительно квалификации мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), раскрыв

Литература:

1. *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012.
2. *Боровских Р.Н.* Мошенничество в сфере страхования: специфические черты конструкции уголовно-правовой нормы / Р.Н. Боровских, Д.А. Зыков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2016. № 1.
3. *Шеслер А.В.* Проблемы квалификации мошенничества // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2013. № 1.

особенности признаков объективной стороны и специального субъекта данного преступления.

Наконец, в пунктах 20–21 Постановления нашли закрепление рекомендации Верховного Суда РФ относительно квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Данные рекомендации коснулись признаков непосредственного объекта рассматриваемого преступления. В частности, Верховный Суд РФ:

– пояснил его отличия от мошенничества, предусмотренного «материнской» нормой;

– указал критерии отличия «компьютерного мошенничества» от кражи;

– раскрыл особенности обмана как признака объективной стороны мошенничества в сфере компьютерной информации;

– дал указания по вопросу о квалификации данного мошенничества по совокупности с преступлениями-способами (ст. 272–274.1 УК РФ).

Суммируя изложенное, нам представляется возможным сделать вывод о поступательном движении законодателя и правоприменителей в направлении решения важнейшей уголовно-политической задачи нейтрализации коррупционных механизмов разрешения хозяйственных споров уголовно-правовыми средствами. Очевидны те заметные усилия, которые предпринимаются с целью провести грань между «бытовыми» мошенничествами и мошенничеством в сфере бизнеса. Реализуемый в законодательстве и на практике концептуальный подход о дифференциации уголовной ответственности за отдельные виды мошеннических посягательств, с различным уголовно-правовым пониманием их характера и степени общественной опасности, демонстрирует, в целом, положительные результаты. При этом необходимо по-прежнему констатировать нерешенность многих проблемных вопросов нормативного конструирования и практики уголовно-правовой квалификации видов мошенничества, предусмотренных статьями 159–159.6 УК РФ, что определяет все еще недостаточную эффективность соответствующих уголовно-правовых норм – как в их отдельных проявлениях, так и в системном плане.

Literature:

1. *Lopashenko N.A.* Encroachment on property rights: monograph. M. : Norma, Infra-M, 2012.
2. *Borovskih R.N.* Fraud in the insurance industry: specific features of the design of criminal law norms / R.N. Borovskih, D.A. Zыkov // Bulletin of Vladimir law Institute. 2016. № 1.
3. *Shesler A.V.* Problems of fraud qualification // Bulletin of Vladimir law Institute. 2013. № 1.

Дадаева Макка Сапорбековна

старший преподаватель
кафедры конституционного
и административного права
юридического факультета,
Чеченский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Makka S. Dadaeva

Senior teacher
Departments of Constitutional
and Administrative Law
faculty of Law,
Chechen State University
Milena.555@mail.ru

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЛИ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**GENERAL CHARACTERISTIC
OF WILL IN THE CIVIL LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В настоящем научном исследовании регламентируется сущность автономии воли в гражданском праве Российской Федерации.

Автор научного исследования раскрывает сущность автономии воли путем структурирования и анализа терминологии воля. В предлагаемой вниманию научного сообщества публикации приводятся проблемные аспекты становления понятия «воля» с позиции психологии и философии, а также обозначается историческая справка возникновения обозначенного понятия.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, психология, философия, регламентация, понятие, терминология, теория, автономия воли, оборот, договор.

Annotation. This scientific study regulates the theme of the essence of will autonomy in the civil law of the Russian Federation. The author of the scientific research reveals the essence of the autonomy of the will by structuring and analyzing the terminology of the will.

In the scientific work, the essential aspects of the formation of the concept of will from the position of psychology and philosophy are given, the historical background of the emergence of the designated concept is also indicated.

Keywords: will, expression of will, psychology, philosophy, regulation, concept, terminology, theory, autonomy of will, turnover, contract.

Актуальность темы настоящего научного исследования заключается в том, что автономия воли и волеизъявления, является основополагающим принципом структурирования гражданско-правовых отношений, в частности договорного права Российской Федерации.

Гражданское право Российской Федерации определяет принцип автономии воли в качестве основного условия и явления существования договорного права.

Теория гражданского права Российской Федерации обозначает при детализированном и регламентированном гражданско-правовом обороте деловых отношений невозможность существования аспекта воли без ее изъявления и аспекта изъявления, без соответствующей воли.

Фундаментальное значение автономии воли и волеизъявления как сущностного принципа заключения договора гражданско-правового характера, закреплено в трудах многих ученых юристов гражданского права, таких как: И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, В.А. Ойгензихт и иных.

Г.В.Ф. Гегель в своем научном труде «Философия права» обозначал договор как «согласие двух дееспособных лиц, характеризующих общую волю и общее волеизъявление» [1].

И. Кант отмечал, что воля формируется ни через единоличное изъявление, а только в том случае, если есть объединение волеизъявления двух субъектов в одну волю [2].

Ученый-цивилист В.А. Ойгензихт, отображая аспекты воли и волеизъявления, приводит научное толкование и определение понятию «соглашение». В частности, под соглашением подразумевается согласительная процедура с целью возникновения мер обязательственного характера, характеризующихся совпадением автономии воли субъектов гражданско-правового оборота, направленной на возникновение субъективной цели.

Кроме того, В.А. Ойгензихт отмечает, что соглашение выражается в оферте, то есть, в предложении о заключении соглашения, а также в акцепте, то есть, в принятии оферты. В обозначенных условиях вытекает, что волеизъявление в императивной форме должно быть направлено иному субъекту гражданско-правовых отношений, хотя будет выражаться субъективным образом [3].

Вместе с тем, аспект дифференциации выражения волеизъявления в гражданско-правовой науке, является коллизионным. Необходимо отобразить, что императивного требования

относительно критериев определенности волеизъявлений в отношении конкретного субъекта договорных отношений, не существует [4].

С учетом изложенного, можно сделать вывод о сущностном характере воли и волеизъявления для всех договоров гражданско-правового оборота, складывающегося в принцип автономии воли.

Воля и волеизъявления являются по своей природе психологическими и философскими понятиями.

В соответствии с научной составляющей психологии, воля характеризует волеизъявление субъектов.

В юридической науке между учеными цивилистами, часто происходят разногласия по поводу природы понятий и категорий юридической терминологии. Научная среда делится на два лагеря правовой автономии, первая половина считает, что понятийный аппарат юридических наук формируется психологией и философией, а вторая половина считает, что понятийный аппарат формируется трудами ученых-юристов в конкретной области правового познания.

Определение понятий «воля» и «волеизъявление» в юридической науке употребляются в значениях, обозначаемых философией и психологией.

Воля и волеизъявление в психологии и философии характеризуются как субъективное составляющее психического управления над поведением субъектов общественных отношений [5].

Проблема воли и волеизъявления имеет богатую историю в юридической науке и характеризуется дискуссионным аспектом правового регулирования. История Древней Греции характеризуется наличием аффективной и интеллектуалистической составляющей понимания воли.

Платон и Аристотель понимали волю и волеизъявление как некое состояние души, обозначающее активную функцию физического лица, связанную с разумом.

В настоящее время данный детерминирующий аспект сформировал общую форму воли и волеизъявления.

В психологии и философии сущность воли и волеизъявления субъекта правового регулирования тесно связана с проблемой активности физического лица. Воля и волеизъявления имеют тесную связь с вопросом мотивации, вытекающую к волевой регуляции деятельности субъекта гражданско-правового оборота.

Вместе с тем, научная среда в процессе отождествления воли и мотивации допускает грубое упущение, характеризующееся тем, что воля и мотивация, являющиеся механизмами дееспособного поведения физических лиц. Более того, в процессе отождествления воли и мотивации, сущность мотивации в юридической науке

понимается как самостоятельное явление не связанное с волей и волеизъявлением. Вследствие этого, воля и мотивация в качестве побудителей и регуляторов деятельности рассматриваются как самостоятельные психические феномены [6].

Также, с учетом того, что воля и мотивация во взаимосвязи образуют единую материю, в связи с тем, что одно без другого невозможно, основное направление деятельности воли и волеизъявления не ограничивается одной активной деятельностью физического лица, а предполагает дееспособный контроль и преодоление аспектов проблемного характера имеющих место в процессе правового регулирования.

Поведенческий характер субъектов гражданско-правового оборота при акцепте характеризуется различными механизмами психологического и физиологического характера.

В частности, данные механизмы подразделяются на безусловно-рефлекторные и на условно-рефлекторные.

Безусловно-рефлекторные механизмы характеризуются при заключении договоров публичного характера тем, что одна сторона договорных отношений в императивной форме обязана акцептировать соглашение.

Условно-рефлекторные механизмы определяются договорными отношениями с наличием автономии воли субъектов гражданско-правового оборота.

На основании изложенного необходимо раскрыть структуру и сущностные аспекты воли и волеизъявления, так воля и волеизъявление представляют собой:

- 1) детерминирующие способности физического характера субъекта гражданско-правовых отношений приводить в исполнение свою волю и цели;
- 2) целенаправленный процесс создания нового;
- 3) требовательность к своим физиологическим качествам развития;
- 4) властный характер отношений;
- 5) свободу в действиях [7].

Проблемный аспект автономии воли в гражданском праве Российской Федерации состоит в том, что легальное и научное толкование данному принципу договорных отношений имеет дифференциальную форму. Дифференциальная форма толкования приводит к тому, что в процессе уяснения норм права, происходит коллизия правового сознания физического лица, характеризующееся тем, что в теории субъект договорных отношений обладает автономией воли по акцептированию соглашений, а на практике обязанностью по их заключению.

В процессе научной регламентации автономии воли и его сущностных элементов сформировалась тенденция понимания воли и воле-

изъявления как регуляции произвольного характера или как действия человеческого характера, направленные на достижения определенных целей.

Научная среда настоящего времени обозначает выводы различного характера, направленные на правильное разъяснение природы воли и волеизъявления.

Так, по мнению многих ученых, автономию воли образуют волевое усилие и волевое качество.

Коллизионным остается вопрос процесса развития приведенных преобразовательных качеств. Трудности выражаются в том, что определения уровня регламентации и детализированности в

полной мере этих качеств не представляется возможным в силу отсутствия метода экспериментального познания. В этой связи, при попытке определения уровня регламентации и детализированности приходится прибегать к методам исследования субъективного характера.

С учетом изложенного необходимо сделать вывод о том, что принцип автономии воли имеет психологическую и философскую составляющую, а также в научной среде в достаточной мере, не урегулирован.

Российскому законодателю в целях детальной регламентации приведенного института считаю необходимым принять меры по единому толкованию обозначенного понятия.

Литература:

1. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М. : Мир книги, 2007. С. 135.
2. *Кант И.* Критики практического разума. СПб. : Наука, 2005. С. 320.
3. *Ойгензихт В.А.* Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе : Дониш, 1983. С. 121.
4. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб. : Питер, 2002. С. 5.
5. *Шопенгауэр А.* О воле в природе. Мир как воля и представление. 2-е издание, исправленное / А. Шопенгауэр; Пер. М.И. Левина М. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 245.
6. *Фейербах Л.* История философии. Собрание в 3 т. М. : Мысль, 1974. Т. 1. С. 457.
7. *Лазурский А.Ф.* Психология. Общая и экспериментальная. 2 изд-е. М. : Юрайт, 2016. С. 216.

Literature:

1. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law / G.V.F. Hegel; Per. with him. B.G. Stolpner. M. : World of books, 2007. P. 135.
2. *Kant I.* Critics of practical reason. SPb. : Nauka, 2005. P. 320.
3. *Oygenzikht V.A.* Will and expression of will (Essays on the theory, philosophy and psychology of law). Dushanbe: Donish, 1983. P. 121.
4. *Ilyin E.P.* Psychology of the will. SPb. : Peter, 2002. P. 5.
5. *Schopenhauer A.* On the will in nature. The world as a will and a representation. 2nd edition, amended / A. Schopenhauer; trans. M.I. Levina M. : Center for Humanitarian Initiatives, 2016. P. 245.
6. *Feuerbach L.* History of Philosophy. Collection in 3 volumes. M. : Thought, 1974. Vol. 1. P. 457.
7. *Lazursky A.F.* Psychology. General and experimental. 2 ed. M. : Yurayt, 2016. P. 216.

Дадаева Макка Сапорбековна
старший преподаватель
кафедры конституционного
и административного права
юридического факультета,
Чеченский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Makka S. Dadaeva
Senior teacher
Departments of Constitutional
and Administrative Law,
Faculty of Law,
Chechen State University
Milena.555@mail.ru

ОФОРМЛЕНИЕ ПРОЕКТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВОВЫЕ АКТЫ

DRAFTING OF THE DRAFT REGULATORY LEGAL ACT ON AMENDMENT OF LEGAL ACTS

Аннотация. В настоящей научной работе раскрывается тема оформления проекта нормативного правового акта о внесении изменений в правовые акты. Регламентируются основные правила юридической техники, регулирующие процесс внесения изменений в нормативные правовые акты. Автором разъясняются нормы юридической техники посредством приведения конкретных примеров оформления проекта нормативного правового акта о внесении изменений.

Annotation. This scientific work deals with the topic of designing a draft normative legal act on amendments to legal acts. The basic rules of legal technology governing the process of amending regulatory legal acts are regulated. The author explains the norms of legal technology by providing specific examples of the design of the draft regulatory legal act on amendments to legal acts.

Ключевые слова: оформление, нормативный правовой акт, изменения, пункт, статья, абзац, раздел, глава, правовое регулирование, действие.

Keywords: execution, normative legal act, amendments, clause, article, paragraph, section, chapter, legal regulation, action.

Актуальность темы настоящего научного исследования заключается в том, что в условиях недостаточной разработанности норм юридической техники, регламентация основных правил юридической техники играет основополагающую роль в процессе становления консолидированного института правового регулирования. Оформление проекта нормативного правового акта о внесении изменений в правовые акты нормативного и распорядительного действия в настоящее время имеет существенное значение для соблюдения принципа правовой экономии сил и средств. Тема настоящего научного исследования является новой в научной среде, так как на территории Российской Федерации отсутствует формально-определенный нормативный правовой акт, регулирующий правила юридической техники, в частности оформление проекта нормативного правового акта о внесении изменений в правовые акты

нормативного и распорядительного действия. Внесение изменений в проект нормативного правового акта предусматривает замену и исключение словесных и цифровых обозначений, исключение, дополнение и изложение в новой редакции структурных единиц нормативного правового акта, а также – действия, направленные на приостановление и пролонгацию нормативного правового акта [1]. Несмотря на специфику вносимых изменений относительно замены и исключения словесных и цифровых обозначений, исключения, дополнения и изложения в новой редакции структурных единиц нормативного правового акта, а также действий, направленных на приостановление и пролонгацию нормативного правового акта, наименование нормативного правового акта должно содержать только словесные обозначения в виде слов «изменение» или «изменения» и должны оформляться следующим образом:

Пример:

«О внесении изменения в постановление Правительства Энской Области от _____ № _____»
или
«О внесении изменений в указ Главы Чеченской Энской Области от _____ № _____»
или
«О внесении изменений в отдельные правовые акты Правительства Энской Области»

Императивность использования словесных обозначений в виде слов «изменения» или «изменение» выражается в том, что данные терминологии включают в себя замену и исключение словесных и цифровых обозначений, исключение, дополнение и изложение в новой редакции структурных единиц нормативного правового акта, а также действия, направленные на приостановление и пролонгацию нормативного правового [2].

При всех обозначенных понятиях вносятся изменения в содержательную часть нормативного правового акта.

Вместе с тем, практика применения норм юридической техники предусматривает, что в случае внесения изменений в одно или две структурное подразделение нормативного правового акта наименование необходимо конкретизировать.

Примеры:

«О внесении изменения в пункт 5 указа Главы Энской Области от _____ № _____»

«О внесении изменения в пункты 10 и 11 постановления Правительства Энской Области от _____ № _____»

Правила юридической техники допускает только внесение изменений в основной нормативный правовой акт. Внесение изменений в нормативный правовой акт о внесении изменений, не допускается.

Обязательными реквизитами нормативного правового акта о внесении изменений является императивное указание вида акта (указ, распоряжение, постановление), наименование, регистрационный номер, редакции нормативных правовых актов о внесении изменений, дата подписания и регистрационный номер.

Пример:

Внести в постановление Правительства Энской Области от 5 мая 2019 года № 152 «О создании межведомственной комиссии по снижению неформальной занятости в Энской Области» (в редакции постановлений Правительства Энской Области от 21 декабря 2019 года № 251, от 5 февраля 2020 года № 19) следующие изменения:

Внести в Порядок организации и осуществления областного государственного экологического надзора на территории Энской Области, утвержденный постановлением Правительства Энской Области от 24 июля 2019 года № 156 (в редакции постановления Правительства Энской Области от 29 декабря 2019 г. № 222), следующие изменения:

В случае внесения изменений в нормативный правовой акт путем дополнения, изложения в новой редакции или исключения текстовой части, соответствующая текстовая часть должна быть заключена в кавычки [3].

статей, частей, пунктов, абзацев и нумерация должна обозначаться арабскими цифровыми обозначениями.

Также, проект нормативного правового акта о внесении изменений, может иметь структуру

Текстовая часть проекта нормативного правового акта должна структурироваться в последовательной форме, начиная с меньшей структурной единицы до большей.

Пример:

абзац четвертый подпункта 2 пункта 1 после слов «.....» дополнить словами «.....»

При внесении изменений в нормативный правовой акт, содержательная часть проекта нормативного правового акта должна излагаться в индивидуально [4].

Отступления от общепринятых правил допускается только в случае внесения изменений в одну структурную единицу.

Примеры:

– по тексту слово «основной» в соответствующем числе и падеже заменить словом «максимальный» в соответствующем числе и падеже

– в абзаце седьмом пункта 14 слова «минимальная заработная плата» в соответствующем падеже заменить словами «максимальная заработная плата» в соответствующем падеже

В случае внесения изменений в текстовую часть нормативного правового акта знаки препинания русского языка также следует изменить, путем их

включения в содержательную часть вносимых изменений.

Пример:

- часть 3 дополнить словами «, если иное не предусмотрено областным законом»
- в части 3 слова «сооружений» исключить

Изменения в нормативный правовой акт вносимые путем исключения, дополнения или изложения в новой редакции целых разделов, частей, статей, глав не нуждаются в нумерации, в связи с их обширностью [5].

Более того, нормы юридической техники обозначают запрет на изменения нумерации нормативного правового акта в случае исключения, дополнения или изложения в новой редакции целых разделов, частей, статей, глав.

При признании структурной единицы правового акта утратившей силу, ее место в структуре правового акта сохраняется и не заменяется другими структурными единицами.

При дополнении нормативного правового акта новой структурной единицей нумерация продолжается через точку посредством артикулирования.

Пример:

Внести в постановление Правительства Энской Области от 1 ноября 2018 года № 162 «Об установлении минимального размера взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах на территории Энской Области на 2019 год» следующие изменения:

- а) дополнить пунктом 3.1 следующего содержания:
«3.1. Определить сведения, публикуемые при установлении минимального размера взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме на территории Энской Области, согласно приложению»

С учетом изложенного, консолидация и формализация норм юридической техники будет иметь основополагающую роль, в процессе становления формально-определенной юридической техники.

В этой связи, законодательным органам Российской Федерации следует рассмотреть целесообразность принятия консолидированного нормативного правового акта Российской Федерации, содержащего основные правила юридической техники.

Литература:

1. Григорьев А.С. Юридическая техника: учебное пособие для академического бакалавриата / А.С. Григорьев; Тюменский государственный университет. М. : Издательство Юрайт, 2016. Ст. 45.
2. Калина В.Ф. Юридическая техника : учебник для прикладного бакалавриата. М. : Издательство Юрайт, 2015. Ст. 112.
3. Давыдова М.Л. Юридическая техника. Общая часть : учебник. М. : Проспект. 2016. Ст. 186.
4. Красной Ю.К. Юридическая техника : учебник / Красной, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. М. : Издательство Юстицинформ, 2014. Ст. 77.
5. Васильева Т.А. Как написать закон. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. Ст. 134.

Literature:

1. Grigoriev A.S. Legal technique: a manual for academic undergraduate / A.S. Grigoriev, Tyumen State University. M. : Publishing house Yurayt, 2016. Art. 45.
2. Viburnum V.F. Legal technique: a textbook for applied undergraduate. M. : Yurayt Publishing House, 2015. Art. 112.
3. Davydova M.L. Legal technique. General part: textbook. M. : Prospect. 2016. Art. 186.
4. Krasnoy Yu.K. Legal technique : textbook / Yu.K. Krasnoy, V.V. Nadvikova, V.I. Shkatulla. M. : Publishing house Justicinform. 2014. Art. 77.
5. Vasilieva T.A. How to write a law. 2nd ed., Revised. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2016. Art. 134.

Даова Милана Хазреталиевна
студентка 2 курса,
Институт права, экономики и финансов,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова
milana.daova@mail.ru

Богатырев Алим Забидович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Институт права, экономики и финансов,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова
milana.daova@mail.ru

ШОТЛАНДСКИЙ КЕЙС: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается один из основополагающих принципов международного права – право народов на самоопределение – в рамках деволюционного пути реализации данного права Шотландией. Статья посвящена проблематике регенерации Шотландии как национального суверенного государства. В ходе исследования выделены исторические, политические, экономические аспекты взаимоотношений Великобритании и Шотландии, а также выявлена роль данных факторов как первоначальных причин имплементации внутренней стороны самоопределения. В качестве выводов предложены возможные варианты воздействия Брексита на дальнейшую судьбу автономной административно-политической части Великобритании. Целью данного исследования является комплексный анализ тенденций реализации Шотландией права на самоопределение. Статья выполнена на основе следующих методов научного исследования: диалектический, историко-генетический, сравнительный, а также метод структурно-функционального анализа.

Ключевые слова: Шотландия, Великобритания, самоопределение, право, независимость, деволюция, референдум, Brexit.

Исследование права народов на самоопределение как одного из универсальных принципов международного права в условиях глобализации приобретает все большую актуальность. Реализация данного права обусловлена стремлениями этнических общностей к самоидентификации и обретению более высокого этнополитического статуса. Значительный интерес по данному вопросу представляет, в частности, многовековой опыт Шотландии, характеризующийся оптими-

Milana H. Daova
Student 2 courses,
Institute of Law, Economics and Finance,
Kabardino-Balkarian State University
name of H.M. Berbekov
milana.daova@mail.ru

Alim Z. Bogatyrev
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Institute of Law, Economics and Finance,
Kabardino-Balkarian State University
name of H.M. berbekov
milana.daova@mail.ru

SCOTTISH CASE: MAIN TRENDS IN THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION

Annotation. The article deals with one of the fundamental principles of international law – the right of peoples to self – determination – within the devolution path of implementation of this right by Scotland. The article is devoted to the problem of regeneration of Scotland as a national sovereign state. The study highlights the historical, political, and economic aspects of the relationship between the UK and Scotland, as well as the role of these factors as the root causes of the implementation of the internal side of self-determination. As conclusions, possible options for the impact of Brexit on the future of the Autonomous administrative and political part of the UK are proposed. The purpose of the study is a comprehensive analysis of trends in the implementation of the right to self-determination in Scotland. This article is based on the following methods of scientific research: dialectical, historical-genetic, comparative and the method of structural and functional analysis.

Keywords: Scotland, UK, self-determination, right, independence, devolution, referendum, Brexit.

зацией движений за независимость. В связи с этим представляется возможным рассмотреть основные тенденции реализации права на самоопределение Шотландией цивилизационным путем.

Принцип права на самоопределение народов в международном праве закреплен в соответствующих документах. Так, в Уставе ООН принцип равенства и самоопределения народов регламен-

тирован в качестве общепризнанной нормы международного права и носит императивный характер [1]. В Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 года, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, заявлено, что в силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава [2]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года закрепляет данную норму со сходным текстуальным выражением [3]. Таким образом, в международных правовых документах подчеркивается, что право на самоопределение неотъемлемо. Оно имманентно и присуще каждому народу независимо от его политического или административного – территориального статуса.

Необходимо подчеркнуть, что право на самоопределение имеет две составляющие: внутреннюю и внешнюю. Признанные источники международного права утверждают, что право народа на самоопределение, как правило, осуществляется через внутреннее самоопределение – стремление народа к своему политическому, экономическому, социальному и культурному развитию в рамках существующего государства. Внутреннее самоопределение синонимично местной или региональной автономии и означает право на контроль за большинством или всеми аспектами внутренних дел. Внешнее самоопределение – это право народов самостоятельно определять свой политический статус и быть свободными от чужеродного господства, включая образование собственного независимого государства. Право на внешнее и внутреннее самоопределение относится ко всем народам, и это подтверждается Хельсинкским заключительным актом, документами Венской встречи, Парижской хартией для новой Европы.

Обращаясь к шотландскому вопросу, следует сказать, что шотландцы являются народом, борющимся за право на самоопределение и восстановление суверенитета в течение уже нескольких столетий. Апеллируя историческими фактами, можно сделать вывод о том, что Шотландия полностью утратила свою независимость в 1707 г. после заключения «Акта об унии» с Англией, согласно которому они объединились в Королевство Великобританию. Был упразднен Парламент Шотландии и сформирован консолидированный британский парламент с подавляющим большинством английских представителей. По данному Акту Шотландия сохранила лишь некоторые проявления национальной идентичности. В частности, оставалась неприкосновенной шотландская пресвитерианская церковь, учреждались независимые система местного управления и судебная система, продолжали действовать шотландские законы [4].

Шотландское население опротестовало заключенный Акт, приступив к радикальной реализации права на самоопределение. Ярким тому примером явились, вспыхнувшие в 1715 и 1745 гг., якобитские восстания, в результате которых центральная власть активизировала репрессивную политику. Такое ужесточение выразилось в запрещении гэльского языка, разоружении населения, в строительстве путей сообщений, контролируемых, так называемой, английской Черной Охраной, введении новых налогов на соль и солод.

Усиление национального самосознания более остро проявилось в начале XX века, что постепенно приводило к оформлению общественно-политического движения за самоуправление. В 1926 г. начался выпуск газеты «The Scots Independent», а в 1934 г. в результате слияния Национальной партии Шотландии и Шотландской партии была организована Шотландская национальная партия – левоцентристская политическая партия Великобритании, выступающая за независимость Шотландии.

До 1970-х гг. националистические настроения не имели какой-либо весомой поддержки в Шотландии. Однако после обнаружения богатых запасов нефти и газа на морском шельфе автономистские настроения получили экономическую мотивацию. Именно на увеличение поступлений доходов в бюджет от добычи нефти на месторождениях, находящихся у берегов Шотландии, опирались националисты из ШНП в своих доводах о преференциях в провозглашении независимости, поскольку около 90 % всех нефтяных ресурсов Великобритании находятся в шотландских территориальных водах, и данный показатель увеличивается с разведкой новых месторождений к западу от Шетландских островов [5]. Опираясь такими данными, закрытые британские исследования заключили, что будь Шотландия независимой ее валюта была бы самой сильной в Европе. Подобная идея реализации государственной независимости как условия модернизации шотландской экономики впоследствии получила широкую поддержку в массах, и уже в октябре 1974 г. Шотландская национальная партия получила 30,4 % голосов в Шотландии, а в британской палате общин – 11 мест.

Следующим фактором, обусловившим углубление идеи автономизации, стала широкомасштабная конституционная реформа, проведенная лейбористским правительством Энтони Блэра. Она включала три основных направления: изменения в системе избирательного права, реформу палаты лордов, а также – разработку деволюционной системы, означавшую децентрализацию власти на основе передачи ряда полномочий Центра властным учреждениям на местах [6]. На состоявшемся в сентябре 1979 г. референдуме за создание регионального парламента высказались 74,3 % участников плебисцита, что составило 44,87 % от общего количества шотландских избирателей. «Новый орган был уполномочен принимать местные законы, не противоречащие британскому законодательству, и устанавливать налоги. В его функции входил также контроль развития

сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры и обязанности по охране природы». Как исследователи деволюции, так и политики отмечали, что наиболее важным процессом на ее первоначальном этапе стало смещение центра тяжести в политическом аспекте в сторону шотландского парламента от Вестминстера. За три года шотландским парламентом было принято 28 законов, в то время как в британском парламенте в год принимались 1–2 закона, касающихся Шотландии. Шотландцы оценивали свой парламент как более демократичный, открытый, близкий к народу, нежели Вестминстер.

В 1998 г. был принят Парламентский Акт Шотландии, согласно которому учреждался Парламент, состоявший из 129 членов и был полномочен принимать собственные законы в пределах своей компетенции [7]. В компетенции центральной власти оставались вопросы внешней политики, обороны, национальной безопасности, макроэкономического регулирования, а также фискальной политики. Акт о Шотландии предусматривал также создание шотландской администрации, которой руководит шотландский орган исполнительной власти.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что шотландский народ к началу нового тысячелетия сделал значительный шаг в реализации права на самоопределение цивилизационным путем. Шотландия направила усилия на имплементацию и расширение внутренней стороны самоопределения, тем самым утвердив весомую собственную роль внутри Великобритании, как в политических, так и в социально-экономических аспектах.

В начале XXI века поддержка движения за независимость со стороны народных масс интенсифицировалась. В 2007 г. ШНП опередила своих основных конкурентов – лейбористов, а в 2011 г. добилась абсолютного большинства и сформировала однопартийное правительство, которое впоследствии заявило о намерении организовать в течение пяти лет референдум по вопросу о независимости. Первым министром правительства стал Алекс Сэлмонд, в ноябре 2013 г. выпустивший «Белую книгу», где на 670 страницах описывалось устройство будущего независимого государства. Проведенный 18 сентября 2014 г. референдум о независимости Шотландии продемонстрировал победу приверженцев единого государства (55,3 %) против сторонников сепаратизма (44,7 %) [8]. Однако, несмотря на поражение сепаратистов, референдум 2014 г. засвидетельствовал легитимность и рациональность идеи независимости Шотландии. А позиция, выдвинутая

шотландцами, дала основания для отстаивания права на очередное волеизъявление по вопросу самоопределения Шотландии. Референдум 2014 г. был отмечен как «прецедентный», «поразительный». Многие объясняют это высоким уровнем вовлеченности общественности в этот процесс и существовавшей инклюзивной политикой [9].

На современном этапе идея проведения нового референдума стала развиваться и обрела более высокую легитимность в связи с анонсированием Брексита. Население Шотландии в целом выступает в поддержку Евросоюза и связывает свое будущее с членством в ЕС. Однако лондонское правительство опровергает возможность проведения повторного референдума, заявляя, что «результаты референдума 2014 года были определяющими и их следует уважать» [10]. Несомненно, определяющим фактором, повлияющим на дальнейшую судьбу Шотландии станет законодательная регламентация Брексита. В связи с этим представляется возможным следующая вариативность развития событий:

- выход Шотландии из ЕС как составной части Великобритании;
- приобретение Шотландией статуса члена ЕС либо заключение формальных соглашений с ЕС, при этом находясь в составе Великобритании;
- обретение независимости Шотландией после проведения повторного референдума.

В случае самоопределения Шотландии, вероятность приобретения ею статуса члена ЕС мала ввиду активизированного национального движения и нарастающих внутренних этнополитических конфликтов в ряде государств ЕС. В частности, таковыми являются Испания, Франция, Италия, Бельгия, где соответствующие регионы претендуют на выход из состава государства. Вступление независимой Шотландии в состав ЕС может повлечь за собой проявление оппозиционных настроений со стороны данных государств.

Таким образом, предполагаемое воздействие Брексита на дальнейший политический статус Шотландии многоаспектно. Однако, учитывая национальную идентификацию шотландского народа и проведенные меры реализации внутренней стороны права на самоопределение, можно утверждать возможность детерминации и внешней стороны данного международного принципа путем достижения консенсуса и урегулирования локальных этнополитических разногласий законными и эффективными методами.

Литература:

1. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. / Сост. Н.Т. Блатова // Международное право в документах. М. : Юрид. лит., 1982. С. 196–231.
2. Декларация о принципах международного права 24 октября 1970 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 52–67.

Literature:

1. Charter Of the United Nations of 26 June 1945 / International law in documents / Comp. N.T. Blatova. M. : Yurid. lit., 1982. P. 196–231.
2. Declaration on principles of international law 24 October 1970 // Current international law. M., 1996. Vol. 1. P. 52–67.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М. : Юридическая литература, 1990. С. 32–53.
 4. *Графшонкина А.А.* Шотландия после Унии 1707 г. / А.А. Графшонкина; Под ред. К.Е. Сигалова и С.В. Зыковой // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания: сборник научных статей М. : Граница, 2013. С. 339–348.
 5. *Руднев В.В.* Некоторые аспекты становления шотландской идентичности / В.В. Руднев; Под ред. М.Ю. Мартыновой // Очерки о европейской идентичности и многокультурности : сборник. М. : ИЭА РАН, 2013. С. 74–95.
 6. *Коданева С.И.* Британский регионализм (конституционная реформа). М., 2004. 140 с.
 7. *Васильев В.А.* Движение за независимость Шотландии. Ретроспективный анализ и современное состояние // Свободная мысль. 2014. № 5. С. 135–148.
 8. BBC. URL : <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/devolution/scotland/live/index.shtml> (дата обращения 05.01.2020).
 9. Stephen Tierney. Legal issues surrounding the referendum on independence for Scotland // European Constitutional Law Review. 2013. Vol. 9. № 3. P. 59–90.
 10. РИА Новости. – URL : <https://ria.ru/20191213/1562382566.html> (дата обращения 05.01.2020).
3. International Covenant on civil and political rights of 16 December 1966 // International protection of human rights and freedoms. Collection of documents. – M. : Legal literature, 1990. P. 32–53.
 4. *Graphshonkina A.A.* Scotland after the Union of 1707 / A.A. Crapshonkina; under the editorship of E.K. Sigalova and S.V. Zykov // Vectors of General legal theory as the vectors of law: collection of scientific articles. M. : Border, 2013. P. 339–348.
 5. *Rudnev V.V.* Some aspects of the formation of Scottish identity / V.V. Rudnev; ed. by M.Yu. Martynova // Essays on European identity and multiculturalism: a Collection. M. : IEA RAS, 2013. P. 74–95.
 6. *Kodaneva S.I.* British regionalism (constitutional reform). M., 2004. 140 p.
 7. *Vasiliev V.A.* The Movement for the independence of Scotland. Retrospective analysis and current state // Free thought. 2014. № 5. P. 135–148.
 8. BBC. URL : <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/devolution/scotland/live/index.shtml> (date of issue 05.01.2020).
 9. Stephen Tierney. Legal issues surrounding the referendum on independence for Scotland // European Constitutional Law Review. 2013. Vol. 9. № 3. P. 59–90.
 10. Ria of news. URL : <https://ria.ru/20191213/1562382566.html> (date of issue 05.01.2020).

Ермилов Валерий Борисович
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
ErVB-advokat@yandex.ru

«ОБЪЕКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье исследуется субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц за действия (бездействие), приведшие к объективному банкротству. Анализируется понятие «объективное банкротство» и раскрываются его признаки. При этом применение данного термина осложняется отсутствием закрепленного его в Законе о банкротстве. Проведенные исследования свидетельствуют о необходимости дополнить статью 2 Закона о банкротстве понятием «объективное банкротство». Автор приходит к выводу том, что недостаточность имущества выступает необходимым признаком объективного банкротства. Срок на подачу заявления должника о собственном банкротстве отсчитывается именно с даты объективного банкротства.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц, объективное банкротство, недостаточность имущества, экономически обоснованный план.

Глава III. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности банкротстве» [1] (далее Закон о банкротстве) состоящая из 13 статей, посвящена вопросам ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 в Постановлении № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [2] (далее - Постановление № 53) в целях обеспечения единства практики применения судами норм о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности дал разъяснения о применении положений главы III.2 (введена Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [3] (далее – Закон № 266).

В Определении от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 [4] по делу о банкротстве ООО «Каркас» впервые было введено новое понятие "объективное

Valeriy B. Ermilov
Teacher of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
ErVB-advokat@yandex.ru

«THE OBJECTIVE OF BANKRUPTCY»: THEORY AND PRACTICE

Annotation. The article examines the subsidiary responsibility of the debtor's controlling persons for actions (inaction) that led to objective bankruptcy. The concept of «objective bankruptcy» is analyzed and its features are revealed. At the same time, the use of this term is complicated by the absence of its fixed in the bankruptcy Law. The conducted research indicates the need to Supplement article 2 of the bankruptcy Law with the concept of «objective bankruptcy». The author comes to the conclusion that insufficient property is a necessary sign of objective bankruptcy. The deadline for filing a debtor's own bankruptcy application is counted from the date of objective bankruptcy.

Keywords: controlling person of the debtor, subsidiary liability of controlling persons of the debtor, objective bankruptcy, insufficiency of property, economically justified plan.

банкротство". Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты нижестоящих инстанций при рассмотрении кассационной жалобы уполномоченного органа и направляя спор на новое рассмотрение, изложил следующие правовые позиции:

– обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный менеджер, находящийся в сходных обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве;

– если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности либо обстоятельств, названных в абз. 5, 7 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве (критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), и руководитель, несмотря на временные

финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель, с учетом общеправовых принципов юридической ответственности (в том числе, предполагающих по общему правилу наличие вины), освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным.

В Постановлении № 53 получило свое отражение разработанное практикой понятие «объективное банкротство». Однако, на наш взгляд, недостаточно использовать указанный термин, необходимо дать четкое понятие «объективное банкротство» в Законе о банкротстве.

Следует обратить внимание на то, что имеются случаи, когда термин «объективное банкротство» фактически смешивается с понятием «банкротство» установленным Законом о банкротстве.

Из анализа судебной практики не совсем понятно, когда можно говорить об объективном банкротстве, и как это понятие соотносится с такими понятиями как – неплатежеспособность и недостаточность имущества ранее закрепленными в статье 2 Закона о банкротстве.

На наш взгляд, для принятия решения о признании должника банкротом – неплатежеспособность и недостаточность имущества продолжают существовать как самостоятельные признаки банкротства, а сам факт наступления объективного банкротства для признания должника банкротом значения не имеет.

Закон не конкретизирует, когда именно руководителю организации должно быть понятно, что по долгам она не расплатится, где заканчиваются временные финансовые сложности и начинается объективное банкротство.

Судам приходится в каждом конкретном деле определять, была ситуация критической или нет. Суды дают оценку поведению руководителя должника в совокупности, сопоставляют финансовое состояние должника и предпринимаемые директором действия (бездействие), а также учитывают характер деятельности должника.

Из пункта 4 Постановления № 53 следует, что по смыслу взаимосвязанных положений абзаца второго статьи 2, пункта 2 статьи 3, пунктов 1 и 3 статьи 61.10 Закона о банкротстве для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности, по общему правилу, учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, независимо от того, скрывалось ли действительное финансовое состояние должника или нет, то есть, принимается во внимание трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе, об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной

стоимостью его активов (далее – объективное банкротство).

Таким образом, под объективным банкротством понимается момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе, об уплате обязательных платежей из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

С одной стороны, доведение до «объективного банкротства» влечет ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона о банкротстве). С другой стороны, именно с этого момента у руководителя должника возникает обязанность подать заявление о банкротстве (статья 9 Закона о банкротстве).

Согласно разъяснениям, приведенным в пункте 9 Постановления № 53, если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абзацах пятом, седьмом пункта 1 статьи 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах.

Вот яркий пример из судебной практики – Определение ВС РФ от 29 марта 2018 г. по делу № 306-ЭС17-13670(3), А12-18544/2015[5].

Так, в Определении ВС РФ приведены критерии момента перехода временных финансовых сложностей в объективное банкротство (Определение включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2018), утвержденный Президиумом ВС РФ 14 ноября 2018 года).

ВС РФ, указал, что для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

В связи с этим, в процессе рассмотрения такого рода заявлений, помимо прочего, необходимо учитывать режим и специфику деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолемыми временными обстоятельствами.

Таким образом, сами по себе кратковременные и устранимые затруднения не могут рассматриваться как безусловное доказательство возникновения необходимости обращения в суд с заявлением о банкротстве.

При разрешении вопроса о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве ключевое значение имеет определение момента «объективного банкротства», однако, единого подхода ни в законе, ни в судебной практике нет.

Пунктом 1 статьи 9 Закона о банкротстве предусмотрено, что директор должен подать в арбитражный суд заявление о банкротстве своей компании, если:

– удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов приведет к невозможности компании удовлетворить требования других кредиторов;

– наложенное взыскание на имущество компании существенно затрудняет или делает невозможной ее дальнейшую деятельность;

– у компании появились признаки неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества;

– больше трех месяцев у компании есть непогашенная из-за недостатка денег задолженность по выплате выходных пособий, зарплаты и по другим выплатам работникам;

– в других случаях, указанных в Законе о банкротстве.

Заявление должника о собственном банкротстве нужно направить в арбитражный суд в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц, именно – с даты наступления указанных обстоятельств (п. 2 ст. 9, ст. 61.12 Закона о банкротстве). Указанная дата влияет как на саму возможность привлечения к субсидиарной ответственности, так и на размер этой ответственности, и, в то же время, вокруг этой даты всегда много споров, так как на практике ее довольно сложно четко определить.

Следует отметить, что именно с даты объективного банкротства, а не с даты формального появления признаков невозможности удовлетворить требования кредиторов отсчитывается срок на подачу заявления должника о собственном банкротстве (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Судам при решении вопроса о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности необходимо будет установить, превысил или нет совокупный размер обязательств реальную стоимость активов должника. Вместе с тем, установление реальной стоимости активов не может быть произведено судом произвольно.

Таким образом, в настоящее время сформировалась потребность в проведении финансово-экономической экспертизы для определения, с той или иной степенью вероятности, момента возникновения признаков объективного банкротства организации.

Эксперту необходимо будет представить максимум бухгалтерской документации, представить учредительные документы, некоторые корпоративные решения и локальные нормативные акты (приказы, распоряжения, инструкции, положения и т.п.). Эксперт может запросить дополнительную документацию.

Безусловно, проведение финансово-экономической экспертизы приведет к увеличению судебных расходов сторон, а также - к затягиванию судебного процесса.

В настоящее время не решенным остается вопрос, как действовать судам при установлении объективного банкротства в том случае, если не удалось обнаружить имущество должника.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения всех требований кредиторов вследствие недостаточности имущества наступает за доведение должника до объективного банкротства. Недостаточность имущества, в данном случае, выступает необходимым признаком объективного банкротства.

Объективное банкротство существенно влияет на дату, с которой возникает обязанность подачи заявления должника, ведь даже при формальных признаках неплатежеспособности у компании могут быть перспективы улучшения состояния в будущем.

Обязанность директора подавать в суд заявление о банкротстве собственной компании возникает именно в момент объективного банкротства.

Суд первой инстанции может отказать в привлечении директора компании к субсидиарной ответственности или снизить размер, если будут представлены доказательства, что возникшая неплатежеспособность организации была на тот момент временным финансовым затруднением, у организации был экономический план по восстановлению платежеспособности.

В результате проведенного исследования нами предлагается дополнить статью 2 Закона о банкротстве следующего содержания:

«Объективное банкротство – это момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе, об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов».

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.03.2018 по делу № 306-ЭС17-13670(3), А12-18544/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Literature:

1. Federal law of 26.10.2002 № 127-FZ (ed. of 27.12.2019) «On insolvency (bankruptcy)» (with ed. and extra, Intro. effective from 08.01.2020) // Access from the SPS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 № 53 «On certain issues related to bringing the debtor's controlling persons to responsibility in bankruptcy» // Access from the SPS «ConsultantPlus».
3. Federal law of 29.07.2017 № 266-FZ «On amendments to the Federal law» on insolvency (bankruptcy)» and the Code of administrative offences of the Russian Federation» // Access from the SPS «ConsultantPlus».
4. Determination of the Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation from 20.07.2017 № 309-ES17-1801 in the case № А50-5458/2015 // Access from the SPS «ConsultantPlus».
5. Determination of the Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation from 29.03.2018 in the case № 306-ES17-13670(3), А12-18544/2015 // Access from the SPS «ConsultantPlus».

Загалаева Жанета Алхазуровна
ассистент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
zagalaevag@gmail.com

Zhaneta A. Zagalaeva
Assistant to Department
Civil Law and Process,
Chechen State University
zagalaevag@gmail.com

ОФОРМЛЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ К ПРОЕКТАМ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

DRAWING ANNEXES TO DRAFT REGULATORY LEGAL ACTS

Аннотация. В настоящей научной статье приводится регламентация одного из основных институтов юридической техники. В частности, будет рассмотрен и изучен вопрос корректного использования и оформления приложений к проекту нормативного правового акта. Кроме того, в научном исследовании будут приведены примеры сложившейся практики оформления приложений в нормативных правовых актах, а также рассмотрены все коллизионные вопросы, связанные с правильным применением юридико-технических норм, в части касающихся приложений к нормативным правовым актам.

Ключевые слова: приложение, нормативный правовой акт, оформление, проект, экспертиза, мониторинг, пример, утверждение, гриф, юридическая сила, правоприменение, аспект, принцип.

Annotation. This scientific work describes the regulation of the main institute of legal technology. In particular, the question of the correct use and design of the annexes to the draft regulatory legal act will be examined and studied. In addition, the scientific study will provide examples of the prevailing practice of drafting applications in regulatory legal acts, as well as consider all conflict issues related to the correct application of legal and technical standards, in terms of applications to regulatory legal acts.

Keywords: application, normative legal act, design, project, examination, monitoring, example, approval, stamp, legal force, enforcement, aspect, principle.

На современном этапе развития правовой мысли Российской Федерации правилам юридической техники необходимо уделить особое внимание, так как данный институт выступает существенным аспектом правильной структуризации и оформления нормативных правовых актов.

Вместе с тем, российский законодатель не спешит определить в императивной форме формальную определенность правил юридической техники в виде нормативного правового акта, регламентирующего основные нормы юридико-технического характера.

В этой связи, в целях недопущения коллизионности правил оформления нормативных правовых актов стоит акцентировать внимание на практике применения правил юридической техники.

Актуальностью темы настоящего научного исследования является необходимость структурирования общих требований к оформлению нормативного правового акта, в частности проблема в оформлении приложений к проектам нормативных правовых актов.

В результате правового мониторинга нормативного правового пространства Российской Федерации отображается картина дифференцированного применения правил юридической техники к оформлению приложений нормативных правовых актов.

В настоящем исследовании будет приведена регламентация правил юридической техники по оформлению приложений проектов нормативных правовых актов, на основе практического опыта, полученного автором в результате правовых экспертиз нормативных правовых актов различного характера и юридической силы.

В соответствии с практикой правового просвещения, приложениями к нормативным правовым актам являются таблицы, тарифы, положения, правила, перечни, регламенты, списки, таблицы, схемы и другие.

В случае наличия в проекте нормативного правового акта приложений в текстовой части, в императивной форме необходимо обозначение отсылочной нормы на соответствующее приложения.

Пример:

1. Утвердить **прилагаемое** Положение о системе мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения [1]

Отсылочные нормы, свидетельствующие о наличии приложений к проектам нормативных правовых актов, обозначаются различными способами. Если в проекте нормативного правового акта имеется одно приложение, а также – в случае

утверждения документа нормативным правовым актом, отсылочная норма на данный документ оформляется обозначениями в виде слов: «прилагаемые», «прилагаемую», «согласно приложению», «в соответствии с приложением».

Пример:

1. Утвердить **прилагаемые**:

Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов;
изменения, которые вносятся в постановления Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг [2];

или

1 Утвердить **прилагаемую** Классификацию основных средств, включаемых в амортизационные группы [3];

или

в) журнал ежедневного допуска аттракциона к работе по форме **согласно приложению к настоящему постановлению** [4];

или

в соответствии с приложением к постановлению Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 года № 67 «Об утверждении Правил возмещения вреда, причиняемого тяжеловесными транспортными средствами, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [5]

Кроме того, необходимо обратить внимание и на то, что страницы проекта нормативного правового акта, содержащие приложения, должны оформляться отдельно от иной текстовой части.

Данное требование юридической техники является основополагающим, так как только соблюдение данного аспекта может привести соблюдению принципа единства структуры нормативного правового акта, в части касающейся приложений.

Также, кроме оформления отсылочной нормы в текстовой части проекта нормативного правового акта, наиважнейшей составляющей правил юридической техники, является и отображение по тексту проекта нормативного правового акта грифа приложения.

Гриф приложения располагается в правом верхнем углу первого листа приложения и печатается от границы верхнего поля центрованным способом без кавычек прописными буквами.

Пример:

Приложение к распоряжению Правительства Российской Федерации от _____ № ____

Если к проекту нормативного правового акта имеется одно приложение, то порядковый номер не

указывается, если несколько приложений, то они нумеруются арабскими цифрами без указания знака «№». При ссылках на приложения в тексте

проекта нормативного правового акта знак «№» также не указывается.

Пример:

– согласно приложению 4 к настоящему постановлению

При наличии в тексте проекта правового акта формулировки «Утвердить» (прилагаемое Положение, состав комиссии, перечень мероприятий и т.д.) на самом приложении в правом верхнем углу располагается гриф утверждения, содержащий слово «Утвержден» («Утверждена», «Утвержде-

ны» или «Утверждено»), согласованное в роде и числе с видом утверждаемого документа (Положение – «Утверждено», программа – «Утверждена», мероприятия – «Утверждены»), со ссылкой на утверждающий правовой акт в творительном падеже, его даты, номера.

Пример:

УТВЕРЖДЕН указом Президента Российской Федерации от № ____ Лесной план Российской Федерации на 2019–2028 годы;

УТВЕРЖДЕНО постановлением Правительства Российской Федерации от № ____ Положение о Совете при Правительстве Российской Федерации по национальным проектам

Форма грифа утверждения в большинстве случаев правоприменения закрепляется в инструкциях по делопроизводству для каждого государственного органа в отдельности. Вместе с тем, форма и образец грифа утверждения, нашедшего свое отражение в инструкции по делопроизводству органа принявшего его, не должна противоречить общим требованиям правил юридической техники.

Кроме того, необходимо отметить, что юридическая сила приложений и нормативного правового акта, к которому они относятся, одинакова.

Также, необходимо подчеркнуть, что наименование приложения к проекту нормативного

правового акта должно строго соответствовать наименованию приложения, приведенному в текстовой части проекта нормативного правового акта в качестве отсылочной нормы.

С учетом изложенного, соблюдение единства требований по оформлению приложения к проектам нормативных правовых актов, может сыграть ключевую роль в процессе формального закрепления правил юридической техники.

Соблюдение основных принципов оформления приложений проектов нормативных правовых актов является регламентирующим началом закрепления юридической силы нормативного правового акта.

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2018 года № 1556 «Об утверждении Положения о системе мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения».

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 января 2002 года № 1 «О Классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2019 года № 1732 «Об утверждении требований к техническому состоянию и эксплуатации аттракционов».

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 года № 67 «Об утверждении Правил возмещения вреда, причиняемого тяжеловесными транспортными средствами, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Literature:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 14, 2018 № 1556 «On approval of the Regulation on the system for monitoring the movement of drugs for medical use».

2. Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2011 № 354 «On the provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings».

3. Decree of the Government of the Russian Federation of January 1, 2002 № 1 «On the Classification of Fixed Assets Included in Depreciation Groups».

4. Decree of the Government of the Russian Federation of December 20, 2019 № 1732 «On approval of the requirements for the technical condition and operation of attractions».

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 31, 2020 № 67 «On approval of the Rules for compensation for damage caused by heavy vehicles, on amending and invalidating certain acts of the Government of the Russian Federation».

Загалаева Жанета Алхазуровна
ассистент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
zagalaevag@gmail.com

ХРАНЕНИЕ В ЛОМБАРДЕ И ХРАНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В БАНКЕ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ВИДЫ ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ

Аннотация. В данной публикации дается общая характеристика специализированных видов договора хранения, в частности, хранения в ломбарде и хранения ценностей в банке. Договор рассматривается как универсальный регулятор различных общественных отношений, как в частном, так и в публичном праве. Являясь традиционным источником гражданско-правового и международно-правового регулирования, договор находит все большее применение и доказывает свою эффективность в самом широком правовом контексте.

Ключевые слова: хранения в ломбарде, хранение ценностей в банке, регламентация, детализированность, толкование, разъяснение, субъект, сейф, ссудения, займ, банк.

Российское законодательство, закрепляя специализированные виды договора хранения, вобрала в себя весь имеющийся конгломерат разновидностей договора хранения сложившихся в период исторического развития российской государственности.

Теоретическая регламентация и толкование специализированных видов договора хранения будет способствовать правильному уяснению исследуемого вопроса правового регулирования.

Первой особенностью данных видов хранения является то, что в качестве хранителя в данных видах выступают специальные субъекты, такие как: банк, ломбард, гостиница, судебный секвестр, транспортные организации, гардеробы организаций. Второй особенностью данных видов является, что в отличие от хранения на товарном складе, услуги оказываемые данными видами хранения не являются основными в их деятельности. Более того, можно сказать, что эти услуги являются второстепенными. Также, необходимо отметить, что существуют и такие специальные виды хранения, о которых не упоминается в Гражданском кодексе Российской Федерации. К указанным видам договора хранения можно отнести хранение автотранспортных средств на автостоянках.

Zhaneta A. Zagalaeva
Assistant to Department
of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
zagalaevag@gmail.com

STORAGE IN THE PAWNSHOP AND STORAGE OF VALUES IN THE BANK AS SPECIALIZED TYPES OF STORAGE AGREEMENT

Annotation. This scientific work gives a general description of the specialized types of storage agreement, in particular storage at a pawnshop and storage of valuables in a bank. The contract is considered as a universal regulator of various public relations in both private and public law. As a traditional source of civil law and international legal regulation, the treaty is increasingly used and is proving its effectiveness in the widest legal context.

Keywords: storage in a pawnshop, storage of valuables in a bank, regulation, detail, interpretation, explanation, subject, safe, information, loan, bank.

Первым специализированным видом хранения в Гражданском кодексе Российской Федерации является хранение в ломбарде. Федеральным законом от 19 июля 2007 года № 196-ФЗ «О ломбардах» установлено, что «ломбардом является юридическое лицо – специализированная коммерческая организация, основными видами деятельности которой являются предоставление краткосрочных займов гражданам и хранение вещей».

В соответствии с условиями договора хранения, в ломбарде «поклажедатель сдает ломбарду на хранение принадлежащую ему вещь, а ломбард обязуется осуществить на возмездной основе хранение принятой вещи» [1].

Общественные отношения, складывающиеся по договору хранения имущества в ломбарде, являются публичными, то есть, указанный договор хранения в ломбарде обязательно должен заключаться со всеми лицами, требующими его акцептования. Сторонами договора хранения в ломбарде являются собственник имущества и специальный субъект договора хранения - ломбард.

Существенными условиями договора хранения в ломбарде является наименование сданной на хранение движимой вещи, сумма ее оценки, время хранения и размер вознаграждения.

Объектом хранения в ломбарде являются движимые вещи, не изъятые из гражданского оборота и предназначенные для личного потребления. Хранитель, в соответствии с законом, обязан страховать в пользу поклажедателя принятые им на хранение вещи.

Отличительной особенностью договора хранения в ломбарде от иных специализированных видов хранения, является форма удостоверения договора. Так, договор хранения в ломбарде удостоверяется выдачей хранителем собственнику имущества именной сохранной квитанции.

Именная сохранная квитанция, по своему содержанию, должна иметь форму письменного документа, и содержать в своей нормативной основе следующие основополагающие сведения:

- 1) фактический юридический адрес и фирменное наименование ломбарда;
- 2) наименование собственника имущества передаваемого на хранение, персональные данные документа удостоверяющего личность физического лица или иного равного документа;
- 3) фактические характеристики и наименование сданной на хранение вещи имущественного характера;
- 4) денежный эквивалент стоимости сданного на хранение имущества;
- 5) точное обозначение даты передачи имущества на хранение и общий срок ее хранения у профессионального хранителя;
- 6) общие и существенные условия хранения имущества поклажедателя и специального хранителя;
- 7) общая сумма имущественного вознаграждения за хранение имущества поклажедателя, полагающаяся ломбарду;
- 8) общие сведения о негативных последствиях не своевременного взятия хранящегося в ломбарде имущества;
- 9) иные соответствующие гражданскому законодательству Российской Федерации общие положения [2].

Вторым специализированным видом хранения в Гражданском кодексе Российской Федерации является хранения ценностей в банке. Данный вид договора является возмездным, может быть реальным и консенсуальным. Сторонами договора хранения ценностей в банке являются банк и поклажедатель. На банк распространяется статус профессионального хранителя.

Объектом данного вида договора хранения являются ценности. Исходя из толкования пункта 1 статьи 921 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что ценностями являются бумаги ценностного характера, камни и металлы драгоценных свойств.

Удостоверение заключения договора хранения ценностей происходит «выдачей банком поклажедателю именного сохранного документа, предъявление которого является основанием для выдачи хранимых ценностей поклажедателю» [3].

Гражданский кодекс Российской Федерации классифицирует указанный договор на несколько видов:

1. Хранения ценностей с использованием собственником имущества индивидуального банковского сейфа.
2. Хранения ценностей с предоставлением собственнику имущества индивидуального банковского сейфа.
3. Хранения металлов драгоценного характера.
4. Учет счетов ответственного хранения драгоценных металлов.

Последние два вида договора хранения ценностей в банке регулируются нормативными актами Центрального Банка Российской Федерации.

В соответствии с частью 1 статьи 922 Гражданского кодекса Российской Федерации, «по договору хранения ценностей в индивидуальном банковском сейфе клиенту предоставляется право самому помещать ценности в сейф и изымать их из сейфа, для чего ему должны быть выданы ключ от сейфа, карточка, позволяющая идентифицировать клиента, либо иной знак или документ, удостоверяющие право клиента на доступ к сейфу и его содержимому» [4].

Исходя из легального толкования договора хранения ценностей с предоставлением поклажедателю (собственнику) ценностей индивидуального банковского сейфа, вытекает, что кредитная организация предоставляет собственнику (поклажедателю) ценностей возможность единоличного помещения ценностей в индивидуальный банковский сейф, а также - возможность его изъятия без постороннего надзора, в том числе, и со стороны хранителя (кредитной организации).

В данном случае единственной задачей хранителя (кредитной организации) является всесторонний контроль над помещением, где находится индивидуальный банковский сейф, предоставленный собственнику ценностей (поклажедателю).

К договору хранения ценностей с представлением поклажедателю индивидуального банковского сейфа без ответственности хранителя, применяются правила о договоре аренды.

Договор хранения драгоценных металлов и ведения счетов ответственного хранения драгоценных металлов, регламентирован и регулируется нормативными актами Центрального Банка Российской Федерации, в частности, Положением о совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций с драгоценными металлами,

утвержденным Приказом Центрального Банка Российской Федерации от 1 ноября 1996 года № 02-400. Уникальностью данного вида договора хранения является то, что для учета драгоценных металлов, переданных на хранение в банк, последний открывает клиенту металлический счет ответственного хранения [5].

Кроме того, несмотря на всю детализированность и формальную определенность обозначенных выше специализированных видов договора хранения, в практике российского правоприменения

Литература:

1. Федеральный закон «О ломбардах» от 19.07.2007 № 196-ФЗ.
2. Чаусская О.А. Гражданское право : учебник. 2014. С. 248.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 921.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 922.
5. Гражданское право : в 2 т. : учебник / Под ред. Б.М. Гонгало, Статут, 2016. Т. 2. С. 184.
6. Приказ Банка России от 01.11.1996 № 02-400 (ред. от 11.04.2000) «О введении в действие Положения «О совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций с драгоценными металлами» (вместе с «Положением ...». Утв. Банком России 01.11.1996 № 50).

возникают спорные и коллизионные моменты, связанные с финансовой несостоятельностью банковских организаций и злоупотреблением полномочиями ломбардом.

В этой связи, законодателю стоит обратить внимание на необходимость совершенствования законодательства в этой области путем дополнения статьей Гражданского кодекса Российской Федерации либо издания подзаконных нормативных правовых актов [6].

Literature:

1. Federal Law «On Pawnshops» of July 19, 2007 № 196-FZ.
2. *Chauskaya O.A.* Civil law : textbook. 2014. P. 248.
3. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 921.
4. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 922.
5. Civil law: In 2 vols. : textbook, / Ed. B.M. Gongalo, Statute, 2016. Vol. 2. P. 184.
6. Order of the Bank of Russia dated 01.11.1996 № 02-400 (as amended on 04/11/2000) «On the Enactment of the Regulation» On Transactions by the Credit Institutions with Precious Metals in the Russian Federation and the Procedure for Banking Transactions with Precious Metals» (together with the «Regulation ...». Approved by the Bank of Russia on November 1, 1996 № 50).

Захаров Илья Евгеньевич
аспирант,
Академия Генеральной прокуратуры РФ
4435988@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость расширения в рамках Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации процессуальных полномочий прокурора, закрепления права на оспаривание решений административных органов либо постановлений суда о привлечении к административной ответственности, а также – приведение к единообразию норм Арбитражного процессуального кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в целях достижения наибольшей эффективности правоохранительной деятельности прокурора, а также повышению качества правосудия в арбитражном суде.

Ключевые слова: арбитражный процесс, полномочия прокурора, участие прокурора в арбитражном процессе, административные правонарушения.

С момента принятия Арбитражного процессуального кодекса 2002 (далее – АПК РФ) к части правовых норм, регламентирующих участие прокурора в арбитражном процессе, в частности, к статье 52 и главе 25 (рассмотрение дел об административных правонарушениях), накопилась критическая масса замечаний, суть которых в недостатке процессуальных полномочий прокурора, а порой такое участие в АПК вовсе не предусмотрено и не регламентировано (например, в делах об административных правонарушениях), хотя на практике необходимые процедуры реализуются благодаря ряду постановлений Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ), расширяющих полномочия прокурора.

Так, например, в постановлении Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 № 2 [1] рекомендовано судам рассматривать обращения прокурора в целях защиты публичных интересов с требованием о сносе самовольной постройки в соответствии со ст. 222 Гражданского кодекса РФ [1, абз. 3 п. 1] (хотя в самой ст.222 ГК РФ о праве прокурора на снос самовольной постройки не упоминается), о ликвидации юридического лица в соответствии со статьей 1253 Гражданского кодекса РФ [1, абз. 3 п. 1], об оспаривании ненормативного правового акта в предпринимательской или иной экономической деятельности в соответствии с абз. 1 ч. 1 ст. 52 и ч. 2 ст. 198 АПК РФ [1, п. 3]. Также, судам предлагается принимать заявление прокурора

Ilya E. Zakharov
Graduate student,
Academy of the Prosecutor General
of the Russian Federation
4435988@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation. The article substantiates the need to expand, within the framework of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the procedural powers of a prosecutor, consolidate the right to challenge decisions of administrative authorities or court decisions on bringing to administrative responsibility, as well as bring the rules of the Arbitration Procedure Code and the Code of Administrative Offenses to the uniformity for the purposes of achieving the most effective law enforcement activities of the prosecutor, as well as e improving the quality of justice in arbitration.

Keywords: arbitration process, powers of the Prosecutor, participation of the Prosecutor in the arbitration process, administrative offenses.

города либо района о привлечении к административной ответственности с прилагаемым постановлением о возбуждении дела об административном правонарушении [1, п. 15]. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 №15 рекомендует судам рассматривать заявления прокурора о привлечении к административной ответственности, а также об оспаривании решений административных органов либо постановлений суда в соответствии с нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), поскольку главой 25 АПК не установлено иное [2].

Данные правовые акты сложно переоценить, однако, они не могут заменить собой Закон, а значит – само процессуальное законодательство требует немедленных изменений. Необходимо привести в соответствие де-факто и де-юре существующего положения вещей в сфере участия прокурора в арбитражном процессе.

Вступая в арбитражный процесс, прокурор обязан со всей обстоятельностью обосновать свое участие. В соответствии со статьями 40 и 52 АПК РФ, он является самостоятельной фигурой в арбитражном процессе, обладающей специальным статусом и процессуальными полномочиями. Прокурор не имеет материально-правовой заинтересованности в исходе дела, для него имеет значение лишь процессуальный интерес. Как

процессуальный истец прокурор не имеет право заключать мировое соглашение, не обязан соблюдать претензионный порядок, освобожден от уплаты государственной пошлины, к нему не может быть предъявлен встречный иск. Прокурор имеет право участвовать в процессе даже в отсутствие так называемого материального истца, интересы которого он защищает (при условии, что эти интересы пересекаются с публичными). Возможны ситуации, когда такой истец и вовсе отсутствует.

В соответствии с п.3 ст.35 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, а также со ст. 52 АПК РФ, прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с иском (часть 1 ст. 52 АПК РФ) либо вступить в дело в целях обеспечения законности на любой его стадии в пределах части 1 данной статьи (ч. 5 ст. 52 АПК РФ). Учитывая, что на сегодняшний день прокуратура лишена права надзора за судом, на наш взгляд, часть 5 статьи 52 АПК в нынешнем виде потеряла свою актуальность.

Очевидно, что в АПК делается акцент на исковое производство и законодатель стремится к равным правам сторон (ст. 44 АПК РФ). Однако существует целый пласт правоотношений, в которых прокурор лишен возможности подать исковое заявление, например, в случае административных правонарушений, хотя такой способ восстановления законности в ряде ситуаций был бы наиболее эффективным.

Прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о привлечении к административной ответственности субъекта предпринимательской деятельности со ссылкой на Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (ст.202 АПК РФ) в соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 №15 [2], однако, в случае оспаривания решения административного органа о привлечении к административной ответственности ситуация не столь однозначна.

Так, прокурор приносит протест на не вступившее в законную силу постановление (решение) суда либо административного органа в соответствии со статьей 30.10 КоАП РФ, в порядке и в сроки, установленные статьями 30.1–30.3 КоАП. Между тем, п. 4 ст. 30.1 КоАП установлено, что оспаривание постановления (решения) осуществляется в соответствии с нормами АПК, а именно, с параграфом 2 главы 25 АПК РФ. Однако согласно части 2 ст. 207 АПК РФ, производство по делам об оспаривании решений (постановлений) о привлечении к административной ответственности возбуждается на основании заявлений юридических

лиц, индивидуальных предпринимателей и потерпевших. Прокурор в эту группу, как мы видим, не входит. Тем не менее, на практике суды принимают протесты прокурора. В связи с этим, мы считаем обоснованным напрямую включить в главу 25 АПК РФ прокурора города либо района, а также – их заместителей в группу лиц, имеющих право подать заявление о привлечении к административной ответственности, а также приносить протест на не вступившие в законную силу решения административных органов и постановления суда, тем самым, придав рекомендациям ВАС РФ статус федерального закона.

Практика показывает, что в результате отсутствия четких правил и единообразия между нормами АПК и КоАП, суд принимает решение в соответствии со своим внутренним убеждением, по-разному толкуя нормы права. Причем, найти аргументы для отказа в принятии, например, протеста прокурора гораздо проще в соответствии с законодательством, чем найти аргументы в пользу прокурора. Очевидно, что правосудие от такого положения вещей лишь проигрывает.

Обращает на себя внимание Федеральный Закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ, в соответствии с которым были изменены положения об оспоримых и ничтожных сделках и нормы о недействительности сделок [3]. Данные изменения существенно усложнили задачу прокурора по оспариванию сделок, в частности, нередко возникают проблемы с доказыванием полномочий прокурора на участие в процессах подобного рода с учетом позиций ВС РФ по применению статьи 168 ГК. Очевидно, что опять причина кроется в недостатке полномочий прокурора.

С учетом анализа процессуальных полномочий прокурора в арбитражном процессе можно сделать вывод о том, что в целях реального обеспечения законности необходимо законодательное закрепление участия прокурора в Арбитражном процессуальном кодексе в тех случаях, когда необходимость такого участия признана судебной практикой.

В связи с ограниченностью статьи 52 АПК РФ, прокурор помещен в жесткие рамки, создающие сложности при защите государственных интересов, ограничен в возможности подачи искового заявления, в ряде обращений прокурора в суд вопрос о принятии его заявления решается на усмотрение суда в силу отсутствия необходимой нормативной правовой базы. Такая ситуация не способствует повышению качества правосудия при разрешении экономических споров, и, на наш взгляд, требует немедленного редактирования норм АПК.

Литература:

1. Постановлении Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 № 2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об админи-

Literature:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 27, 2003 № 2 (as amended on November 10, 2011) «On some issues related to the enforcement of

стративных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 3.

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» (с изменениями и дополнениями) // Вестник ВАС РФ. 2012. № 15.

3. Российская газета. № 99. 13.05.2013.

4. *Отческая Т.И.* Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 122–131.

the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2003. № 3.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 03.23.2012 № 15 «On Certain Issues of the Participation of the Prosecutor in the Arbitration Process» (with amendments and additions) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2012. № 15.

3. Russian Newspaper. № 99. 05/13/2013.

4. *Otchesky T.I.* Procedural aspects of the participation of the Prosecutor in arbitration process // Actual problems of Russian law. 2018. № 2(87). P. 122 – 131.

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного
и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС
при Президенте РФ
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kurlak09@rambler.ru

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ
СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ
ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИКОВ**

Аннотация. Сведения о типичных следственных ситуациях традиционно рассматриваются как структурный элемент частной криминалистической методики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В представленной статье авторы рассматривают проблему прогнозирования изменения следственной ситуации на первоначальном этапе расследования на примере преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотиков. Выявляются типичные следственные ситуации, классификация которых основана на наличии сведений о личности преступника – отправителя почтовой корреспонденции.

Daniil A. Zykov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments of Russia
daniilzykov@mail.ru

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Departments
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments of Russia,
Associate Professor of Legal Support
State and municipal management
RANEPА Vladimir branch
under the President of the Russian Federation
urgantfk@mail.ru

Sergei A. Semenov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Departments
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
executions of Punishments of Russia
kurlak09@rambler.ru

**ON CERTAIN ASPECTS
OF FORECASTING THE DEVELOPMENT
OF THE INVESTIGATIVE SITUATION
IN THE INVESTIGATION
OF ILLEGAL DRUG TRANSFERS**

Annotation. Information about typical investigative situations is traditionally seen as a structural element of the private forensic methodology for solving, investigating and preventing crimes. In this paper, the authors consider the problem of predicting changes in the investigative situation at the initial stage of the investigation on the example of crimes related to illegal drug trafficking. Typical investigative situations are identified, the classification of which is based on the presence of information about the identity of the offender-the sender of mail.

Ключевые слова: следственная ситуация, развитие следственной ситуации, расследование незаконной пересылки наркотиков.

Keywords: investigative situation, development of the investigative situation, investigation of illegal drug trafficking.

Сведения о типичных следственных ситуациях традиционно рассматриваются как структурный элемент частной криминалистической методики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [1]. Однако следует указать на то, что вопрос о сущности следственной ситуации продолжает оставаться дискуссионным.

Не вдаваясь в научную полемику по данному вопросу, отметим, что наиболее близким нам является определение, рассматривающее следственную ситуацию как обстановку, сложившуюся при возбуждении уголовного дела на каком-либо этапе расследования, характеризующуюся источниками и содержанием информации об обстоятельствах преступления и лице, его совершившем, результатами ее реализации, организационными, управленческими, интеллектуальными, техническими и иными возможностями расследования, воспринятая и оцененная его участниками в целях определения задач расследования, средств, приемов, методов и условий оптимального решения [2]. Данное определение, на наш взгляд, в полной мере раскрывает сущность следственной ситуации, характеризующейся взаимосвязью объективных и субъективных факторов. При этом объективные факторы следственной ситуации отражают наличие возможности раскрытия и расследования преступления, а субъективные характеризуют компоненты, обуславливающие процесс принятия решений участвующими лицами, в том числе и лицами, совершившими преступление.

Правильное восприятие подобного сочетания, на наш взгляд, позволяет максимально эффективно спрогнозировать последующее изменение следственной ситуации по конкретному уголовному делу, и соответственно скорректировать процесс раскрытия и расследования преступления (либо производства отдельных действий) с наименьшими тактическими рисками [3]. Таким образом, конкретная следственная ситуация является неким базисом криминалистического прогнозирования.

Вместе с тем, следственная ситуация не является статичной категорией. Более того, она подвержена постоянному, порой, даже радикальному изменению, чему способствуют приобретение или утрата криминалистически значимой информации, изменение у участвующих лиц полноты и направленности восприятия, сложившейся на определенный момент следственной ситуации, и соответствующее этому изменение действий указанных лиц. Например, подозреваемый, ранее дававший признательные показания, узнав об отсутствии необходимой совокупности прямых доказательств, подтверждающих его вину, дает ложные показания, пытаясь запутать органы предварительного расследования, что изменяет следственную ситуацию в негативную сторону.

Подобная особенность следственной ситуации требует непрерывного прогнозирования её будущего состояния, в целях превентивного воздействия на факторы, способствующие её негативному изменению.

Принимая во внимание предмет нашего научного интереса, рассмотрим проблему прогнозирования изменения следственной ситуации на первоначальном этапе расследования на примере преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотиков.

Проведенное нами изучение материалов следственно-судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконной пересылкой наркотиков, позволило выявить следующие типичные следственные ситуации, классификация которых основана на наличии сведений о личности преступника – отправителя почтовой корреспонденции:

- 1) отправитель наркотических средств задержан на месте совершения преступления или сразу же после его совершения;
- 2) отправитель наркотических средств не задержан, но личность его установлена;
- 3) установлен факт совершения преступного деяния, личность преступника неизвестна, но имеются сведения о индивидуализирующих его признаках;
- 4) установлен факт совершения преступного деяния, но сведения о личности преступника отсутствуют.

Как мы видим, данные следственные ситуации характеризуются существенным различием данных объективного характера, что, безусловно, находит свое отражение и в данных субъективного характера.

Так, следственная ситуация первого типа характеризуется наличием довольно широкой информации как об обстоятельствах преступления, так и о личности преступника (факторы объективного характера), что существенно расширяет возможности следователя при выборе тактики расследования преступления, и, одновременно, сужает вариации поведения преступника, который фактически находится перед выбором между признанием или непризнанием своей вины (факторы субъективного характера).

При этом благоприятную для следствия роль играет и определенное замешательство преступника, вызванное внезапностью задержания, которое существенно снижает возможность противодействия следствию дачей ложных показаний. Кроме этого, в распоряжении следствия имеется существенный массив материальных и идеальных следов, изобличающих преступные действия

лица, причастного к незаконной пересылке наркотиков. Поэтому, как показывает наше исследование, как правило, в рамках данной следственной ситуации лица, совершившие преступления, дают признательные показания и способствуют следствию

Вместе с тем, указанная следственная ситуация имеет вероятность приобретения факторов негативного характера. Так, при прогнозировании её изменения, следует учесть, что подозреваемый, осмыслив произошедшее, может отказаться от данных показаний и не признать свою вину. Поэтому задача следователя – активизировать свою деятельность по приобретению максимально возможной совокупности доказательств, уличающих преступника.

При следственной ситуации второго типа, когда известна личность преступника – отправителя почтовой корреспонденции, но местонахождение его неизвестно, последнее обстоятельство существенно отягощает объективную составляющую следственной ситуации. Вариации прогнозирования включают в данном случае и необходимость установления местонахождения преступника, и необходимость доказывания его вины в совершении преступления (при возможном противодействии этому со стороны разыскиваемого лица).

При этом одним из стратегических приоритетов прогнозирования развития данной следственной ситуации является именно прогнозирование местонахождения преступника и возможностей его задержания. Учитывая, что личность преступника известна, у следствия возникают в этом деле определенные преимущества, позволяющие на основании установления нравственно-психологических и социальных характеристик разыскиваемого, сформулировать наиболее вероятное суждение о его нахождении и возможном поведении при задержании. Это позволяет спрогнозировать возникновение следующих следственных ситуаций:

- 1) преступник знает, что его разыскивают и намеренно скрывается;
- 2) преступник не знает, что его разыскивают и не скрывается;
- 3) преступник может оказать сопротивление при задержании;
- 4) преступник не будет оказывать сопротивления при задержании и т.д.

Как мы видим, недостаток доказательственной информации, образующей объективную составляющую конкретной следственной ситуации, при наличии широких поведенческих возможностей лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступлений, приводит к многовариантности криминалистического прогнозирования.

Третий тип следственной ситуации характеризуется тем, что личность преступника – отправителя почтовой корреспонденции неизвестна, но имеются сведения о его индивидуальных признаках. По особенностям развития данной

следственной ситуации принципиальных различий со следственной ситуацией второго типа, по нашему мнению, нет. Основные силы следствия ориентированы, в первую очередь, на установление лица, совершившего преступления. При этом в распоряжении следователя имеются сведения, характеризующие личность преступника, и отображившиеся как в идеальных следах преступления (сознании очевидцев, свидетелей), так и в материальных (записях камер видеонаблюдения и т.д.).

Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту незаконной пересылки наркотического средства, следователем было обращено внимание на наличие перечеркнутой надписи «отправление 1 класса», расположенной на лицевой стороне изъятого полимерного почтового конверта с пересылаемым в нем наркотиком. При допросе оператора отделения почтовой связи было установлено, что в ее обязанности входит реализация почтовой продукции (конвертов, упаковок для посылок и т.д.). За несколько дней до расследуемых событий в их отделении жителем данного населенного пункта, был приобретен указанный почтовый конверт из полимерного материала для отправки почтовой корреспонденции «первого класса». Это запомнилось допрашиваемой, поскольку в тот день в продаже отсутствовали полимерные почтовые конверты для обычных почтовых отправлений, и она перечеркнула надпись на приобретенном конверте, характеризующим таковой как почтовую корреспонденцию «первого класса», тем самым, придав ей статус обычного отправления. В итоге, сведения об индивидуализирующих признаках покупателя конверта позволили установить личность преступника.

После установления личности преступника развитие следственной ситуации происходит по указанным выше сценариям, характерным для ситуации второго типа.

Следственная ситуация четвертого типа, характеризующаяся отсутствием каких-либо сведений о личности преступника. Подобная ситуация имеет наиболее негативный характер и проявляется в недостаточности доказательственной информации. Это оставляет за лицами, вовлеченными в процесс раскрытия и расследования преступления, широкие возможности действий. При этом очевидное преимущество наблюдаются у лиц, совершивших преступления. Данные лица имеют возможность активно противодействовать следствию, сформировать своё алиби, оказать воздействие на существующие следы преступлений и т.п.

Следователи, в свою очередь, не имея в распоряжении достаточный объем фактических данных доказательственного характера, существенно ограничены в возможностях их реализации, что приводит к ещё большему увеличению вариаций развития следственной ситуации при криминалистическом прогнозировании. Это подтверждается разнообразием криминалистических версий, выдвигаемых в плане расследования неочевидного преступления, где каждая версия фактически является тем базисом, на котором строятся

предполагаемые направления деятельности следствия и, следовательно, прогнозы.

Таким образом, следует отметить, что сложность следственной ситуации, выражающаяся, в первую очередь, в недостаточности сведений доказательственного характера, негативно влияет

Литература:

1. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2003. С. 692.

2. *Образцов Н.А.* Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 113.

3. *Игнатенко Е.А.* Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным перемещением наркотических средств в почтовых отправлениях (по материалам практики органов наркоконтроля Дальневосточного федерального округа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6(12) : в 3-х частях. Ч. 3. 2011. С. 79–82.

на криминалистическое прогнозирование дальнейшего развития следственной ситуации в силу многовариантности суждений. При этом развитие следственной ситуации, характеризующейся наличием достаточной для привлечения лица к уголовной ответственности информацией, более прогнозируемо.

Literature:

1. Criminalistics / edited by R.S. Belkin. M., 2003. P. 692.

2. *Obraztsov N.A.* Concept and forensic significance of the investigative situation // Soviet state and law. 1979. № 8. P. 113.

3. *Ignatenko E.A.* Criminalistic characteristics of crimes related to the illegal movement of narcotic drugs in postal items (based on the practice of drug control bodies of the far Eastern Federal district) // Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. № 6(12) : in 3 parts. Part 3. 2011. P. 79–82.

Игнатьев Евгений Анатольевич
преподаватель кафедры
теории и истории государства и права,
Новосибирский военный институт
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск Национальной гвардии
Российской Федерации
ignatev-evgeniy@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ НКВД СССР В ГОДЫ ВОВ

Аннотация. Настоящая статья рассматривает имевшие место различия в правовом положении военнослужащих внутренних войск НКВД СССР и военнослужащих Красной Армии.

Как известно войска НКВД обладали специальными правами и обязанностями по обеспечению внутренней государственной безопасности и поддержанию общественного порядка в условиях военного времени, при этом с 1 сентября 1939 г., когда внутренние войска были законодательно включены в состав Вооруженных Сил СССР, на них одновременно в полном объеме стали распространяться права, обязанности и ответственность военнослужащих Красной Армии. Необходимо отметить, что данные изменения произошли в СССР незадолго до начала Польского похода Красной армии, начатого 17 сентября 1939 года.

Ключевые слова: НКВД, материально-техническое обеспечение, Великая Отечественная война.

На начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. внутренние войска участвовали в оборонительных боях по всем стратегическим направлениям, поскольку Советский Союз в первые месяцы после Гитлеровского нападения, оказался в довольно сложной военно-политической ситуации и был вынужден задействовать все имевшиеся ресурсы. Оставаясь в структуре наркомата внутренних дел, внутренние войска поступили в оперативное подчинение общевойсковому командованию, однако такое двойное подчинение снижало эффективность их использования.

Необходимо отметить, что особый правовой статус занимали военнослужащие внутренних войск, задействованные в обеспечении разведывательно-диверсионной деятельности в немецком тылу. К их задачам, помимо сбора разведывательных данных, относились так же организация диверсий на коммуникациях и уничтожение живой силы противника, в том числе – военных, жан-дармских и полицейских гарнизонов, при этом

Evgeniy A. Ignatev
Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law,
Novosibirsk Military Institute
named after Army General I.K. Yakovleva
troops of the National guard
of the Russian Federation
ignatev-evgeniy@yandex.ru

LEGAL FEATURES OF PROVIDING MILITARY PERSONNEL AND EMPLOYEES OF THE NKVD OF THE USSR DURING THE WAR YEARS

Annotation. This article considers the differences in the legal position of the soldiers of the internal troops of the NKVD of the USSR and the soldiers of the Red Army.

As is known, NKVD troops had special rights and duties to ensure internal state security and maintain public order in wartime conditions, and since September 1, 1939, when internal troops were legally incorporated into the Armed Forces of the USSR, they were simultaneously fully subject to the rights, duties and responsibilities of Red Army soldiers. It should be noted that these changes took place in the USSR shortly before the start of the Polish march of the Red Army, which began on September 17, 1939.

Keywords: NKVD, logistics, Great Patriotic War.

советские разведчики наделялись правом организации карательных акций по отношению к бывшим советским гражданам и должностным лицам, перешедшим на службу к оккупантам.

Отдельным комплексом специальных прав и обязанностей был наделен личный состав войск, обеспечивавший безопасность в тылу. В частности, согласно «Положению о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии» от 28 апреля 1942 г., наряды данных войск имели право проверять документы у всех лиц без исключения, проводить задержание нарушителей режима, установленного в прифронтовой полосе и т.п. [1].

Определенными особенностями обладало и правовое положение самих военнослужащих войск НКВД, направленных на борьбу с бандитизмом в западных районах страны, на территориях Северного Кавказа, а также обеспечивавших гарнизонную службу на территориях, освобожденных от немецкой оккупации, включая территории сопредельных государств по мере их освобождения.

Кроме того, военнослужащие внутренних войск наделялись специфическими правами, необходимыми для осуществления конвоирования военнопленных и интернированных лиц и репатриации освобожденных из немецких концлагерей граждан СССР. В целом, анализ служебно-правового положения войск НКВД, позволяет сделать вывод, что их правовой статус подразумевал обладание гораздо более многочисленными и разноплановыми служебными правами и обязанностями, нежели статус простых военнослужащих, что было продиктовано целями обеспечения внутренней безопасности и эффективной борьбы с внешними врагами.

Отдельного рассмотрения требует правовое положение военнослужащих и сотрудников органов НКВД, являвшихся организаторами и руководителями истребительных батальонов и партизанских отрядов.

В частности истребительные батальоны формировались при городских и районных органах НКВД численностью около 100–200 чел. [2].

Начальниками истребительных батальонов, как правило, назначались оперативные работники самих органов НКВД, либо офицеры внутренних войск. Поскольку истребительные батальоны были призваны исполнять весьма специфические боевые задачи, руководители данных подразделений также получали соответствующий объем служебных прав, обязанностей и, что немало важно – ответственности.

Необходимо отметить, что как правило кадровые военнослужащие именно войск и органов НКВД стоял у истоков организации массового партизанского движения на оккупированных территориях СССР, которое по своей военной и политической результативности оказало существенное стратегическое влияние на ход боевых действий между СССР и Германией.

Согласно результатам исследований последних лет численность партизанских отрядов, организованных в зонах оккупации немецко-фашистскими войсками, составляла около 2800000 человек, которых поддерживало не менее 300 тысяч партизан-одиночек и еще около 220 тысяч подпольщиков. Организационным ядром многих отрядов являлись специалисты (подрывники, связисты и т.п.), подготовленные именно в учебных центрах НКВД, а также разведывательно-диверсионные группы, регулярно направляемые во вражеский тыл.

Рассматривая особенности правового статуса сотрудников внутренних войск НКВД, необходимо отделано выделить правовой статус советских партизан, поскольку он имел определенные особенности.

Отсутствие на период Второй мировой войны международных правовых норм в отношении партизанского движения, ставила его участников в весьма затруднительное положение, поскольку согласно Гаагскому праву, используемому в тот период, партизанские формирования не имели

формальных признаков для отнесения к вооруженным силам. Именно данным обстоятельством и воспользовалось немецкое руководство, которое поставило любую партизанскую деятельность на подконтрольной территории вне закона, предоставив своим войскам полную свободу в выборе средств борьбы против партизан, не опасаясь какого-либо международного правового преследования по фактам нарушения норм и обычаев сухопутной войны.

Несмотря на то, что советские партизанские отряды формально не относились к регулярным вооруженным силам, они формировались по армейскому образцу, при этом, по мере развития военного противостояния начала проследиваться явная тенденция к сближению правового статуса бойцов партизанских отрядов и военнослужащих регулярной армии, что стало особенно заметно, когда формировавшаяся по началу стихийно структура партизанских отрядов, была в итоге перестроена сверху на принципах организации регулярной армии. В конце концов советским законодательством в отношении партизанского движения в итоге был установлен такой же порядок прохождения службы, как и в действующих войсках, а на членов партизанских отрядов были распространены льготы и преимущества, установленные в отношении соответствующих должностей Красной армии. Кроме того, на партизанские формирования распространились все нормы законодательства и правоотношений военного времени, в том числе и предусмотренные на военный период и в отношении военнослужащих принципы юридической ответственности.

Отдельно необходимо обратить внимание на ряд особенностей правового статуса членов партизанских отрядов, вступивших в их ряды предварительно побывав в окружении вражеских войск, либо бежав из плена, что случалось довольно часто. Уже сам факт нахождения во вражеском тылу, мог спровоцировать неблагоприятные последствия для военнослужащего, как регулярных, так и партизанских частей, что заключалось, прежде всего, в спецпроверках, а также во временном содержании в специальных лагерях НКВД на период их проведения.

Очевидно, что одним из наиболее существенных элементов правового статуса военнослужащего априори является право на материальное обеспечение, включая денежное, продовольственное и вещевое обеспечение, а так же медицинское обслуживание. Военнослужащие войск НКВД не могли здесь являться исключением. Материальное обеспечение данных подразделений помимо Закона от 1 сентября 1939, регулировалось еще 108 различными приказами и директивами, изданными наркоматом обороны в период Великой Отечественной войны, а также еще примерно двумя сотнями 200 документов издано в отношении видов не финансового довольствия.

Как и сегодня у большинства служащих, денежное довольствие военнослужащих войск НКВД состояло из ежемесячного оклада и дополнительных выплат, которые на период военного времени были установлены постановлением СНК СССР

№ 1753 от 25 июня 1941 г. Кроме того, было определено большое количество различных специальных денежных выплат за особые условия службы, успешное выполнение заданий, освоение новой техники и т.п. Анализ документов периода военного времени свидетельствует, что денежное довольствие было наиболее стабильным видом материального обеспечения фронтовиков [3].

Что касается вещевого обеспечения, то независимо от принадлежности военнослужащих к тому, или иному роду войск, им полагалось выделение обмундирования единого защитного цвета, установленное в январе 1941 г. на мирное и военное время. Соответственно для служащих НКВД здесь не предусматривалось каких-либо исключений, кроме случаев подготовки и проведения специальных операций. При этом право собственности на выданное лицам рядового и младшего начсостава обмундирование переходило военнослужащим, и согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г., по завершении военных действий не подлежало возврату в казну. Вместе с тем на практике, особенно в первые месяцы войны, снабжение фронта, в т.ч. материально-техническое оснащение военнослужащих, испытывало серьезные трудности по вполне объективным причинам, и здесь необходимо отметить, массовое движение советского народа по оказанию материальной помощи фронту. В частности за весь период войны только теплых вещей населением было собрано и передано в армию, в количестве способном обеспечить около 10 миллионов человек.

В отличие от материального и вещевого снабжения, продовольственное обеспечение войск, в т.ч. военнослужащих НКВД необходимо было осуществлять ежедневно и в том объеме, который позволял бы военнослужащим выполнять поставленные перед ними задания, что также нашло свое отражение в нормативно-правовых актах, регулировавших данную сферу. В частности личный состав надлежало обеспечивать продовольствием бесплатно согласно суточным нормативам, для чего предусматривалось формирование соответствующего суточного пайка.

Естественным образом продовольственные пайки могли отличаться в зависимости от категории военнослужащих, их специализации, условий службы, степени участия в боевых действиях и т.п. Согласно документам всего для сухопутных сил Красной армии предусматривалось 14, а для военно-морских сил – 18 типовых суточных продовольственных пайков.

Независимо от вида пайка на каждого военнослужащего предусматривалось не менее 800 г хлеба, 900 г картофеля и овощей, 225 г мяса и рыбы, 170 г круп и макаронных изделий, 50 г жиров и растительного масла, 35 г сахара, а также различные

специи. Иными словами, что касается обеспечения военнослужащих Красной армии, в т.ч. военнослужащих войск НКВД продовольствием, то здесь существовала жесткая регламентация, прописанная на уровне нормативно-правовых актов, что явно преследовало цели обеспечения нормальной боеспособности вооруженных сил.

Что касается включения на период ведения боевых действий в состав продовольственного пайка водки – тех самых знаменитых фронтовых стаграмм, то следует отметить, что вопреки распространенному отдельными авторами мнения о массовом ежедневном потреблении водки красноармейцами, выдача данного продукта четко регламентировалась, и преследовала исключительно утилитарные цели: во первых – профилактика пищевых расстройств, обусловленных невозможностью соблюдать гигиену во время приема пищи в условиях боевых действий; во-вторых – профилактику нервного перенапряжения, в третьих – служила в качестве дополнительногоощрения. Согласно постановлению ГКО № 1889 от 6 июня 1942 г., водкой в размере 100 г на человека в сутки обеспечивались только те военнослужащие, кто успешно выполнял боевые задачи в наступлении. Остальные водку получали по 100 г в дни государственных праздников. Эти же нормы относились в качестве минимальных и к военнослужащим, а также к сотрудникам. При этом необходимо отметить, что в войсках противника, в частности для целей устранения нервного напряжения зачастую использовались гораздо более тяжелые медицинские вещества и препараты, вплоть до синтетических наркотиков.

Быт военнослужащих и сотрудников НКВД в условиях боевых действий также подлежал четкой регламентации в соответствии с рядом нормативно-правовых актов, издаваемых органами военного управления, однако в боевой обстановке многие требования вышестоящего командования не исполнялись, но как правило это происходило по усмотрению командира соответствующего подразделения.

В целом анализ архивных документов, позволяет сделать вывод, что правовые основы финансового содержания военнослужащих и сотрудников НКВД, а также их материально-технического обеспечения базировались на тех же нормативно-правовых документах, что и соответствующее обеспечение других служб, за исключением дополнительных мер поддержки и обеспечения, обусловленных спецификой и особенностями выполнения поставленных перед органами НКВД задач в период Великой Отечественной Войны. При этом следует отметить жесткую нормативную регламентацию норм обеспечения и ответственность за их нарушение.

Литература:

1. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М. : «Юрид. лит.», 1975. С. 561–562.

Literature:

1. Internal troops in the Great Patriotic War 1941–1945 Documents and materials. M. : «Yurid. Litas», 1975. P. 561–562.

2. СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945. Хроника. М., 1970.

3. *Лысенков С.Г.* Правовой статус военнослужащих в период великой отечественной войны (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... кан. наук. СПб., 2005. 54 с.

2. USSR in the Great Patriotic War 1941–1945. Chronicle. M., 1970.

3. *Lysenkov S.G.* Legal status of military personnel during the Great Patriotic War (historical and legal research) : autoref. dis. ... caen. sciences. SPb., 2005. 54 p.

Имгрунт Светлана Ивановна

доктор философских наук,
доцент кафедры теории,
истории государства
и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
Sveddy@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Аннотация. В статье анализируются теоретико-правовые аспекты процесса формирования социального государства в современной России. Авторы рассматривают основные подходы к трактовке социального государства, существующие в отечественной и западной науке, выделяют базовые цели и критерии государства данного типа, содержание его социальной политики. Делается вывод, в соответствии с которым наиболее важной задачей социального государства является обеспечение конкретных социальных гарантий и соответствующих им социальных стандартов жизнедеятельности различных категорий граждан в комплексе с обеспечением равных возможностей для самореализации.

Ключевые слова: государство, социальное государство, правовое государство, правовое равенство, государственная власть, социальная политика, социальные стандарты.

Одним из приоритетов развития современного российского государства является идея социальной государственности, провозглашенная в ст.7 Конституции Российской Федерации и неразрывно связанная с социальными обязательствами государства, которые, как было отмечено Президентом В.В. Путиным в Послании к Федеральному Собранию 15 января 2020 г. «должны исполняться в любом случае, при любой ситуации и на всей территории страны» [1]. Несмотря на то, что с момента принятия Основного закона нашей страны, закрепившего положение о социальном государстве, прошло уже более двадцати пяти лет, споры и дискуссии относительно данного термина продолжают входить в настоящее время, что находит отражение в

Svetlana I. Imgrunt

Doctor of Philosophy,
Associate Professor of the Theory,
Stories of the State
and Law and Political Science,
Adygei State University
Sveddy@mail.ru

Petr S. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of Department of the Theory
and the History of the State and the Law,
Rostov State Economic University
samygin78@yandex.ru

**SOCIAL STATE
IN MODERN RUSSIA:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Annotation. Theoretical and practical aspects of the process of a modern state formation are analyzed in the article. The authors take the main existing in Russian and Western science approaches to interpretation of the social state into consideration, highlight the basic aims and criteria of the state of such a kind and the content of its social politics. They draw a conclusion according to which the main aim of the social state is to provide with the certain social guaranties and the appropriate social life standards of different categories of citizens in a complex with the provision of equal opportunities for self-realization.

Keywords: state, social state, legal state, legal equality, government authority, social policy, social standards.

существовании различных подходов к трактовке понятия «социальное государство». Принято считать, что рассматриваемое понятие было введено в научный оборот немецким исследователем Лоренцем фон Штейном (1850), считавшего необходимым для государства оказывать содействие экономическому и социальному развитию всех своих граждан, что предусматривает соответствующие усилия, направленные на поддержание правового и социального равенства представителей различных общественных классов [2; 3].

В современной западной науке понятие «социальное государство» рассматривается в широком и узком смыслах. В узком понимании социальное государство и проводимая им политика

связываются, в первую очередь, с выплатой пособий различным категориям граждан, предоставлением населению тех или иных услуг и жилищным обеспечением, а в широком – с реализацией программ поддержки населения, регулированием экономики страны (управление макроэкономикой), решением вопросов трудоустройства [4]. В отечественной юридической науке также существуют различные подходы к трактовке социального государства, представлены разные определения данного понятия. Ряд авторов рассматривают социальное государство как государство правовое и демократическое, берущее на себя обязанность заботиться о материальном благополучии своих граждан, осуществляющее социальную защиту различных категорий населения, проводящее социально ориентированную политику в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации [5, с.18]. Многие исследователи полагают, что социальное государство в рамках проводимой им политики должно учитывать потребности и интересы представителей всех социальных групп и слоев, что необходимо для обеспечения стабильности в стране и создания приемлемого уровня социального обеспечения ее населения [6, с. 14]. С точки зрения А.Ф. Храмова, социальное государство представляет собой особый тип государства, которое возникло в результате, так называемого, исторического компромисса различных политических сил в интересах всех общественных слоев, базирующегося на «осознании зоны объективных общих интересов контрагентов социального противоборства и необходимости ее дальнейшего расширения с помощью активной, опирающейся на экономическую эффективность и политическую стабильность, социальной политики» [7, с. 30].

Как подчеркивает Е.Н. Наумова в тексте своей диссертации, посвященной теоретическим и практическим аспектам социального государства, «пока еще ни одной стране в мире не удалось воплотить идею социального государства»; что же касается российского государства, то соответствующее конституционное положение здесь в обозримом будущем, по мнению данного автора, «сохранит в значительной степени статус нормы-цели», а «констатация факта наличия социального государства в России носит характер целеполагания» [8, с. 10]. В соответствии с легальной дефиницией социального государства, сформулированной в ст. 7 Конституцией Российской Федерации, политика данного государства «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [9]. Проблема здесь заключается в том, что критерии достойной жизни и свободного развития остаются неясными, они лишены конкретизированного содержания в условиях нестабильности общества [10; 11]. Соответствующие законодательные акты, в которых разъяснялось бы, что конкретно понимается под достойной жизнью и что такое свободное развитие человека, в нашей стране отсутствуют.

Данной точки зрения придерживается Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, по справедливому замечанию которого наша страна еще весьма далеко отстоит от практической

реализации конституционных положений о социальном государстве, а отмеченное выше понятие «достойная жизнь» нуждается в осмыслении с точки зрения теории права. «Мы, указывая Зорькин, далеки от реализации положений статьи 7 Конституции Российской Федерации, а закрепленные в ней понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления» [12, с. 47–48]. Не вызывает сомнений тот факт, что наиболее важной задачей социального государства является не достижение абстрактного всеобщего равенства, а обеспечение конкретных социальных гарантий. В то же время, как подчеркивается в специальных исследованиях, опыт практической реализации основополагающих принципов социального государства свидетельствует о том, что обеспечение этих гарантий на протяжении более двух десятков лет с момента принятия Конституции 1993 г. осуществлялось «на достаточно низком уровне». На это, как отмечает Л.Н. Кочеткова, четко указывают установленные в законодательстве социальные стандарты жизнедеятельности, значение которых заключается в том, что они переводят достаточно абстрактные конституционные понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» на понятный для всех заинтересованных лиц язык цифр и конкретных социально-экономических показателей. К числу базовых социальных стандартов жизнедеятельности граждан, которые ориентированы на обеспечение минимальных социальных гарантий, принято относить прожиточный минимум отдельных категорий населения, минимальный размер оплаты труда, пенсий и социальных пособий, специальные нормы обеспечения медицинскими и образовательными услугами, нормативы социального обслуживания нуждающихся в социальной поддержке лиц, обеспечения жильем и т.д. [13, с. 173].

В течение последних лет достаточно много говорилось о том, что выделенные социальные стандарты в современной России являются крайне низкими: так, к примеру, размер прожиточного минимума или минимального размера оплаты труда (МРОТ), очевидно, не способны позволить человеку вести достойную жизнь или свободно развиваться. Как пишет по этому поводу В.Д. Зорькин, фактические российские показатели таких аспектов социальной справедливости, как прожиточный минимум, МРОТ и индекс развития человеческого потенциала расходятся с правовыми предписаниями [12, с. 49]. Нельзя сказать, что выделенные проблемы не осознаются руководством страны: в упомянутом в начале данной статьи Послании Президента РФ к Федеральному Собранию 2020 г. говорится о необходимости изменений, которые «должны нарастать с каждым годом, с ощутимыми для граждан результатами по достижению достойного уровня жизни». По этой причине Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было указано на необходимость закрепления в тексте Конституции нормы, согласно которой, «минимальный размер оплаты труда в России не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного населения», а также – «принципов достойного пенсионного

обеспечения», включающих в первую очередь регулярную индексацию пенсий [1].

Не отрицая значимости предложенных поправок, необходимо все же отметить, что главой российского государства было указано на необходимость закрепления прожиточного минимума в качестве инструмента регулирования вопросов материального благосостояния граждан. Между тем, различными экспертами в течение последних лет были высказаны многочисленные критические замечания в отношении данного показателя, который рассматривается как несовременный и утративший свою актуальность в настоящее время: рассматриваемое понятие, как известно, было введено еще в 1992 г. по причине катастрофического падения реальных доходов граждан «на время кризисного развития экономики», как указывалось в Указе Президента Р.Ф. Б.Н. Ельцина «О системе минимальных потребительских бюджетов» [14]. В последующем многие специалисты неоднократно обращали внимание на то обстоятельство, что реальная бедность, борьба с которой декларируется в текстах различных нормативно-правовых актов и в речах высших должностных лиц страны, связана не только с прожиточным минимумом, в основе которого находится продуктовая корзина физиологического выживания. Так, в 2019 г. Росстатом даже был опубликован доклад, посвященный феномену «многомерной бедности», в котором были показаны различные способы измерения масштабов этого феномена. В большинстве современных европейских государств, как известно, бедность уже в течение ряда десятилетий измеряется в первую очередь через относительные показатели, включающие долю от среднего дохода, расходующую на реализацию определенных потребностей граждан, а также доступность для населения определенных товаров и услуг.

Литература:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию». URL : Consultant.ru.>document/cons_doc_LAW_342959
2. *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. 2008. № 3(51).
3. *Гафиатулина Н.Х.* Влияние социально-классового, экономического неравенства на социальное здоровье студенческой молодежи // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2012. № 4(32). С. 103–108.
4. *Аристов Е.В.* Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2015. Выпуск 3 (29).
5. *Самыгин С.И.* Социальная политика : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» / С.И. Самыгин, И.А. Янкина, А.В. Рачипа. М., 2012.

Что касается минимального размера оплаты труда, то он также, в соответствии с современными подходами, призван решать не только и не столько задачу выживания: в специальной конвенции Международной организации труда, посвященной МРОТ, выделяется ряд факторов, которые должны учитываться при определении уровня заработной платы. К числу данных факторов, указанная Конвенция относит, во-первых, потребности работников и их семей с учетом «общего уровня заработной платы в стране, стоимости жизни, социальных пособий и сравнительного уровня жизни других социальных групп, а, во-вторых, «экономические соображения, включая требования экономического развития, уровень производительности и желательности достижения и поддержания высокого уровня занятости» [15].

В настоящее время российский МРОТ не выступает в качестве социального ориентира, а выполняет скорее технические функции (на его основе, в частности, рассчитываются зарплата, социальные пособия, страховые платежи и штрафы). Минимальный уровень оплаты труда в нашей стране, выступая в качестве технического показателя, не обеспечивает при этом достойного уровня существования, о котором в говорится в Конституции. В идеале размер минимальной заработной платы должен постепенно увеличиваться, приводиться в соответствие с международно-правовыми стандартами, что предусматривает переход к привязке МРОТ к средней заработной плате по стране. В целом же, деятельность социального государства должна быть направлена на предоставление всем гражданам определенных государственных гарантий и соответствующих им социальных стандартов жизнедеятельности в комплексе с равными возможностями для самореализации.

Literature:

1. Presidential Address by the Russian President to the Federal Assembly from January 15, 2020 «Presidential Address to the Federal Assembly». URL : Consultant.ru.>document/cons_doc_LAW_342959
2. *Kochetkova L.N.* Theory of the social state of Lorenz von Stein // *Philosophy and science*. 2008. № 3 (51).
3. *Gafiatulina N.Kh.* The influence of social class, economic inequality on the social health of students // *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2012. № 4(32). P. 103–108.
4. *Aristov E.V.* Social state in constitutional law: about a discussion of a relative concept // *Vestnik of Perm University. Juridical science*. 2015. Iss. 3 (29).
5. *Samygin S.I.* Social politics : textbook for university students studying «Social work» / S.I. Samygin, I.A. Yankina, A.V. Rachipa. M., 2012.

6. *Каргалова М.В.* Социальное государство – неотъемлемая часть современной цивилизации // Социальное государство: концепция и сущность. М. : ИС РАН, 2004.
7. *Храмцов А.Ф.* Социальное государство: практики формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. 2007. № 2.
8. *Наумова Е.Н.* Социальное государство в России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юридич. наук, Владимир, 2006.
9. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в актуальной редакции Законов РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июня 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. 2016. № 1. URL : <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3524>
11. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva. 2017. № 4. С. 66–75.
12. *Зорькин В.Д.* Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1.
13. *Кочеткова Л.Н.* Итоги, проблемы и перспективы социального государства в России // Политика и общество. 2013. № 3(99).
14. Указ Президента РФ от 2 марта 1992 г. № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов Российской Федерации». URL : base.garant.ru
15. Конвенция Международной Организации Труда № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с учетом опыта развивающихся стран (Женева, 22 июня 1970 г.). URL : base.garant.ru
6. *Kargalova M.V.* Social state – integral part of a modern civilization//Social state: concept and essence. M. : SI RAS, 2004.
7. *Hramtzov A.F.* Social state: practice of formation and functioning in Europe and Russia // Social investigation. 2007. № 2.
8. *Naumova E.N.* Social state in Russia: theoretical and practical problems : abstract of dis. ... cand. of juridicial science. Vladimir, 2006.
9. The Constitution of the Russian Federation of 1993 (in actual law revision of amendments to the Constitution of RF from June 21, 2014 г. № 11-FCL) // Code of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
10. *Gafiatulina N.Kh.* The social health of students in a crisis of social justice: challenges and threats to Russia's security / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Engineering Herald of the Don. 2016. № 1. URL : <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3524>
11. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva. 2017. № 4. С. 66–75.
12. *Zorkin V.D.* Social state in Russia: the problems of realization // A comparative constitutional review. 2008. № 1.
13. *Kochetkova L.N.* Results, problems and prospects of a social state in Russia // Politics and society. 2013. № 3(99).
14. Presidential decree from March 2, 1992 № 210 «Of a system of minimal consumer budgets of the Russian Federation». URL : base.garant.ru
15. Minimum Wage Fixing Convention № 131 «Of установлении Minimum Wage Fixing based on the experience of developing countries (Jeneva, June 22, 1970). URL : base.garant.ru

Касаткина Елена Александровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы,
Владимирский филиал
alenka-d-k@mail.ru

Баринов Андрей Викторович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
Владимирский филиал
barinov-vlad@inbox.ru

Кузнецова Инна Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
Владимирский филиал
kuzina33@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

**БАНКРОТСТВА
ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Аннотация. Банкротство обуславливается многими факторами, начиная от социально-экономических, заканчивая психико-культурными. По части своего существования, такой термин как банкротство физических лиц, в современном российском праве появляется лишь в 2015 году. В статье анализируются отдельные проблемы правового регулирования банкротства физических лиц, такие как, особенности экономического положения должника в процедуре банкротства, проблемы участия арбитражного управляющего, обращение взыскания на имущество физического лица. Авторами предлагаются пути решения выявленных проблем, направленных на совершенствование законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, физическое лицо, социально-психологические причины банкротства, недобросовестный должник, арбитражный управляющий.

Elena A. Kasatkina

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Civil Law,
Russian Academy
of National Economy and
State Service,
Vladimir branch
alenka-d-k@mail.ru

Andrey V. Barinov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law,
Russian Academy
of National Economy
and State Service,
Vladimir Branch
barinov-vlad@inbox.ru

Inna A. Kuznetsova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Civil Law,
Russian Academy
of National Economy
and State Service,
Vladimir Branch
kuzina33@mail.ru

INDIVIDUAL PROBLEMS

**OF BANKRUPTCY
OF NATURAL PERSONS**

Annotation. Bankruptcy is determined by many factors, ranging from socio-economic to psycho-cultural. In terms of its existence, such a term as the bankruptcy of individuals in modern Russian law appears only in 2015. The article analyzes certain problems of legal regulation of bankruptcy of natural persons, such as features of the economic situation of the debtor in bankruptcy proceedings, problems of participation of the arbitration manager, foreclosure on the property of a natural person. The authors propose ways to solve the problems identified, aimed at improving the legislation on bankruptcy.

Keywords: bankruptcy of individuals, bankruptcy, natural person, social and psychological reasons of bankruptcy, unscrupulous debtor, arbitration manager.

Сегодня изучение проблематики банкротства физических лиц является одной из первостепенных задач многих учёных правоведов. Банкротство как явление, довольно широко применяется в современном обществе, так как жизнь человека никогда «не стоит на месте» и в силу экономических, социально-психологических, политико-правовых причин меняется порой очень кардинально. Ни один человек, в силу обычных, жизненных причин не застрахован от различного рода форс-мажоров, в связи с чем, банкротство висит практически над каждым, дееспособным субъектом права, как «дамоклов меч». На момент 2019 года, каждый 2044 гражданин был участником дела о банкротстве [1]. Возможно, кому-то покажется что 2044 это не очень много, спешим вас огорчить, но мы не брали в учет статистических данных по банкротству юридических лиц и так же должен указать, что с каждым годом, тенденция на банкротство увеличивается, что обеспечивает нас неприятными прогнозами на следующие десятилетия. В связи с этим, актуальность данной темы, носит самый материалистический характер. Нам не приходится говорить о метафизических проблемах банкротства, все проблемы налицо.

Прежде чем переходить к самой проблематике, стоит раскрыть смысл понятия «банкротство физического лица». Говоря юридическим языком, это официальное признание государством и кредиторами несостоятельности должника, а равно невозможности в полной мере удовлетворить требование кредитных организаций. Говоря проще, это невозможность в силу каких-либо обстоятельств отвечать по своим задолженностям. Процедура банкротства начинается с подачи заявления. Одним из самых ярких мифов, относящихся к нашему вопросу, является то, что только сам гражданин, по собственному желанию может объявить себя банкротом. К счастью для правовой системы и к сожалению для граждан, вынуждены сказать, что данный факт не имеет к действительности никакого отношения. Заявить о возможном банкротстве того или иного гражданина, может не только он сам, но и кредитная организация, если должником неоднократно нарушаются правила, установленные законом. В частности, задолженности на сумму большее 500 000 рублей, за уплату меньше 10 процентов от суммы долга за месяц, а также отсутствие нужного количества имущества, для погашения долга. После подачи заявления, проведения судебного разбирательства и вынесения соответствующего судебного решения назначается финансовый управляющий. В соответствии с пунктами 5 и 7 статьи 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) с даты признания гражданина банкротом все права в отношении его личного имущества осуществляются финансовым управляющим, оплата труда которого вносится банкротом в бюджет суда, который после дела выплачивает сумму финансовому управляющему. Дальнейшим продолжением служат два вектора развития ситуации, а именно мягкий и жесткий. Мягкий путь заключается в реструктуризации долга, а именно после взвешенного обдумывания и анализа заработной платы

должника за последние 3 года, суд выносит решения о возможном частичном погашении долго за счет вычета из заработной платы части суммы, которая будет отправляться к кредитору, так же суд может помочь оплатить часть суммы, что не всегда имеет место быть на практике, но тем не менее возможно в теории. Жесткий же вариант заключается в признании банкрота окончательно неплатежеспособным, все долги отменяются, продается все имеющееся имущество, за исключением оговоренных законом предметов, а именно минимальной оплаты труда, жилой площади, наградных орудий и знаков, а также домашних животных. Есть еще один возможный вариант, который так же не часто встречается на практике, но все же имеет место быть, а именно мировое соглашение. Так как данный закон имеет диспозитивный характер, на каждой стадии процесса есть возможность заключить мировое соглашение, которое пойдет на пользу каждой из сторон. В случае окончательного банкротства для должника начинается период санкций, которые выражаются в испорченной кредитной истории сроком на пять лет, невозможностью быть акционером и предпринимателем, а также занимать руководящие посты на протяжении трех лет.

Кроме этого стоит учитывать, что в решении рассматриваемого вопроса, стоит опираться на разные ситуации, из-за которых и создаются основные проблемы, связанные с банкротством.

Во-первых, пожалуй, основной и главенствующей проблемой являются общемировые экономические кризисы. Не является секретом, что общемировая экономика в последние десятилетия проходит период стагнации, тем самым еще больше усугубляя ситуацию долгового бремени физических лиц. Даже в современной России, долгового рынок претерпевает не самые лучшие изменения. Не малая часть банков лишается лицензий из-за рискованных и сомнительных, по мнению ЦБ РФ, операций в сфере кредитования.

Все эти факторы сопутствуют безработице и следовательно, число невозвращенных в срок денежных сумм увеличивается. Данная проблема, по нашему мнению является главенствующей. Так как рядовой гражданин не может повлиять на ход мировой экономики и порой становится заложником бездарной экономической политики со стороны тех политиков, которых он, возможно, и не выбирал.

Во-вторых, проблема банкротства сильно опирается на социально-психологические причины. Физическое лицо не может в полноценной мере отнестись к экономической единице арбитражно-конкурсного процесса ввиду его юридической некомпетентности и неграмотности. На практике, некоторым участникам дела может показаться, что должник избрал путь злоупотребления права, но в реальности, данный субъект права даже не может понять правовой сути своего положения и последствий, которые его ждут после процедуры банкротства. Банкротство физических лиц в современной России, является довольно интересным, пожалуй, самым мифологизированным новшеством. И мифологизированным оно является

отчасти потому, что к глубочайшему сожалению, правовая культура в нашей стране дышит на ладан, люди в силу своей юридической неграмотности, становятся узниками своего невежества по части нормативных вопросов. Такое явление как банкротство физических лиц, в силу различных тому причин не приживается в отечественных умах, скорее всего это связано с тем, что все-таки подавляющим социальным классом является советское поколение людей, для которых даже понятие юридическое лицо является чем-то не понятным, ибо советская система банально не знала ничего кроме кооперативов и совхозов/колхозов. По всей видимости именно из-за своего жизненного опыта, личностного роста, который складывался в другой политической и экономической системе человек не имеет широких познаний в сфере юриспруденции. Но это не столь проблема, сколько временный пережиток, который уйдет со временем.

В-третьих, банкротство физического лица, является одним из новых законодательных введений последнего десятилетия. Понимаем, что первым положением о банкротстве гражданина, был Федеральный Закон от 8.01.1998 № 6 «О несостоятельности (банкротстве)» и отчасти они будут правы, но в обязательном порядке стоит брать на учет тот факт, что законодательство 1998 года, не всецело могло раскрыть потенциал банкротства физического лица, оно лишь отчасти раскрывала функцию банкротства индивидуального предпринимателя. Данная проблема решилась лишь к 2015 году, когда был принят закон Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закреплял функции банкротства физических лиц на территории Крыма и города федерального значения Севастополь, а так же делал существенные дополнения, вынося из 10-ой главы Закона о банкротстве целый ряд статей, а именно с 202 по 213, тем самым вынося дефиницию «Банкротства физического лица» в отдельный федеральный закон, по сути дела оставляя Закон о банкротстве лишь процессуальные нормы и конечно, новое законодательство утверждало порядок действия суда и сторон спора. Но из-за того, что закон является относительно «молодым», государству следует уделять больше внимания таким нормам.

В-четвертых, физическое лицо не подходит под категорию субъекта предпринимательской деятельности согласно Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», вследствие чего он не числится в специальном реестре (ЕГРИП, ЕГРЮЛ), в связи с чем часть процедуры банкротства для данного лица, на практике, не дадут должного результата.

В-пятых, физическое лицо, как субъект права, может выступать в качестве члена кооператива [4, с. 6–10], владельцем доли в уставном капитале,

акционером. При этом ему не обязательно иметь статус индивидуального предпринимателя или юридического лица. На этом месте, мы имеем довольно интересный парадокс, после банкротства юридическое лицо ликвидируется вместе со своими обязательствами. В отношении физического субъекта права, такой процесс не может быть применен, так как чтобы лишить человека его гражданско-правовых обязательств и (или) административно-правового статуса, надо его фактически «убить» [3, с. 79–88].

В-шестых, одной из явных проблем является злостное нарушение процессуальных норм должником. Недобросовестный должник, желая избавиться от своих долгов путем обмана, пытается вводить суд в заблуждение, а мы хотели бы напомнить, что одного из оснований, будь то невозможность оплатить долг, неуплата 10 процентов в месяц, неуплата в трехмесячный срок, сумма долга свыше 500000 рублей уже может являться основанием для банкротства. И вот, недобросовестный должник, будет искать различные пути введения суда в заблуждение из-за своих корыстных целей, а санкции, которые могут возникнуть после этого, совершенно не соразмерны его деянию. Ряд статей УК РФ, а именно 195–197, вводят санкции по отношению к таким людям, исключительно в экономическом эквиваленте, выдавая ему мизерные штрафы. Правонарушитель не боится заплатить небольшой штраф, чтобы спасти свои огромные суммы, поэтому пренебрегая законом испытывает терпение судей.

В-седьмых, избыточное количество доказательств для подачи заявления о банкротстве оставляет желать лучшего. Статья 213.4 Закона о банкротстве, а именно часть 3, предоставляет перечень документов, которые должны сопутствовать заявлению о несостоятельности. Обращаясь к данной норме, мы понимаем, что часть досудебных документов получить практически невозможно, ряд кредиторов должника, в том числе и коммерческие банки, неохотно предоставляют документы о текущих задолженностях, а также и другие документы, являющиеся важными дополнениями к заявлению о несостоятельности.

В-восьмых, оплата труда управляющего на настоящий момент составляет 25000 рублей, порой у должника нет денег на пропитание, следовательно ему неоткуда взять такую сумму на оплату финансового управляющего. Так же всевозможные государственные пошлины и налог на списанный долг в размере 13 % от суммы долга могут сильно ударить по кошельку должника.

В-девятых, арбитражный управляющий зачастую не в полной мере выполняет свои обязательства в силу небольшой оплаты своего труда и зачастую из-за отсутствия какого-либо ликвидного для реализации имущества. Так же арбитражные управляющие не особо берутся за такие дела в силу не устоявшейся арбитражной практики по таким делам. Необходимо напомнить, что для того, чтобы стать арбитражным управляющим, гражданин должен пройти не одно «препятствие»

в профессиональном плане. Для саморегулирующей организации арбитражных управляющих устанавливаются следующие правила членства:

- наличие высшего образования;
- наличие стажа работы на руководящих должностях не менее года и стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве не менее чем два года;
- сдача теоретического экзамена;
- отсутствие наказаний в виде дисквалификации за совершение административного правонарушения;
- отсутствие судимости за совершение умышленного преступления [2, с. 81];

В-десятых, согласно ст. 446 ГПК РФ, на единственное жилье не может быть обращено взыскание, хотя порой бывают случаи, что стоимость жилья в десятки раз превышает сумму долга.

Продолжать дискуссию по поводу проблем банкротства физических лиц можно практически бесконечно, так как данный закон не является в полной мере «обкатанным», следовательно, при должном старании можно найти еще недостатки.

Исходя из вышесказанного мы имеем довольно интересную картину. Судя по статистике, с каждым годом доля людей, желающих или не желающих, но тем не менее являющимися субъектами такого права, становятся банкротами или проходят через эту процедуру.

В связи с этим, считаем важным внести ряд предложений, которые могли бы обеспечить должное развитие гражданских правоотношений, которые будут носить сугубо локальный характер и, к сожалению, не смогут затронуть все перечисленные выше проблемы, так как ряд трудностей, являются нерешаемыми на уровне гражданина, а являются проблемами глобального характера.

1. Говоря о социально-психологических проблемах, стоит в первую очередь задумываться о финансовой и правовой грамотности населения.

Повышение грамотности, в обязательном порядке приведет к росту правовой и экономической культуры, что в свою очередь заставит людей больше думать головой, а не своими мимолетными влечениями и будет им подсказывать, как рационально и логически, без ущерба для собственного кошелька осуществлять целевое расходование собственных средств. При повышении правовой и экономической культуры среди населения, будет неизбежным падение социальных запросов и сама нужда в такого рода законах о несостоятельности, так как образованный и подготовленный с точки зрения права человек, будет ответственно подходить к своим решениям, что в конечном счете приведет к более точным и взвешенным решениям, которые дадут возможность адекватно оценивать свои возможности и риски, и не дадут субъекту права, влезть в долговую кабалу. Поэтому обеспечение должного высшего

образования среди населения является перво-степенной задачей социальной политики государства.

2. Так как закон о банкротстве является относительно новым, государство, в лице правотворческих органов должно уделять должное внимание такого рода нормам.

3. Стоит вводить более суровые методы и нормы наказания к злостным нарушителям закона о несостоятельности. Так как эти люди, в своих корыстных целях подрывают и дестабилизируют правовую систему. Только реальные уголовные сроки, заставят таких субъектов чтить закон.

4. В обязательном порядке упростить процедуру сбора досудебных документов для начала дела о банкротстве, а так же вводить обязательные санкции к тем учреждениям, которые по различным причинам отказываются давать копии требуемых судом документов.

5. Оплата труда финансового управляющего должна полностью финансироваться из федерального бюджета. Также желательно, повысить процент от суммы проданных вещей должника с 7 % до 8–9 % – вследствие чего, заинтересованность арбитражного управляющего вырастет пропорционально его желанию исполнять свои обязанности.

6. Повышение престижа работы арбитражного управляющего является важнейшим приоритетом, ведь большинство проблем решают именно кадры. Обязательным пунктом, наряду с повышением престижа арбитражного управляющего, так же стоит ослабить ценз на приобретение статуса арбитражного управляющего и на организацию саморегулируемой организации арбитражных управляющих.

7. Согласно статье 446 ГПК РФ, на единственное жилье не может распространяться взыскание. В данном месте мы подразумеваем важнейшую дефиницию любой демократической конституции, а именно неприкосновенность частной собственности и жилища. Посему мы не можем накладывать на них арест, но, так же по закону, у человека не могут быть взысканы – домашние животные, одежда, столовые приборы в размере одного комплекта, (ложки, вилки, супницы, тарелки и т.д.), наградное оружие, медали, а так же различные другие, относящиеся к наградным вещам орудия и бутафория. С данной частью этой нормы трудно согласится, так как иногда, стоимость данных предметов могут в разы превышать сумму долга. Даже если посуда будет сделана из золота и будет инкрустирована бриллиантами, её не смогут забрать в счет погашения долга, так как являются предметами обихода, необходимыми для жизни. Считаем, что такие приборы стоит изымать у должника с последующей продажей на аукционе, тоже самое касается дорогостоящей одежды, известных брендов, которая так же, в свою очередь должна быть реализована в пользу кредиторов. Безусловно, домашние животные, медали, наградные орудия и кинжалы изымать нельзя,

исходя из сугубо морально-этических качеств, в независимости от того, какой ценой они обладают. Такое предложение исходит из того, что каждый человек должен сам следить за своим

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3431.
3. *Зенин И.А.* Гражданское право // Юрайт. 2018. №18. С. 81.
4. *Попов Л.Л.* Административное право Российской Федерации // РГ-Пресс. 2015. С. 79–88.
5. *Тычинин С.В.* Потребительская кооперация с позиции гражданского права // Юрист 2003. № 8. С. 6–10.

финансовым оздоровлением и рационально взвешивать свои возможности, понимая, чем он рискует.

Literature:

1. Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 10.26.2002 № 127-ФЗ. Art. 4190.
2. Federal Law «On state registration of legal entities and individual entrepreneurs» dated 09.08.2001. № 129-ФЗ. № 33 (Part I). Art. 3431.
3. *Zenin I.A.* Civil law. // Yurait. 2018. № 18. P. 81.
4. *Popov L.L.* Administrative law of the Russian Federation. // RG-Press. 2015. P. 79–88.
5. *Tychinin S.V.* Consumer cooperation from the position of civil law // Lawyer. 2003. № 8. P. 6–10.

Коротаева Марина Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Юридический институт
Северо-Кавказского
федерального университета,
адвокат Ставропольской
краевой коллегии адвокатов
marjna@inbox.ru

Рябова Лилия Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Юридический институт
Северо-Кавказского
федерального университета
liliya.ryabova.63@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации превышения должностных полномочий с применением оружия или специальных средств, как особо квалифицированный состав превышения должностных полномочий. Как отмечает автор, данный вид преступности создает серьезное препятствие на пути построения правового демократического государства, гражданского общества, а также рыночной экономики и, как следствие, выражается в дискредитации всей системы государственной власти, тем самым снижая роль доверия к ней со стороны граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: должностные полномочия, превышение, оружие, специальные средства, квалификация преступления.

В современных условиях проблема превышения должностных полномочий стоит как никогда остро. Данный вид преступности создает серьезное препятствие на пути построения правового демократического государства, гражданского общества, а также - рыночной экономики и, как следствие, выражается в дискредитации всей системы государственной власти, тем самым снижая роль доверия к ней со стороны граждан Российской Федерации.

За 2019 год были возбуждены и расследованы дела, которые находились под личным контролем председателя Следственного комитета Рос-

Marina A. Korotaeva

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Criminal Law
and Processes Department,
Legal Institute
North Caucasian Federal University,
Lawyer Stavropol
regional Bar
marjna@inbox.ru

Lilia V. Ryabova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
Criminal Law and Proceedings,
Legal Institute
North Caucasian
Federal University
liliya.ryabova.63@mail.ru

**SOME PROBLEMS
OF QUALIFICATION
OF OFFICIAL POWERS'**

Annotation. The article is devoted to the problems of qualification of abuse of power with the use of weapons or special means, as a particularly qualified composition of abuse of power. This type of crime creates a serious obstacle to the construction of a democratic state, civil society, and market economy and, as a result, is expressed in discrediting the entire system of state power, thereby discrediting the entire system of state power, thereby discrediting the entire system of state power, thereby reducing the role of trust in it by the citizens of the Russian Federation.

Keywords: official powers, excess, weapons, special means, qualification of the crime.

сийской Федерации А.И. Бастрыкина, имели резонанс в обществе и мире.

К сожалению, количество осужденных по ст. 286 УК РФ растет: 2016 г. – 1058, 2017 г. – 1142, 2018 г. – 1238, за 6 мес. 2019 г. – 612. При изучении структуры обращает на себя внимание то, что количество осужденных по ч. 3 ст. 286 УК РФ значительно больше, чем по ч. 1. ст. 286 УК РФ: 2016 г 166–945, 2017 г. 336–798, 2018 г. 331–1002 [1].

Прослеживается не только увеличение количества осужденных за превышение должностных полномочий, но и с применением насилия или

угрозой его применения, с применением оружия или спецсредств, с причинением тяжких последствий.

В следственной и судебной практике имеется много сложностей, как в установлении самого события, так и сбора доказательств, направленных на установление события, оценке полученных доказательств, правильности квалификации. Это привело к тому, что имеется достаточно много случаев оправдания в судебном процессе: 2016 г. – 37, 2017 г. – 42, 2018 г. – 37 [2].

Приведенная статистика предполагает наличие законных оснований оправдания, но в связи с тем, что должностные лица, привлеченные к уголовной ответственности и являющиеся подсудимыми в момент рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции или апелляционной, имели возможность избежать уголовной ответственности. Это, как правило, происходит из-за отсутствия четкой регламентации уголовного и уголовно-процессуального закона, неправильной организации правоохранительной системы в части оперативного сопровождения, низкой эффективности расследования, имеются сложности квалификации.

Превышение должностных полномочий создают определенную угрозу государству, обществу, подрывают авторитет власти, правоохранительных органов, статус государственных и муниципальных служащих, – порождает недоверие и социальную напряженность в обществе, вызывает негативную оценку деятельности должностных лиц. Такая ситуация в государстве нарушает как законные интересы личности, приводит к значительному материальному ущербу, а в иных случаях и моральных страданиях, вызванных превышением должностных полномочий. По сути, этим нарушаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Рассматривая превышение должностных полномочий с применением оружия или специальных средств, как особо квалифицированный состав превышения должностных полномочий, следует обратить внимание на то, что применение оружия является средством достижения цели при деяниях, которые выходят за рамки дозволенного и установленного должностными инструкциями, этическими понятиями, гарантиями законов и Конституции Российской Федерации.

Как отмечает М.А. Романенко [3, с. 62] чаще это происходит с сотрудниками правоохранительных органов, – оперативными сотрудниками, при реализации оперативно-разыскного мероприятия, задержании, преследовании. Также, это может происходить при реализации защиты охраняемых интересов. Однако имеет место и случаи превышения должностных полномочий в Вооруженных силах РФ.

Часть 2 ст. 286 УК РФ устанавливает оценочное понятие общественно-опасного последствия в виде «существенного вреда». Примечание к статье определяющее рамки существенного вреда отсутствует. Не высказался по этому поводу и Пленум Верховного Суда.

Если существенный вред в части причинения вреда здоровью можно установить и определить заключением судебно-медицинской экспертизы. То касаясь материального, морального, имущественного и интеллектуального – установить очень сложно, а порой – и невозможно.

Суды при рассмотрении уголовного дела испытывают определенные затруднения при определении материального вреда. Суду сложно сформулировать свои суждения, так как они не имеют основу единого подхода в расчетах материального вреда при превышении должностного преступления.

Суды исходят из своих внутренних убеждений и на основе детального изучения материалов уголовного дела. Требуется единый подход, но его нет, и это затрудняет и установление, и доказывание, и оценку преступного деяния, что влияет на квалификацию преступления.

Особую сложность имеют превышения должностных полномочий в Вооруженных силах РФ. Следует отметить, что не имеет значения при каких условиях произошло превышение должностных полномочий: при условии подчиненных отношений или в отсутствие подчинения между военнослужащими. Если в отношении применения насилия, охватывающего побои, истязание, легкий и средний вред здоровью все понятно, то признак лишения свободы остался за рамками исследования ученых, в то время как это очень востребовано.

Примером может служить следующее. Гр. В. являясь должностным лицом - начальником по воинскому званию и должности для гр. С. применил к последнему физическое насилие. Превышая свои полномочия, установленные ст.ст. 16, 19, 33, 34, 78, 79, 154 и 155 Устава внутренней службы, ст. 3, 4 и 7 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, Гр.В. неоднократно замечания подчиненному о невыполнении им воинского устава. В одну из словесных перепалок, которую допустил боец К., старший по званию выполнял функции дежурного по гарнизону нанес гр. К. несколько ударов, а потом, схватив за воротник куртки, заволок его в кубрик, где закрыл на ключ, исключив свободу перемещения. гр. В., оставил его без обеда, ужина и завтрака, без воды и без доступа к туалетной комнате. Как установило следствие, гр. В были унижены честь и достоинство потерпевшего, ему были причинены телесные повреждения, а также нарушены, охраняемые законом, интересы общества, государства, подорван авторитет Вооруженных сил [4].

Необходимо уточнить, что данное деяние квалифицируется по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ по признаку превышения должностных полномочий, а не по признаку причинения вреда здоровью и лишения свободы.

Если рассматривать угрозу применения насилия, то следует отметить, что это психическое воздействие на потерпевшего должностным лицом. Угроза может быть разной: угроза убить, причинить телесные повреждения, распространить

информации. Все перечисленное совершается не с целью причинить вред здоровью и охраняемым интересам, а в рамках превышения должностных полномочий для получения преступного результата. Данные угрозы должны восприниматься потерпевшим как реальные, вызывать опасения за свою жизнь, здоровье, репутацию.

П. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает квалифицирующий признак применение оружия и специальных средств, предметов, которые могут быть использованы с целью причинения вреда здоровью. В данном случае надо вести речь и рассматривать вопрос о применении оружия и спецсредств на основании таких законов, как: Закон «О полиции» в редакции от 06.02.2020 г., Закон «Об оружии» в редакции от 02.08.2019 г., Закон «Об обороне» в редакции от 27.12.2019 г.

П. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает причинение тяжких последствий. В данном случае это последствия совершения превышения должностных полномочий, которые повлекли за собой крупные аварии, нарушение движения транспорта, деятельности производств, учреждений, значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство, покушение на самоубийство.

Примером может служить уголовное дело в отношении гр. Ф., который, являясь главным врачом «Станции переливания крови», дал распоряжение выдать кровь, которая находилась под карантинным наблюдением, мотивируя тем, что требование от больницы поступило срочное. Через 3 суток пришло уведомление о том, что лицо, у которого была забрана кровь для формирования банка крови, проявил признаки заболевания, и клиническое проявление было подтверждено лабораторными методами исследования, – гепатит С.

В результате противоправных действий, а именно – превышения должностных полномочий наступили тяжкие последствия в виде заражения реципиента гепатитом «С». Данный случай не только привел к заболеванию реципиента, но и вызвал дестабилизацию работы «Станции переливания крови» из-за вынужденной ревизии и полной помывки учреждения, что привело к остановке его работы на 7 дней. Суд рассмотрел уголовное дело и приговорил гр. Ф. к 2 годам лишения свободы [5].

Не менее интересный пример из судебной практики. Гр. А., понимая, что нарушает требования закона, отдал распоряжение о ведении строительных работ в плохих погодных условиях, которые по технологии производства были запрещены. В результате были произведены работы низкого качества, через 42 дня произошло разрушение части строения, произведенной с нарушением требований технологии. По заключению товароведческой и строительной экспертиз ущерб составил 7 миллионов рублей.

Суд рассмотрел уголовное дело в отношении гр. А. признал его виновным по п. «в» ч. 3 ст. 286

УК РФ и приговорил к 3 годам лишения свободы [6].

Исходя из того, что ст. 286 УК РФ по конструкции имеет материальный состав, то в качестве последствий необходимо рассматривать только причинение существенного вреда охраняемым законом интересам, правам. Однако законодатель не уточняет, что понимать под понятием «интересы». В чем заключается ценность, какова оценка этой ценности. Если это благо, то в чем заключается это благо, каков объем, границы, размеры этого блага. Даже если рассматривать с позиции причинение существенного вреда правам гражданина, то и в этом случае для определения состава преступления, квалификации по ст. 286 УК РФ требуется хотя бы мнение Пленума Верховного суда Российской Федерации. В сложившейся ситуации с одной стороны уголовный закон провозглашает защиту всех благ, которые охватываются различными правами человека. Но, все люди разные и если для одного это благо, то для другого это не приемлемо.

По всей видимости, это положение должно быть конкретизировано и ограничено, например, благами, указанными в Конституции Российской Федерации. На это указывает и Т.В. Клоссовская [7].

Это позволит разграничить блага, вообще, и блага, которые общеприняты и закреплены в Конституции РФ. Это исключит расширение возможности для привлечения к уголовной ответственности, так как не даст возможности расширенно трактовать все блага, интересы, права личного плана потенциально потерпевшего.

Не меньшую сложность при квалификации деяния по ст. 286 УК РФ является достаточное большое количество отсылочных (бланкетных) норм, определяющих как должностных лиц, так и их функциональную составляющую дающую возможность превысить должностные полномочия. В то же время, наличие упоминания признаком, по которым можно определить, установить признаки должностного лица, порой, лишены властно-распорядительной функции.

Еще одна проблема на протяжении длительного времени не нашла решения в среде ученых в области уголовного права и не оценена Пленумом Верховного суда Российской Федерации - это причинение ущерба личности через оскорбление, порой, бубличные, неліцеприятные высказывания, принижение достижений гражданина с единственной целью добиться получения преступного результата. Речь идет о нарушении права на имя при применении оскорбительных прозвищ, личного достоинства в силу возраста, пола, привычек. Речь также может идти о разглашении врачебной, адвокатской тайны с целью поставить гражданина в зависимое положение от наличия информации у должностного лица. Все это должно охватываться при квалификации ст. 286 УК РФ.

Литература:

1. Статистика. Агентство правовой информации и статистики РФ. URL : // <http://stat.ru> (дата обращения 02.02.2020).
2. Статистика. Агентство правовой информации и статистики РФ. URL : //<http://stat.ru> (дата обращения 02.02.2020).
3. *Романенко М.А.* Субъективная сторона превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // В сборнике: Актуальные проблемы правоприменительной и правоохранительной деятельности в современных условиях. Материалы XI международной научно-практической конференции. Белгород : Беловодье, 2018. 210 с.
4. Судебная практика // Приговоры судов по ст. 286 УК РФ Превышение должностных полномочий. URL : <http://sud-praktika.ru/precedent/202761.html> // (дата обращения 08.02.2020).
5. Судебная практика // Приговоры судов по ст. 286 УК РФ Превышение должностных полномочий. URL : <http://sud-praktika.ru/precedent/202761.html> // (дата обращения 08.02.2020).
6. Судебная практика // Приговоры судов по ст. 286 УК РФ Превышение должностных полномочий. URL : <http://sud-praktika.ru/precedent/202761.html> // (дата обращения 08.02.2020).
7. *Колосовская Т.В.* Превышение должностных полномочий. // Молодой ученый. 2016. № 11(115) С. 1315. URL : <https://moluch.ru/archive/115/30650/> (дата обращения 09.02.2020).

Literature:

1. Statistics. Agency for Legal Information and Statistics of the Russian Federation. URL : //<http://stat.ru> (date of the address of 02.02.2020).
2. Statistics. Agency for Legal Information and Statistics of the Russian Federation. URL : //<http://stat.ru> (date of the address of 02.02.2020).
3. *Romanenko M.A.* Subjective side of abuse of official authority (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // In the collection: Topical problems of law enforcement and law enforcement activities in modern conditions. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Belgorod : Belovode, 2018. 210 p.
4. Judicial practice // Sentences of courts under article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation Excess of official authority. URL : <http://sud-praktika.ru/precedent/202761.html> // (contact date 08.02.2020).
5. Judicial practice // Sentences of courts under article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation Excess of official authority. URL : <http://sud-praktika.ru/precedent/202761.html> // (contact date: 08.02.2020).
6. Judicial practice // Sentences of courts under article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation Excess of official authority. URL : <http://sud-praktika.ru/precedent/202761.html> // (contact date 08.02.2020).
7. *Kolosovskaya T.V.* Abuse of authority // Young scientist. 2016. № 11(115). P. 1315. URL : <https://moluch.ru/archive/115/30650/> (contact date 09.02.2020).

Куракина Светлана Ивановна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kursi@inbox.ru

Левченко Андрей Васильевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права,
Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет
lev4enko.andrei_2016@mail.ru

**КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ МОЛЧАНИЕ
В КОНСТИТУЦИОННОМ
ПРАВOTВОРЧЕСТВЕ**

Аннотация. С учетом того, что право является государственным инструментом регулирования общественных отношений, авторы полагают, что пробелы в современном российском законодательстве не всегда можно объяснить только слабостью юридической техники. В статье предпринята попытка связать общественно-исторические условия, в которых создавалась современная политическая система России и ее правовое ядро – Конституция Российской Федерации с наличием пробелов в конституционном праве. Авторы обосновывают тот факт, что пробелы в конституционном правотворчестве являются, по своей сути, квалифицированным молчанием – сознательным допущением законодателя пробелов в законе по причине отсутствия политической необходимости их восполнения.

Ключевые слова: пробел в праве, квалифицированное молчание закона, правотворчество, Конституция, Конституционный Суд.

Учитывая, что право выполняет роль универсального инструмента посредством которого государство регулирует общественные отношения, формальная определенность правовых норм имеет особое значение в законодательстве. В истории эволюции права существуют примеры того как те или иные общественные отношения не были урегулированы законодателем по причинам как объективного, так и субъективного характера. Такую экстраординарную ситуацию в теории права принято называть пробелом в праве. Так, согласно Григорьеву Ф.Л. и Черкасову А.Д., «под пробелом в праве понимают отсутствие в действующей системе законодательства нормы права, в соответствии с которой должен решаться вопрос, требующий правового регулирования»

Svetlana I. Kurakina

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Theory
and the History of the State and the Law,
Perm State National Research University
kursi@inbox.ru

Andrei V. Levchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of Philosophy and Law,
Perm National Research
Polytechnic University
lev4enko.andrei_2016@mail.ru

**QUALIFIED SILENCE
IN CONSTITUTIONAL
LAWMAKING**

Annotation. Taking into account the fact that law is a state instrument for regulating public relations, the authors believe that the gaps in modern Russian legislation can not always be explained only by the weakness of legal technology. The article attempts to link the socio-historical conditions in which the modern political system of Russia and its legal core – the Constitution of the Russian Federation - was created with the presence of gaps in constitutional law. The authors substantiate the fact that the gaps in constitutional law-making are, in essence, qualified silence-a conscious assumption by the legislator of gaps in the law due to the lack of political necessity to fill them.

Keywords: gap in law, qualified silence of the law, law-making, Constitution, constitutional Court.

[7, с. 463]. По мнению Авакьяна С.А., «пробелом можно назвать отсутствие соответствующих конституционных норм, что выглядит как не включение в законодательство отдельных предписаний, взаимосвязанных их групп в существующие нормативные правовые акты и как непринятие целых актов, предназначенных для регулирования соответствующих общественных отношений» [6, с. 3].

Среди всех отраслей права конституционное право занимает особое место в системе права. Это объясняется предметом данной ведущей отрасли публичного права, нормы которой регулируют отношения, связанные с осуществлением политической власти в стране и участием общества в этом процессе. Отсутствие соответ-

вующих конституционных норм влияет на различные сферы правового регулирования.

В действующей конституции существуют пробелы, которые могут породить проблемы политического характера. Одним из них является отсутствие регламентации созыва Конституционного Собрания, которое в соответствии со ст. 135 Конституции РФ [1] имеет право либо подтвердить неизменность действующей Конституции либо разработать проект новой конституции. Сама процедура созыва Конституционного Собрания должна быть предусмотрена федеральным конституционным законом, о чем прямо говорится в ч. 2 ст. 135 Конституции РФ. Однако до настоящего времени данный закон не принят, ни один из разработанных проектов так и не стал действующим федеральным конституционным законом.

Еще одним пробелом действующей Конституции является отсутствие регламентации досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности главы государства и гаранта Конституции РФ исполнять свои обязанности по состоянию здоровья, что предусмотрено ч. 2 ст. 92 Конституции РФ. Не определен орган или должностное лицо правомочное оценить состояние здоровья Президента России, отсутствуют как юридические, так и медицинские критерии такой оценки, сам механизм прекращения полномочий главы государства в такой ситуации не разработан.

Однако российское законодательство содержит нормы, согласно которым состояние здоровья высших должностных лиц Российской Федерации не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию. Данная норма содержится в ст. 7 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [3]. Исходя из нормы вышеупомянутого закона, органы власти и должностные лица имеют право запрашивать и получать информацию о состоянии здоровья Президента РФ. Однако как уже было отмечено, сама процедура оценки состояния здоровья главы государства не определена.

В связи с запросом Государственной Думы о толковании положений ч. 2 ст. 92 Конституции РФ, Конституционного Суда РФ в Постановлении от 11.07.2000 № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» отметил лишь, что досрочное прекращение исполнения Президентом Российской Федерации своих полномочий в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия требует особой и объективной процедуры [2]. Конституционный Суд РФ, признав, что такая процедура должна быть особой и носить объективный характер, не определил саму процедуру, полагая, что установление такой процедуры не входит в его компетенцию.

Считаем возможным упомянуть, что в отношении некоторых государственных должностей действующее законодательство регулирует подобные вопросы. Например, согласно ст. 14 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», председатель Банка России может быть освобожден от должности, в том числе, и в случае невозможности исполнения служебных обязанностей, подтвержденной заключением государственной медицинской комиссии [4].

Отметим, что в предыдущей Конституции РФ в ст. 165.1, включенной 21 апреля 1992 г. в ее текст, Конституционный Суд РФ имел право давать заключение о наличии у соответствующего федерального должностного лица стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять связанные с его должностью полномочия – по представлению государственной медицинской комиссии [5]. Таким образом, был определен орган власти, который мог установить стойкую неспособность главы государства по состоянию здоровья осуществлять свои конституционные полномочия и достаточно четко регламентирован порядок исполнения полномочий президента в этом случае. Так в ст. 121.11 предыдущей Конституции в случае невозможности дальнейшего осуществления Президентом своих полномочий, его полномочия исполняет Вице-президент РФ, а в случае невозможности исполнения полномочий главы государства Вице-Президентом РФ, они переходят последовательно к Председателю Совета Министров Российской Федерации, Председателю Верховного Совета Российской Федерации. В действующей Конституции же, в ч. 3 ст. 92, во всех случаях, когда Президент не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства РФ.

Таким образом, вышеупомянутые пробелы современного российского конституционного права, являются, по нашему мнению, результатом эволюции политической системы России девяностых годов прошлого столетия, во многом как результат противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти, представленной Верховным Советом РФ и Президентом соответственно. Победа в этом противостоянии Президента РФ привела к тому, что принятая вскоре действующая Конституция РФ юридически закрепила ведущую роль президента в политической системе России.

На наш взгляд, некоторые неурегулированные вопросы Конституции РФ действующая власть сознательно оставляет открытыми для сохранения стабильности и мира в нашей стране. В юридической литературе подобная ситуация получила название «квалифицированное молчание закона», т.е., когда существование пробела в действующем законодательстве является не результатом слабой юридической техники, а следствием сознательного допущения существования пробела. На сегодняшний день отсутствует особая необходимость восполнить существующие пробелы в конституционном праве, однако, в дальнейшем, если возникнет необходимость восполнить пробелы действующей Конституции РФ,

следует исходить не из политической конъюнктуры, а руководствуясь заблаговременно и тщательно разработанной юридической процедуры с

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 29.02.2020).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2000 № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия». URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 29.02.2020).

3. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.03.2015) «О государственной тайне». URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 29.02.2020).

4. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017). URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 29.02.2020).

5. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992). [URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения 29.02.2020).

6. *Авакьян С.А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3-1.

7. Теория государства и права : учеб. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 776 с.

учетом объективной потребности развивающегося российского общества.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL). URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (accessed 29.02.2020).

2. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of 11.07.2000 № 12-P «On the case of interpretation of the provisions of articles 91 and 92 (part 2) of the Constitution of the Russian Federation on early termination of the powers of the President of the Russian Federation in case of persistent inability for health reasons to exercise his powers» URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (accessed 29.02.2020).

3. The law of the Russian Federation of 21.07.1993 № 5485-1 (ed 08.03.2015) «On state secrets». URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (accessed 29.02.2020).

4. Federal law № 86-FZ of 10.07.2002 (ed. of 18.07.2017) «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (with ed. and extra, Intro. effective from 30.09.2017). URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (accessed 29.02.2020).

5. The Constitution (Basic Law) of the Russian Federation – Russia (adopted by the armed forces of the RSFSR on 12.04.1978) (ed. from 10.12.1992). URL : [http://www/consultant.ru](http://www.consultant.ru) (accessed 29.02.2020).

6. *Avakyan S.A.* Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them/ / Constitutional and municipal law. 2007. № 8. P. 3-1.

7. Theory of state and law: studies. / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Malko. 2nd ed., pererab. and additional M. : jurist, 2001. 776 p.

Лизикова Марина Сергеевна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора предпринимательского
и корпоративного права,
Институт государства и права РАН
lizikova_m@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Аннотация. В статье рассмотрены существующие проблемы в сфере лицензирования деятельности в области использования атомной энергии. Проведен анализ национальных процедур лицензирования АЭС, сделаны выводы об их вариативности, отмечена тенденция, направленная на стремление отдельных государств к повышению эффективности процедуры лицензирования. Также, автором отражены подходы к решению рассмотренных проблем и сделан вывод о необходимости многостороннего сотрудничества, направленного на облегчение лицензирования, и гармонизации последнего.

Ключевые слова: лицензирование, административно-правовое регулирование, атомная энергетика, использование атомной энергии, ядерная безопасность, атомные электростанции.

В настоящее время мировое сообщество ищет пути решения проблем изменения климата, обеспечения энергетической безопасности, экономического роста и др., с особой остротой заявивших о себе в XXI веке. Свою лепту в их решение может внести атомная энергетика.

На сегодняшний день в мире насчитывается порядка 452 действующих ядерных реакторов, которые обеспечивают около 10 % мирового энергообеспечения. С 2000-х гг. было начато строительство 94 новых реакторов, строительство 56 завершено [19]. Практически полное отсутствие выбросов CO₂ на всех этапах ядерного топливного цикла от добычи урана до захоронения отходов, а также вывод, сделанный Межправительственной группой экспертов по изменению климата о нецелесообразности отказа от атомной энергии [22] дают возможность прогнозировать дальнейшее развитие мировой атомной отрасли.

Согласно оптимистичным прогнозам, чтобы атомная энергетика сыграла свою роль в борьбе с глобальным потеплением, необходим к 2050 году ее крупномасштабный рост – до 25 % [23]. Иные исходят из вероятного возрастания ее доли до тераваттного масштаба после 2050 года [14],

Marina S. Lizikova
Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate
Business Sector and Corporate Law,
Institute of State and Law of RAN
lizikova_m@mail.ru

PROBLEMS OF LICENSING ACTIVITIES IN THE FIELD OF ATOMIC ENERGY USE

Annotation. The article discusses the existing problems in the field of licensing activities in the field of atomic energy use. The analysis of national licensing procedures for nuclear power plants is carried out, conclusions are made about their variability, a tendency towards the desire of individual states to increase the efficiency of the licensing procedure is noted. The author also reflects approaches to solving the problems considered and concludes that multilateral cooperation is needed to facilitate licensing and harmonize the latter.

Keywords: licensing, administrative regulation, nuclear energy, the use of atomic energy, nuclear safety, nuclear power plants.

выдвигаются предположения роста ядерной генерации к 2100 году [22]. В последние годы, несмотря на отказ от атомной энергетики отдельных европейских государств, наблюдается тенденция возрастания интереса к ней со стороны государств Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Южной Америки, а также дальнейшее расширение ядерно-энергетических программ в России, Китае и Индии.

Крупномасштабный рост атомной энергетики невозможен без повышения ее экономической конкурентоспособности. Несмотря на высокие затраты на отдельных этапах жизненного цикла ядерных установок, затраты на уголь, нефть и газ выше, чем на атомную энергию [21]. Возобновляемые источники энергии также остаются дорогими, что на данном этапе не позволяет им конкурировать. Повышение конкурентоспособности находящихся в эксплуатации в настоящее время ядерных установок возможно при условии продления срока их службы, увеличения их мощности или продления лицензии. А расширение мировой атомной энергетики оправдано, в первую очередь, за счет тех государств, которые вынуждены импортировать нефть, уголь, газ.

Однако существующие в атомной отрасли регулирующие барьеры, в том числе, и сфере лицензирования, оказывают негативное влияние на перспективы ее развития.

В области использования атомной энергии лицензирование является обязательным требованием и одной из основных разрешительных процедур. К настоящему времени на международном уровне выработаны принципы и требования к лицензированию деятельности в области использования атомной энергии. Так, лицензионные требования закреплены во всех международных ядерных конвенциях – Конвенции о ядерной безопасности [2], Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим ядерным топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами [3], Конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных установок [1]. Ими предусмотрены: создание системы лицензирования; включение системы лицензирования в законодательную и регулируемую основу; запрещение деятельности в области использования атомной энергии без лицензии; обеспечение контроля, оценки и выполнения условий лицензии; создание механизма обеспечения соблюдения требований и эффективных санкций; возложение ответственности за безопасность ядерной установки на обладателя лицензии.

Эти требования детально раскрываются в рекомендациях МАГАТЭ [8], предусматривающих разработку национального законодательства в области использования атомной энергии. Применительно к сфере лицензирования, государствам рекомендовано, исходя из критерия характера и уровня угрозы, законодательное закрепление разрешительного и уведомительного порядков. Основными элементами лицензирования, которые должны найти свое отражение в национальном законодательстве являются:

- требование о наличии лицензии, условия и процедуры подачи заявки, участие общественности в этом процессе;
- четкие критерии условия и процедуры выдачи лицензии, меры по защите закрытой информации, расходы на получение лицензии;
- требования к ее форме; приостановление, изменение или аннулирование лицензии; инспекционные и правоприменительные меры.

Соответственно, цели лицензирования - повышение безопасности, снижение экологических и иных воздействий, обеспечение прозрачности, обеспечение соблюдения законодательства в атомной отрасли, закрепление ответственности государства – являются едиными, «аксиоматичными» [20] для всех государств.

Тем не менее, национальные требования государств к процессу лицензирования АЭС, также, как и требования к безопасности, зачастую существенно отличаются. Отдельные государства на основе собственного опыта в рассматриваемой сфере выработали свои модели лицензирования, в рамках которых разнятся виды деятельности в

области использования атомной энергии, подлежащие лицензированию, виды лицензий и сроки их действия, основания приостановления и прекращения действия лицензии, количество общественных обсуждений и этапы, на которых они проводятся и др.

Нам представляется целесообразным в качестве иллюстрации к вышесказанному кратко охарактеризовать процедуры лицензирования, существующие в различных государствах.

Так, например, в Российской Федерации, которая является одним из ключевых игроков мировой атомной отрасли (портфель зарубежных заказов ГК «Росатом» по данным за 2019 год включает 36 блоков на разных стадиях реализации [10]), в соответствии с положениями ФЗ «Об использовании атомной энергии» [11] и Положением о лицензировании деятельности в области использования атомной энергии [4], процесс лицензирования АЭС проходит в пять этапов, охватывая размещение, сооружение, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию и продление ресурса, а также - вывод из эксплуатации.

В Канаде процесс лицензирования АЭС, также, как и в России, охватывает пять этапов, соответствующих фазам жизненного цикла ядерной установки [16]. Согласно Правилам о ядерных установках класса I, утвержденным Канадской комиссией по ядерной безопасности (CNSC), заявки на лицензии на подготовку площадки, строительство и эксплуатацию новой ядерной установки могут рассматриваться параллельно при условии предоставления заявителем необходимых документов. Другой отличительной чертой процедуры лицензирования новых АЭС является требование о предоставлении информации о планах вывода из эксплуатации ядерной установки и финансовых гарантиях в самом начале процесса лицензирования.

В целях четкого понимания и соблюдения требований, заявителями Канадская комиссия по ядерной безопасности ведет работу по разработке вспомогательных руководств по применению каждого типа лицензии. К настоящему времени опубликовано только одно руководство – по применению лицензии на строительство АЭС (2011 г.), остальные – по применению лицензии на подготовку площадки и применению лицензии на эксплуатацию АЭС – находятся в стадии разработки. Данная инициатива Комиссии, несомненно, будет способствовать ускорению и облегчению процедуры лицензирования.

В Великобритании процедура лицензирования осуществляется Управлением по ядерному регулированию (ONR), регулирующим проектирование, строительство и эксплуатацию любой ядерной установки на территории страны, для которой требуется лицензия в соответствии с Законом о ядерных установках 1965 года. Она проходит в четыре этапа и завершается выдачей на неопределенный срок единой лицензии на площадку, которая потенциально охватывает все этапы жизненного цикла объекта – от строительства и ввода в эксплуатацию до эксплуатации, а затем –

вывода из эксплуатации и восстановления площадки. Однако это не означает, что предоставление лицензии на площадку предусматривает автоматическое разрешение на строительство и эксплуатацию.

В соответствии с Законом о ядерной безопасности Республики Корея, в стране предусмотрена двухэтапная процедура лицензирования ядерных установок: получение разрешения на строительство и лицензии на эксплуатацию. В целях повышения эффективности регулирования, была введена новая система лицензирования – система одобрения стандартного проекта, которая «обеспечивает проверку утвержденного стандартного проекта без наложения дополнительных нормативных требований в течение определенного периода времени по закону, и, в основном, исключает проверки безопасности для частей АЭС, которые ссылаются на ранее утвержденный стандартный проект» [24]. Наряду с ней, возможна также подача заявки в Комиссию по ядерной безопасности и физической безопасности (NSSC) на раннее одобрение площадки.

В Соединенных Штатах Америки, в соответствии с Законом об атомной энергии [13], лицензирование всех коммерческих и промышленных объектов или установок по производству и использованию ядерного оружия, включая ядерные энергетические реакторы, осуществляется национальным регулирующим органом - Комиссией по ядерному регулированию (NRC), которая уполномочена устанавливать условия регулирования лицензий в целях и в соответствии с положениями вышеназванного Закона.

В США существуют два подхода к процедуре лицензирования. Двухэтапный (первоначальный), в соответствии с которым были лицензированы все действующие АЭС в США [25], предусматривающий получение лицензии на строительство, а затем – по его окончании – лицензии на эксплуатацию, и альтернативный, в рамках которого предусмотрена выдача комбинированной лицензии, включающей все этапы лицензирования. Последний, введенный с целью обеспечения ускорения процесса лицензирования, позволяет решить все вопросы безопасности еще до начала строительства отдельно от заявки на лицензию. Этой цели способствует также предоставленная заявителю возможность при строительстве нового реактора ссылаться на сертифицированную NRC стандартную конструкцию.

Стремление США занять лидирующую позицию на мировом рынке атомной энергетики привело к принятию в 2019 году Закона об инновациях и модернизации ядерной энергетики (NEIMA) [18], который предусматривает разработку новой системы лицензирования для ядерных энергоблоков с передовыми реакторами. Согласно данному акту, процедура лицензирования должна отличаться большей четкостью и контрольные показатели, по аналогии с другими жестко регулируемые сферами, такими как фармакология и авиационная промышленность, что, в свою очередь, позволит привлечь больше инноваций для активизации атомной энергетики.

В Финляндии, в соответствии с условиями предоставления лицензии, закрепленными в Законе о ядерной энергии [17], процесс лицензирования деятельности в рассматриваемой сфере проходит в несколько этапов. Получению лицензии на строительство или эксплуатацию предшествует принципиальное решение Правительства, которое может быть принято только в случае соответствия эксплуатации объекта общему благу, при условии согласия муниципалитета, на территории которого находится предполагаемый участок ядерной установки, на строительство, а также – при условии безопасного использования ядерной энергии и не причинения вреда людям или окружающей среде или имуществу. Подтверждением последнего служат предварительный и окончательный отчеты финского национального регулятора Управления по радиационной и ядерной безопасности (STUK), который, согласно оценке ГК «Росатом», «является одним из самых суровых и требовательных национальных регуляторов» [7] по анализу безопасности.

Следующим этапом процедуры лицензирования в Финляндии является получение строительной лицензии, а на этапе загрузки топлива в реактор необходимо получение лицензии на эксплуатацию. Этот вид лицензии является срочным и, в целях всестороннего периодического анализа безопасности, предусматривает повторное лицензирование.

В качестве примеров временных и затратных издержек, возникших по причине более жестких требований регулирующих органов и необходимости проведения дополнительных проверок на предмет соблюдения надлежащего уровня безопасности, можно привести процесс выдачи лицензии на эксплуатацию блока № 3 АЭС «Олкилуото», затянувшийся почти на 10 лет (с 2009 по 2019 гг.) [12], а также – процедуру лицензирования строительства финской АЭС «Ханхикиви», начавшуюся еще в 2015 году и продолжающуюся до сих пор [5].

Таким образом, проведенный анализ наглядно показал «вариативность» национальных процессов лицензирования, что затрудняет внедрение стандартизированных конструкций в разных государствах, препятствует осуществлению новых проектов; создает сложности в лицензировании новых реакторов, что вынуждает разработчиков проектов ориентироваться в «лабиринте регуляторного риска» [20] и, соответственно, негативно сказывается на внедрении инноваций и не способствует привлечению инвестиций. Это, в свою очередь, ведет к снижению конкурентоспособности, увеличению времени согласований с национальными регуляторами и расходов, которые не обусловлены требованиями безопасности.

В то же время, проведенное сравнение выявило тенденцию, направленную на стремление отдельных государств (Корея, США) к повышению эффективности процедуры лицензирования в рассматриваемой сфере путем введения процедуры стандартизированного лицензирования.

Проблемы лицензирования деятельности в области использования атомной энергии в силу своей актуальности регулярно поднимаются на крупнейших международных конференциях. Так, Агентством по ядерной энергии при Организации экономического сотрудничества и развития (NEA-OECD) в апреле 2015 года была проведена «New Build Licensing Conference» [15], участники которой подчеркнули необходимость диалога между сообществами регулирующих органов и лицензиатов с целью определения будущих возможностей для улучшения координации процессов лицензирования с процессами инвестирования и развития. Этот диалог возможен при помощи Программы оценки многонациональных проектов (MDEP) и Программы по сотрудничеству в оценке и лицензировании конструкции реактора (CORDEL), направленных на расширение многостороннего сотрудничества, поощрение многонационального сближения кодов, стандартов и целей безопасности, облегчения лицензирования новых реакторов. В качестве возможных вариантов лицензирования деятельности в области использования атомной энергии было предложено рассмотреть авиационное лицензирование, основанное на международной стандартизации, согласовании процедур утверждения проектов и управления изменениями, а также взять на вооружение отдельные элементы лицензирования в железнодорожной отрасли.

Потребность в проведении оптимизации международных регулирующих норм в соответствии с

Литература:

1. Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml
2. Конвенция о ядерной безопасности. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc449_rus.pdf
3. Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим ядерным топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc546_rus.pdf
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2013 г. № 280 (ред. от 26.11.2016) «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности в области использования атомной энергии» // СЗ РФ, 08.04.2013. № 14. Ст. 1700.
5. Правительство Финляндии рассмотрит вопрос о лицензировании строительства АЭС «Ханхикиви» не раньше 2019 года. URL : <http://www.atomic-energy.ru/news/2018/01/31/82870>
6. Профессионалы атомной отрасли встретились в Москве. URL : <http://geoenergetics.ru/2018/10/26/professionalny-atomnoj-otrasli-vstretilis-v-moskve/>
7. Росатом планирует в ближайшее время завершить лицензирование на строительство АЭС

современными требованиями была вынесена на обсуждение на европейском ядерном форуме [9] прошедшем в декабре 2017 года генеральным директором Всемирной ядерной ассоциацией (WNA). А на Российской Энергетической Неделе 2018 [6] были отмечены необходимость принятия нового типа регулирования, а также выработки единой стандартизированной процедуры выдачи лицензий на строительство АЭС.

Таким образом, в сфере лицензирования деятельности в области использования атомной энергии к настоящему времени накоплен ряд проблем, потребность в разрешении которых тем выше, чем более важная роль отводится атомной энергетике в преодолении глобальных вызовов современности, для чего на данном этапе представляется необходимым расширение многостороннего сотрудничества в рамках существующих нормативных рамок, направленное на облегчение лицензирования, устранение нестабильности и непредсказуемости его процедуры, обеспечения понимания применяемых нормативных и правовых требований всеми участниками процесса с целью выработки единого гармонизированного подхода. В конечном итоге, это будет способствовать повышению его эффективности и более тесному взаимодействию между развитием технологий и лицензированием, а также сокращению времени согласования с национальными регуляторами и снижению не обоснованных требованиями безопасности затрат.

Literature:

1. Convention on the Physical Protection of Nuclear Material and Nuclear Facilities. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml
2. Convention on Nuclear Safety. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc449_rus.pdf
3. Joint Convention on the Safety of Spent Nuclear Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc546_rus.pdf
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2013 № 280 (as amended on November 26, 2016) «On the Approval of the Regulation on Licensing Activities in the Field of the Use of Atomic Energy» // SZ RF, 04/08/2013. № 14. Art. 1700.
5. The Government of Finland will consider licensing the construction of Hanhikivi NPP no earlier than 2019. URL : <http://www.atomic-energy.ru/news/2018/01/31/82870>
6. Nuclear industry professionals met in Moscow. URL : <http://geoenergetics.ru/2018/10/26/professionalny-atomnoj-otrasli-vstretilis-v-moskve/>
7. Rosatom plans in the near future to complete licensing for the construction of nuclear power plants

в Финляндии. URL : <http://www.atomic-energy.ru/news/2017/04/20/75034>

8. Справочник по ядерному праву МАГАТЭ. Вена : МАГАТЭ, 2006.

9. Стратегия развития мировой атомной энергетики представлена на европейском ядерном форуме. URL : <http://www.atomic-energy/news/2017/12/14/817442>

10. Строящиеся АЭС. URL : https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/index.php?sphrase_id=1237736

11. Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об использовании атомной энергии» // «Российская газета». 28.11.1995. № 230.

12. Финский атомный регулятор разрешил выдачу эксплуатационной лицензии блоку № 3 АЭС Олкилуото. URL : <http://www.atomic-energy.ru/news/2019/02/26/92834>

13. Atomic Energy Act of 1954. As Amended Through P.L. 115–439, Enacted January 14, 2019. URL : <https://legcounsel.house.gov/Comps/Atomic%20Energy%20Act%20Of%201954.pdf>

14. *Bunn M.* Nuclear Disarmament, Nuclear Energy, and Climate Change: Exploring the Linkages // Nuclear Disarmament: A Critical Assessment. Oxon, England: Routledge, March 2019. P. 189.

15. Licensing and Permitting Task Force conference outcomes. URL : <https://www.world-nuclear.org/press/briefings/licensing-and-permitting-task-force-conference-out.aspx>

16. Licensing Process for Class I Nuclear Facilities and Uranium Mines and Mills (2015). CNSC REGDOC-3.5.1.

17. Nuclear Energy Act 1987. № 990/1987, as last amended by Act № 862/2018. URL : <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaanokset/1987/en19870990.pdf>

18. Nuclear Energy Innovation and Modernization Act. Jan. 14, 2019. URL : <https://www.congress.gov/115/plaws/publ439/PLAW-115publ439.pdf>

19. Nuclear Power in a Clean Energy System. Fuel report – May 2019. URL : <https://www.iea.org/reports/nuclear-power-in-a-clean-energy-system>

20. Predictable and stable licensing. URL : <https://www.world-nuclear-news.org/RS-Predictable-and-stable-licensing-1709201401.html>

21. Rokhshad Hejazi Nuclear energy: Sense or non-sense for environmental challenges // International Journal of Sustainable Built Environment Science Direct. URL : <http://www.sciencedirect>

22. Special Report: Global Warming of 1.5 °C. URL : <https://www.ipcc.ch/sr15/>

in Finland. URL : <http://www.atomic-energy.ru/news/2017/04/20/75034>

8. IAEA Nuclear Law Handbook. Vienna : IAEA, 2006.

9. The global nuclear energy development strategy is presented at the European Nuclear Forum. URL : <http://www.atomic-energy/news/2017/12/14/817442>

10. NPPs under construction. URL : https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/index.php?sphrase_id=1237736

11. Federal Law of the Russian Federation Nov. 21, 1995 № 170-ФЗ (as amended on July 26, 2019) «On the Use of Atomic Energy» // Rossiyskaya Gazeta, № 230, November 28, 1995.

12. The Finnish atomic regulator authorized the issuance of an operational license to Unit 3 of Olkiluoto NPP. URL : <http://www.atomic-energy.ru/news/2019/02/26/92834>

13. Atomic Energy Act of 1954. As Amended Through P.L. 115–439, Enacted January 14, 2019. URL : <https://legcounsel.house.gov/Comps/Atomic%20Energy%20Act%20Of%201954.pdf>

14. *Bunn M.* Nuclear Disarmament, Nuclear Energy, and Climate Change: Exploring the Linkages // Nuclear Disarmament: A Critical Assessment. Oxon, England: Routledge, March 2019. P. 189.

15. Licensing and Permitting Task Force conference outcomes. URL : <https://www.world-nuclear.org/press/briefings/licensing-and-permitting-task-force-conference-out.aspx>

16. Licensing Process for Class I Nuclear Facilities and Uranium Mines and Mills (2015). CNSC REGDOC-3.5.1.

17. Nuclear Energy Act 1987. № 990/1987, as last amended by Act № 862/2018. URL : <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaanokset/1987/en19870990.pdf>

18. Nuclear Energy Innovation and Modernization Act. Jan. 14, 2019. URL : <https://www.congress.gov/115/plaws/publ439/PLAW-115publ439.pdf>

19. Nuclear Power in a Clean Energy System. Fuel report – May 2019. URL : <https://www.iea.org/reports/nuclear-power-in-a-clean-energy-system>

20. Predictable and stable licensing. URL : <https://www.world-nuclear-news.org/RS-Predictable-and-stable-licensing-1709201401.html>

21. Rokhshad Hejazi Nuclear energy: Sense or non-sense for environmental challenges // International Journal of Sustainable Built Environment Science Direct. URL : <http://www.sciencedirect>

22. Special Report: Global Warming of 1.5 °C. URL : <https://www.ipcc.ch/sr15/>

23. The Harmony Programme. URL : <https://www.world-nuclear.org/harmony>

24. The Republic of Korea Seventh National Report for the Convention on Nuclear Safety. August 2016. URL : https://www-ns.iaea.org/downloads/ni/safety_convention/7th-review-meeting/republic-of-korea_7th-rm-nr.pdf

25. The United States of America Eighth National Report for the Convention on Nuclear Safety. NUREG-1650 Revision 7. 2019 URL : <https://www.nrc.gov/docs/ML1928/ML19289D687.pdf>

23. The Harmony Programme. URL : <https://www.world-nuclear.org/harmony>

24. The Republic of Korea Seventh National Report for the Convention on Nuclear Safety. August 2016. URL : https://www-ns.iaea.org/downloads/ni/safety_convention/7th-review-meeting/republic-of-korea_7th-rm-nr.pdf

25. The United States of America Eighth National Report for the Convention on Nuclear Safety. NUREG-1650 Revision 7. 2019 URL : <https://www.nrc.gov/docs/ML1928/ML19289D687.pdf>

Магомадова Эльза Исаевна
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
zeka0708@mail.ru

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Административная юстиция представляет собой процессуально-правовой институт, складывающийся из специализированных судов либо вышестоящих органов публичной власти по надзору и контролю за состоянием законности в сфере государственного управления. В настоящей научной работе регламентируется история и современное состояние производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, понятие и характеристика производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. В частности, данная публикация закрепляет целесообразность введения административным судопроизводством дел, возникающих из публичных правоотношений.

Ключевые слова: производство, дела, публичные правоотношения, история, современное состояние, административная юстиция, решения, акт.

Всякий вид судопроизводства исторически обусловлен, и в его основе лежит конкретное правоотношение. Исходя из этого, публично-правовые отношения возникают с появлением государства, когда создаются органы публичной власти в целях реализации определенных функций государства. Возникает сфера частных и публичных интересов, где частному праву противостоит публичная обязанность [1].

В ряде различного рода научных источников порядок производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, именуется «административной юстицией» [2].

Административная юстиция представляет собой процессуально-правовой институт, складывающийся из специализированных судов либо вышестоящих органов публичной власти по надзору и контролю за состоянием законности в сфере государственного управления. Считается, что административная юстиция возникла во Франции XVIII–XIX веков, где была создана отдельная от общих система административных судов, которая существует и по сегодняшний день.

Так, административная юстиция имела свою предысторию: «в Риме в республиканский период

Elsa I. Magomadova
Senior teacher
Departments of Civil Law and Process,
Chechen State University
zeka0708@mail.ru

HISTORY AND CURRENT STATE OF PRODUCTION IN CASES ARISING FROM PUBLIC RELATIONS

Annotation. Administrative Justice is a procedural and legal institution consisting of specialized courts, or higher public authorities, oversight and control, the state of legality in the sphere of public administration. This scientific work regulates the history and current state of proceedings in cases arising from public legal relations, the concept and characterization of proceedings in cases arising from public legal relations. In particular, the scientific work reinforces the advisability of introducing administrative proceedings in cases arising from public legal relations.

Keywords: production, cases, public legal relations, history, current state, administrative justice, decisions, act.

его истории было установлено право апелляции, заключавшееся в том, что каждый свободный римлянин, обиженный консулом, претором и иным должностным лицом, мог обращаться в народное собрание (впоследствии к народным трибунам) с просьбой оградить его от притеснений» [3].

В средневековой Англии был создан институт мировых судей, который, в частности, рассматривал дела с участием жителей против органов публичной власти. В феодальной Европе жалобы, поданные частными лицами против государства, рассматривались общими судами до создания во Франции самостоятельной системы административной юстиции.

Основываясь на единой юридической природе этих понятий, всё же, следует привести историю данного правового института в России, взяв за основу его публичный характер.

Ещё в Московском государстве подданным царя предоставлялась право подать челобитную в Челобитный приказ или в Боярскую думу, посредством которой он мог обжаловать решения, действия (бездействия) должностных лиц. «Для возбуждения судебного производства истец подавал

исковую челобитную. Ответчик подавал ставочную челобитную, в доказательство того, что он явился на суд» [4].

Однако большинство ученых-правоведов, историков (С.А. Корф, Б.Н. Чичерин) относят историческое начало института обжалования деятельности публичной власти к эпохе Царской России или к эпохе реформ Петра I, когда были созданы, так называемые, «власти надзора» в лице прокуратуры, сената. Впоследствии, в результате судебной реформы Александра II, судебные учреждения ограничиваются от административной власти, в 70–80 годах XIX специально создаются смешанные губернские присутствия, органы, рассматривавшие в первой инстанции дела, составляющие предмет нашего исследования.

Попытка создать первые административные суды в России была предпринята в административных реформах П.А. Столыпина в 1907 году, однако, данные попытки не увенчались успехом, лишь перд февральской революцией 1917 года было решено ввести должности административных судей, и функции высшего административного суда были возложены на правительствующий сенат.

«Тем не менее, дореволюционное развитие учения об административной юстиции и защите публичных прав в суде воплотилось в нереализованное на практике Положение о судах по административным делам, принятое Временным правительством 30 мая 1917 г., закреплявшее за различными органами, наделенными властными полномочиями, и частными лицами право подавать жалобы и приносить протесты на действия и решения органов власти и должностных лиц» [5].

Следует отметить, что в идеологии советского государства всячески отвергалась идея существования незаконных решений, действий (бездействий) органов публичной власти, и тем самым, административная юстиция в СССР упраздняется с принятием ГПК РСФСР 1923 года. По этому поводу Д. М. Чечот написал: «Рассматривать административную юстицию в качестве только буржуазного института также неосновательно, как и считать буржуазными такие учреждения, как военный суд, прокуратура или адвокатура» [6].

Административный надзор, осуществляемый созданным 4 мая 1919 г. Бюро жалоб, прокуратурой и рабоче-крестьянской инспекцией, имевшей право приносить жалобы на должностных лиц, постепенно отходило на второй ряд. Административная юстиция сменяется на производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. При этом нужно заметить, что как и в конце XIX – начале XX века, так и на сегодняшний день ученые-юристы отстаивают два противоположных направления развития административной юстиции:

1. Создание самостоятельной системы административных судов.
2. Создание административных коллегий в судах общей юрисдикции.

В 1937 г. было издано «Положение о Выборах в Верховный Совет СССР», закреплявшее порядок обжалования неправильных списков избирателей в исполком местного Совета депутатов трудящихся при несогласии с его решением, когда можно было обращаться в народный суд. Из этого следует вывод о том, что в законодательстве СССР защите субъективных публичных прав отдавалось предпочтение административному порядку.

Изменения происходят в 1961 году с принятием Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик, где вместе с делами особого производства также указываются «дела, возникающие из административно-правовых отношений». Соответственно, в ГПК РСФСР 1964 г. вводится подраздел II раздела II «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений».

Конституция СССР 1977 г. в ст. 58, на конституционном уровне закрепляет право граждан на обжалование в установленном порядке действий должностных лиц, совершенных с нарушением закона, с превышением полномочий, или ущемляющих права граждан. ГПК РСФСР дополняется с учетом новой конституции главой 24.1 «Жалобы на неправомерные действия должностных лиц, ущемляющие права граждан».

Современное же состояние производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, приписывается к следующим нормативно-правовым актам: Конституции Российской Федерации и КАС Российской Федерации.

В заключение следует определиться с необходимостью или отсутствием необходимости создания административной юстиции в РФ. Как уже было отмечено, по этому поводу в научной и практической среде существует два противоположных мнения: за и против.

А.В. Власов, поддерживая необходимость создания административных судов, пишет: «Дела, вытекающие из административно-правовых отношений, должны рассматриваться исключительно специализированными судами» [7].

Данной позиции также придерживается председатель Верховного Суда В.М. Лебедев. Так, в сентябре 2000 года в нижнюю палату Федерального Собрания РФ был внесен законопроект ФКЗ «О федеральных административных судах». Несмотря на это, в 2010 году Государственная Дума РФ прекратила рассмотрение указанного ФКЗ.

Противоположное мнение имел бывший председатель Высшего Арбитражного Суда Иванов А.А., который выразился по этому вопросу, следующими словами: «Незачем умножать сущности без должной необходимости. Создать эффективную систему рассмотрения административных споров можно и по-другому – путем развития досудебного урегулирования споров» [8].

Однако с учетом приведенных точек зрения, можно сделать вывод о том, что вопрос создания

административных судов является до сих пор достаточно спорным. Аргументами «за», здесь выступают:

- загруженность судов общей юрисдикции;
- ожидаемая эффективность административных судов и их специализация;
- преодоление проблемы так называемого «административного ресурса в суде».

Аргументами «против» выступают:

- необходимость финансовых затрат;
- отсутствие четкой концепции.

Наиболее обоснованным в условиях актуальной действительности представляется мнение об отсутствии необходимости в специализированной системе административных судов и рассмотрении административных дел судами общей юрисдикции с учетом нового Кодекса административного судопроизводства. К подобному мнению можно придти, руководствуясь методологическим принципом «Бритва Оккама», который в современном понимании можно изложить следующим

Литература:

1. *Чечот Д.М.* Административная юстиция. Изд. ЛГУ, 1973. 133 с.
2. *Стариков Ю.Н.* Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М. : НОРМА 2001. 304 с.
3. *Люблинский П.И.* Неприкосновенность личности. Пг., 1917. С. 15-10.
4. *Дмитриев Ф.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства от Судебника до Учреждения о губерниях. М. : Университетская типография. 1859. С. 211.
5. Гражданский процесс : учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е издание, перераб. и доп. М. : Издательство Статут , 2014. 504 с.
6. *Чечот Д.М.* Административная юстиция. Изд. ЛГУ, 1973. 133 с.
7. *Власов А.В.* Какой будет административная юстиция // Рос. Юстиция. 2002. № 11. С. 17.
8. Доклад Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванова на VII Всероссийском съезде судей 3 декабря 2008 года.

образом: «если чего-нибудь можно добиться двумя методами:

1. Посредством использования ресурсов А, В и С.
2. Посредством использования ресурсов А, В, С и D.

И при прочих равных условиях оба метода дают идентичный результат, следует считать целесообразным и верным первый метод, то есть, ресурс D – плеоназм (излишество)».

С учетом изложенного, остается непонятной позиция законодателя направленная на выделение норм, регулирующих дела, возникающие из публичных правоотношений в отдельную кодификацию без создания органа, осуществляющего правосудие.

В этой связи, институт административной юстиции следует более тщательно детализировать в целях недопущения коллизий юридического характера, способных привести к правовому нигилизму и минимизации правового сознания граждан.

Literature:

1. *Chechot D.M.* Administrative Justice Ed. Leningrad State University, 1973. 133 p.
2. *Starilov Yu.N.* Administrative Justice Theory, history, perspectives. M. : NORMA 2001. 304 p.
3. *Lublin P.I.* Personal integrity. Pg., 1917. P. 15–10.
4. *Dmitriev F.* History of judicial instances and civil appeal proceedings from Sudebnik to the Institution of Provinces. M. : University Printing House. 1859. P. 211
5. Civil process : textbook / ed. M.K. Treushnikova. 5th edition, revised and enlarged) M. : Statut Publishing House, 2014. 504 p.
6. *Chechot D.M.* Administrative Justice Ed. Leningrad State University, 1973. 133 p.
7. *Vlasov A.V.* What will be the administrative justice // Ros. Justice. 2002. № 11. P. 17.
8. Report of the Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation A.A. Ivanov at the VII All-Russian Congress of Judges December 3, 2008.

Магомадова Эльза Исаевна
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
zeka0708@mail.ru

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ

Аннотация. В настоящем исследовании раскрывается тематика договора условного депонирования или счета эскроу. В частности, автором приводятся общие положения и проблемные аспекты правового регулирования института счета эскроу. Содержание научного исследования обозначает коллизионность норм гражданско-правового характера, регулирующих отношения договора условного депонирования, а также – дифферендность природы договора счета эскроу.

Ключевые слова: договор, счет-эскроу, эскроу-агент, организация, депонент, бенефициар, коллизия, аспект, регламентация, консолидация, характер, условное депонирование.

Актуальность темы научного исследования заключается в том, что в условиях динамично развивающейся рыночной экономики правовое регулирование договорных отношений среди экономических субъектов обязательно должно строиться на детализированных правовых началах.

Так, предмет тематики научного исследования на теоретическом уровне разработан на низких началах регламентации правовых отношений, которые будут раскрыты в настоящей работе научного характера.

В частности, будет рассмотрен институт условного депонирования в договорных отношениях гражданско-правового характера, в том числе, его проблемные и коллизионные аспекты правового регулирования.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, по договору условного депонирования банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу [1].

Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи

Elsa I. Magomadova
Senior teacher
Departments of Civil Law and Process,
Chechen State University
zeka0708@mail.ru

GENERAL PROVISIONS AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE CONDITION OF A CONDITIONAL DEPOSIT

Annotation. This scientific study discloses the subject of an escrow agreement or an escrow account. In particular, general provisions and problematic aspects of the legal regulation of the institution of escrow accounts are given. The content of the research indicates the collision of civil law rules governing the relationship of escrow agreement, as well as the different nature of the nature of the escrow account agreement.

Keywords: contract, escrow account, escrow agent, organization, depositor, beneficiary, conflict, aspect, regulation, consolidation, nature, escrow.

денежных средств бенефициару, а после указанной даты и возникновения обозначенных оснований – бенефициару [2].

На основании определения, приведенного в гражданском законодательстве Российской Федерации, уясняется, что счет условного депонирования открывается кредитной организацией (банком) на лицевом счете открытом депоненту в целях учета и хранения до наступления определенных обстоятельств денежных средств, переданных по договору счета эскроу.

Кроме того, кредитная организация имеет правомочие по распоряжению денежными средствами, находящимися на лицевом балансе эскроу-агента по договору условного депонирования.

В этой связи следует, что счет условного депонирования открыт не для хранения собственных средств денежного характера депонента, а в рамках хранения данных средств до наступления определенных оснований их передачи бенефициару.

Срок действия договора условного депонирования по нормам гражданского законодательства Российской Федерации не должен превышать 5 лет.

Также, необходимо провести нотариальное удостоверение заключения договора условного

депонирования за исключением случаев депонирования денежных средств безналичного или ценных бумаг бездокументарного характера.

Объектами договора условного депонирования являются движимые вещи, безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги.

Отличительной особенностью договора условного депонирования является взаимность депонирования имущества, подлежащего передаче субъектами договорных отношений двустороннего характера [3].

В целях регламентированного и детализированного исполнения договора условного депонирования, гражданское законодательство Российской Федерации обозначает необходимость обособления депонирования имущества.

При обособлении депонирования имущества оно должно быть предусмотрено на отдельном лицевом счете и предусматривать ведение обособленного учета. При соблюдении данного основополагающего требования арест имущества или принятие обеспечительных мер по долгам

кредитной организации либо депонента не допускается [4].

Предмет правового регулирования договора условного депонирования в своей природе является весьма спорным.

Причинами обозначенной коллизионной составляющей отношений, регулируемых договором условного депонирования, являются многие аспекты правового регулирования.

В частности, по отношениям, регулируемым договором условного депонирования, счет эскроу тождественен номинальному счету.

Также, по мнению современного ученого цивилиста Л.Ю. Василевской, договор условного депонирования является трехсторонним, имеет реальный тип заключения и обладает обеспечительным характером, однако, по своей сущности не является способом исполнения обязательств в смысле, заключаемым гражданским законодательством Российской Федерации [5].

Так, трехсторонность договора условного депонирования определяется следующим образом:

Депонент:

1. Передает имущество кредитной организации (эскроу-агенту);
2. Имеет отношения обязательственного характера перед бенефициаром.

Эскроу-агент:

1. Обязуется обеспечить сохранность имущества депонента;
2. Передает имущество при наступлении условий, указанных в договоре условного депонирования.

Бенефициар:

1. Субъект двойного обязательства

Приведенное разъяснение в очередной раз свидетельствует о схожих отношениях счета эскроу и номинального счета.

Также, в научной среде идут споры и по субъектному составу договора условного депонирования, в частности, научная среда разделилась на два лагеря правовой автономии.

Первая половина разграничивает договора эскроу и договор условного депонирования, обозначая дифференциальный состав договорных отношений, предусматривая, что договор счета эскроу открывается между кредитной организацией и депонентом, которая, в свою очередь, является аспектом открытия счета эскроу [6].

Вторая половина считает, что договор счета эскроу является договором условного депонирования [7].

Так, сторонники теории сходства договора счета эскроу и договора условного депонирования, к которым относится и автор научного исследования, ссылаются на пункт 2 и пункт 4 статьи 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые определяют, что обязательства, образующиеся по договору счета эскроу, могут содержаться

и в иных договорных отношениях, а также - к отношениям субъектов договора счета эскроу применяются общие положения о банковском счете и договоре эскроу.

Различный характер научных взглядов определяется недостаточной разработанностью норм, регулирующих договор условного депонирования.

Особенностью договора условного депонирования является и то, что к отношениям сторон, возникающих в данном институте, применяются положения договора складского хранения в части двойного складского свидетельства, положения агентского договора и общие положения о банковском счете.

Положения договора складского хранения и агентского договора определяются тем, что кредитная организация блокирует средства денежного характера и осуществляет поручения клиента по надзору за раскрытием аспектов депонированной суммы, что тождественно условиям договора условного депонирования [8].

Отображается, что разрешение проблем правового регулирования договора условного депонирования возможно только при совершенст-

вовании гражданского законодательства Российской Федерации.

С учетом изложенного, необходимо отметить, что государственная политика по заимствованию договорных институтов капиталистических стран проходит в затруднительном режиме, выражающемся в том, что российский законодатель, прежде чем внедрить в российское законодательство новый институт договорных отношений, должен подвести его под экономические реалии российского общества, а также, провести комплексный мониторинг федерального законодательства с целью детальной регламентации и

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 860.
2. *Чаусская О.А.* Гражданское право : учебник. 2014. С. 248.
3. Гражданское право : в 2 т. : учебник / Под ред. Б.М. Гонгало. Статут, 2016. Т. 2. С. 184.
4. *Грудцына Л.Ю.* Гражданское право России : учебник. Л.Ю. Грудцына, А.А. Спектор. М., 2014. С. 332.
5. *Василевская Л.Ю.* Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития. Норма-М, 2018. С. 243.
6. *Шевчук Д.А.* Гражданское право : курс лекций. М. : Эксмо, 2014. С. 249.
7. *Брагинский М.И.* Договорное право. Книга третья / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М., 2017. С. 755.
8. *Василевская Л.Ю.* Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития. Норма-М, 2018. С. 257.

консолидации норм и институтов гражданского права.

Возникновение и становление норм коллизионного характера способствует разложению гражданского общества.

Лишь правильная законотворческая деятельность способна построить правовое государство.

В этой связи, российскому законодателю необходимо продолжить работу по устранению пробелов и коллизий российского законодательства, в частности, в институте счета эскроу.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 860.
2. *Chauskaya O.A.* Civil law : textbook. 2014. P. 248.
3. Civil law: In 2 vols : textbook / ed. B.M. Gongalo, Statute, 2016. Vol. 2. P. 184.
4. *Grudtsyna L.Yu.* Civil law of Russia. L.Yu. Grudtsyna, A.A. Spector, textbook. M., 2014.P. 332.
5. *Vasilevskaya L.Yu.* Contract law of Russia: reform, problems and development trends. Norma-M, 2018. P. 243.
6. *Shevchuk D.A.* Civil law : lecture course). M. : Eksmo, 2014. P. 249.
7. *Braginsky M.I.* Contract law : third book / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M., 2017. P. 755.
8. *Vasilevskaya L.Yu.* Contract law of Russia: reform, problems and development trends. Norma-M, 2018. P. 257.

Мангушев Санал Николаевич
аспирант юридического факультета,
Кубанский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В работе рассмотрены особенности доказывания при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Автором описаны основания прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, отдельно выделены особенности доказывания прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба. В работе затронуты проблемные аспекты прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба. Автором делается заключение, что в современное уголовно-процессуальное законодательство направлено на либерализацию общественных отношений.

Ключевые слова: прекращения уголовного преследования; преступления в сфере экономической деятельности, доказывание; уголовно-процессуальное право.

В настоящее время преступления в сфере экономической деятельности занимают центральное место в системе экономических отношений в связи с глобализацией и развитием общественных отношений и предпринимательской направленностью, а также – в силу увеличения товарообмена.

Так, согласно portalу правовой статистики в 2017 году зарегистрировано 105087 преступлений в сфере экономической деятельности, а в 2018 год 109463 преступлений [1]. МВД России сообщает, что преступность в рассматриваемой сфере выросла на 4,2 процента в 2018 году по сравнению с 2017 годом [2].

Вышеуказанные данные свидетельствуют о повышенном внимании к данной категории преступлений, в том числе, к вопросам установления обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления в сфере экономической деятельности либо их отсутствии.

Вопрос о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях представляет интерес.

Sanal N. Mangushev
Post-graduate student
of the Faculty of Law,
Kuban State University

FEATURES OF EVIDENCE AT TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY

Annotation. The paper considers the features of evidence at the termination of criminal prosecution of crimes in the field of economic activity. The author describes the grounds for terminating the criminal prosecution of cases of crimes in the field of economic activity; the features of proving the termination of the criminal prosecution in connection with compensation for damage are separately highlighted. The work touched on the problematic aspects of the termination of criminal prosecution in connection with compensation for damage. The author concludes that the modern criminal procedure legislation is aimed at liberalizing public relations.

Keywords: termination of criminal prosecution; economic crime, evidence; criminal procedure law.

В настоящее время институты прекращения уголовного дела и уголовного преследования, являются одними из наиболее сложных и противоречивых в уголовном судопроизводстве. Их сложность и противоречивость вызвана множеством теоретических и практических проблем, связанных с правовой природой данных понятий, а также – спорных вопросов практической реализации оснований прекращения, как уголовного дела, так и уголовного преследования [3, с. 88].

Безусловно, данное суждение относится также и к делам по преступлениям в сфере экономической деятельности. Обоснованное и своевременное прекращение уголовного дела или преследования исключает возможность привлечения невиновных лиц к ответственности либо освобождение от нее. В данном случае, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, могут избежать незаконного привлечения к уголовной ответственности, что в последствие приведет к восстановлению правового статуса данных лиц и положения в обществе.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), находящийся в

постоянном развитии и совершенствовании с учетом современной политики, направленной на гармонизацию и гуманизацию общественных отношений, существенно изменил вопросы, касающиеся прекращения уголовного преследования, в том числе, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [4, с. 50].

По мнению А.Г. Маркелова, в статье 28.1 УПК РФ была узаконена новая «компромиссная» форма прекращения уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [5, с. 145].

Содержание вышеназванной нормы указывает на то, что суд, а также – следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении некоторых составов преступления в сфере экономической деятельности, а именно – преступных деяний, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, если будет возмещён ущерб.

Кроме того, согласно положениям Федерального закона от 29 июля 2017 года № 2250 [6], законодатель подробно интерпретировал понятие «возмещение ущерба». Так, под указанной категорией понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством России о налогах и сборах и (или) законодательством России об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов.

В свете законодательных изменений, можно предположить, что законодатель изменил ряд положений в сторону либерализации правового регулирования, которое регламентирует прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в части некоторых составов преступлений против экономической деятельности.

Рассматривая вопрос об особенностях доказывания при прекращении уголовного преследования в связи с возмещением ущерба по ст. 28.1 УПК РФ в рамках преступлений в сфере экономической деятельности, можно отметить, что органам расследования необходимо собрать, проверить и оценить доказательства, свидетельствующие о возмещении причиненного вреда от преступных деяний.

Отнесения вышеуказанного основания к числу не реабилитирующих предполагает доказанность следователем всех обстоятельств уголовного дела и присвоения лицу определенного статуса подозреваемого или обвиняемого.

Литература:

1. Портал правовой статистики. URL : <http://crimestat.ru/> (дата обращения 15.09.2019).

Изложенная законодателем статья 28.1 УПК РФ выступает диспозитивной нормой и предусматривает определенный выбор (предпочтение) юридического основания для правоприменителя при прекращении уголовного преследования преступлений в сфере экономической деятельности.

По мнению М.Ю. Николаевой, прекращение уголовного преследования в рамках ст. 28.1 УПК РФ, возможно непосредственно по двум основаниям, предусмотренным ст. ст. 24 и 27 УПК РФ, или по основаниям, предусмотренным ст. 76.1 УК РФ [7, с. 129].

Важной особенностью доказывания является установление именно полного возмещения вреда. Считаем, что в случае частичного возмещения вреда, положения ст. 28.1 УПК РФ не могут быть применены.

Согласно п. 1 ст. ст. 28.1 УПК РФ, суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в связи с возмещением ущерба только в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме.

Вместе с тем, процессуальный закон не указывает в каком виде должно быть произведено возмещение.

Так, затрагивая проблемные аспекты, нужно отметить, что ст. 28.1 УПК РФ, по-разному устанавливая в своих частях содержание ст. 76.1 УК РФ, закрепляет два различных подхода к выбору основания прекращения уголовного преследования – процессуальный и материальный, что, на наш взгляд, недопустимо и требует устранения. Считаем, в данном случае необходимо акцентировать внимание именно на процессуальную сторону правоотношений.

Следует сказать, что доказывание при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности отличается своей познавательной деятельностью в ходе расследования общеуголовных преступлений в связи с тем, что:

– данная категория дел находится на стыке уголовного и гражданского права;

– практика по преступлениям в сфере экономической деятельности разнообразная и противоречивая;

– существует сложность процесса доказывания;

– появляются обстоятельства, свидетельствующие о невозможности установления потерпевших в рамках данных преступлений и т.д. [8, с. 106].

Literature:

1. Legal statistics portal. URL : <http://crimestat.ru/> (accessed September 15, 2019).

Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения 15.09.2019).

2. *Лобанова С.И.* К вопросу о значении и сущности прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1(73). С. 87–90.

3. *Власенко В.В.* Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Уголовный процесс. 2015. № 6(126). С. 48–55.

4. *Маркелов А.Г.* О компромиссе при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 145–149.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: Федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4799.

6. *Николаева М.Ю.* О правовой природе оснований прекращения уголовного преследования по преступлениям, совершенным в экономической сфере // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1(16). С. 129–130.

7. *Лелетова М.В.* К вопросу об особенностях формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях / М.В. Лелетова, Т.В. Хмельницкая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4(80). С. 104–107.

Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2018. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (accessed September 15, 2019).

2. *Lobanova S.I.* To the question of the significance and essence of terminating a criminal case and criminal prosecution in Russian criminal proceedings // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(73). P. 87–90.

3. *Vlasenko V.V.* Termination of criminal prosecution in cases of crimes in the field of economic activity // Criminal process. 2015. № 6(126). P. 48–55.

4. *Markelov A.G.* On the compromise in ending the criminal prosecution of crimes in the field of economic activity // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1. P. 145–149.

5. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the improvement of the legal regulation of relations related to the payment of insurance premiums to state extra-budgetary funds: Federal Law of July 29, 2017 № 250-FZ // SZ RF. 2017. № 31 (Part I). Art. 4799.

6. *Nikolaeva M.Yu.* On the legal nature of the grounds for terminating criminal prosecution of crimes committed in the economic sphere // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Jurisprudence. 2014. № 1(16). P. 129–130.

7. *Leletova M.V.* On the features of the formation of evidence during pre-trial criminal proceedings on economic crimes / M.V. Leletova, T.V. Khmel'nitskaya // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4(80). P. 104–107.

Натаева Залина Амадиевна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
animula_88@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НЕ ТРЕБУЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Аннотация. В настоящей публикации проводится исследование договора аренды здания, сооружения и предприятия, которое не требует государственной регистрации, а также регламентируются основные проблемные аспекты правового регулирования обозначенного института. В частности, приводятся примеры преступных злоупотреблений субъектов гражданско-правового оборота в регулятивных отношениях договора аренды здания, сооружения и предприятия, которые не требуют государственной регистрации, влекущие экономические потери бюджетов соответствующих уровней Российской Федерации.

Ключевые слова: договор аренды, здание, сооружение, предприятие, регламентация, разъяснение, толкование, проблемный аспект, бюджет, экономические санкции, бедность.

Проблемы правового регулирования договора аренды нежилых помещений, не требующих государственной регистрации в современной регламентации договора аренды, приобрели коллизионный характер, имеющий непосредственное негативное влияние на экономическую составляющую бюджетной политики Российской Федерации.

Актуальность темы настоящего научного исследования состоит в разъяснении основополагающих проблемных аспектов правового регулирования договора аренды нежилых помещений, не требующих государственной регистрации, а также пробелов государственной законодательной деятельности, повлекших фактические обстоятельства злоупотребления нормой гражданского права.

На государственном уровне легального толкования и регламентации договора аренды нежилых помещений, не требующих государственной регистрации, не приведены разъяснительные нормы и отсутствует прецедентная практика, направленная на пресечение злоупотреблений законодательством.

Zalina A. Nataeva
Senior teacher of Department
Civil Law and Process,
Chechen State University
animula_88@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE CONTRACT OF RENT OF NON-RESIDENTIAL PREMISES NOT REQUIRING STATE REGISTRATION

Annotation. This scientific study reveals the subject matter of a lease for a building, structure and enterprise that does not require state registration.

The main problematic aspects of the legal regulation of the designated institution are regulated.

In particular, examples of criminal abuse of subjects of civil law turnover in the regulatory relations of a lease contract for a building, structure and enterprise that do not require state registration, entailing economic losses of budgets of the corresponding levels of the Russian Federation are given.

Keywords: lease agreement, building, construction, enterprise, regulation, clarification, interpretation, problematic aspect, budget, economic sanctions, poverty.

Вместе с тем, в целях правильного уяснения темы настоящего научного исследования необходимо привести и обозначить легальное определение договора аренды.

Так, по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование [1].

Определенное понятие «договор аренды» является общим и применяется ко всем разновидности института аренды.

Вместе с тем, частью 1 статьи 650 Гражданского кодекса Российской Федерации приведена норма, которая содержит легальное определение договора аренды нежилых помещений (здания или сооружения), по которому при аренде здания или сооружения собственник имущества берет на себя обязательство осуществить передачу во временное владение и пользование или во временное пользование арендатору нежилое помещение.

Под нежилыми помещениями гражданское законодательство предусматривает здания, сооружения и предприятия.

Начальным проблемным аспектом правового регулирования договора аренды нежилых помещений является коллизионный аспект регистрации договора аренды.

По гражданскому законодательству Российской Федерации договор аренды заключается на определенный срок [2].

При заключении договора аренды нежилых помещений на срок не менее одного года требуется государственная регистрация данных договорных отношений, а при заключении договора на срок менее одного года соответствующая государственная регистрация не требуется.

Нововведение гражданского законодательства, не требующее государственной регистрации договора аренды нежилых помещений, в нормативном правовом пространстве Российской Федерации введено относительно недавно.

Так, при заключении договора аренды нежилых помещений субъектам договорных отношений предоставлена диспозитивная возможность по включению в содержательную часть договора пункта об автоматическом возобновлении договора аренды после истечения срока 11 месяцев в случае, если арендодатель и арендатор не будут иметь возражений о его продлении.

Вместе с тем, в нормативном правовом пространстве Российской Федерации отсутствует прямая ссылка, предоставляющая определенную возможность субъектам договорных отношений.

В целях разрешения данного коллизионного аспекта правового регулирования считаю необходимым привести отсылочные нормы гражданского законодательства. В частности, статьей 621 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора, и при отсутствии возражений со стороны арендодателя договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок [3].

Пример:

Субъект «Арендодатель» передает нежилое сооружение субъекту «Арендатор» для введения последним предпринимательской деятельности, заключая договор сроком на 11 месяцев. Субъект «Арендатор» исправно платит арендные платежи в размере 20000 (двадцати тысяч) рублей субъекту «Арендодателю», несмотря на то, что по условиям договора, сумма арендных платежей составляет 5000 (пять) тысяч рублей

Обозначенный пример характеризует недополученные в бюджет соответствующего уровня суммы, в частности, вместо 31200 (тридцати одной тысячи двухсот) рублей казна получит 7800 (семь тысяч восемьсот) рублей.

Формирование бюджетов соответствующих уровней Российской Федерации зависит от налоговых и неналоговых доходов государства, а

Кроме того, необходимо привести и принципиальные отношения гражданского законодательства, обозначающие, что физические и юридические лица обладают автономией воли по заключению договорных отношений на любых не противоречащих законодательству условиях.

С учетом приведенных императивных норм гражданского законодательства Российской Федерации, следует, что в рамках недопущения пробелов и аспектов коллизионного характера необходимо закрепить соответствующее условие, согласно которому по истечении срока договора аренды нежилых помещений и при отсутствии возражений сторон, договор считается продленным на тот же или любой иной срок [4].

Обозначенная позиция поддерживается и прецедентной практикой российской судебной системы, в частности постановлением Третьего ААС от 21 мая 2019 года № 03АП-1865/19.

В этой связи, подводя итог разъяснения первой проблемы правового регулирования темы нашего исследования, следует сделать вывод о том, что при продлении договора аренды здания, сооружения или предприятия срок обновленного соглашения не будет суммироваться с соглашением, по которому срок истек, а будет исчисляться по новому.

Вторым и заключительным в настоящей публикации проблемным аспектом правового регулирования договора аренды здания, сооружения или предприятия является процесс использования обозначенной нормы гражданского законодательства Российской Федерации, по которому при заключении договора на срок менее одного года государственная регистрация не требуется на предмет неуплаты налогов на доходы физических и юридических лиц.

Выражается данный проблемный аспект правового регулирования в том, что субъекты предпринимательских отношений при передаче нежилых помещений в аренду на срок 11 месяцев не заключают договор аренды или умышленно занижают суммы арендных платежей.

недополученные налоговые поступления в бюджет соответствующих уровней Российской Федерации влияют на благосостояние национальной экономики, суверенитет государства, а также – на уровень благосостояния населения [5].

С учетом экономических санкций, применяемых в отношении Российской Федерации, и высокого уровня бедности населения, а также – в целях

повышения правового сознания и правовой культуры гражданского общества, считаю необходимым на законодательном уровне предусмотреть норму, характеризующую обязанность субъектов договорных отношений при передаче нежилого помещения, указывать рыночные арендные стоимости, взамен договорных.

В этой связи, необходимо сделать вывод о том, что российский законодатель некорректно разработал институт регистрации договора аренды нежилых помещений, предусмотрев преступную лоббированность действий субъектов предпринимательских отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 916.
2. *Шевчук Д.А.* Гражданское право: курс лекций. М. : Эксмо, 2014. С. 249.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 916.
4. Грудцына Л.Ю. Гражданское право России : учебник / Л.Ю. Грудцына, А.А.Спектор. М., 2014. С. 332.
5. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2015. С. 495.

В целях развития российской государственности и минимизации правового нигилизма гражданского общества, российскому законодателю в императивной форме надлежит привести нормативную правовую базу Российской Федерации в соответствие принципу законности, так как только нормативные правовые акты, призванные к регулированию законных отношений между субъектами права, могут повлиять на детализированный процесс становления российского правового государства.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 916.
2. *Shevchuk D.A.* Civil law : lecture course. M. : Eksmo, 2014. P. 249.
3. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 916.
4. *Grudtsyna L.Yu.* Civil law of Russia : textbook. L.Yu. Grudtsyna, A.A. M., 2014. P. 332.
5. *Shershenevich G.F.* Civil Law Course. Tula, 2015. P. 495.

Оспичев Игорь Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Югорский государственный университет
iospichev@mail.ru

Igor M. Ospichev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Law Disciplines,
Yugra State University
iospichev@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИЯ ТРУДОВЫХ
ДОГОВОРОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**PROBLEMS OF EMPLOYMENT
CONTRACTS AND THEIR SOLUTIONS**

Аннотация. В статье рассматривается проблематика действия трудовых договоров, проводится анализ законодательства в этой сфере, высказываются ряд предложений по совершенствованию нормативного регулирования. Трактовки в действующем Трудовом Кодексе РФ положений, касающихся сроков заключения трудовых договоров, нуждаются в изменениях и дополнениях. Характер имеющихся системных «сбоев» здесь свидетельствует об отставании нормативного регулирования Кодекса от темпов развития общественных отношений.

Annotation. The article deals with the problems of labor contracts, analyzes the legislation in this area, and provides a number of proposals for improving the regulatory framework. The interpretation in the current TC of the Russian Federation of the provisions concerning the terms of conclusion of employment contracts need to be amended and supplemented. The nature of the existing systemic «failures» here testifies to the lag in the normative regulation of the Code from the stage of development of social relations.

Ключевые слова: трудовое законодательство, трудовой договор, соотношение трудового и гражданско-правового договора.

Keywords: labor legislation, labor contract, the ratio of labor and civil contract.

В соответствии со ст. 56 Трудового кодекса Российской Федерации [1], трудовой договор определяется как соглашение между работодателем и работником. В трудовом договоре определяются важнейшие аспекты трудовых правоотношений, в том числе, срок и характер действия такого договора. Как отмечает Н.Л. Лютов, проблема усиливается в связи с тем, что современные типы трудовой деятельности существенно отличаются от тех, которые были наиболее характерны для периода выработки классических норм трудового права в эпоху промышленной революции [17, с. 7–11]. В современную эпоху детальная регламентация труда работников уступает место наличию множества форм трудовых отношений, в этом отношении положения Трудового кодекса РФ значительно отстают от реальных правоотношений. Это также приводит к тому, что достаточно сложным становится различить трудовой договор от гражданско-правового договора.

Согласно ст. 58 ТК РФ, если в трудовом договоре не оговорен срок его действия, то договор считается заключенным на неопределенный срок [1]. Заключение трудового договора на определенный срок обусловлено: сроком не более пяти лет либо иным сроком (менее пяти лет), что регламентируется либо самим ТК РФ, либо иными федеральными законами.

Среди всех договоров гражданско-правового характера наиболее близкими к трудовому договору являются договор подряда и договор возмездного оказания услуг [22, с. 88–93]. Именно по указанным договорам на практике имеют место споры в силу различного понимания их природы.

В особенности, проблемы действия трудовых договоров проявляются ввиду их срочного характера. По вопросу о законности продления срока действия трудовых договоров с работниками до истечения срока действия государственного контракта, заключенного организацией, следует отметить, что анализ судебной практики показывает, что, если срочный трудовой договор был законно заключен, продление трудового договора в течение срока действия договора не противоречит требованиям трудового законодательства [18, с. 54].

В связи с массовостью трудовых отношений, а также - наличия ряда проблем вопросы действия трудовых договоров нуждаются в дополнительном детальном анализе.

Также, в силу второй части ст. 58 Трудового кодекса Российской Федерации, срочный договор обязателен только в исключительных случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее реализации [20, с. 135].

Само по себе наличие государственных контрактов на момент заключения срочного трудового договора не может быть расценено как обсто-

ятельство, исключающее возможность принятия работника на неопределенный срок [3; 4; 10; 11; 12].

В данном случае важно знать, направлена ли деятельность работодателя (юридического лица) на исполнение условий госконтракта (либо муниципального контракта). Также, важно суду установить, знало ли предприятие о том, к примеру, что мощности будут увеличены более чем на год и так далее.

Согласно имеющимся примерам из судебной практики, увольнение работников, принятых на работу по срочному трудовому договору на срок исполнения организацией обязательств по государственному контракту, и последующий их прием на работу через короткий срок для выполнения работ по другому государственному контракту не свидетельствуют о заключении с этими работниками трудового договора на неопределенный срок [7–12].

В данном случае работодатель, решая вопросы заключения либо возобновления срочного договора, должен учитывать ситуацию, когда госорган заинтересуется природой заключенного договора, так как в отрицательном для работодателя случае трудовой договор будет признан действующим в течение неопределенного времени.

Также, следует обратить внимание на пункт 1 статьи 81 ТК РФ, поскольку в соответствии с этим пунктом, работодатель расторгает договор с работником в случае ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуального предпринимателя. Такая формулировка вызывает один главный вопрос – что необходимо считать моментом ликвидации? Начало процедуры ликвидации юридического лица, т.е. внесения записи в Единый госреестр об утверждении ликвидационной комиссии, ликвидатора или же – с момента прекращения функционирования организации и внесения соответствующей записи в Единый госреестр. Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку работодатель обязан под роспись уведомить работника о предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации (абзац 2 статьи 180 ТК РФ).

В случае, если моментом ликвидации необходимо считать назначение ликвидационной комиссии, то в таком случае есть вероятность того, что процесс ликвидации может затянуться, и работники будут уволены до ликвидации юридического лица, что даст возможность уволенным работникам требовать в судебном порядке восстановления на работе, поскольку фактически юридическое лицо ещё будет осуществлять свою деятельность какое-то время. Равно, как и нельзя точно сказать, когда завершится процесс ликвидации юридического лица, поскольку каждый случай индивидуален [19, с. 104].

Работодатель уведомляет работников о предстоящем увольнении за 2 месяца до внесения записи в ЕГРЮЛ о назначении ликвидационной комиссии. Соответственно, трудовые отношения с работником будут прекращены с момента

назначения ликвидационной комиссии, поскольку, фактически, с момента начала процедуры ликвидации организация не осуществляет деятельность, а работники, соответственно, не выполняют свои трудовые функции [21, с. 87]. Когда момент прекращения трудовых отношений совпадет с моментом назначения ликвидационной комиссии, то в случае, если работник не получит все причитающиеся ему выплаты, он будет вправе претендовать на них в порядке «второй очереди», согласно гражданскому законодательству.

Пункт 2 статьи 180 нуждается в конкретизации. Прежде всего, необходимо разграничить определения сокращения «численности» от сокращения «штата». Точки зрения специалистов в этом вопросе разделились [15, с. 65]. Первая такова: при сокращении численности работников происходит уменьшение на определенное количество штатных единиц по одной из должностей (профессии, специальности), а при сокращении штата исключается сама должность [14, с. 76].

Согласно второй позиции, уменьшив численность работников, работодатель достигает уменьшения численности работников всего предприятия. А уменьшение штата означает другое – упраздняются должности, становится меньше штатных единиц. Этот вопрос имеет принципиальное значение, однако, законодатель не даёт на него ответа, что порождает проблемы в судебной практике. Несмотря на то, что законодатель не разграничил понятия «сокращение численности» и «сокращение штата», суды дают этим понятиям собственные толкования.

Наиболее удачным в этом плане представляется формулировка одного из судов, который четко разграничил указанные понятия, указав на то, что сокращение численности заключается в уменьшении количественного состава работников определенных должностей (специальностей) в организации без коррекции штатного расписания [13]. При этом, как мы отметили выше, сокращение штата является иным способом, скажем так, методом ротации кадров.

Согласно этой позиции, сокращение штата не связано с увольнением работников с занимаемых ими должностей. К сожалению, ТК РФ до сих пор не разграничивает указанные понятия, а практика нуждается в их конкретизации. Думается, что «сокращение численности работников» в этой связи должно быть выделено в отдельный пункт ст. 81 ТК РФ.

Другой спорной формулировкой выступает п. 10 ст. 81 ТК РФ, согласно которому, возможно расторжение трудового договора вследствие однократного грубого нарушения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями своих трудовых обязанностей. Указанная дефиниция, в силу неизвестных причин, пока в ТК РФ отсутствует. Кроме того, непонятно, какое грубое нарушение будет причиной расторжения трудового договора с таким субъектом. Как правило, такой проступок должен регламентироваться каким-либо документом (нормативным

актом, трудовым соглашением, коллективным договором и т.д.). Признак грубости должен быть налицо, очевидно, что это не может быть какая-то мелкая провинность. Безусловно, необходимо провести расследование соответствующего уровня.

К примеру, рассматриваемый субъект может допустить неисполнение возложенных на этих лиц трудовым договором функций, которое могло повлечь причинение вреда здоровью работников либо имущественного ущерба компании. Он может также, например, использовать ресурсы организации для удовлетворения своих потребностей (коммерческого характера). Нарушение может касаться халатности в решении хозяйственных вопросов. Несомненно, коррупционный акт также будет причиной прекращения правоотношений. При возникновении трудового спора в связи с увольнением такого субъекта, работодатель должен будет доказать бесспорность своих доводов в отношении увольнения работника.

Резюмируя вышеизложенное, отметим ряд основных моментов. Исследование проблем действия трудовых договоров для науки отечественного трудового права не является новой. Так, еще в КЗоТ РСФСР 1922 года регламентировались вопросы недействительных условий трудового договора.

Также, в настоящее время в науке поднимается вопрос о необходимости рассмотрения института сделок в трудовом праве. Ученые в сфере трудового права не уделяют должного внимания сделкам в этой отрасли права.

В трудовом праве должным образом не регламентируются вопросы об условиях действительности трудовых сделок [16, с. 43-48]. А ведь это весьма интересный с научной и практической точки зрения вопрос.

Отсутствие соответствующих правовых норм влечет ряд сложностей на практике для правоприменителей. А ведь если бы развивать эту тематику,

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: по сост. на 16 декабря 2019 г. // Российская газета. 2001. № 256.
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 15 августа 2013 г. по делу № 33-4303/2013. Документ опубликован не был. URL : «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.01.2020).
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 10.07.2013 по делу № 33-1837/2013. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2020).
4. Апелляционное определение СК по гражданским делам Иркутского областного суда от

то от этого выиграли бы и гражданское, и трудовое право.

Как мы уже отметили выше, проблематичны вопросы действия срочных трудовых договоров. Отчасти, это возникает в силу неоднозначной трактовки сторонами трудового договора конечных сроков его действия, а также тем, что зачастую работодатели злоупотребляют своими возможностями при их заключении. В силу этого, работники часто пропускают сроки для обращения в различные инстанции за защитой нарушенных прав (в особенности – при обращении в суды). В связи с этим, действуя по букве закона, от суда работник получает отказ в принятии искового заявления. Обращение в прокуратуру также мало чем помогает в силу загруженности прокурорского состава.

Наука трудового права, в том числе, правоприменители (адвокаты, практикующие юристы и т.д.) негативно относятся к такому положению дел. И с этим нужно что-то делать.

В целом, трактовки в действующем ТК РФ положений, касающихся сроков заключения трудовых договоров, нуждаются в изменениях и дополнениях. Характер имеющихся системных «сбоев» в данном случае свидетельствует об отставании нормативного регулирования Кодекса от стадии развития общественных отношений.

Отдельная проблема касается вопросов интерпретации даты прекращения срочного трудового договора. Этому способствует практика заключения таких договоров без указания в них точных сроков окончания отношений.

Наконец, при решении вопросов соотношения трудового и гражданско-правового договора (помимо прочих общеизвестных признаков) необходимо учитывать наличие документов (договоров, приказов, штатного расписания и т.д.), а также – достоверно установить отсутствие (либо наличие) признаков трудового договора и одноименных правоотношений (согласно статьям 15, 56 ТК РФ).

Literature:

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 № 197-FZ: as per art. December 16, 2019 // Russian newspaper. 2001. № 256.
2. Appeal ruling of the SC in civil cases of the Supreme Court of the Komi Republic dated August 15, 2013 in case № 33-4303/2013. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 01.20.2020).
3. Appeal ruling of the SC in civil cases of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated July 10, 2013 in case № 33-1837 / 2013. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 01.20.2020).
4. Appeal ruling of the SC in civil cases of the Irkutsk Regional Court of 05.06.2013 in case № 33-4483/13.

05.06.2013 по делу № 33-4483/13. Документ опубликован не был URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.02.2020).

5. Решение Котласского городского суда Архангельской области от 24.12.2015 по делу № 2-4253/2015. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2020).

6. Решение Воркутинского городского суда Республики Коми от 24.02.2016 по делу № 2-164/2016. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.02.2020).

7. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного суда Республики Бурятия от 17.10.2012 по делу № 33-2935. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2020).

8. Апелляционное определение СК по гражданским делам Иркутского областного суда от 05.06.2013 по делу № 33-4483/13. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2020).

9. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 10.07.2013 по делу № 33-1837/2013. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2020).

10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 15 августа 2013 г. по делу № 33-4303/2013. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2020).

11. Решение Котласского городского суда Архангельской области от 24.12.2015 по делу № 2-4253/2015. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2020).

12. Решение Воркутинского городского суда Республики Коми от 24.02.2016 по делу № 2-164/2016. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2020).

13. Решение Виноградовского районного суда Архангельской области от 25.07.2011 по делу № 2-219/2011. Документ опубликован не был. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.03.2020).

The document was not published URL : // Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of access 02.15.2020).

5. The decision of the Kotlas city court of the Arkhangelsk region dated 12.24.2015 in the case № 2-4253/2015. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of access 02.15.2020).

6. Decision of the Vorkuta City Court of the Komi Republic of 02.24.2016 in the case № 2-164 / 2016. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of access 02.15.2020).

7. Appeal ruling of the SC on civil cases of the Supreme Court of the Republic of Buryatia dated 10.17.2012 in the case № 33-2935. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 02.27.2020).

8. Appeal determination of the IC in civil cases of the Irkutsk Regional Court of 05.06.2013 in case № 33-4483/13. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 02.27.2020).

9. Appeal ruling of the SC in civil cases of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated July 10, 2013 in case № 33-1837/2013. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 02.27.2020).

10. Appeal ruling of the SC on civil cases of the Supreme Court of the Komi Republic of August 15, 2013 in the case № 33-4303/2013. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 02.27.2020).

11. The decision of the Kotlas city court of the Arkhangelsk region dated 12.24.2015 in the case № 2-4253/2015. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 02.27.2020).

12. The decision of the Vorkuta city court of the Komi Republic of 02.24.2016 in the case № 2-164/2016. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (accessed 02.27.2020).

13. The decision of the Vinogradovsky District Court of the Arkhangelsk Region of 07.25.2011 in the case № 2-219/2011. The document was not published. URL : Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of access 01.03.2020).

14. *Гусов К.Н.* Трудовое право России : учебник / К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова. М. : ТК Велби, 2015.
15. *Дзгоева-Сулейманова Ф.О.* Трудовой договор. Чему не учат студентов : учебно-практ. пособ. М. : Проспект, 2016.
16. *Комков С.А.* Сделки в российском трудовом праве // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2.
17. *Люттов Н.Л.* Признаки трудового правоотношения: международные нормы и российская судебная практика // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4.
18. *Рожавский Л.А.* Переход на эффективный контракт в многопрофильной больнице через должностную инструкцию, трудовой договор, оценку деятельности каждого работника / Л.А. Рожавский, С.А. Вишнева. СПб. : Элби, 2015.
19. *Семенихин В.В.* Трудовой договор и трудовые отношения. М. : МФПУ Синергия, 2012.
20. *Симагин Ю.А.* Трудовой договор. М. : KnoРус, 2013.
21. *Смирнова О.В.* Трудовое право. М. : ТК «Велби», 2016.
22. *Туманов Р.В.* К вопросу о соотношении трудового договора с некоторыми гражданско-правовыми договорами // Юстиция. 2016. № 1.
14. *Gusov K.N.* Labor Law of Russia : textbook / K.N. Gusov, V.N. Tolkunova. M. : TC Velby, 2015.
15. *Dzgoeva-Suleymanova F.O.* Labor contract. What students are not taught. Educational-practical manual. M. : Prospect, 2016.
16. *Komkov S.A.* Transactions in the Russian labor law // Siberian Law Journal. 2017. № 2.
17. *Lyutov N.L.* Signs of a labor relationship: international standards and Russian judicial practice // Labor law in Russia and abroad. 2016. № 4.
18. *Rozhavsky L.A.* Transition to an effective contract in a multidisciplinary hospital through the job description, employment contract, performance evaluation of each employee / L.A. Rozhavsky, S.A. Vishneva. SPb. : Albi, 2015.
19. *Semenikhin V.V.* Labor contract and labor relations. M. : MFPU Synergy, 2012.
20. *Simagin Yu.A.* Labor contract. M. : KnoРус, 2013.
21. *Smirnova O.V.* Labor law. M. : TC «Velby», 2016.
22. *Tumanov R.V.* To the question of the relationship of the employment contract with some civil law contracts // Justice. 2016. № 1.

Прошин Владимир Михайлович
доктор юридических наук,
доцент,
юридический факультет,
Московский областной университет
Advokat.proshin.v.m@gmail.com

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Законодательно установленное понятие «коррупция» охватывает определённый перечень уголовных преступлений коррупционной направленности, что не отражает суть данного явления, соответствующего этимологии термина «коррупция». Если исходить из латинского понимания коррупции, то приведённое в законе определение выражает последствия явления коррупции в социальной среде, где итогом приоритета частных интересов ответственного лица в системе государственно-властных отношений над государственными, общественными и интересами третьих лиц, является сформировавшееся убеждение возможности, а иногда и необходимости обеспечить данный интерес уголовно-наказуемыми действиями.

Ключевые слова: коррупция, уголовное преступление коррупционной направленности, правоохранительные органы, служебное положение, злоупотребление должностными полномочиями, обеспечение частного интереса, имущественная выгода, криминальные закономерности, событие преступления.

В последнее десятилетие на государственном уровне большое внимание уделяется борьбе с коррупцией. Основная задача по борьбе с коррупцией возложена на правоохранительные органы, так как общепринято под коррупцией понимать определённый перечень преступлений, которые совершаются с использованием своего служебного положения путём злоупотребления должностными полномочиями, и связаны с извлечением имущественной выгоды. Эта точка зрения нашла своё воплощение в понятии «коррупция», сформулированном в Федеральном законе.

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273 ФЗ, коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных

Vladimir M. Proshin
Doctor of Jurisprudence,
Associate Professor,
Law Department,
Moscow Regional University
Advokat.proshin.v.m@gmail.com

CRIMINOLOGICAL PERSPECTIVE ON THE PHENOMENON OF CORRUPTION

Annotation. The legislatively established concept of corruption covers a certain list of criminal offenses of a corruption nature, which does not reflect the essence of this phenomenon, corresponding to the etymology of the term corruption. Based on the Latin understanding of corruption, the definition given in the law expresses the consequences of the phenomenon of corruption in the social environment, where the result of the priority of the private interests of the responsible person in the system of state-power relation over state, public and third-party interests is the formed conviction of the possibility, and sometimes the need, provide this interest with criminal actions.

Keywords: corruption, corruption criminal offense, law enforcement agencies, official position, abuse of power, ensuring private interest, property gain, criminal laws, crime event.

имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение данных деяний от имени или в интересах юридического лица» [1].

Таким образом, понимание коррупции законодатель сводит к совокупности действий лица по злоупотреблению служебным положением и незаконному отправлению или использованию им полномочий с целью получения выгоды в системе служебных отношений, законодательная регламентация которых исключает действия в подобных целях. Тем не менее, законодательная регламентация определения коррупции не соответствует этимологии данного слова и понятию в целом. Понятие «коррупция» ведёт своё происхождение из латинского языка и в переводе означает – порча, разложение, растление. Отталкиваясь от первоначального значения понятия, можно полагать, что коррупция – это начавшийся процесс изменения какой-либо материальной или идеальной субстанции, отклонение от заданного или

предполагаемого направления развития. В окружающем нас мире природы и в социальной среде процессы изменения и, как следствие, отклонения в развитии объектов живой и неживой материи от первоначально заданного направления – явление довольно частое.

Сведя понятие коррупции к перечню коррупционных преступлений, законодатель оставил за скобками нормативного регулирования и внимания объективные криминальные закономерности морально-нравственного искажения социальной среды, обуславливающие пространственно-временное движение к событию коррупционного преступления. То есть, в итоге – само явление коррупции находится вне сферы нормативно-правового регулирования и внимания государства. А борьба с последствием любой болезни, а не с её причиной, как общеизвестно, является делом безнадёжным.

Поэтому, исходя из первоначального латинского понимания данного термина, используем явление коррупции как инструмент уяснения истоков криминальных закономерностей совершения коррупционных преступлений. Для этого обоснованно обратится к обстоятельствам, способствующим совершению преступления, которые подлежат установлению в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ [2]. Выявленные данные обстоятельства по итогам расследования ряда коррупционных дел нас интересуют как направление обратной логики криминалистического установления и анализа криминальных закономерностей, инициирующих и обуславливающих движение субъекта к событию преступления.

Криминалистический анализ результатов расследования уголовных преступлений, которые, в соответствии с вышеназванным Федеральным законом, охватываются понятием «коррупция», подводит нас к выводу о том, что в основе появления, развития и причинно-следственного влияния обстоятельств, способствующих совершению коррупционных преступлений, на факт возникновения событий этих преступлений лежат криминальные закономерности, рождаемые явлением коррупции в социальной среде соответствующего общества.

В данном случае, исходя из первоначального латинского понимания термина «коррупция», можно с очевидностью наблюдать, что почвой для рождения криминальных закономерностей совершения действий по движению соответствующего лица к событию коррупционного преступления и его совершения является имплантация в

сознание этого лица приоритета его частных интересов над государственными, общественными и интересами третьих лиц, и сформировавшееся убеждение о возможности, а иногда и необходимости обеспечить данный интерес уголовно-наказуемыми действиями. Поэтому рождение в социальной среде морали приоритета частных имущественных интересов над публичными и понимание возможности и необходимости обеспечить этот приоритет в системе различных форм и видов общественных отношений следует назвать явлением «коррупция». Следовательно, коррупция – явление нравственно-психологического характера, управляющее процессом переключения с закона и совести как оценочно-руководящих критериев совершения действий ответственных лиц в системе государственно-властных отношений на критерий частного интереса, что рождает препятствия к проведению политики социального государства по обеспечению достойной жизни и свободного развития человека в условиях равенства всех перед законом, неприкосновенности собственности, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частную жизнь, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. То есть, явление коррупции становится препятствием на пути достижения российским государством статуса социально-ориентированного.

Коррупция как социальное явление коррозии нравственности и морали в обществе находится вне сферы контроля и ответственности правоохранительных органов, которые бороться могут только с проявлением коррупции, каковыми можно считать тот перечень преступлений, который в вышеназванном законе почему-то назван коррупцией. Борясь исключительно с проявлением коррупции, нельзя победить саму коррупцию.

Учитывая, что коррупция – социальное явление нравственно-психологического характера, управляющее процессом изменения оценочно-руководящих критериев поведения ответственных лиц в системе государственно-властных отношений, с данным явлением следует не бороться, а его необходимо лечить с помощью государственной политики, охватывающей многие сферы жизнедеятельности общества. То есть, необходим на государственном уровне заказ на выращивание и подготовку к профессиональной деятельности социального индивида, морально-нравственный облик которого будет соответствовать конституционным целям и задачам существования и развития российского общества и государства.

Литература:

1. Статья 1 федерального закона № 273-ФЗ от 25.12.2008г. «О противодействии коррупции».
2. Часть 2 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Literature:

1. Article 1 of Federal Law № 273-FZ of 25.12.2008 «On combating corruption».
2. Part 2 of Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Савельев Андрей Геннадьевич
генеральный директор,
Профессиональная
управляющая компания
z10x@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ ВЕЩНЫХ ПРАВ И ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья предпринимает попытку краткого анализа механизма формирования нового вещного права и установления в нем традиционной системы вещных прав, присущей кодификации римского частного права, исторически характерной для большинства европейских стран. Соответственно, рассмотрение данного вопроса не возможно без предварительного определения категории вещного права в структур гражданского права и оценки признаков субъективного вещного права в действующем законодательстве. При этом необходимо понимать, что ключевое понятие вещного права обуславливает возможность систематизации вещных прав согласно наличию тех, или иных классификационных признаков и оснований.

Ключевые слова: вещное право, Гражданский кодекс Российской Федерации, реформирование, Концепция.

Трансформация российского законодательства, реализуемая в первую очередь через изменения Гражданского кодекса Российской Федерации фактически привело к необходимости на государственном уровне решать задачу по созданию нового вещного права, что нашло закрепление в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте России по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [1], а также в законопроекте «О внесении изменений в первую, вторую, третью и четвертую части Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – законопроект) [2]. Упомянутое вещное право, которое принято трактовать в качестве вещного права в объективном смысле данного слова, призвано исправить перекос из существующего большинства гражданско-правовых норм о праве собственности в сторону разработки правил о правовом регулировании ограниченных вещных прав и способов их защиты. В силу данного обстоятельства создателями выше упомянутых Концепции и законопроекта предложено новое наименование второго раздела Гражданского Кодекса Российской Федерации, а также структура гражданско-правовых норм о вещном праве. Соответствующие идеи

Andrej A. Savel'ev
General director,
Professional management company
z10x@yandex.ru

DEVELOPMENT OF CIVIL LAW INSTITUTIONS OF PROPERTY RIGHTS AND LEGAL OWNERSHIP

Annotation. This article attempts to briefly analyse the mechanism for the formation of a new substantive law and its establishment of the traditional system of substantive rights inherent in the codification of Roman private law, which is historically characteristic of most European countries. Accordingly, consideration of this issue is not possible without first defining the category of substantive law in civil law structures and assessing the characteristics of subjective substantive law in the current legislation. At the same time, it should be understood that the key concept of substantive law makes it possible to systematize substantive rights according to the presence of certain classification characteristics and grounds.

Keywords: property law, Civil Code of the Russian Federation, reform, Concept.

Концепции предусматривают не только изменение названия второго раздела Гражданского кодекса «Вещное право», но и замену его структуры, в которой предполагается выделение как минимум четырех подразделов:

1. «Владение»;
2. «Общие положения о вещных правах»;
3. «Право собственности»;
4. «Ограниченные вещные права».

Таким образом, действующий второй раздел Гражданского кодекса предлагается заместить новым разделом «Вещное право». Иными словами, речь идет о принятии новой редакции второго раздела действующего Гражданского кодекса Российской Федерации с изменением структуры данного раздела и последовательности изложения в нем правового материала, а также содержания ряда правил, регулирующих сегодня право собственности и другие вещные права. Кроме того, предлагаемая новая редакция второго раздела Гражданского кодекса содержит немало законодательных нововведений, отсутствующих в действующей редакции Кодекса» [3].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день ни юридическая наука, ни гражданское законодательство не сформировали единого универсального определения вещного права, из за чего данное понятие употребляется как в объективном, так и в субъективном смысле.

В объективном смысле вещное право может трактоваться в качестве некой совокупности юридических норм, регулирующих общественные отношения в части принадлежности той или иной вещи конкретным определенным субъектам, а также регламентирующих правомочия владения, пользования и распоряжения какой-либо вещью в законодательно устанавливаемых рамках, посредством оказания воздействия на соответствующую вещь.

В субъективном же смысле понятие вещного права трактуется как некое субъективное гражданское право, либо мера возможного поведения владельца или правообладателя конкретно-определенной вещи, заключающегося в возможности владеть, пользоваться и распоряжаться данной вещью согласно своей воле и в своем интересе на основаниях и в пределах, определенных законодательно.

В отличие от корпоративных прав, предполагающих участие учредителей, либо иных участников корпоративных организаций в складчатом уставном капитале соответствующих юридических лиц и управлении ими, вещные права всегда обладают имущественной природой и не могут быть подразделены на корпоративные права обязательственные имущественные и неимущественные организационно-управленческие корпоративные права.

Иными словами, вещные права являются исключительно имущественными и отмечают владельца или иного правообладателя конкретно-определенной вещи самим фактом принадлежности ему данной соответствующей вещи путем господства над ней. При этом если в случае с корпоративными правами предусмотрены специальные способы защиты, определенные корпоративным законодательством, то вещные права обеспечиваются вещно-правовыми, обязательственными, а также иными способами защиты, перечисленными в Гражданском кодексе Российской Федерации а также в ряде федеральных законодательных актах [4].

Вещные права роднит с исключительными правами абсолютный характер их защиты от каждого нарушителя. Вместе с тем, исключительные права регулируются лишь в отношении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации юридических лиц, а не в отношении индивидуально-определенных вещей. Данные права могут принадлежать особым субъектам, таким как авторы, соавторы того, или иного произведения, либо какого-то иного результата творческой, интеллектуальной деятельности, иным правообладателям, например обладателям патентов и т.п. Указанные права могут регистрироваться в установленном законом порядке и обладать охранительной формой защиты, а их

охрана, не предусматривающая самозащиты, реализуется посредством механизмов судебной защиты.

В настоящее время перечень ограниченных вещных прав указан в 216-й статье Гражданского кодекса Российской Федерации и включает в себя: право пожизненного наследуемого владения участком земли; право постоянного, бессрочного пользования земельным участком; сервитуты, а также права хозяйственного ведения и оперативного управления.

В тоже время в юридической литературе принято выделять несколько инфе разновидности ограниченных вещных прав. В частности речь идет о сервитутах, как о праве пользования чужими вещами; о ренте, как о праве на получение ценности из чужой вещи; праве преимущественного приобретения недвижимости, или доли в недвижимом имуществе и т.п.

В выше упомянутой Концепции развития гражданского законодательства России предложено закрепление в Гражданском кодексе страны единого исчерпывающего перечня вещных прав, среди которых:

- право пожизненного наследуемого владения земельным участком, являющимся государственной или муниципальной собственностью;
- право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, являющимся государственной или муниципальной собственностью;
- право постоянного владения и пользования земельным участком (эмфитевзис);
- право застройки земельного участка (суперфиций);
- сервитут;
- право личного пользования (узуфрукт);
- ипотека и иное зарегистрированное (учтенное) залоговое право;
- право приобретения чужой недвижимой вещи;
- право вещных выдач; право оперативного управления имуществом, являющегося государственной или муниципальной собственностью.

Имеющееся в действующем Гражданском кодексе определение сервитутов явно недостаточно, в частности назрела явная необходимость закрепления возможного их перечня, например сервитута перемещения или доступа для прохода, проезда, прогона скота, перевозки груза и т.п.; коммунальные сервитуты; строительные сервитуты, потребность в которых возникает при проведении строительства с использованием чужого здания или земельного участка; сервитуты для пользования недрами; сервитуты для целей меллиорации.

Публично-правовые ограничения, касающиеся вещных прав в ряде случаев представляется

целесообразным регламентировать кодексами и федеральными законами об отдельных видах природных объектов. В частности, необходимо закрепление как минимум двух базовых моделей вещных прав на земельные участки:

– право застройки (суперфиций), предполагающее возможность изменения правообладателем свойств и качеств земельного участка, по крайней мере в части возведения на данном участке каких-либо сооружений в соответствии с видами разрешенного использования;

– право постоянного владения и пользования (эмфитевзис), обуславливающее возможности использования свойств природного объекта при условии сохранения его субстанции.

Право застройки, предназначенное для строительства на земельном участке каких-либо объектов и их последующего использования, заключается во владении и пользовании земельным участком, и расположенными на нем, возведенными, либо возводимыми объектами недвижимого имущества и иными объектами, в соответствии с видами разрешенного использования.

Право постоянного владения и пользования, предназначенное, как правило в первую очередь для сельскохозяйственной деятельности, заключается, соответственно во владении и пользовании земельным участком с правом извлечения плодов и доходов, поступающих в собственность обладателя вещного права. При этом необходимые для ведения указанной деятельности постройки, могут возводиться обладателем данного вещного права, но при условии, что данные постройки, за рядом исключений, не могут получить статус объектов капитального строительства.

Представляется целесообразным закрепить в гражданском законодательстве тезисов о сохранении без установления какого-либо срока и без изменения содержания прав пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, однако, лишь при условии, что такие права не станут вновь возникать в будущем. В тоже время в целях постепенного исчезновения данных прав необходимы механизмы, стимулирующие их трансформацию в иные вещные права.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации определяет, что для права личного пользования действующее

Литература:

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М. : Статут, 2009. 160 с.
2. Законопроект Федерального закона от 27 апр. 2012 г. № 47538-6 ФЗ «О внесении изменений в первую, вторую, третью и четвертую части Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Консультант Плюс».

законодательство не применяет такого понятия, как узупфрукт, хотя и устанавливает отдельные права, близкие к нему по своему содержанию, в частности права членов семьи собственника, права отказополучателя, однако их содержание не раскрыто и вид вещного права не определен.

Для ипотеки и иного зарегистрированного (учтенного) залогового права предлагается учесть особенность действующего законодательства, заключающуюся в двойственном отношении к праву залога, поскольку право залогодержателя не признается вещным правом, в то время как Российский Гражданский кодекс предусматривает для залога регулирование, сближающее правовые режимы залоговых прав и вещных прав.

Разработчики упомянутой Концепции для права приобретения чужой недвижимости устанавливают, что современное российское гражданское законодательство излишне широко применяет институт преимущественного права как права обязательственного характера, в то время как суть института преимущественного права определяет и способ его защиты, а именно - заявление требования о переводе прав и обязанностей по заключенному договору, при этом как правило законодательно установлен пресекательный срок для такого заявления.

Преимущественное право не позволяет сегодня надежно обеспечивать право лица на приобретение какого-либо имущества в будущем, а понуждение к исполнению обязанности в натур по различным предварительным договорам, договорам обещанного дарения и т.п., возможно лишь в случае, когда вещь остается во владении обязанного лица к моменту заявления соответствующего требования кредитором, что говорит о недостаточности регламентирования в российском законодательстве права приобретения чужой вещи как вещного права, осуществление которого возможно и в тех случаях, когда вещь уже не находится у лица, по соглашению с которым соответствующее право было установлено.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что вещное право и сами вещные права в российском гражданском законодательстве нуждаются в глубоком реформировании в интересах развития имущественного оборота.

Literature:

1. Concept of development of civil legislation of the Russian Federation / entry. art. A.L. Makovsky. M. : Statute, 2009. 160 p.
2. Bill of Federal Law № 47538-6 of 27 April 2012 of the Federal Law «On Amendments to the First, Second, Third and Fourth Parts of the Civil Code of the Russian Federation». Access from Consultant Plus.

3. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. 431 с.

4. *Тресцова Е.В.* Вещное право и вещные права: понятие, признаки и система // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2018. № 1. С. 17–26.

3. *Vitryansky V.V.* Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. M. : Statute, 2016. 431 p.

4. *Trestsova E.V.* Property Law and Property Rights: Concept, Signs and System // Journal of Ivanovsky State University. Series: Natural, social sciences. 2018. № 1. P. 17–26.

Савосина Наталья Владимировна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
Milena.555@mail.ru

Васенин Андрей Юрьевич

доцент кафедры специальных дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
Milena.555@mail.ru

Тхаровская Ольга Юрьевна

старший преподаватель
кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
Milena.555@mail.ru

**ПОНЯТИЕ «ПАЦИЕНТ» КАК СТОРОНЫ
ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ**

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование термина «пациент», обращается внимание на необходимость унифицированного легального определения, предлагаются пути решения проблемы. В научной среде наблюдается дискуссия относительно сущности данного термина, единый подход учёными так и не выработан. По сути, можем констатировать, в некотором роде, плюрализм мнений в формулировании понятия «пациент».

Ключевые слова: законодательство, деятельность, правовое регулирование, медицинские услуги, пациент, здоровье, договор.

Каждое государство в качестве первоочередной задачи должно ставить сохранение и укрепление здоровья своих граждан. Российская Федерация, в соответствии с Конституцией РФ, объявила себя социальным государством, взяв на себя среди многих обязательств и оказание медицинской помощи населению. К сожалению, несмотря на принимаемые федеральными органами власти меры в данной сфере, государственная и муниципальная системы здравоохранения Российской Федерации требуют дальнейшего развития и совершенствования. Отметим, что в

Natalia V. Savosina

Candidate of Law Sciences,
Senior teacher of Department
State and Civil Disciplines,
Novorossiysk branch Krasnodar
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation University
Milena.555@mail.ru

Andrew Yu.Vasenin

Associate Professor of Special Disciplines,
Novorossiysk branch Krasnodar
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation University
Milena.555@mail.ru

Olga Yu. Tharovskaya

Senior teacher
Departments of State
and Civil Disciplines
Novorossiysk branch Krasnodar
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation University
Milena.555@mail.ru

**THE CONCEPT OF «PATIENT»
AS A PARTY TO A CONTRACT
FOR THE REIMBURSABLE PROVISION
OF MEDICAL SERVICES**

Annotation. The article analyzes the legal regulation of the term «patient», draws attention to the need for a unified legal definition, and suggests ways to solve the problem. In the scientific environment there is a discussion about the essence of this term, the unified approach of scientists is never developed. In fact, we can state in some way the pluralism of opinions in the formulation of the concept of «patient».

Keywords: legislation, activity, legal regulation, medical services, patient, health, contract.

России законодательно не предусмотрена монополизация всей сферы оказания медицинских услуг. На развитии государственной и муниципальной систем здравоохранения наличие конкуренции влияет положительно, вынуждая внедрять новые стандарты лечения, вводить новые современные методики диагностики и лечения, развивать медицинскую науку.

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что особенностью правоотношений, возникающих в связи с осуществлением возмездной

медицинской деятельности, является то, что ее субъектами, с одной стороны, выступают предст-а-вители частной системы здравоохранения, первоочередной целью которых является систематическое извлечение прибыли, с другой стороны, пациенты, стремящиеся минимизировать свои расходы на медицинские услуги, но не в ущерб их качеству. В целях обеспечения баланса интересов всех участников правоотношений в сфере оказания медицинской помощи требуется обеспечить качественное правовое регулирование данных правоотношений. При этом в законодательстве отсутствует чёткое закрепление унифицированного понятия «пациент», в связи с чем, возникают трудности при определении объёма прав и обязанностей лица, вступающего в медицинские правоотношения.

Сторонами гражданско-правовых отношений в медицинской сфере выступают учреждения здравоохранения (медицинский работник) и пациент. Учёными в научных дискуссиях подмечено, что «в законодательстве и на практике неправильно используют данный термин, не разграничивая его с такими понятиями, как «больной», «нуждающийся» и «клиент» [2].

При проведении правового анализа, как нам представляется, необходимо обозначить, что фактическое обращение человека в медицинскую организацию и оформление его как пациента не означает наличие у данного лица какого либо заболевания.

Термин «пациент» регулярно используется в международно-правовых актах (например, в Европейской конвенции о правах человека и биомедицине, принятой в Овьедо в 1997 году; Европейской хартии прав пациентов 2002 года (Брюссель, 2002); Люблянской хартии реформирования здравоохранения 1996 года и других).

Интересно, что в разделе 7 ч. 3 Основ концепции прав пациента в Европе пациент определяется как «здоровый (здоровые) или больной (больные) потребитель (потребители) медицинских услуг» (Основы концепции прав пациента в Европе: общие положения (Principles of the Rights of Patients in Europe: A Common Framework), принятые на Европейском консультативном совещании ВОЗ по правам пациента, проходившем в Амстердаме с 28 по 30 марта 1994 г.). Термин «пациент» применяется также в зарубежном законодательстве в области охраны здоровья.

Если обратимся к законодательству стран постсоветского пространства, то в законодательстве Республики Казахстан можем увидеть что в пункте 87 статьи 1 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» (см.: О здоровье народа и системе здравоохранения: Кодекс Республики Казахстан от 18.09.2009 № 193-IV) под пациентом предлагается понимать физическое лицо, выступающего потребителем медицинских услуг. Согласно пункту 11 статьи 1 Закона Латвии «О медицине» [1], пациентом признаётся лицо, получающее лечение или зарегистрированное у кого-либо из медицинских лиц и при необходимости получающее лечение.

Исследуемое понятие закреплено и в российском законодательстве. В соответствии с п. 9 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», под пациентом понимается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния.

В научной среде наблюдается дискуссия относительно сущности данного термина, единый подход учёными так и не выработан. По сути, мы можем констатировать в некотором роде плюрализм мнений в формулировании понятия «пациент».

Одними авторами под термином «пациент» предлагается физическое лицо (потребителя), получающего медицинскую услугу (и/или) иную медицинскую помощь, оказываемую в рамках договора, заключенного с лицом, осуществляющим медицинскую деятельность на профессиональной основе [6].

А.Г. Блинов предлагает под пациентом понимать человека, вступившего в здравоохранительные правоотношения путём осуществления субъективного права направленного на получение услуг медицинского или фармацевтического характера в специализированных учреждениях любой организационно-правовой формы либо приглашенный для участия в биомедицинском эксперименте в качестве испытуемого [3].

Н.К. Елина считает, что пациент – это «всегда и только физическое лицо (дееспособное и недееспособное), организм, орган или ткань которого являются объектом медицинских манипуляций». [4]

При анализе предложенных учёными определений понятия «пациент» полагаем необходимым указать на выявленные неточности и неполноту.

По нашему мнению, статус «пациент» человек приобретает в момент обращения в учреждение, оказывающее медицинские услуги, для получения медицинской услуги, а не с момента оказания ему медицинской помощи.

Нам представляется, что «пациент» как субъект правоотношения обладает особым правовым статусом, включающим в себя конкретные права и обязанности. Ю.А. Козаченко справедливо обращает внимание на производность прав пациента.

Исходя из изложенного полагаем возможность включения в термин «пациент» следующих элементов:

- 1) лицо, обратившееся лечебное учреждение, должно обладать субъективными закрепленными правами и обязанностями;
- 2) медицинская помощь, за которой обратилось лицо, должна иметь профессиональные характер;
- 3) сам факт обращения в медицинскую организацию автоматически придаёт данному лицу статус «пациента».

Из предложенных цивилистами определений понятия «пациент» выделяется предложение Старчиова М.Ю., который под пациентом понимает физическое лицо, наделенное юридически закрепленными правами и обязанностями, которому в соответствии с законодательством оказывается медицинская помощь (медицинские услуги) медицинскими работниками или которое обратилось в учреждение здравоохранения с указанной целью независимо от наличия у него заболевания или фактического состояния его здоровья [7].

Помимо неоднозначности содержания термина «пациент», некоторые затруднения в понимании вызывает понятие «гражданин», используемое в названии ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и его главы 4 «Права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья» в части использования понятия «гражданин».

В российской словесности термин «гражданин» применяется как в контексте «...обозначения места проживания» [8], так и значения лица, «имеющего... не только обязанности, но и права» [5].

В статье 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» под гражданством понимается «устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей».

В гражданском законодательстве во избежание двусмысленности фиксируется тождественность

термина «гражданин» с термином «физическое лицо» (так, глава 3 подраздела 2 раздела I части первой ГК РФ носит название «Граждане (физические лица)»). При этом необходимо отметить, что объём и условия оказания медицинской помощи в России нередко отличаются в зависимости от наличия или отсутствия Российского гражданства у обратившегося за медицинской помощью лица.

Учитывая, что необходимость в медицинской помощи (услугах) повседневно возникает не только у граждан России, но и у находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, требуется определиться со смысловым и юридическим значением терминов «гражданин», «подданный» и «лицо без гражданства», не являющихся идентичными [7].

В связи с обозначенным, мы полагаем, что существует необходимость уточнения вышеуказанных законодательных конструкций, предлагается при наличии универсальных правоотношений для категорий «гражданин», «иностранный гражданин» и «лицо без гражданства» сменить в законодательстве понятие «гражданин» на «физическое лицо (пациент)».

Это возможно путём изложения наименования ФЗ № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года и его главы 4 в следующей редакции: «ФЗ «Об основах охраны здоровья физических лиц (пациентов) в Российской Федерации»; глава 4 «Права и обязанности физических лиц (пациентов) в сфере охраны здоровья».

Литература:

1. О медицине: Закон Латвии, принятый Сеймом 12.06.1997. URL : <http://www.pravo.lv>
2. *Бабаджанов Д.* Понятие пациента в теории и законодательстве // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2014. № 5(61).
3. *Блинов А.Г.* Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2014.
4. *Елина Н.К.* Правовые проблемы оказания медицинских услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2006. 22 с.; Библиотека юридических наук Law Theses. URL : <http://www.lawtheses.com>
5. *Марасинова Е.Н.* «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей в Российской империи. М., 2008.
6. *Печникова О.Г.* К вопросу об условиях договора оказания платных медицинских услуг / О.Г. Печникова, А.П. Печников // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20).

Literature:

1. About medicine: law of Latvia, adopted by the Sejm on 12.06.1997. URL : <http://www.pravo.lv>
2. *Babajanov D.* the Concept of the patient in theory and legislation // Bulletin of the Tajik state University of law, business and politics. Series of humanitarian Sciences. 2014. № 5(61).
3. *Blinov A.G.* The Doctrine of criminal law protection of the rights and freedoms of the patient : autoref. dis. ... d-RA yurid. science: 12.00.08. Saratov, 2014.
4. *Elina N.K.* Legal problems of providing medical services : autoref. dis. ... cand. the faculty of law. science: 12.00.03. Volgograd, 2006. 22 p.; Library of legal Sciences Law Theses. URL : <http://www.lawtheses.com>
5. *Marasinova E.N.* «Slaves» and «citizens» in the Russian Empire of the XVIII century // «Introducing European customs and customs in the European people»: to the problem of adaptation of Western ideas in the Russian Empire. M., 2008.
6. *Pechnikova O.G.* On the question of the terms of the contract for the provision of paid medical services / O.G. Pechnikova, A.P. Pechnikov // Legal science and law enforcement practice. 2012. № 2(20).

7. *Старчиков М.Ю.* Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов: теоретические положения и судебная практика. М. : Инфотропик Медиа, 2016.

8. *Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011.

7. *Starchikov M.Yu.* Civil liability of medical organizations for harm caused to the life (health) of patients: theoretical provisions and judicial practice. M. : Infotropic Media, 2016.

8. *Timofeev D.V.* European ideas in the socio-political lexicon of the educated Russian subject of the first quarter of the XIX century. Chelyabinsk : Encyclopedia, 2011.

Семенова Екатерина Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
e-g-semenova@mail.ru

Ekaterina G. Semenova
Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of State
and Civil Disciplines,
Crimean branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
e-g-semenova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТО В НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

FEATURES OF LEGAL REGULATION FOR OBJECTS OF INCOMPLETE CON- STRUCTION

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей правового регулирования объектов незавершенного строительства. Автором проанализированы основные концепции относительно правового режима данных объектов. Установлена правовая природа объектов незавершенного строительства как составных частей застраиваемого земельного участка как единого объекта недвижимости. Обосновывается невозможность объектов незавершенного строительства выступать в качестве предмета договора аренды зданий и сооружений.

Annotation. The article is devoted to identifying the features of legal regulation of unfinished construction objects. The main concepts concerning the legal regime of these objects are analyzed. The legal nature of unfinished construction objects as components of a built-up land plot as a single real estate object is established. The author substantiates the impossibility of unfinished construction objects to act as the subject of a lease agreement for buildings and structures.

Ключевые слова: объект незавершенного строительства, земельный участок, недвижимое имущество, государственная регистрация прав, аренда зданий и сооружений.

Keywords: incomplete construction object, land plot, real estate, state registration of rights, lease of buildings and structures.

Одним из сложных с точки зрения определения правовой природы являются объекты, строительство которых не завершено. Специфические физические свойства таких объектов порождают многочисленные дискуссии среди ученых-цивилистов и правоприменителей по поводу установления момента их возникновения как объектов права, оснований отнесения к недвижимому имуществу, возможности быть предметом обязательств и др.

подходов. Так, ряд исследователей (П.А. Валеев, Д.С. Некрестьянов, К.К. Шалагинов) придерживаются позиции относительно возникновения объекта незавершенного строительства как недвижимости, который определяется моментом установления прочной связи с землей.

Впервые на кодифицированном уровне оборот объектов незавершенного строительства как объектов недвижимости получил закрепление Федеральным законом от 30.12.2004 № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Правовые основы приобретения права собственности на объекты незавершенного строительства определила ст. 219 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), в которой установлено, что право собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации.

По мнению других авторов (Н.И. Огнева, М.М. Гасанов), главным признаком объекта незавершенного строительства является то, что данный объект как объект гражданских прав возникает с момента государственной регистрации прав на него. Подобный подход получил отражение в судебной практике. Президиум ВАС РФ, оценивая договор купли-продажи недвижимого имущества, отметил, что «... спорный объект отвечает всем признакам недвижимого имущества, установленным ст. 130 ГК РФ: объект прочно связан с землей и его перемещение без нанесения несоразмерного ущерба его назначению невозможно ... до государственной регистрации перехода права собственности покупатель не вправе распоряжаться приобретенным имуществом, в том числе отчуждать его другому лицу» [16].

Несмотря на это, в науке и судебной практике относительно правовой природы объектов незавершенного строительства сложилось несколько

По мнению авторов Концепции развития законодательства о вещном праве основанием

государственной регистрации, права на объект незавершенного строительства является прекращение строительства либо возникновение необходимости совершения сделки с таким объектом [10]. Позиция, согласно которой незавершенные строительством объекты относятся к недвижимому имуществу, только, если они не являются предметом действующего договора строительного подряда, разделяется многими исследователями (В.А. Алексеев, Н.В. Черная, Е.Б. Козлова, Е.С. Болтанова) и получила отображение в практике Высшего Арбитражного Суда РФ [13; 14].

Согласно п. 13 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ, строительство является способом создания здания, строения, сооружения. Объект незавершенного строительства – это текущее состояние между началом строительства указанных объектов и его завершением, стадия создания определенных объектов недвижимости. Необходимость решения некоторых практических вопросов в данной сфере, в том числе, при определении права собственности, наследовании, обращении взыскания на имущество и т.д., обусловила законодательное закрепление объектов незавершенного строительства как самостоятельных объектов недвижимого имущества (ст. 130 ГК РФ). Однако это не дает основания утверждать, что любой объект, который создается в результате строительных работ, является объектом незавершенного строительства после прекращения таких работ. Созданное при проведении строительных работ имущество с технической точки зрения является объектом строительства, а с юридической – может принадлежать к различному по юридическому характеру имуществу.

Объект незавершенного строительства может удовлетворять потребности человека посредством выступления в виде некой ценности, способной принести доход в процессе обмена и совершения с ним различного рода гражданско-правовых сделок [8]. Однако прав Р.А. Валеев, который отмечает, что объект незавершенного строительства представляет собой недвижимость независимо от обязательственных отношений, связанных с ним. Специфика его правовой природы состоит не в наличии договорных связей, а в силу присущих ему признаков [3, с. 17, 22–24].

Дискуссия о том, является понятие «объект незавершенного строительства» юридическим либо оно имеет функциональное значение связано с вопросом определения понятия недвижимости, в целом. «Юридическая теория недвижимости», в основе которой находится постулат, что недвижимостью может признаваться лишь имущество, на которое может быть установлено право собственности и иные права, подлежащие государственной регистрации, получила достаточно большое распространение (Г. Шершеневич, К.И. Скловский, Е.А. Суханов, О.М. Козырь, М.В. Кротов и др.). Значимым является то, что в качестве обоснования такой теории приводятся положения законодательства, в частности, предусматривающие государственную регистрацию прав на объекты незавершенного строительства как на недвижимую вещь [20, с. 78].

В то же время, в противовес юридической теории существует «физическая теория недвижимости» (В.А. Алексеев, В.В. Витрянский, Б.М. Гонгалов, А.П. Сергеев, С.А. Степанов и др.) которая основывается на том, что для признания вещи недвижимой необходимым является только ее прочная связь с землей, невозможность перемещения, несоизмеримый ущерб назначению.

Анализ вышеуказанных правовых теорий недвижимости позволил сделать вывод о том, что существующий в них спор касается не сути недвижимости как правового явления, а непосредственно отдельных аспектов режима его существования [18]. Действительно, правовой режим недвижимости возникает у объекта незавершенного строительства в результате государственной регистрации прав на него. Такой режим предоставляет собственнику реализовывать в отношении данного объекта распорядительные возможности в полной мере по правилам, которые установлены для недвижимого имущества. Однако следует отметить, что указанные возможности возникают у правообладателя не исключительно ввиду юридического факта государственной регистрации права собственности на такой объект.

Определение сущности недвижимости только с материально-вещественной стороны имеет важное значение во многих отраслях знаний, но является явно недостаточным и далеко не исчерпывает всей совокупности признаков, свойственных его содержанию. Общественные отношения группируются в соответствии с социально-экономическим базисом, назначением, определяемым в конечном итоге потребностями участников этих отношений. Соответственно, правовой режим недвижимости устанавливается исходя из материальной, экономической и социальной сущности объектов [18].

Ценность объекта незавершенного строительства определяется не только неразрывной связью с земельным участком, а, прежде всего, способностью удовлетворять конкретные потребности субъектов общества. По этому поводу В.А. Алексеев отмечал, что «незавершенный строительством объект существует с того момента, как на земельном участке начались действия, непосредственно направленные на создание объекта и приведшие к такому изменению этого земельного участка, которое становится от этого участка неотделимым без существенного ущерба для достижения цели создания планируемого объекта» [1].

Возведение здания, сооружения имеет определенную цель – создание объекта для удовлетворения конкретных потребностей (общественно-полезных, бытовых, жилищных, производственных и т.д.). Согласно требованиям действующего законодательства отсутствие строительной готовности объекта свидетельствует о его невозможности быть введенным в эксплуатацию (ст. 55 ГрК РФ), следовательно, невозможности использоваться в соответствии с той целью, с которой он строится. По мнению В.В. Витрянского, именно окончание строительства здания (сооружения) и

его готовность к использованию по прямому назначению является критерием для разграничения двух различных видов недвижимости: здания (сооружения) и не завершенных строительством объектов [4, с. 184]. Следствием такого разграничения является то, что к правоотношениям по поводу объектов незавершенного строительства не должны применяться специальные правила, касающиеся зданий (сооружений) [4, с. 184].

Ввиду того, что объекты незавершенного строительства не могут использоваться по их целевому назначению до завершения строительства и ввода в эксплуатацию, считается, что к правовому режиму объектов незавершенного строительства не могут быть применимы положения п. 3 ст. 552 ГК РФ, ч. 1 ст. 35 ЗК РФ, регулирующие переход прав на земельный участок, занятый недвижимостью, который необходим именно для ее использования. Также, возникает вопрос о невозможности применения норм, регулирующих аренду зданий и сооружений (параграф 4 гл. 34 ГК РФ), к отношениям пользования объектами незавершенного строительства [19; 3]. Авторы, которые придерживаются данной позиции, отмечают, что это противоречит смыслу арендных отношений, поскольку объекты незавершенного строительства не имеют специального назначения и в процессе завершения создания изменяют свои качественные и количественные характеристики [12]. Существует и иная позиция, согласно которой незавершенные строительством объекты обладают всеми признаками недвижимого имущества, в целом, и зданий (сооружений), в частности, поэтому к отношениям аренды таких объектов следует применять нормы относительно договора аренды зданий (сооружений) [17].

В судебной практике относительно указанного вопроса единой позиции также не выработано. В практике Пленума ВАС РФ получил отображение подход, согласно которому «отсутствие разрешения на ввод в эксплуатацию объекта капитального строительства, являющегося объектом аренды, в момент передачи этого объекта арендатору само по себе не влечет недействительности договора аренды. При наличии соответствующих оснований лица (арендатор и/или арендодатель), виновные в эксплуатации объекта капитального строительства без разрешения на ввод его в эксплуатацию, подлежат привлечению к административной ответственности в соответствии с ч. 5 ст. 9.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Деятельность указанных лиц может быть приостановлена по основаниям и в порядке, предусмотренном названным Кодексом» [14]. Относительно передачи объекта аренды до ввода его в эксплуатацию для осуществления ремонтных и отделочных работ установлено, что это не противоречит положениям Градостроительного кодекса Российской Федерации [14].

Ввод объекта строительства в эксплуатацию является юридическим фактом, который определяет возможность, прежде всего, безопасного использования объекта по назначению, указанному в разрешении на строительство и технической документации. Гражданское законодательство не

содержит прямого запрета на сдачу объектов незавершенного строительства в аренду (ст. 607 ГК РФ). В то же время, следует учитывать, что передача имущества в аренду предполагает его использование в соответствии назначением (п. 1 ст. 615 ГК РФ).

В литературе отмечается, что «для имущества часто характерны процессы правовой иммобилизации, когда отдельные движимые объекты соединяются с господствующими объектами недвижимости, и при этом меняется правовая характеристика этих объектов («отдельные строительные материалы» – «незавершенное строительство» – «жилой дом»)» [11, с. 345]. Однако следует согласиться с Л.Т. Коковой в том, что «важно учитывать цели фактической и правовой иммобилизации, недостижение которых приводит к необходимости переквалификации объекта для конкретной ситуации и конкретных правоотношений» [7, с. 173]. Ценности, изначально определяемые как объекты незавершенного строительства, не могут самостоятельно выполнять функции по удовлетворению определенных потребностей как объекты недвижимости. Соответственно считается, что аренда незавершенного строительства возможна, однако, не как объекта недвижимого имущества, а как соответствующего физического комплекса вещей [7, с. 173].

Приведенные положения поднимают в литературе вопрос о целесообразности существования такой категории, как «объект незавершенного строительства» [6, с. 25]. Предполагается, что в процессе создания недвижимой вещи она таковой (вещью) еще не является, объектом правоотношений в данном случае может выступать только имущественное право. Так, говоря о купле-продаже домов, с не завершенным строительством, А.В. Борисенко отмечает, что они «... не являются жилой недвижимостью, хотя относятся к недвижимому имуществу. В отношении их должен быть закреплен особый правовой статус, заключающейся в следовании данных объектов судьбе земельного участка. ... В данной ситуации речь идет не о купле-продаже недостроенного дома, а об уступке права застройки» [2].

Статья 130 ГК РФ закрепляет объекты незавершенного строительства как отдельную категорию объектов недвижимости. Юридическим фактом, который дает возможность признать объект незавершенного строительства недвижимостью, является совокупность физических, экономических, социальных характеристик, которые сформировались в результате застройки земельного участка. Государственная регистрация в рамках механизма возникновения вещных прав на объекты незавершенного строительства играет роль конечного юридического факта, предоставляет возможность осуществлять соответствующие правомочия с таким объектом. Д.С. Некрестьянов отмечает, что невозможность эксплуатации объектов незавершенного строительства не означает отсутствие у лица правомочия пользования, а свидетельствует о том, что относительно указанных объектов правомочие пользования ограничено действиями, направленными на завершение строительства [12].

Нами уже было установлено, что выделение в качестве оборотоспособных объектов права собственности объектов незавершенного строительства является определенным исключением из правил вещного права относительно обособленности объектов, получившим свое обоснование социально-экономической значимостью вопроса их оборота. Объект незавершенного строительства как часть застроенного земельного участка не может быть самостоятельным объектом права собственности, однако, он имеет определенную ценность в случае использования земельного участка, на котором такой объект находится.

Гражданское законодательство не запрещает такой вид использования объектов незавершенного строительства, как завершение начатого строительства. В таком случае следует говорить об использовании земельного участка, которое предполагает изменение свойств и качеств возведенного на нем объекта недвижимости, а не самого объекта незавершенного строительства.

Правовое регулирование использования земельного участка посредством договорных конструкций, в том числе, для осуществления строительных работ, в настоящее время осуществляется нормами Земельного кодекса РФ (ст. 22). В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предлагается к

Литература:

1. *Алексеев В.А.* Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. М. : Волтерс Клувер, 2007.
2. *Борисенко А.В.* Жилая недвижимость как объект купли-продажи // Законность. 2004. № 2. С. 41–45.
3. *Валеев Р.А.* Правовой режим объекта незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Казань, 2007.
4. *Витрянский В.В.* Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг. М. : Статут, 1999.
5. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>
6. *Козлова Е.Г.* Пробелы законодательства в объекте договора долевого участия в строительстве // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5.
7. *Кокоева Л.Т.* Основные проблемы гражданско-правового регулирования арендных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
8. *Кондратенко З.К.* Гражданско-правовой механизм приобретения частной собственности на

закреплению вещное право, предполагающее изменение правообладателем свойств и качеств земельного участка, прежде всего, возведение на нем различных сооружений (право застройки) [9]. Анализ Законопроекта о внесении изменений в ГК РФ свидетельствует о том, что такое право застройки может предоставляться и в отношении уже застроенного земельного участка, в том числе, для реконструкции, сноса имеющегося на участке объекта недвижимости (п. 1 ст. 300.1, п. 2 ст. 300.2) [5].

Таким образом, подтверждается вывод о том, что объект незавершенного строительства следует рассматривать как составную часть застраиваемого земельного участка как единого объекта недвижимости. Объекты незавершенного строительства как самостоятельные объекты права собственности не могут быть предметом договора аренды зданий и сооружений (параграф 4 гл. 34 ГК РФ). В случае, когда во временное владение и (или) пользование передается объект, строительство которого не завершено, целесообразнее говорить о передаче единого объекта недвижимости – земельного участка с улучшениями. В отношении земельного участка с находящимся на нем объектом, строительство которого не завершено, может быть установлено вещное право застройки.

Literature:

1. *Alekseev V.A.* Real estate: state registration and problems of legal regulation. Moscow: Volters Kluver, 2007.
2. *Borisenko AV.* Residential real estate as an object of sale // Legality. 2004. № 2. P. 41–45.
3. *Valeev R.A.* Legal regime of objects of incomplete construction: abstract of the dissertation of a master of law. Kazan, 2007.
4. *Vitryansky V.* lease agreement and its types: rental, chartering for a time, rent of buildings, structures and enterprises, leasing. M. : Statute, 1999.
5. Draft Federal law № 47538-6 «On Making Changes in the First, Second, Third, and Fourth Parts of the Civil Code of the Russian Federation and also in Individual legislative Acts of the Russian Federation». URL : <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>
6. *Kozlova E.G.* Gaps in legislation in the object of the contract of equity participation in construction // Bulletin of notarial practice. 2009. № 5.
7. *Kokoeva L.T.* The main problems of civil regulation of lease relations: dissertation of a doctor of law. M., 2005.
8. *Kondratenko Z.K.* Civil-legal mechanism of the obtaining property right for objects of incomplete

объекты незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Казань, 2014.

9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

10. Концепция развития законодательства о вещном праве. Проект Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. URL : http://privlaw.ru/concep_RZVP.rtf

11. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

12. *Некрестьянов Д.С.* Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

13. О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума ВАС РФ от 25 фев. 1998 г. № 198 (утратил силу) // Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.

14. Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды: постановление Пленума ВАС РФ от 17 нояб. 2011 г. № 73 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

15. Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16 фев. 2001 г. № 59 // Вестник ВАС РФ. 2001. № 4.

16. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 дек. 2001 г. № 1125/00 // Вестник ВАС РФ. 2002. № 4.

17. *Романец Ю.В.* Система договоров в гражданском праве России. М., 2001.

18. *Семенова Е.Г.* Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 215–221.

19. *Сухова Г.* Споры по договору аренды // ЭЖ-Юрист. 2003. № 17.

20. *Чубаров В.В.* Проблемы правового регулирования недвижимости. М., 2006.

construction: abstract of the dissertation of a master of law. Kazan, 2014.

9. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation for codification and improvement of civil legislation on October 7, 2009) // Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2009. № 11.

10. The concept of development of legislation on proprietary rights. Draft of Presidential Council for Codification and Improvement of the Civil Legislation. URL : http://privlaw.ru/concep_RZVP.rtf

11. *Lapach V.A.* System of civil rights objects: theory and jurisprudence. SPb., 2002.

12. *Nekrestyanov D.S.* Civil-law regulation turnover of objects of of incomplete construction : abstract of the dissertation of a master of law. SPb., 2005.

13. On some issues of dispute resolution practice related to the protection of property rights and other proprietary rights: Judgment of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of February 25. 1998 № 198 // Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 1998. № 10.

14. On certain issues of the practice of applying the rules of the Civil code of the Russian Federation on the lease agreement: Judgment of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 17. 2011. № 73 // Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2012. № 1.

15. The overview of the practice of resolving disputes related to the application of the Federal law «On state registration of rights to real estate and transactions with it»: information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 16 Feb. 2001 № 59 // Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2001. № 4.

16. Judgment of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 18 Dec. 2001 № 1125/00 // Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2002. № 4.

17. *Romanets Yu.V.* The system of contracts in Russian civil law. M., 2001.

18. *Semenova E.G.* Real Estate as a Legal Category: The Experience of Interval. Analysis // Society and Law. 2016. № 4(58). P. 215–221.

19. *Sukhova G.* Disputes lease // Economy. Life. lawyer. 2003. № 17.

20. *Chubarov V.V.* Problems of legal regulation of real estate. M., 2006.

Соловяненко Нина Ивановна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Сектора предпринимательского
и корпоративного права,
Институт государства и права РАН
spp@igpran.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ: ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и юридико-технические вопросы применения электронных документов в предпринимательстве. Анализируются особенности правовой категории «электронный документ» и ее составляющих, таких как информация, документирование, письменная форма, доверенные сервисы. Делается вывод об усложнении правовой конструкции электронного документа в цифровой среде, а также о признании электронного документооборота в качестве основного способа юридического взаимодействия в сфере бизнеса. Предлагается посвятить электронному документу специальный федеральный закон «Об электронном документе (документообороте)», закрепляющий правовой механизм функционального эквивалента.

Ключевые слова: электронный документ, правовое регулирование цифровой среды, письменная форма, электронная подпись, доверенные сервисы, метка доверенного времени, предпринимательство, правовое отношение.

Переход к цифровой экономике предполагает юридическое взаимодействие в сфере предпринимательства с применением электронных документов. Электронный документооборот способствует созданию и продвижению новых высокотехнологичных продуктов и услуг, обеспечивает прозрачность бизнеса, оптимизирует взаимодействие предпринимательского сообщества с органами государственной власти, облегчает предпринимателям доступ к правосудию. Электронным документам отводится важная функция сохранения глобального документального наследия и долгосрочного хранения данных в цифровом формате. Кроме того, документированная в электронной форме научно-техническая информация используется в предпринимательстве в составе единой технологии.

Перспективная отечественная практика гражданского оборота, а также – электронного взаимо-

Nina I. Solovyanenko
Candidate of Law Sciences,
Senior research fellow of Business
and Corporate Law Department,
Institute of State
and Law of RAS
spp@igpran.ru

LEGAL REGIME OF ELECTRONIC DOCUMENTS IN BUSINESS: ISSUES OF DOCTRINE AND LEGAL PRACTICE

Annotation. The article deals with theoretical and legal-technical issues of the use of electronic documents in business. The article analyzes the features of the legal category «electronic document» and its components, such as information, documentation, writing, and trusted services. The conclusion is made about the complexity of the legal structure of an electronic document in the digital environment, as well as about the recognition of electronic document management as the main method of legal interaction in the business sphere. It is proposed to devote a special Federal law «on electronic document (document circulation)» to the electronic document, which establishes the legal mechanism of functional equivalent.

Keywords: electronic document, legal regulation of the digital environment, written form, electronic signature, trusted services, trusted time stamp, entrepreneurship, legal relationship.

действия предпринимателей и государства, нашли отражение в федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика РФ», который:

- предусматривает уточнение в законодательстве понятия электронного документа;
- разработку процедур использования и хранения электронных документов, а также изготовления нотариальных документов в электронной форме;
- ведение электронного кадрового документооборота.

Во исполнение проекта по нормативному регулированию цифровой среды были разработаны и приняты изменения в законодательстве, которые в различных аспектах уточняют и дополняют правовой режим электронного документа в целом и

его отдельных составляющих, таких как электронные подписи или методы идентификации участников документооборота в цифровой среде.

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»:

– определено понятие и разработан механизм использования метки доверенного времени;

– предусмотрена возможность использования «облачной» электронной подписи;

– введена правовая конструкция доверенной третьей стороны (положения вступают в силу с 1 июля 2020 г.).

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. «О внесении изменений в Основы законодательства РФ о нотариате и отдельные законодательные акты РФ» предусмотрена возможность совершения отдельных нотариальных действий удаленно, а также - установления личности клиентов с использованием единой биометрической системы. Внесены изменения в законодательство, предусматривающие переход от бумажных трудовых книжек к учету сведений о работниках в электронной форме. Ранее, 23 июня 2016 г. принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

Новейшие законодательные преобразования свидетельствуют не только об усложнении правовой конструкции электронного документа, но также – об активном признании электронного документооборота в качестве основного способа юридического взаимодействия в сфере предпринимательства. Напротив, делопроизводство и документооборот «на бумаге», не отвечающие потребностям цифровых бизнес коммуникаций, рассматриваются в современном нормотворчестве, скорее, как исключение.

В этой связи, необходимо выработать комплексный правотворческий и, в первую очередь, доктринальный подход к правовому регулированию процессов создания и обращения электронных документов. При разработке соответствующей научной концепции должна учитываться юридическая сущность категории «документ» и правовые особенности «электронного документа», а именно: что такое электронный документ, как осуществляется его юридическое признание, каков правовой механизм совершения юридических действий в системах электронного документооборота. При решении данной доктринальной и юридико-технической задачи следует выявить глубинные изменения в способах реализации правовых отношений, вызванных цифровыми преобразованиями, а не только сосредоточиться на самих технологиях [5, с. 45–50]. Целесообразно принимать во внимание основополагающие различия

между юридическим подходом и распространенным в настоящее время технологическим подходом к электронному документу.

В рамках технологического подхода документооборот рассматривается как последовательность операций, совершаемых участниками электронного взаимодействия, или как «жизненный цикл электронного документа», подчиняющийся техническим и эксплуатационным требованиям и стандартам. Такой подход используется, например, в «дорожной карте» по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет». «Дорожная карта» предусматривает, в частности, упрощение процедур оформления, учета, хранения, обмена цифровой документации, установление единых форматов подготовки и приемки цифровой (электронной) документации, гармонизацию системы национальных и отраслевых стандартов электронного документооборота.

Согласно юридическому подходу, электронный документооборот истолковывается как совокупность юридических действий, имеющих правовые последствия и требующих соблюдения всеми его участниками подлежащих исполнению правовых норм - законодательных или договорных положений, а не только технических и эксплуатационных требований.

Сообразно традиционным юридическим представлениям документ – это деловая бумага, подтверждающая факт или право на что-либо, способная служить письменным доказательством юридических фактов и отношений, в том числе, в суде [1, с. 9; 4. с. 54]. Однако единая, универсальная дефиниция документа в российском законодательстве отсутствует. Определить документ возможно путем перечисления его существенных признаков. В качестве таковых следует назвать свойство материального (изначально - бумажного) объекта, письменную форму, свойство удостоверить события или факты, имеющие правовое значение, наличие «необходимых реквизитов». Рассматривают документ как «форму выражения правового отношения» или «форму существования правоотношения» ученые-правоведы М.И. Брагинский и В.В. Витрянский [2, с. 226].

По заключению специалистов в области документоведения, «документ представляет собой символический эквивалент или заместитель действия. Уникальность документа как социального феномена заключается в том, что он не просто фиксирует действие, но способен его замещать. Зафиксированное в документе заявление, волеизъявление или действие продолжает вызывать правовые последствия в процессе социальных отношений уже в отрыве от заявителя, волеизъявителя или исполнителя» [3, с. 8–11].

Определение документа и указание на возможность его использования в качестве доказательства юридических отношений приведены в новом Национальном стандарте РФ по информации, библиотечному и издательскому делу

ГОСТ ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт идентичен международному стандарту ИСО 15489-1:2016 «Информация и документация. Управление документами» [8, с. 24–34]. В стандарте указано, что «документами признается «документированная информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или частным лицом в качестве доказательства для подтверждения правовых обязательств или деловой транзакции. Документальное подтверждение должно быть целостным (неповрежденным) и полным. Документы являются одновременно свидетельствами деловой деятельности и информационными активами» [9]. При этом именно доказательная роль документов при совершении деловых операций отличает их от других информационных ресурсов.

В информационном обществе правовая трактовка документа применительно к документу электронному подверглась трансформации. Последний стал восприниматься законодателями и юридической доктриной как информация, представленная в электронной форме и отвечающая таким требованиям как пригодность для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Основным признаком электронного документа является признак документированности. Документированная информация должна быть зафиксирована на материальном носителе и обладать реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством случаях ее материальный носитель.

ГК РФ выдвигает на первый план такой аспект документирования, как письменная форма, которая считается соблюденной, например, в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки (ч. 1 ст. 160). Признак письменности присутствует как в результате составления одного документа (в том числе, электронного), подписанного сторонами, так обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными (ч. 2 ст. 434).

Таким образом, для того, чтобы считать информацию электронным документом в юридическом смысле, одного факта фиксации информации, даже обладающей реквизитами, не может считаться достаточным. При подобной трактовке из концепции электронного документа исключено юридическое содержание – правоотношение, а именно: те самые права и обязанности, защита которых объявлена в ряду преимуществ международного стандарта ИСО 15489-1:2016 «Информация и документация. Управление документами» и соответствующего ему Национального стандарта РФ «ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019». В результате юридический смысл и юридическая функция электронного документа утратились и стало непонятно, на каком основании документ электронный должен вызывать те же правовые последствия, что и документ бумажный.

Таким фундаментальным основанием должен служить правовой принцип функционального эквивалента, который используется Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) при разработке модельного и национального законодательства в области электронной торговли, электронной подписи, электронных передаваемых записей. Согласно данному принципу в законодательстве предусмотрены требования, которым должны отвечать электронные документы для того, чтобы они могли выполнять юридические функции [7, с. 29–35].

В условиях сохраняющегося «цифрового неравенства» и бумажного документооборота эти функции такие же, как и в традиционной бумажной системе. Исследователи в области бухгалтерского учета отмечают устоявшееся мнение о «большей надежности бумажного документа и бухгалтерского регистра, заверенных подписью и печатью, в сравнении с их электронной копией», а также – «большую роль в сдерживании внедрения систем электронного документооборота, которую играет человеческий фактор» [6, с. 253–261].

В отечественном законодательстве необходимо создать правовой механизм функционального эквивалента, гарантирующий, что электронный документ будет фиксировать правоотношение, то есть обеспечит тот же юридический результат, что и документооборот на бумаге. Подобному правовому механизму следует посвятить специальный федеральный закон «Об электронном документе (документообороте)», в котором целесообразно урегулировать общие вопросы правового режима электронных документов, в том числе в правоотношениях с международным элементом.

Современная законодательная база в сфере электронного документооборота недостаточна, поскольку не содержит ответа на многие принципиальные вопросы в сфере правоприменения, например:

– может ли предприниматель по своему усмотрению использовать электронный документооборот или отказаться от него в пользу бумажного документооборота?;

– необходимо ли предварительное согласие всех субъектов правоотношений (например, сторон договора) на использование электронных документов, или электронный документооборот применяется по умолчанию?;

– что является оригиналом (подлинником), а что – копией электронного документа и целый ряд других.

Кроме того, правовая конструкция электронного документа в законодательстве носит различные наименования: «электронное сообщение», «документ в электронном виде», «электронный образ документа», «документированная информация», которые следует привести к единому термину и разработать для него соответствующую дефиницию.

Создание оптимальных юридических условий для применения электронных документов означает, что наравне с развитием технологий, законодательство должно обеспечивать доверие в цифровой среде, то есть, гарантировать безопасность и правовую определенности цифрового взаимодействия. В этой связи, в объединениях экономической интеграции и государствах, входящих в данные объединения, закреплены в юридических документах такие понятия как: «доверенная третья сторона», «доверенные услуги (сервисы доверия)», а также – обобщающее понятие «пространство доверия». В российский Закон об электронной подписи в целях обеспечения доверия при обмене данными и электронными документами введена новая правовая конструкция – «доверенная третья сторона». Юридическая функция доверенной третьей стороны заключается в проведении проверки электронных подписей в электронных документах в фиксированный момент времени, а также документальном подтверждении результатов такой проверки. Указанная деятельность может осуществляться юридическими лицами после получения соответствующей аккредитации в Минкомсвязи России. Также, предусмотрена метка доверенного времени – достоверная информация в электронной форме о дате и времени подписания электронного документа электронной подписью, полученная в момент подписания. Метка доверенного времени создается и проверяется доверенной третьей стороной, удостоверяющим центром или оператором информационной системы.

Вместе с тем, нам представляется необходимым предусмотреть в законодательстве общие положения о доверенных услугах и субъектах, которые оказывают такие услуги (провайдерах), в том числе:

- понятие и виды доверенных услуг; требования к доверенным услугам (к безопасности, надежности и др.);
- условия признания доверенных услуг, в том числе, в качестве судебных доказательств;
- правовой статус лиц, оказывающих доверенные услуги.

Литература:

1. *Агарков М.М.* Учение о ценных бумагах. М. : Финстатинформ, 1993. 140 с.
2. *Брагинский М.И.* Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М., 1997. 682 с.
3. *Двоеносова Г.А.* Документ как инструмент самоорганизации информационного общества // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 8–11.
4. *Дорохов В.Я.* Понятие документа в советском праве // Правоведение. 1982. № 2. С. 54–58
5. *Лаптев В.А.* Предпринимательское право в условиях инновационной (цифровой) экономики: пути развития / В.А. Лаптев, Н.И. Соловяненко // Юрист. 2019. № 5. С. 45–50.

Необходимо указать, что «пространство доверия» проектируется как на внутригосударственном, так и на международном уровне. В правовых документах Евразийского Союза предусмотрено создание «трансграничного пространства доверия», которое представляет собой совокупность правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами».

В европейском законодательстве установлен открытый перечень доверенных услуг, к которым относятся:

- создание, проверка и подтверждение электронных подписей, электронных печатей, электронных отметок времени;
- официальная электронная доставка документов;
- подтверждение подлинности вебсайтов;
- долговременное хранение электронных подписей, печатей или сертификатов.

Например, подтверждение подлинности вебсайта позволяет убедиться в том, что он не поддельный. Долговременное хранение электронных подписей, печатей гарантируют возможность их подтверждения в течение длительного срока независимо от будущих технологических изменений. Электронная доставка с подтверждением получения обеспечивает целостность электронных документов, идентификацию их отправителей и получателей, удостоверение даты и времени отправки и получения документов.

На международном уровне желательно разработать универсальный правовой механизм сотрудничества в обеспечении функциональной совместимости и безопасности доверенных сервисов, в частности, в отношении технических требований, который будет стимулировать трансграничное электронное взаимодействие.

Literature:

1. *Agarkov M.M.* The doctrine of securities. M. : Finstainform, 1993. 140 c.
2. *Braginsky M.I.* Contract law: General provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M., 1997. 682 c.
3. *Dvoenosova G.A.* Document as a tool of self-organization of the information society // Bulletin of VNIIDAD. 2019. № 2. P. 8–11.
4. *Dorokhov V.J.* The Concept of a document in the Soviet law // Jurisprudence. 1982. № 2. P. 54–58
5. *Laptev V.A.* Business law in the conditions of innovative (digital) economy: ways of development / V.A. Laptev, N.I. Solovyanyenko // Lawyer. 2019. № 5. P. 45–50.

6. *Максимова Г.В.* Развитие документооборота в условиях информационной экономики / Г.В. Максимова, И.В. Тихонова // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 253–261.

7. *Соловяненко Н.И.* Правовое регулирование создания и использования электронной (безбумажной) документации, в том числе заверенной электронной цифровой подписью // Хозяйство и право. 1994. № 4. С. 29–35.

8. *Янковая В.Ф.* Новый стандарт по управлению документами ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 // Дело-производство и документооборот на предприятии. 2019. № 9. С. 24–34.

9. «ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт РФ. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Понятия и принципы». М. : Стандартинформ, 2019. Ч. 1.

6. *Maksimova G.V.* Development of document management in the conditions of information economy / G.V. Maksimova, I.V. Tikhonova // Izvestiya baykalskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Vol. 29. № 2. P. 253–261.

7. *Solovyanenko N.I.* Legal regulation of creation and use of electronic (paperless) documentation, including certified electronic digital signature // Economy and law. 1994. № 4. P. 29–35.

8. *Yankovaya V.F.* New standard for document management GOST R ISO 15489-1-2019 // Office management and document management at the enterprise. 2019. № 9. P. 24–34.

9. «STANDARD R ISO 15489-1-2019. National standard of the Russian Federation. System of standards for information, library and publishing. Information and documentation. Document management. Concepts and principles». М. : Sstandar dinform, 2019. Part 1.

Сухондяева Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Военный университет
Министерства обороны РФ
santashov@list.ru

Санташов Андрей Леонидович

доктор юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Военный университет
Министерства обороны РФ
santashov@list.ru

Валькова Елена Владимировна

преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы
исполнения наказаний России
santashov@list.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРАВА
КАК ОТРАСЛИ ПРАВА**

Аннотация. В статье изложен обзор законодательства допетровского периода показывающий, что наличие норм военного и военно-уголовного права вызывает сомнения применительно к тому периоду Древней и Средневековой Руси, когда не существовало регулярной армии. Лишь с созданием централизованного Московского государства и формированием регулярной армии появляются специализированные акты, ставшие основой формирования военного законодательства и института военно-уголовных наказаний.

Ключевые слова: военное право, нормы военного права, военно-уголовное право, военно-уголовные наказания, допетровский период.

Принято считать, что военное право как самостоятельная отрасль права в России появилось при Петре I, что нашло свое выражение в издании таких законодательных актов как Артикул Воинский 1715 г., Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г.[1] Возникновение этих памятников права связывается, в первую очередь, с созданием и укреплением абсолютистского государства, реорганизацией старой и появлением новой регулярной армии. В то же время армия существовала в России задолго до прихода к власти Петра I, в связи, с чем нормы военного права

Tatiana Yu. Suhondyaeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Civil Law,
Military University Ministry of Defence
of the Russian Federation
santashov@list.ru

Andrey L. Suhondyaeva

Doctor of Jurisprudence,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Civil Law,
Military University Ministry of Defence
of the Russian Federation
santashov@list.ru

Elena V. Valkova

Teacher of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vologda Institute of Law and Economics
Federal Service Executions
of Punishments of Russia
santashov@list.ru

**FORMATION OF MILITARY LAW
AS A BRANCH OF LAW**

Annotation. The article presents an overview of the legislation of the pre-Petrine period, showing that the existence of military and military criminal law is questionable in relation to the period of Ancient and Medieval Russia, when there was no regular army. Only with the creation of a centralized Moscow state and the formation of a regular army appeared specialized acts that became the basis for the formation of military legislation and the institution of military criminal penalties.

Keywords: military law, norms of military law, military criminal law, military criminal penalties, pre-Petrine period.

в той или иной форме должны были быть известны предшествующему российскому законодательству. Изучение законодательства XI–XVII вв. периода позволит нам определить: 1) существование норм военного права в допетровский период; 2) возможные источники военного законодательства XVIII в., 3) наличие преемственности в законодательстве допетровского и петровского времени.

Уже в Русской правде большое внимание уделяется лицам, которых с оговорками можно отнести

к разряду «военнослужащих» (огнищанам, тиунам, гридям и др.). Особенности десятичной системы предполагало слияние военных и административных функций у лиц, относящихся к княжеской администрации. Рассматривая их исключительно как объект преступления, документ регламентирует наказание лицу, посягнувшему на жизнь «военнослужащего»: «Аще убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убици, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен. А иже убьют огнищанина в разбои, или убийца не ищуть, то вирное платити, в неи же вири голова начнет лежати. Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говядя, или у коровье татьбы то убити в пса место; а то же покон и тивуницу. А в княжи тивуне 80 гривен» [2]. Важным является то, что приведенные нормы указывают на высокий статус огнищан и тиунов, так как за их убийство необходимо заплатить 80 гривен, что является максимальным штрафом, притом, что за убийство других категорий населения штрафы не превышают 40 гривен. С другой стороны, следует отметить, что правовые нормы, касающиеся представителей княжеской дружины, в Русской правде носят односторонний характер, поскольку регламентируют лишь наказание за ущемление прав указанных лиц, не затрагивая их в роли субъектов преступления. Важнейшими, после Русской Правды, сводами норм русского средневекового права были Судебник Ивана III 1497 года [3] и Судебник Ивана IV 1550 года [4]. Хотя оба документа достаточно широко охватывают различные сферы жизни общества, они не касаются преступлений совершенных в военных походах, либо их участниками.

Развитие основных институтов государства и усиление центральной власти обусловили кардинальные изменения в военной организации общества. В период царствования Ивана IV возникают первые постоянные воинские части – стрелецкие полки, в связи с чем были разработаны нормативные акты, регулирующие круг служебных обязанностей и персональной ответственности военнослужащих и должностных лиц войска. Отдельные военно-уголовные наказания содержатся в Литовском статуте 1529 г.[5] Один из его разделов был посвящен вопросам обороны государства. Положения этого нормативного акта устанавливали, в основном, ответственность высшего руководства и командования армии в период сбора войска и проведения военной кампании. Согласно Статуту каждый из подданных великого князя при необходимости был обязан нести военную службу лично или же направлять в войско

Литература:

1. *Безнасюк А.С.* История развития российского законодательства о наказаниях военнослужащих / А.С. Безнасюк, А.А. Толкаченко // *Основы государства и права.* 2000. № 4. С. 63–64.
2. *Российское законодательство X–XX вв.* М., 1984. Т. 1. С. 47–73.
3. *Российское Законодательство X–XX веков.* М., 1985. Т. 2. С. 54–62.

определенное количество своих людей. Санкции наказаний по Статуту зачастую были неопределенными (потеря великокняжеского благоволения, потеря чести, взыскание ущерба и т.д.), широко применялась смертная казнь, которая назначалась ратникам как за неумелые действия в ходе боя в случае победы вражеской армии, так и за нарушение дозорной и караульной службы.

«Устав ратных, пушкарских и других дел...», изданный в 1621 году в эпоху правления Алексея Михайловича, содержал передовые для того времени взгляды на устройство армии и ведение боевых действий различными родами войск. Центральное место в Уставе было уделено регламентации военной службы, установлению должностных обязанностей и воинской дисциплины. Законодательная техника, примененная авторами Устава, носила элементы новизны и коренным образом отличалась от ранее существовавших нормативных актов такого характера. Устав разделил преступления на две основные категории: нарушения специальных обязанностей военной службы и нарушения общеуголовные, но связанные с исполнением обязанностей военной службы. Радикальность решаемых в то время (после «смуты») военных задач обусловила и непомерную строгость военно-уголовных наказаний, широкое применение смертной казни, которая назначалась даже за совершение такого правонарушения, как отлучка в непосредственной близости от неприятеля. Большинство санкций, что также свойственно для военно-уголовных наказаний того времени, были нечетко определены (наказание «с нещадною строгостью», «великое и жестокое», «без пощады» и т.д.).

Дальнейшее развитие военно-уголовные наказания получили в Соборном уложении 1649 г. [6]. Наряду с более четкой дифференциацией воинских преступлений, в Уложении появляются и элементы системы наказаний как общих, так и воинских [7]. Впервые в качестве уголовного наказания законодательно закрепляется лишение свободы, исполнение которого предусматривалось в нескольких видах [8]. Кроме того, широкое распространение получают телесные наказания.

Таким образом, можно считать, что указанные акты, а также нормы древнерусского обычного права создали необходимые предпосылки для активного формирования военного и военно-уголовного законодательства в ходе государственно-правовых реформ Петра I.

Literature:

1. *Beznasyuk A.S.* History of development of the Russian legislation on punishments of military personnel / A.S. Beznasyuk, A.A. Tolkachenko // *Fundamentals of the state and law.* 2000. № 4. P. 63–64.
2. *Russian legislation of the X–XX centuries.* М., 1984. Vol. 1. P. 47–73.
3. *Russian Legislation of the X–XX centuries.* М., 1985. Vol. 2. P. 54–62.

4. Российское Законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 97–120.

5. Статут Великого Княжества Литовского 1529. М., 1990. С. 55–112.

6. Российское Законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 83–257.

7. *Богдановский А.М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском уголовном праве до Петра Великого. М., 1857.

8. Соборное Уложение 1649 г. Гл. XXI. Ст. 71. Гл. X. Ст. 252.

4. Russian Legislation of the X–XX centuries. М., 1985. Vol. 2. P. 97–120.

5. Statute Of The Grand Duchy Of Lithuania 1529. М., 1990. P. 55–112.

6. Russian Legislation of the X–XX centuries. М., 1985. Vol. 3. P. 83–257.

7. *Bogdanovsky A.M.* The development of concepts about crime and punishment in the Russian criminal law before Peter the Great. М., 1857.

8. Cathedral Code of 1649, Chapter XXI. Art. 71. Chapter X. Art. 252.

Тарыкин Владимир Константинович

доцент,
кафедра уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
tarykin.vladimir@yandex.ru

Шатанкова Елена Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент,
кафедра уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
shatankova.elena@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ
РЕФОРМИРОВАНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ
В РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу статистических показателей преступности среди несовершеннолетних в целях обоснования неэффективности действующей уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в отношении несовершеннолетних. Выделены недостатки в организационно-правовом регулировании деятельности воспитательных колоний. Обоснованы преимущества концептуальной модели воспитательных центров. В заключении предложены варианты реформирования воспитательных колоний.

Ключевые слова: УИС, несовершеннолетние, воспитательные колонии, дифференциация условий отбывания наказания, состояние преступности, воспитательные центры, преступления, система «социальных лифтов».

Повышение степени общественной опасности преступности среди несовершеннолетних, появление новых форм их преступного поведения осложняют криминологическую обстановку как в отдельных регионах, так и на всей территории Российской Федерации. Согласно отчету Главного информационно-аналитического центра МВД России. в январе – июле 2019 года зарегистрировано 2024,3 тыс. преступлений, каждое двадцать пятое (3,9 %) – несовершеннолетними или при их соучастии. [3, с. 6].

Одним из негативных явлений в контексте преступности несовершеннолетних является её качественное изменение на фоне снижения количественного показателя, что выражается в наличии следующей тенденции: при общем снижении удельного веса преступлений, совершаемыми

Vladimir K. Tarykin

Associate Professor,
Department of Criminal Law,
Southwest State University
tarykin.vladimir@yandex.ru

Elena N. Shatankova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Department of Criminal Law,
Southwest State University
shatankova.elena@mail.ru

**PROBLEMS AND TRENDS
IN REFORMING EDUCATIONAL
COLONIES IN RUSSIA**

Annotation. The article is devoted to the analysis of statistical indicators of juvenile delinquency in order to justify the inefficiency of the current criminal and penal correction policy of the Russian Federation with regard to minors. Shortcomings in the organizational and legal regulation of the activities of educational colonies have been identified. The advantages of the conceptual model of educational centers are justified. The conclusion proposes options for reforming educational colonies.

Keywords: UIS, minors, educational colonies, differentiation of conditions of serving the sentence, state of crime, educational centers, crimes, system of «social elevators».

несовершеннолетними, происходит изменения категоризации преступных деяний в сторону особо тяжких (табл. 1) [2].

Анализируя данные, указанные в таблице, необходимо констатировать, что за 5 лет число несовершеннолетних, осужденных за особо тяжкие преступления и преступления средней тяжести, сократилось не более чем на 2 % (на 25 % – небольшой тяжести; на 35 % – тяжкие). Это свидетельствует о неэффективности действующей уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в отношении несовершеннолетних, что, главным образом, основывается на отсутствии учета особенностей рассматриваемой категории лиц и на применении к ним общих принципов и норм.

Таблица 1

Характеристика осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте по категориям преступлений за 2014–2018 гг.

	Осужденные по категориям тяжести преступлений			
	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие
2014	2897	7160	12106	1423
2015	2888	7009	11351	1568
2016	3381	8838	10219	1501
2017	2576	7902	8870	1283
2018	2166	7101	8163	1396

Меры, предпринимаемые государством в отношении несовершеннолетних, направленные на противодействие подростковой преступности и гуманизации уголовной ответственности, признаны эффективными в контексте сокращения

численности лиц, содержащихся в воспитательных колониях. Однако ранее рассмотренные показатели нашли своё отражение и в статистических показателях Федеральной службы исполнения наказаний России, указанных в таблице 2 [4].

Таблица 2

Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Лимит наполнения ВК (количество мест)	10916	8440	6094	5909	5897	5817
Среднесписочная численность осужденных	1822	1764	1678	1443	1354	1251
Списочная численность осужденных в ВК на конец отчетного периода	1776	1683	1655	1395	1310	1155

Наличие недостатков в организационно-правовом регулировании деятельности воспитательных колоний для несовершеннолетних обусловлено рядом факторов.

Во-первых: отсутствием нормативно-правовых предписаний, устанавливающих основания для дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, осужденных в зависимости от наличия рецидива, совершения преступления впервые, от степени тяжести совершенного преступного деяния.

Во-вторых, внедрение несовершеннолетних в криминальную среду как до прибытия в воспитательную колонию (в следственных изоляторах), так и при переводе в ИК общего режима при достижении совершеннолетия при соблюдении норм уголовно-исполнительного законодательства.

В-третьих, современный процесс исполнения наказания в воспитательных колониях преимущественно осуществляется посредством репрессивных мер, что сказывается на социальной адаптации и постпенитенциарной ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

В-четвертых, среднесписочная численность осужденных составляет около 23 % от лимита наполнения воспитательной колонии.

Бесспорен тот факт, что основная задача современных пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних состоит в организации психолого-педагогической и реабилитационной работы, проводимой как на основе возрастных, так и индивидуальных характеристик, включающих психологические, физиологические и уголовно-правовые особенности несовершеннолетнего

осужденного. Учитывая данный факт, возникает объективная необходимость в рассмотрении вопроса о создании исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных качественно нового типа, созданного на основании учета международных стандартов пенитенциарной системы и консолидации отечественного и зарубежного опыта. Реализация указанной идеи нашло своё отражение в первоначальной редакции Распоряжения Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года», одним из важнейших положений которого выступает преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры в целях обеспечения раздельного содержания осужденных в зависимости как от степени общественной опасности совершенного общественно опасного деяния, так и от уровня криминальной зараженности личности лица.

Идея создания воспитательных центров нашла своё отражение в первоначальной редакции Распоряжения Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р во втором подразделе «Реформирование системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и совершенствование их организационно-структурного построения» раздела третьего. В данном разделе предусматривалось следующее: «преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте» [1] как с обычным, так и усиленным наблюдением. Важно, что данная идея разрабатывалась на основании опыта работы пенитенциарных учреждений Швейцарии, что обусловлено наличием между пенитенциарными системами России и Швейцарии долгосрочного проекта в сфере работы с молодежью.

Под воспитательным центром, исходя из целей его создания, следует понимать «исправительное учреждение, предназначенное для исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении лиц женского и мужского пола, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, а также, при наличии условий, содержания под стражей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых» [8, с. 31].

Анализ концептуальной модели воспитательных центров [5] позволяет выделить следующие преимущества:

– обеспечение непрерывности и преемственности социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения посредством предусмотренной концептуальной моделью структуре центров;

– обеспечение отдельного содержания несовершеннолетних осужденных, характеризующихся наибольшей степенью криминальной зараженности, и остальной доли осужденных лиц при наличии обычного и усиленного наблюдения;

– воспрепятствование распространению криминальной субкультуры посредством создания определенной структуры;

– в целях обеспечения индивидуализации процесса исправительного воздействия приоритетным направлением психолого-педагогической и социальной работы является использование мультидисциплинарного подхода, предусматривающего формирование мультидисциплинарных групп (секций) осужденных по определенным (основным) критериям;

– наличие системы «социальных лифтов»;

– минимизация атрибутов тюремного заключения;

Рассмотрим мнения отечественных исследователей относительно определения путей совершенствования системы и структуры исправительных учреждений.

В 2011 г. на заседании Союза криминалистов и криминологов профессор В.И. Селиверстов выступил с докладом относительно «Концепции развития уголовно-исполнительной системы в РФ до 2020 года». В своем докладе он негативно высказался о развитии такой политики в отношении несовершеннолетних, исходя из того, что предполагалось вместо 62 воспитательных колоний открыть 33 воспитательного центра, то есть, один воспитательный центр на субъект Российской Федерации. С таким мнением оппонентов об экономии, в данном случае, бюджетных средств государства В.И. Селиверстов категорически не

согласился, аргументируя следующим: «ни в коем случае нельзя экономить бюджетные средства в сфере борьбы с преступностью, особенно в отношении несовершеннолетних. Тем не менее, когда улучшится демографическая ситуация, а численность несовершеннолетних осужденных к лишению свободы повысится, то это может означать открытие новых воспитательных центров» [6, с. 291].

В качестве неблагоприятных последствий формирования воспитательных центров С.П. Середа выделял следующее: «отдаление места отбывания наказания несовершеннолетними осужденными от места их прежнего проживания, что осложнит процесс ресоциализации подростков, нарушит связь воспитательных колоний с системой социальной профилактики на местах» [7, с. 33].

Анализ мнений отечественных исследователей позволяет констатировать тот факт, что представленное направление реформирования системы и структуры исправительных учреждений являлось не вполне обоснованным, что, в первую очередь, обусловлено тем, что законодатель, не разработав в полной мере концептуальную модель воспитательных центров, приступил к апробации данной идеи. Соответственно, это привело к неэффективному расходованию бюджетных средств государства, что и послужило исключением данной идеи из «Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года». В целом, любая реформа требует определенных затрат, однако необходимо предусмотреть возможные риски, а также привести правовую основу её реализации в надлежащий вид в целях исключения возможных противоречий.

За последние годы Федеральной службой исполнения наказаний предприняты определенные меры, направленные на гуманизацию условий отбывания наказания в виде лишения свободы и приближение к стандартам обращения с осужденными, выработанными международным сообществом. Они затронули, в том числе, и вопросы организации исполнения и отбывания наказания в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы. Достаточно остро стоит вопрос об их наполнении, так как среднесписочная численность осужденных составляет около 23 % от лимита наполнения воспитательной колонии. В условиях отсутствия нормативно-правовых предписаний, устанавливающих основания дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, представляется целесообразным выделить изолированные участки на территории воспитательных колоний в целях дифференциации осужденных в зависимости от наличия рецидива, совершения преступления впервые, от степени тяжести совершенного преступного деяния.

Литература:

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от

Literature:

1. On the Concept of Development of the Penal Correction System of the Russian Federation until 2020. Order of the Government of the Russian Federation

14.10.2010 №1772-р. URL : Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 14.02.2020)

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. URL : отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России. 66 с.

4. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL : <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения 14.02.2020).

5. Основные параметры концептуальной модели воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных. URL : <http://old.prison.org/projects/osnparam.pdf> (дата обращения 14.02.2020)

6. *Пигаль П.И.* Воспитательные центры, как вид исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных в российской федерации // Новые вопросы в современной науке: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. 2017. С. 289–295.

7. *Серёда С.П.* Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте // Пенитенциарная наука. 2009. № 8. С. 30–33.

8. *Учускин С.А.* Модернизация структуры исправительных учреждений как средство профилактики рецидивной преступности : учебное пособие / С.А. Учусин, А.И. Дроздов, О.Н. Ежова. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2011. 59 с.

dated 14.10.2010 № 1772-r. URL : Access from the Legal Reference System «CommunicationPlus».

2. Report on convicted persons who have committed crimes at a minor age. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of appeal 14.02.2020).

3. State of Crime in Russia for January-December 2019. URL : Report of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 66 p.

4. Description of persons detained in juvenile educational colonies. URL : <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-kavVK/> (date of appeal 14.02.2020).

5. Main parameters of the conceptual model of the educational center for juvenile convicts. URL : <http://old.prison.org/projects/osnparam.pdf> (date of appeal 14.02.2020)

6. *Pigal P.I.* Educational centers, as a type of correctional institution for juvenile convicts in the Russian Federation // New issues in modern science: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference. 2017. P. 289–295.

7. *Sereda S.P.* Peculiarities of the execution of the sentence of deprivation of liberty in respect of convicted persons who have committed a crime in juvenile age // Penitentiary science. 2009. № 8. P.30–33.

8. *Uchuskin S.A.* Modernization of structure of correctional facilities as prophylactic of recurrent crime : manual / S.A. Uchusin, A.I. Drozdov, O.N. Ezhova. Samara : Samara legal institute FSIN of Russia, 2011. 59 p.

Трямкин Дмитрий Владимирович
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
Milena.555@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РФ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные проблемные вопросы защиты имущественных прав собственников в рамках существующих систем государственной защиты и контроля регистрации права собственности, системы идентификации лиц на основании документов, удостоверяющих их личность, при отсутствии технических средств и специальных экспертных познаний у задействованных в оформлении и регистрации сделок лиц, необходимой осмотрительности и добросовестности со стороны собственников и приобретателей имущества. Автором обозначены основные проблемы эффективности защиты имущественных прав собственников и недостатки действующей системы идентификации, возлагающей, в большей степени, необходимость должной осмотрительности и самостоятельной защиты своих прав на самих собственников.

Ключевые слова: вещные права граждан, судебные споры, осмотрительность.

В российском законодательстве правовое регулирование вещных прав практически полностью регулируется разделом II Гражданского кодекса Российской Федерации, который, хотя и не содержит в себе формулировки, определяющей легальное понятие вещного права, но, тем не менее, устанавливает основания их возникновения, прекращения, порядок осуществления, способы защиты и виды вещных прав, а также иные формальные и содержательные характеристики, позволяющие выделить основные признаки особенностей вещных прав, а именно:

1. Все вещные права по своему характеру относятся к категории имущественных, поскольку непосредственно связаны с вещью (имуществом), устанавливают ее принадлежность тому, или иному участнику гражданских правоотношений на определенном праве (титуле).

2. Все вещные права являются абсолютными, т.е., предполагающими наличие только одного управомоченного лица (титularного владельца вещи) и неопределенного числа обязанных лиц, которые не должны допускать нарушений правомочий владельца.

Dmitrii V. Triamkin
Moscow State University
of Humanities and Economics
Milena.555@mail.ru

CIVIL-LEGAL PECULIARITIES OF ENSURING THE SUBSTANTIVE RIGHTS OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article considers the main problematic issues of protection of property rights of owners within the framework of existing systems of state protection and control of registration of property rights, system of identification of persons on the basis of documents confirming their identity, in the absence of technical means and special expert knowledge of persons involved in registration and registration of transactions, necessary care and integrity on the part of owners and buyers of property. The article identifies the main problems of effective protection of property rights of owners and shortcomings of the current system of identification, which places to a greater extent the need for due diligence and independent protection of their rights on the owners themselves.

Keywords: substantive rights of citizens, judicial disputes, discretion.

3. Непосредственный перечень вещных прав и их содержание (суть правовой связи между субъектом и вещью) регламентируются законодательными актами.

4. Вещные права законодательно обеспечены специальными (вещно-правовыми) способами защиты, к числу которых относятся:

– виндикационный иск (ст. ст. 301–303 Гражданского кодекса Российской Федерации), позволяющий титульному владельцу истребовать вещь из чужого незаконного владения;

– негаторный иск (ст. ст. 304–305 Гражданский кодекс Российской Федерации), позволяющий титульному владельцу требовать устранения всяких нарушений его права, даже в случае, если данные нарушения не проистекают из факта лишения владения.

Согласно сводным данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр), в России ежегодно регистрируется более 18,5 миллионов сделок с жилой недвижимостью, из которых 20–25 тыс. признаются мошенническими, однако, эта статистика отражает лишь доказанные случаи мошенничества.

Как справедливо отмечает В.В. Витрянский, современные правонарушения зачастую сопряжены не только с противоправным завладением чужой собственностью, но и с «фиктивным оформлением» права на недвижимое имущество [1].

В целях завладения правом на какую-либо собственность современные российские злоумышленники используют целый арсенал средств, в том числе, такие как подделка правоустанавливающих документов, включая решения судов и свидетельств о праве на наследство, удостоверительные надписи Росреестра на штампах, согласия собственников на совершение сделок по распоряжению и даже электронные подписи граждан и должностных лиц.

Как показывает практика, наиболее распространенной технологией мошенничества с недвижимым имуществом по-прежнему остается применение фальшивых доверенностей, заверяемых нотариусами по подложным документам, удостоверяющим личность, при этом сам нотариус ответственности подлежит, только если будут доказаны его преднамеренные действия, или умысел.

В качестве защитного механизма в данной сфере в Российской Федерации, в рамках Единой информационной системы нотариата предусмотрен функционал идентификации доверенностей по реквизитам, однако он обладает рядом существенных ограничений, в следствие чего не позволяет в полной мере реализовывать алгоритмы предупреждения преступлений.

Что касается случаев личного обращения с заявлением о государственной регистрации права, то гражданин обязан предоставить документ, удостоверяющий его личность. Проверка предъявленного документа, за исключением проверки срока его действия, а также, соответствия данных документа данным, указанным в заявлении, и прилагаемых к нему документах, Административным регламентом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (п. 170) [2] не предусмотрена. При этом идентификация заявителя производится на основании визуального установления сходства лица заявителя с лицом, изображенным на фотографии в документе, удостоверяющем личность, что сделать бывает не всегда просто, учитывая периодичность смены паспортов граждан Российской Федерации (14, 20 и 45 лет). Например, внешность 44-летнего заявителя, может существенно отличаться от его фотографии, сделанной для паспорта в 20-летнем возрасте, и их сходство может определяться лишь по отдельным признакам, которые могут оказаться присущими иным лицам.

Вместе с тем, п. 6 ч. 1 ст. 26 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о государственной регистрации недвижимости) государственным регистраторам предоставлено право проверять подлинность и достоверность предоставляемых на государственную регистрацию документов. При этом у государственных регистраторов отсутствуют полномочия самостоятельно проводить криминали-

стическую (в том числе, почерковедческую) экспертизу документов, предоставляемых на государственную регистрацию прав, поскольку это исключительная компетенция органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, исчерпывающий перечень которых перечислен в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а органы Росреестра в указанной статье не упоминаются. Российские же суды, как правило, признают незаконными отказы в государственной регистрации сделок, когда регистраторы делают попытки усомниться в чистоте регистрируемых сделок. Судебные решения в подобных случаях, обычно указывают, что добросовестный приобретатель может полагаться на сведения из ЕГРН и не обязан их проверять, и именно государство гарантирует законность совершения сделки, основываясь на принципах проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности ЕГРН [3]. Вместе с тем, в совместном Постановлении ВС и ВАС РФ от 2010 г. отражена позиция, что запись в ЕГРН, подтверждающая право собственности отчуждателя, не может являться бесспорным доказательством добросовестности приобретателя, подчеркивая при этом необходимость дополнительных бесспорных доказательств добросовестности.

Необходимо отметить, что убытки того или иного юридического, или физического лица, ставшие следствием ненадлежащего исполнения должностными лицами Росреестра своих полномочий, подлежат возмещению в полном объеме за счет государственной казны. Однако исследователи отмечают трудность доказывания виновности в совершении должностного преступления регистратором в таких уголовных делах, а также - их затяжной характер и не редкую безрезультатность.

Как проистекает из норм ст. 301 Гражданского кодекса Российской Федерации, собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, а согласно ст. 304 Гражданского кодекса владлец может требовать устранения всяких нарушений его права не зависимо от добросовестности приобретателя. Иными словами, если собственник утратил право помимо своей воли (порок воли), обращаясь с иском в суд к фактическому владельцу, ему необходимо заявлять его в порядке виндикации (ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации), так как в порядке двусторонней реституции (ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации – недействительность сделки) ему придется доказывать именно недобросовестность покупателя, в противном случае в удовлетворении исковых требований судом будет скорее всего отказано.

Поскольку именно судам, согласно со ст. 196 Гражданского процессуального кодекса и ч. 1 ст. 168 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, надлежит самостоятельно определить применимые к установленным обстоятельствам нормы права, необходимо собирать все доказательства, которые будут свидетельствовать как об отсутствии воли собственника (порок воли), так и о недобросовестности

приобретателя (наличие на объекте чужих вещей, регистрация посторонних лиц, краткосрочность нахождения в собственности отчуждателя, правомерность приватизации, частая смена собственников, фактическое не владение объектом приобретателями, родственные связи участников сделок, в том числе, участие одних и тех же лиц в цепи сделок, явно заниженная цена сделки, осведомленность об имеющихся судебных спорах и другие нетипичные условия сделки), а также, подтвердить факт владения (если собственность утрачена в момент владения собственником). Именно воля собственника имеет преюдициальное значение, и в этой связи весьма показательной является позиция Верховного Суда РФ, когда даже факт фальсификации доверенности не сыграл своей роли, поскольку собственник не оповещал поверенного о намерении прекратить реализацию недвижимости.

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» дополнил Закон о государственной регистрации недвижимости новой главой 10.1, определяющей порядок компенсации добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения и изменяющей размер компенсации до реального ущерба добросовестного приобретателя либо до размера кадастровой стоимости жилого помещения, если соответствующее требование было им заявлено [4].

Подводя итог проведенного анализа, можно прийти к выводу, что самым эффективным способом защиты своих имущественных прав на

сегодняшний день по-прежнему остаются бдительность, самостоятельная проверка документов и сведений, содержащихся в ЕГРН.

Большое количество посредников, предоставляющих услуги получения сведений из ЕГРН, к сожалению, часто используют неактуальные базы. В этой связи, весьма своевременной представляется мера, предлагаемая Минэкономразвития России, по введению административной ответственности посредников за передачу ими сведений (выписок) из ЕГРН третьим лицам. [5]. Кроме того, очевидно, назрела и необходимость расширения открытой части Единой информационной системы нотариата.

Еще одной действенной профилактической мерой в данной сфере может стать направление Росреестром уведомлений правообладателям обо всех случаях подачи заявлений о государственной регистрации прав и обременений. Учитывая электронный формат таких уведомлений, это не создаст дополнительной ресурсной и финансовой нагрузки, так как будет осуществляться в электронном виде и в автоматическом режиме. Кроме того, положительное профилактическое влияние может оказать обеспечение многофункциональных центров, техническими средствами проверки документов на подлинность, а также - доступом к ФГИС «Государственная информационная система миграционного учета» и ФГИС «Базовый государственный информационный ресурс регистрационного учета граждан» с ознакомительными функциями и ограничением доступа к ряду разделов.

Литература:

1. *Витрянский В.В.* Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость / В.В. Витрянский; Сост.: О.М. Козырь, А.Л. Маковский // Гражданское право современной России М. : Статут, 2008. С. 19–22, 26.
2. Приказ Минэкономразвития России от 7 июня 2017 г. № 278 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по предоставлению государственной услуги по государственному кадастровому учету и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество». URL : www.pravo.gov.ru (15.03.2020).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 августа 2017 г. № 5-КГ17-115 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL : <https://vsrf.ru>
4. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон О государственной регистрации недвижимости» (ст. 68.1) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (15.03.2020).
5. *Бублик В.А.* Проблемы эффективности защиты имущественных прав / В.А. Бублик, А.В. Губарева, С.П. Степкин // Юрист. 2019. № 12.

Literature:

1. *Vitryanskiy V.V.* Current problems of judicial protection of the right of ownership of real estate / V.V. Vitryanskiy; body: O.M. Kozyr, A.L. Makovsky // Civil law of modern Russia. M.: Statute, 2008. С. 19–22, 26.
2. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation № 278 of 7 June 2017 «On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Service for State Registration, Cadastral and Cartography on the Provision of State Service on State Cadastral Accounting and (or) State Registration of Rights to Immovable Property» URL : www.pravo.gov.ru (15.03.2020).
3. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 5-KG17-115 // Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 8, 2017. URL : <https://vsrf.ru>
4. Federal Law of August 2, 2019 № 299-FZ «On Amendments to the Federal Law On State Registration of Real Estate» (art. 68.1) // Official Internet Portal of Legal Information. URL : <http://www.pravo.gov.ru>, 15.03.2020.
5. *Baglik V.A.* Problems of Efficiency of Protection of Property Rights / V.A. Baglik, A.V. Lubarev, S.P. Stepkin // Lawyer. 2019. № 12.

Хабиева Заира Докуевна

старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Zaira D. Khabieva

Senior teacher
Departments of Civil Law and Process,
Chechen State University
Milena.555@mail.ru

ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ И ОТМЕНА ДАРЕНИЯ

REFUSAL TO PERFORM THE GIFT AGREEMENT AND CANCEL THE GIFT

Аннотация. Настоящее научное исследование посвящено теме отказа от исполнения договора дарения и отмене дарения. В частности, автором приводится научное толкование института отказа от исполнения договора дарения и отмене дарения с раскрытием сущностных аспектов правового регулирования.

Автором регламентируются и консолидируются общие нормы гражданского законодательства Российской Федерации, направленные на правильное уяснение норм гражданского права.

Ключевые слова: отказ, дарение, отмена, регламентация, консолидация, даритель, одаряемый, норма права, деформация, дар, договор, субъект, объект.

Annotation. This scientific study is devoted to the topic of refusal to fulfill a gift agreement and cancellation of gift.

In particular, the author provides a scientific interpretation of the institution of refusal to fulfill a gift contract and the cancellation of gift, with disclosure of the essential aspects of legal regulation.

The general norms of civil legislation of the Russian Federation aimed at the correct clarification of civil law are regulated and consolidated.

Keywords: refusal, gift, cancellation, regulation, consolidation, donor, donee, rule of law, deformation, gift, contract, subject, object.

Современный этап регламентации гражданского законодательства Российской Федерации характеризуется запретом в императивной форме от отказа исполнения договоров гражданского-правового характера.

Вместе с тем, нормативное правовое пространство Российской Федерации допускает исключение и отступление от общих норм в отношении договора дарения, устанавливая возможность одностороннего отказа от исполнения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 573 Гражданского кодекса Российской Федерации, субъект дара диспозитивен до передачи ему объекта дара, отказаться от его принятия. В обозначенном случае договор дарения считается расторгнутым в одностороннем порядке[1].

При формально-определенной форме договора дарения, соответствующий отказ от объекта дарения должен быть также совершен в формально-определенной форме.

Кроме того, гражданским законодательством Российской Федерации определены условия, при которых дарителю предоставлены возможности одностороннего расторжения договора дарения.

Так, статья 577 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает отказ от исполнения договора дарения дарителем, в следующих случаях:

1. В случае существенного ухудшения состояния здоровья, кардинального изменения имущественного и семейного благосостояния дарителя, в результате которого исполнение условий договора дарения приведут к значительному снижению уровня благосостояния его жизненных потребностей.

2. В случае, если субъект дара совершил преступное покушение на жизнь дарителя, членов его семьи или родственников первой, второй и третьей степени родства либо причинил тяжкие телесные повреждения дарителю [2].

Под изменением имущественного и семейного благосостояния, гражданское законодательство Российской Федерации обозначает снижение доходов, выражающихся в потере оплачиваемой работы, утрате и гибели имущества ценностного характера, появление новых членов семьи, которых необходимо содержать. Существенная деформация состояния здоровья дарителя заключается в потере трудоспособности, наступлении инвалидности или другого заболевания, препятствующего осуществлению трудовой деятельности.

Вместе с тем, нормы гражданского права Российской Федерации допускают использование обозначенных условий как обстоятельство отказа от исполнения договора дарения, только в том случае, если их наступление было непредвиденным.

Существенное ухудшение здоровья и уровня благосостояния дарителя, по общим положением договора дарения, должны наступить в период обещания дара, а также – до наступления периода исполнения условий договора дарения по передаче объекта дара субъекту дарения.

Пункт 1 статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет, что договор дарения считается расторгнутым с момента получения устного или письменного уведомления дарителя об отказе исполнения условий договора дарения [3].

Отказ от исполнения договора дарения после передачи дара одаряемому, допускается только в случае совершения преступного покушение одаряемым на жизнь дарителя, членов его семьи или родственников первой, второй и третьей степени родства, либо причинения субъектом дара тяжких телесных повреждений, обозначенным субъектам гражданско-правовых отношений.

При наступлении смерти дарителя от действий одаряемого, право требования отказа исполнения договора дарения переходит к законным наследникам дарителя.

В случае возникновения судебного спора в связи с отменой договора дарения, даритель либо его законные наследники, должны привести доказательства умышленного причинения телесных повреждений со стороны одаряемого.

К доказательствам определениями судов различных уровней Российской Федерации отнесены только вступившие силу решения суда, регламентирующие нанесение тяжких телесных повреждений дарителю со стороны одаряемого.

Следует отметить и то, что письменные заявления в правоохранительные органы о возбуждении уголовного дела, подача заявления мировому судье, наличие документа судебно-медицинской экспертизы, в котором зафиксированы тяжкие телесные или телесные повреждения не являются доказательствами, подтверждающими факт нанесения соответствующих повреждений.

При наступлении смерти дарителю от действий (бездействий) одаряемого, законные наследники должны доказать, что действия (бездействия) одаряемого носили умышленный характер, в случае неосторожности, договор дарения не подлежит расторжению по инициативе законных наследников дарителя [4].

Кроме того, даритель в судебном порядке вправе потребовать расторжения договора дарения и возврата объекта дарения, в случае, если объект дарения представляет для дарителя большую немущественную ценность, а одаряемый обращается с подарком ненадлежащим или некорректным образом, что может повлечь безвозвратную гибель и утрату имущества.

Терминология большая немущественная ценность подарка является оценочной, так как вывод о том, представляет ли объект дара для дарителя обозначенную ценность, судебный орган может сделать, исходя из определенных условий

конкретной ситуации и доказательственной базы, которая, свою очередь, должна быть у дарителя.

Сущность немущественной ценности подарка состоит в том, что объекта дара является семейной реликвией дарителя, передавалась из поколения в поколение и получено дарителем в наследство, ценно ему как память.

Относительно немущественной ценности и категорий ее отношения, судебная практика выработала позицию, при которых к обозначенной категории не относятся недвижимые вещи.

В частности, при заключении договора дарения, объектом которого является жилое помещение, даритель не имеет права требовать его расторжения, так как отсутствие ремонта в жилом помещении либо его захламление не могут являться признаками ненадлежащего и некорректного обращения с подарком, то есть, эстетическая составляющая не является основанием ненадлежащего и некорректного обращения с объектом дарения [5].

В соответствии с пунктом 5 статьи 578 Гражданского кодекса Российской Федерации, в случае отмены дарения одаряемый обязан возвратить подаренную вещь, если она сохранилась в натуре к моменту отмены дарения. Так, если одаряемый совершил сделку по отчуждению полученного в качестве дара имущества, то есть, продал, подарил или осуществил иную операцию, что возврат имущества дарителю невозможен. Однако возврат подаренного имущества возможен в случае, если суд признает ничтожной сделку по его последующему отчуждению одаряемым третьему лицу, например, если будет установлено, что одаряемый знал о предъявленном к нему дарителем требовании вернуть имущество и распорядился им с целью избежать такого возврата, допустив тем самым злоупотребление правом [6].

Пункт 4 статьи 578 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает включение в договор дарения условий, по которому может быть предусмотрено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого.

Отказ от исполнения договора дарения и отмена дарения не могут применяться к обычным подаркам небольшой стоимости.

С учетом изложенного, считаю необходимым отметить, что в условиях динамично развивающейся правовой системы Российской Федерации, детальная консолидация и методология отдельных институтов гражданского права, является неотъемлемой частью совершенствования правовой государственности Российской Федерации.

В этой связи, считаю необходимым отметить, что правовая доктрина должна совершенствовать аппарат научного толкования договорного права Российской Федерации, так как население в ожидании легального толкования норм права, порой принимает поспешные действия, в отношении условий договоров гражданско-правового характера, которые влекут повышение правового нигилизма и минимизацию правового сознания гражданского общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. ст. 577
2. *Шевчук Д.А.* Гражданское право : курс лекций. М. : Эксмо, 2014. С. 249.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 450.1
4. *Чауская О.А.* Гражданское право : учебник. 2014. С. 248.
5. *Брагинский М.И.* Договорное право. Книга третья / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М., 2017. С. 755.
6. Гражданское право : учебник в 2 т. Т. 2 / Под ред. Б.М. Гонгало. Статут, 2016. С. 184.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 577
2. *Shevchuk D.A.* Civil law : lecture course. M. : Eksmo, 2014. P. 249.
3. The Civil Code of the Russian Federation, part one of November 30, 1994 № 51-FL, part two of January 26, 1996 № 14-FL, part three of November 26, 2001 № 146-FL and part four of December 18 2006 № 230-FL. Art. 450.1
4. *Chauskaya O.A.* Civil law : textbook. 2014. P. 248.
5. *Braginsky M.I.* Contract law. Third book / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M., 2017. P. 755.
6. Civil law : In 2 vols . : textbook vol. 2 / ed. B.M. Gongalo. Statute, 2016. P. 184.

Хабиева Заира Докуевна

старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Zaira D. Khabieva

Senior teacher
Departments of Civil Law and Process,
Chechen State University
Milena.555@mail.ru

СТРУКТУРА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА КАК СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

TRUCTURE OF A REGULATORY LEGAL ACT AS AN ESSENTIAL ASPECT OF LEGAL TECHNIQUE

Аннотация. В научном исследовании регламентируется и методологически сопровождается процесс структурирования проекта нормативного правового акта. Отображаются основополагающие аспекты содержательной стороны проекта нормативного правового акта.

Приводятся примеры полного оформления структуры проекта нормативного правового акта, в целях разъяснения существенных аспектов норм юридической техники.

Ключевые слова: структура, норма, нормативный правовой акт, пример, систематизация, регламентация, детализация, методология, проект.

Annotation. In a scientific study, the process of structuring a draft normative legal act is regulated and methodologically accompanied. The fundamental aspects of the substantive side of the draft regulatory legal act are displayed.

Examples of the complete design of the structure of a normative legal act are given in order to clarify the essential aspects of the norms of legal technology.

Keywords: structure, norm, normative legal act, example, systematization, regulation, detailing, methodology, project.

Актуальность темы научного исследования заключается в том, что правила юридической техники на современном этапе становления и развития Российской Федерации как правового государства, играют основополагающую роль в нормотворчестве.

В нормативно-правовом пространстве Российской Федерации отсутствует консолидированный нормативный правовой акт, регулирующий основные нормы юридической техники.

Правила юридической техники играют весомую роль в процессе разъяснения воли законодателя путем детализированного изложения существенного аспекта текстовой части нормативного правового акта.

Отсутствие четкого критерия разграничения сил и средств в процессе подготовки проекта нормативного правового акта, регламентирует и опреде-

ляет необходимость приведения общих классификаторов норм юридической техники.

Текстовая часть проекта нормативного правового акта делится на структурные части, состоящие из наименования, преамбулы, сноска к пунктам и абзацам, и соответствующих таблиц.

Наименование проекта нормативного правового акта определяет его существенный аспект содержательной стороны и направление правового регулирования. Наименование проекта нормативного правового акта должно отвечать требованиям точности, полноты и лаконичности, то есть, отображать направление правового регулирования [1].

Кроме того, в целях недопущения излишней громоздкости наименования проекта нормативного правового акта, и для соблюдения принципа правовой сдержанности, рекомендуется в наименовании определить тематику нормативного правового акта.

Примеры:

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции»

Уточнение и систематизация наименования проекта нормативного правового акта о внесении соответствующих изменений, допускается только в

том случае, когда вносятся изменения исключительно в один нормативный правовой акт.

Примеры:

«О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 года № 1084»];
«О внесении изменений в Положение о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»

В случае наличия в проекте нормативного правового акта нормы содержащей перечень законодательных актов подлежащих признанию утратив-

шими силу, то данное условие в императивной форме должно быть закреплено в наименовании проекта нормативного правового акта [2].

Пример:

«О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 года № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»

Акцентирование внимания лиц составляющих проекты нормативных правовых актов на перечень законодательных актов подлежащих признанию утратившими силу, в силу принятия нового, является консолидирующим аспектом становления российской правовой государственности.

Преамбула (вводная часть) проекта нормативного правового акта не является обязательным реквизитом, вместе с тем ее наличие обозначает причину издания нормативного правового акта.

Исходя из практики нормотворчества у преамбулы отсутствует наименование, также она не имеет структурных единиц нормы права, не носит предписывающий характер, не имеет номерных обозначений, не передает сущность проекта нормативного правового акта.

В соответствии с теорией права, основополагающей системной единицей нормы права в проекте нормативного правового акта, является пункт.

В громоздких по содержанию нормативных правовых актах, пункты близкого содержания объединяются в главы, в необходимых случаях главы объединяются в разделы [3].

Раздел нумеруется римскими цифрами и имеет наименование.

Слово «раздел» в проектах нормативных правовых актов, не указывается. Точка в конце наименования раздела не ставится.

Пример:

II. Задачи рабочей группы

Наименование раздела не должно содержать норм права.

В случае если в разделе только один абзац, он не разбивается на пункты и не нумеруется.

Пример:

II. Задачи рабочей группы

Основной задачей рабочей группы экспертов является подготовка организационно-технических и эксплуатационных предложений, связанных с обменом данными АИС и передачей их компетентным органам Сторон

Глава проекта нормативного правового акта имеет номерное арабское обозначение, с наименованием на кириллице.

Знак препинания заключительной части наименования главы, не проставляется.

Пример:

2. Цель и задачи деятельности федерального оператора

Пункт проекта нормативного правового акта имеет номерное арабское обозначение, со знаком препинания в конце при отсутствии заголовков. В свою очередь пункты проекта нормативного правового акта, классифицируются на

подпункты, которые могут иметь буквенные или цифровые номерные обозначения с закрывающейся круглой скобкой в конце, или на соответствующие абзацы.

Примеры:

4. Закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляются путем проведения предусмотренных положением о закупке, утвержденным заказчиком в соответствии с Федеральным законом, торгов, иных способов закупки:

а) участниками которых являются любые лица, указанные в часть 5 статьи 3 Федерального закона, в том числе субъекты малого и среднего предпринимательства

Более того, вступительным будет считаться тот абзац, с которого начинается пункт, в составе нормы которого он находится.

Пример:

4. Оплата труда работников Учреждения включает:

– (абзац первый пункта 1) должностные оклады;

– (абзац второй пункта 1) выплаты компенсационного характера;

– (абзац третий пункта 1) выплаты стимулирующего характера. (абзац четвертый пункта 1)

Если пункт содержит абзацы, идущие после двоеточия через точку с запятой, и они пронумерованы арабскими цифрами, то их следует считать пунктами.

Пример:

4. В случае наличия земельного участка, соответствующего техническим характеристикам инвестиционного проекта, осуществляются следующие процедуры:

4.1. Перевод земельных участков из одной категории в другую

Нумерация разделов, глав, пунктов проекта правового акта должна быть сквозной.

При возникновении ситуации, когда необходимо обозначить толковательную норму структурной единицы проекта нормативного правового акта, правила юридической техники предусматривают использование профессиональных сносок, имеющих обозначение звездочек в правом верхнем углу нормы нуждающейся в толковании, и подлежащих соответствующему оформлению в заключительной части страницы проекта нормативного правового акта [4].

В случае необходимости обозначение толковательной нормы структурной единицы проекта нормативного правового акта закрепленной табличной форме, форма профессиональной сноски может иметь цифровой характер, подлежащей соответствующему оформлению в заключительной части табличной формы проекта нормативного правового акта.

При постановке профессиональной сноски, вводный текст профессиональной сноски оформляется с заглавной буквы с проставлением в заключительной части текстового содержания профессиональной сноски в виде знака препинания [5].

Пример:

Заместитель начальника отдела*

*Должность вводится в структурном подразделении «Правовое управление Государственной Думы Российской Федерации»

В заключительной части, считаю необходимым отметить, что процесс составления проекта нормативного правового акта, характеризуется обилием аспектов правового регулирования.

В этой связи, в целях правовой экономии сил и средств, считаю необходимым на государственном уровне формально определить нормы юридической техники, в части содержащей требования к структуре проекта нормативного правового акта.

Литература:

1. Григорьев А.С. Юридическая техника : учебное пособие для академического бакалавриата. Тюменский государственный университет. М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 45.

2. Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М. : Издательство Юрайт, 2015. С. 112.

Literature:

1. Grigoriev A.S. Legal technique: a manual for academic undergraduate / A.S. Grigoriev, Tyumen State University. M. : Publishing house Yurayt, 2016. P. 45.

2. Kalina V.F. Legal technique: a textbook for applied undergraduate. M. : Yurayt Publishing House, 2015. P. 112.

3. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника. Общая часть : учебник. М. : Проспект. 2016. С. 186.

4. *Красной Ю.К.* Юридическая техника : учебник / Ю.К. Красной, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. М. : Издательство Юстицинформ 2014. С. 77.

5. *Васильева Т.А.* Как написать закон. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 134.

3. *Davydova M.L.* Legal technique. General part : textbook. M. : Prospect. 2016. P. 186.

4. *Krasnoy Yu.K.* Legal technique : textbook / Yu.K. Krasnoy, V.V. Nadvikova, V.I. Shkatulla. M. : Publishing house Justicinform 2014. P. 77.

5. *Vasilieva T.A.* How to write a law. 2nd ed., Revised. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2016. P. 134.

Хлопушин Дмитрий Сергеевич
аспирант кафедры гражданского права,
международного частного права
и гражданского процесса,
Российский университет
транспорта (МИИТ)
khlopushin@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОКАЗАНИЯ ВОЗМЕЗДНЫХ УСЛУГ ОБЛАДАТЕЛЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЧАСТНОГО ПИЛОТА

Аннотация. На протяжении последних десяти лет в Российской Федерации шел активный рост парка сверхлегких и легких воздушных судов, находящихся в частной собственности и выполняющих полеты в личных целях.

В сложившихся условиях вполне закономерным процессом развития явилась тенденция на привлечение легких воздушных судов для выполнения полетов, связанных с извлечением прибыли.

Как следствие, возникла потребность в пилотах, выполняющих полеты, прежде всего, на легких воздушных судах, связанных с коммерческой составляющей и получением прибыли, но не являющейся коммерческой воздушной перевозкой или авиационной работой по своей правовой природе.

В связи с изложенным, возник правовой вопрос о правомерности привлечения обладателей свидетельства частного пилота в указанной категории полетов как основной массы специалистов из числа авиационного персонала гражданской авиации Российской Федерации, способных выполнять полеты на легких воздушных судах.

Ключевые слова: гражданская авиация, воздушное право, Воздушный кодекс, авиация общего назначения.

После распада Советского Союза и кризисов, связанных с переходным периодом становления современного российского государства, в Российской Федерации сложилась ситуация острого дефицита пилотов.

В последние годы на регулярной основе поднимается вопрос о нехватке пилотов гражданской авиации для работы на регулярных пассажирских перевозках в авиакомпаниях Российской Федерации [2].

Общая ситуация дефицита квалифицированного авиационного персонала и пилотов, в частности, в условиях кратного сокращения количества выпускаемых специалистов как государственными,

Dmitry S. Hlopushin
Graduate student Department of Civil Law,
Private International Law
and Civil Process,
Russian University
of Transport (MIIT)
khlopushin@yandex.ru

CIVIL-LEGAL BASICS FOR PROVIDING PAID SERVICES BY THE OWNER OF A PRIVATE PILOT'S CERTIFICATE

Annotation. Over the past ten years, the Russian Federation has been actively growing its fleet of ultralight and light aircraft that are privately owned and fly for personal purposes.

In the current conditions, the trend towards attracting light aircraft to perform flights related to profit-making has become quite a natural development process.

As a result, there is a need for pilots who perform flights, primarily on light aircraft, related to the commercial component and profit, but is not a commercial air transport or aviation work by its legal nature.

In connection with the above, there was a legal question of the legality of attracting owners of a private pilot's certificate in this category of flights as the main mass of specialists from among the aviation personnel of the civil aviation of the Russian Federation, able to fly light aircraft.

Keywords: civil aviation, air law, Aviation Code, general aviation.

так и частными организациями по подготовке авиационного персонала, а также, в условиях оттока квалифицированных кадров [1] за пределы Российской Федерации для работы в иностранных авиакомпаниях, где из-за разницы курса валют оплата труда находится на более высоком уровне, нежели в отечественных авиакомпаниях.

В данных условиях говорить о полном удовлетворении потребности авиационной отрасли в квалифицированных членах летного экипажа невозможно, и особенно остро ситуация складывается в гражданской авиации, выполняющей полеты на легких воздушных судах, которая по объективным причинам является менее привлекательными для большинства специалистов.

Образовавшийся дефицит в настоящее время заполняется лицами, обладающими свидетельствами частного пилота, правовой статус которых не для всех в полной мере очевиден.

Необходимо сделать ремарку касательно того, почему именно обладатели свидетельств частного пилота восполняют потребность в пилотах легких воздушных судов.

Суть проблемы заключается в том, что срок подготовки частного пилота значительно короче, чем срок подготовки обладателя свидетельства коммерческого пилота, при этом для получения свидетельства коммерческого пилота требуется прохождение подготовки по программам подготовки частных пилотов и, по своей сути, свидетельство коммерческого пилота является логическим продолжением роста квалификации пилота.

Так, для получения свидетельства частного пилота требуется не менее 35 часов налета, тогда как для получения свидетельства коммерческого пилота требуется не менее 150 часов налета.

При этом в связи с тем, что первоначальная подготовка пилотов как до уровня свидетельства частного пилота, так и до уровня свидетельства коммерческого пилота осуществляется на легких воздушных судах, и с точки зрения уровня подготовки и требований к подготовке, необходимой для обеспечения требований безопасности полетов, лицо, прошедшее подготовку и получившее свидетельство частного пилота, может безопасно и профессионально управлять легким воздушным судном, о чем собственно и говорит выданное свидетельство частного пилота.

Негативным фактором, влияющим на полноценное понимание правового статуса обладателя свидетельства частного пилота, с обывательской точки зрения, является ранее применяемое наименование в отношении данной категории пилотов - «пилот-любитель».

Однако в настоящее время воздушным законодательством Российской Федерации, в частности, Федеральными авиационными правилами «Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации», утвержденными приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 12.09.2008 № 147 [6] (далее – ФАП 147), введено понятие «свидетельство частного пилота» и установлены требования к лицам авиационного персонала, осуществляющим функции в соответствии с обладаемым свидетельством.

При этом Воздушный кодекс Российской Федерации в статье 52 не устанавливает для обладателей свидетельства частного пилота каких-либо преференций или ограничений и определяет лица, которые имеют профессиональную подготовку, осуществляют деятельность по обеспечению безопасности полетов воздушных судов или авиационной безопасности, по организации, выполнению, обеспечению и обслуживанию воздуш-

ных перевозок и полетов воздушных судов, выполнению авиационных работ, организации использования воздушного пространства, организации и обслуживанию воздушного движения и включены в перечни специалистов авиационного персонала, как авиационный персонал [9].

Таким образом, для определения правового статуса обладателя свидетельства частного пилота нам необходимо обратиться к ФАП 147.

В частности, требования к обладателю свидетельства частного пилота, равно как и пределы полномочий лица, обладающего указанным свидетельством, установлены в главе III ФАП 147.

Мы не будем вдаваться в подробности предъявляемых требований, которые заключаются в требованиях к знаниям и практическим навыкам обладателя свидетельства частного пилота, мы остановимся лишь на пункте 3.2 ФАП 147, а именно на правомочности обладателя свидетельства частного пилота.

Так, в соответствии с пунктом 3.2. ФАП 147, обладатель свидетельства частного пилота при условии соблюдения общих требований к авиационному персоналу, а также, при наличии соответствующих квалификационных отметок в свидетельстве может осуществлять функции командира или второго пилота воздушного судна соответствующего вида и типа (класса), не занятого в коммерческих воздушных перевозках. Частный пилот, также, может осуществлять оперативное техническое (предполетное) обслуживание воздушного судна, на котором он выполняет полеты.

Таким образом, мы видим в пункте 3.2 установленное ограничение в отношении обладателей свидетельства частного пилота, а именно – прямой запрет на выполнение полетов в целях коммерческой воздушной перевозки.

Необходимо отметить, что в соответствии с обязательствами, взятыми Российской Федерацией в рамках Конвенции о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго, 12.07.1944) как правопреемника СССР, национальное воздушное законодательство стремится к единообразию с международной практикой регулирования и, в первой степени, в рамках требований к авиационному персоналу их правами и обязанностями [4].

Так, в рамках реализации положений Чикагской конвенции 1944 года в формате международных стандартов и рекомендуемой практики Международной организацией гражданской авиации издано Приложение 1 к Конвенции о международной гражданской авиации «Выдача свидетельств авиационному персоналу» (далее – Приложение 1).

По аналогии с ФАП 147, являющегося, по сути, инкорпорацией Приложения 1 в отечественное воздушное законодательство, раздел 2.3. устанавливает требования и ограничения, применяемые к обладателями свидетельства частного пилота (private pilot) [3].

Для целей настоящей статьи наиболее интересным будет являться пункт 2.3.2.1. Приложения 1 в части установления ограничения по правомочности выполнения пилотом-обладателем свидетельства частного пилота функций командира или второго пилота воздушного судна, но не за плату соответствующего типа, не выполняющего полеты с целью получения доходов.

Таким образом, Приложение 1 устанавливает ограничение на выполнение обладателем свидетельства частного пилота полетов, связанных с получением оплаты за выполняемые им функции, то есть полетов, которые по своей цели считаются коммерческими.

Однако в связи с тем, что Приложение 1 не является частью Чикагской конвенции 1944 года, а также, в связи с тем, что Российская Федерация не ратифицировала отдельно указанный акт, прямое применение его положений в порядке части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации [5] и статьи 3 Воздушного кодекса Российской Федерации не представляется возможным, в связи с чем, можно прийти к выводу о том, что в рамках действующего воздушного законодательства Российской Федерации лица, обладающие свидетельством частного пилота, вправе осуществлять функции командира воздушного судна или второго пилота на воздушном судне, соответствующего обладаемым квалификационным отметкам, в любых целях, применяемых в гражданской авиации, за исключением коммерческих воздушных перевозок.

В иных работах нами был рассмотрен термин «коммерческая воздушная перевозка» и был сделан вывод о четком определении критериев коммерческой воздушной перевозки и обязательных признаков, дающих возможность оценки цели полета.

Таким образом, для целей настоящей статьи мы рассмотрим возможность осуществления функций командира воздушного судна обладателем свидетельства частного пилота в полетах, выполняемых в целях авиационных работ или в целях авиации общего назначения за плату.

Так, говоря о полетах в целях выполнения авиационных работ, мы на основании статьи 115 Воздушного кодекса Российской Федерации можем прийти к выводу о гражданско-правовой природе возмездной услуги, в рамках которой подрядчик (эксплуатант) обязуется выполнить для заказчика авиационные работы в порядке, в сроки, в объеме и на условиях, которые предусмотрены договором. Заказчик обязуется предоставить предусмотренный договором объем авиационных работ в установленные сроки и оплатить авиационные работы.

Необходимо отметить, что в соответствии с пунктом 3 статьи 8 Воздушного кодекса Российской Федерации, юридические лица, индивидуальные предприниматели вправе осуществлять свою деятельность по выполнению авиационных работ на основании выданного органами, уполномоченными Правительством Российской Федерации,

документа, подтверждающего соответствие указанных юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, операторов требованиям федеральных авиационных правил.

Таким документом, в соответствии с Федеральными авиационными правилами «Требования к проведению обязательной сертификации физических лиц, юридических лиц, выполняющих авиационные работы. Порядок проведения сертификации», утвержденными приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 23.12.2009 № 249 (далее – ФАП 249) [7], является сертификат эксплуатанта, подтверждающий право на выполнение авиационных работ.

При этом ФАП 249 не установлено ограничений на выполнение полетов в целях выполнения авиационных работ лицами, обладающими свидетельствами частного пилота.

В связи с вышеизложенным, остался не рассмотренным вопрос о правомерности выполнения лицом, обладающим свидетельством частного пилота, полетов, не являющихся коммерческой воздушной перевозкой или авиационной работой, и, как следствие, в соответствии с пунктом 3 статьи 21 Воздушного кодекса Российской Федерации, полетов в целях авиации общего назначения, в частности, выполнения таких полетов возмездно.

Исходя из рассмотренного выше воздушного законодательства Российской Федерации, нами не выявлено ограничения на выполнение полетов на возмездной основе, не являющихся коммерческой воздушной перевозкой. Для полноты рассмотрения проблематики гражданского правового регулирования рассматриваемого вопроса обратимся к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Так, оказание услуг по пилотированию воздушного судна при выполнении полетов в целях авиации общего назначения регулируется, по нашему мнению, в рамках статьи 779 Гражданского кодекса Российской Федерации [8], а именно – в рамках регулирования договорных отношений возмездного оказания услуг.

Необходимо сделать ремарку, что правоотношения между эксплуатантом и обладателем свидетельства частного пилота при выполнении полетов на авиационных работах регулируются также и трудовым законодательством в случае заключения трудового договора [10].

Описываемые правоотношения не попадают под ограничения части 2 статьи 779, а именно услуги по пилотированию воздушного судна лицом, обладающим свидетельством частного пилота, не попадают под понятия услуг, оказываемых по договорам, предусмотренными главами 37, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 49, 51, 53 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В связи с изложенным, мы можем прийти к выводу о том, что в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, лица, обладающие свидетельствами частного пилота, правомочны осуществлять функции в соответствии с обладаемыми квалификационными

отметками командира воздушного судна или второго пилота, в том числе, и за плату за исключением полетов, выполняемых в целях ком-

мерческой перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты.

Литература:

1. Аксенов П. «Они только злятся»: почему пилоты массово уезжают из России // Русская служба Би-би-си. 11.08.2017. URL : <https://www.bbc.com/russian/features-40593216> (дата обращения 11.03.2020).

2. Волобуев А. Нелетная подготовка: авиакомпании ждут кадровый голод // Известия. 09.12.2019. URL : <https://iz.ru/951472/aleksandr-volobuev/neletnaia-podgotovka-aviakompanii-zhdet-kadrovyyi-golod> (дата обращения 11.03.2020).

3. «Выдача свидетельств авиационному персоналу». Приложение 1 к Конвенции о международно-гражданской авиации // Официальный сайт Федерального агентства воздушного транспорта. URL : [https://www.favt.ru/public/pup/2018/%D0%94%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B/1%20%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%BA%20%D0%A7%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%81%20%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%20%E2%84%96174\).pdf](https://www.favt.ru/public/pup/2018/%D0%94%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B/1%20%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%BA%20%D0%A7%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%81%20%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%20%E2%84%96174).pdf) (дата обращения 11.03.2020).

4. Конвенция о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 7 декабря 1944 г.) // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2020).

5. Конституция Российской Федерации. // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2020).

6. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 12 сентября 2008 г. № 147 Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации» // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2020).

7. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 23 декабря 2009 г. № 249 Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к проведению обязательной сертификации физических лиц, юридических лиц, выполняющих авиационные работы. Порядок проведения сертификации» // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.03.2020).

Literature:

1. Aksekov P. «They only get angry»: why pilots leave Russia // Russian BBC Service. 11.08.2017. URL : <https://www.bbc.com/russian/features-40593216> (date of request 11.03.2020)

2. Volobuev A. Non-Flight training: airlines are waiting for a personnel famine // Izvestia. 09.12.2019. URL : <https://iz.ru/951472/aleksandr-volobuev/neletnaia-podgotovka-aviakompanii-zhdet-kadrovyyi-golod> (date of request 11.03.2020)

3. «Personnel Licensing». Annex 1 to the Convention on International Civil Aviation // Official website of Federal Air Transport Agency. URL : [https://www.favt.ru/public/pup/2018/%D0%94%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B/1%20%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%BA%20%D0%A7%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%81%20%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%20%E2%84%96174\).pdf](https://www.favt.ru/public/pup/2018/%D0%94%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B/1%20%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%BA%20%D0%A7%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%81%20%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%20%E2%84%96174).pdf) (date of request 11.03.2020).

4. Convention on International Civil Aviation (Chicago, December 7, 1944) // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020).

5. Constitution of the Russian Federation. // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020).

6. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation, September 12, 2008 № 147 About the approval of Federal aviation rules «Requirements to members of the crew of aircraft, specialists in aircraft maintenance and flight support staff (flight controllers) of civil aviation» // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020).

7. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation, December 23, 2009 № 249 About the approval of Federal aviation rules «Requirements to carrying out obligatory certification of physical persons, legal entities performing aviation works. The procedure for certification» // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020).

8. Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая» // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2020).

9. Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.03.2020).

10. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ «Трудовой кодекс Российской Федерации» // Справочная система Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2020).

8. Federal law, January 26, 1996 № 14 «Civil code of the Russian Federation. Part two» // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020)

9. Federal law, March 19, 1997 № 60 «Air code of the Russian Federation» // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020 г.)

10. Federal law, December 30, 2001 № 197 «Labor code of the Russian Federation» // Reference system Consultant Plus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of request 11.03.2020).

Хун Аслан Заурканович
кандидат юридических наук,
доцент,
Краснодарский университет МВД России
Aslan01hun@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Применение оружия правоохранительными органами является одним из ключевых условий и гарантий обеспечения безопасности, как отдельного индивида, так и всего государства от противоправных посягательств. В статье проведен сравнительный анализ нормативной базы, регламентирующей порядок и условия применения оружия сотрудниками полиции и военнослужащими (сотрудниками) войск Национальной гвардии, а также выделены проблемы законодательной и правоприменительной практики.

Ключевые слова: оружие, деяние, признаки преступления, необходимая оборона, причинение вреда.

Применение оружия правоохранительными органами является одним из ключевых условий и гарантий обеспечения безопасности, как отдельного индивида, так и всего государства от противоправных посягательств.

Публикуемые данные говорят, к сожалению, об относительно стабильном уровне смертности сотрудников полиции в ходе исполнения ими своих служебных полномочий. Так, по заявлению главы МВД РФ В. А. Колокольцева, в течение 2018 года 38 сотрудников полиции погибли и более 1,3 тысяч получили ранения в процессе осуществления своей служебной деятельности.

Одной из причин сложившейся ситуации является сложность и противоречивость нормативной базы, регламентирующей порядок применения оружия уполномоченными лицами органов государственной власти. В данной статье будет проанализирована законодательная база, регламентирующая порядок и особенности применения оружия сотрудниками полиции и Национальной гвардии в рамках необходимой обороны.

Современной стадии развития правового и безопасного государства имманентно проведение систематических реформ в правоохранительной системе. Частью проводимых изменений выступили модернизация структуры органов внутренних дел, а также – создание нового

Aslan Z. Hun
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Aslan01hun@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE USE OF WEAPONS BY LAW ENFORCEMENT OFFICIALS

Annotation. The use of weapons by law enforcement agencies is one of the key conditions and guarantees of security, both for the individual and for the entire State from unlawful encroachments. The article provides a comparative analysis of the regulatory framework governing the procedure and conditions for the use of weapons by police officers and military personnel (employees) of the National Guard forces. Problems of legislative and law enforcement practice.

Keywords: weapon, act, signs of a crime, necessary defense, infliction of harm.

правозащитного органа – войск Национальной гвардии.

Большое число новых условий, наряду с двоякими формулировками положений нормативных актов, скорее приводят негативным итогам в деле противостояния преступности.

Так, в соответствии с положениями части 3 ст. 19 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», сотрудник полиции обязан поступать, исходя из создавшейся обстановки, характера опасности действий лиц, в отношении которых применяются, как физическая сила, иные специальные средства, так и огнестрельное оружие, а также - с учетом характера и степени оказываемого данными лицами сопротивления[1]. Вместе с тем, сотрудник полиции обязан стремиться минимизировать ущерб от применения оружия либо иных специальных средств. Указанное требование в условиях повышенного стресса выполнить довольно сложно, а в большинстве случаев – практически невозможно. В связи с этим, возникает реальная угроза объективного вменения в вину сотруднику полиции тяжких последствий, причиненных лицу в процессе необходимой обороны.

Пункт 1 ч. 1 ст. 23 Закона о полиции гласит о том, что сотрудник полиции в праве применять огнестрельное оружие с целью защиты другого лица

либо себя от преступного посягательства, если таковое сопряжено с насилием, несущим опасность для жизни или здоровья [1]. При этом, содержание такого насилия не раскрывается, что обуславливается возникновением сложности для сотрудника полиции, осуществляющего служебную деятельность в этих условиях (экстремальная обстановка и ограниченное время).

В практической деятельности представляется сложность в осуществлении адекватной оценки характера и степени общественной опасности угрозы, в особенности, если эта угроза не была реализована в силу оказания противодействия сотрудником полиции. В таких случаях, как правило, внимание правоприменителей, акцентируется на причиненном вреде в реальности посягающему лицу, а отсутствие травм и ранений у обороняющегося сотрудника правоохранительных органов часто ставится в вину последнему.

Также, частью 5 ст. 23 Федерального закона «О полиции» предусмотрен запрет на применение огнестрельного оружия *с производством выстрела на поражение* в отношении несовершеннолетних лиц, когда возраст последних очевиден либо заранее известен, помимо случаев совершения данными лицами вооруженного сопротивления либо вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан либо полицейского. В этой связи возникает справедливый вопрос о том, что в данном состоянии возраст посягающего может ли изменить характер посягательства, создавая либо исключая при этом состояние необходимой обороны?

Нам представляется, что ответ на обозначенный вопрос должен быть основан на следующих аргументах.

Так, в соответствии с положением ч. 3 ст. 37 УК РФ, они в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения... [2]. Исходя из сказанного, положения данной статьи не дают основания исключить возможность обороны с применением оружия в обозначенных случаях. Сотрудники полиции, являясь одним из крупнейших правоохранительных и правоприменительных аппаратов, играет важную роль в укреплении правовой основы государственной и общественной жизни [3]. В этой ситуации необходимо учесть, что сотрудники правоохранительных органов, в том числе и полиции, на много чаще оказываются в этих обстоятельствах и в то время, когда обычные граждане в соответствии с обстоятельствами, исключая преступность деяния имеют право на причинение вреда в этих обстоятельствах, то категории сотрудников правоохранительных органов обязаны предотвратить преступные действия или задержать данное лицо...

Рассматривая вопрос о применении оружия в состоянии необходимой обороны, нельзя обойти и ведомственный контроль такого применения.

Так, в ходе контрольно-надзорной деятельности проводится проверка юридической оценки

ситуации, связанной с применением сотрудником полиции оружия.

Интересен и тот факт, что в настоящее время полицейские подлежат ответственности не только за неправомерное применение оружия, но и за отказ от его применения, а также за отсутствие знаний порядка и условий, применения оружия. В качестве иллюстративного примера данной ситуации представляется возможным привести апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия–Алания от 21 июля 2015 года по делу № 33-745/2015 [5], а также апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 29 июня 2016 года по делу № 33–3440 [6].

В данных решениях суды проверяли правомерность увольнения полицейских «за отказ эффективно противостоять вооружённому преступнику», проявление трусости и безответственности, не применение оружия в целях защиты полицейского от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни и здоровья.

Теперь рассмотрим особенности применения оружия служащими национальной гвардии и сопоставим нормативную базу двух правоохранительных органов в данном контексте.

Так, в отличие от ФЗ «О полиции», в котором установлена обязанность оповестить непосредственного начальника о каждом случае применения огнестрельного оружия, в ФЗ т 03.07.2016 № 226 «О войсках национальной гвардии» регламентируется обязанность немедленного сообщить командиру лишь при причинении гражданину вреда здоровью, а также – при причинении гражданину (организации) материального ущерба [7].

Там же указано на обязанность по обеспечению сохранности места совершения административного правонарушения, места происшествия или преступления, где было применено оружие, если причинено ранение или наступила смерть гражданина.

Непосредственно применение оружия в полиции и войсках национальной гвардии регламентируется статьями 23 и 21 соответствующих законов. При этом в ФЗ «О полиции» четко закреплено словосочетание «огнестрельное оружие»; подобного уточнения в ФЗ «О войсках национальной гвардии» не имеет, в формулировках используется термин «оружие».

Общими основаниями применения оружия лично или в составе подразделения (группы), в контексте рассматриваемого в статье вопроса, являются защита граждан и сотрудников (для войск Росгвардии к числу защищаемых лиц добавляются должностные лица органов государственной власти и органов местного самоуправления, а для ФЗ «О полиции» особенностью стало уточнение и закрепление конкретных обстоятельств применения, а именно – при наличии посягательств, сопряженных с насилием, создающим опасность для здоровья или жизни).

В соответствии со ст. 21 ФЗ «О Национальной гвардии», военнослужащий (сотрудник) войск Национальной гвардии имеет право применить оружие для защиты граждан, военнослужащих (сотрудников) войск Национальной гвардии, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления.

По сравнению с ФЗ «О полиции», предусмотрена защита должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, учитывая направленность деятельности данного правоохранительного органа.

Действия этих сотрудников должны соответствовать условиям правомерности обстоятельств, включающих преступность деяния, предусмотренными главой 8 УК РФ.

Так, например, 29.11.2018 года по ул. Гагарина г. Краснодара около 17-30ч., проходя мимо патрульного автомобиля УВО, гражданин «В» открыл огонь по сотрудникам и ранил одного из сотрудников УВО (пассажира), после чего сотрудник УВО (водитель), покинув салон, сделал 8 предупредительных выстрелов в безопасном направлении из ПМ, для того, чтобы окружающие люди смогли укрыться, а, получив ранение в левое предплечье, продолжал производить предупредительные выстрелы уже из ПП-91. Нападающий продолжал держать свое оружие в направлении сотрудника УВО, на неоднократные требования о прекращении нападения он не реагировал и продолжал целиться в его сторону, после чего сотрудник УВО открыл огонь в область ног, но нападающий не прекратил свои преступные действия, и тогда сотрудник УВО несколько раз выстрелил в область туловища гражданина «В». Данными выстрелами гражданин «В» был убит.

Только грамотные и юридически обоснованные действия сотрудника УВО (водителя) предотвратили возможность наступления смерти и иных тяжких последствий в отношении невинных людей, оказавшихся возле этого супермаркета. К сожалению, его напарник, находившийся на пассажирском сидении, спустя около месяца, скончался от полученных ран.

По данному факту было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина «В» по ч.1 ст.222 и ст. 317 УК РФ и результатами служебной проверки действий сотрудника УВО установлена правомерность действий по применению оружия.

При рассмотрении «оснований» для признания правомерным действия сотрудника УВО, приводилась позиция Пленума Верховного Суда РФ №19 от 27 сентября 2012г., о том, что УК РФ не только определяет, какие деяния признаются преступлениями, но и устанавливает основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности. В частности, к таким относятся необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, застигнутого при совершении преступления.

Действия по применению оружия признано соответствующим ч.1 ст. 21 ФЗ «О национальной гвардии» и условиям правомерности необходимой обороны ст. 37 УК РФ.

Данный случай подчеркивает важность знания и умения юридически грамотно в соответствии с нормативно-правовой базой действовать сотрудникам правоохранительных органов.

Далее рассмотрим ограничения на применение оружия, которые излагаются в анализируемых законах. Запрещено применение огнестрельного оружия в отношении лиц с явными признаками инвалидности, также сотрудники (военнослужащие) не имеют право применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

Федеральный закон «О полиции» запрещает применять оружие с производством выстрела на поражение в отношении всех женщин, а Федеральный Закон «О войсках национальной гвардии» – запрет на применение оружия в отношении женщин, имеющих видимые признаки беременности, т.е., допускается применение оружия в отношении женщин без явных признаков беременности во всех случаях, предусмотренных ФЗ «О войсках национальной гвардии», вплоть до причинения смерти.

В Федеральном Законе № 226 запрещается применение оружия в отношении малолетних лиц [7], а в статье 23 Федерального Закона № 3 разъясняются более конкретные случаи запрета на применение оружия в отношении несовершеннолетних лиц, когда их возраст известен или очевиден сотруднику полиции. В этих законах отсутствуют юридические нормы, уточняющие возрастные критерии малолетних либо несовершеннолетних лиц.

Кроме этого, для полицейских также определен способ неправомерного применения огнестрельного оружия в отношении вышеуказанных лиц. Часть 5 статьи 23 Федерального закона «О полиции» включает понятие «производство выстрела на поражение». Законодатель подразумевает запрет на производство выстрела в жизненно важные органы, создающих угрозу причинения ему телесных повреждений либо смерти.

Гарантии личной безопасности оговариваются соответственно в статьях 24 ФЗ «О полиции» и 23 ФЗ «О войсках национальной гвардии». Для данных военнослужащих войск предусмотрено более детальное описание. Наряду с общими ситуациями, когда задержанное лицо пытается сблизиться с сотрудником полиции, обнажившим огнестрельное оружие, сократив при этом указанное сотрудником расстояние, в статье 23 рассматриваются случаи наличия у гражданина обнаженного (расчехленного) оружия либо предметов, конструктивно схожих с оружием или внешне неотличимых от него.

Таким образом, проблемы правового регулирования основных законодательных актов, регла-

ментирующих порядок и условия применения огнестрельного оружия в деятельности сотрудников полиции и военнослужащих (сотрудников войск Национальной гвардии показывает, что эти

Литература:

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 11.01.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 11.01.2019).
3. Хун А.З. Проблемы правового регулирования необходимой обороны в деятельности полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. Вып. 4 (30). 2015. С. 85.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL : <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (дата обращения 11.01.2019)
5. Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия – Алания от 21 июля 2015 года по делу № 33-745/2015. URL : <http://www.gcourts.ru/> (дата обращения 11.01.2019).
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 29 июня 2016 г. по делу № 33-3440. URL : <http://www.gcourts.ru/> (дата обращения 11.01.2019).
7. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ (дата обращения 11.01.2019).

законодательные акты, имеют не только много общего, но и нашло свое отражение в специфике выполняемых функций и задач этих двух правоохранительных структур.

Literature:

1. Federal Law «On Police» dated February 07, 2011 № 3-FZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (appeal date 11.01.2019)
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (appeal date 11.01.2019).
3. *Hun A.Z.* Problems of legal regulation of the necessary defense in the activities of the police // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Iss. 4 (30). 2015. P. 85.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 № 19 «On the application by the courts of the law on necessary defense and harm during the detention of a person who committed a crime». URL : <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (the date of circulation is January 11, 2019).
5. Appeal definition of the Supreme Court of the Republic of North Ossetia – Alania dated July 21, 2015 in case № 33-745/2015. URL : <http://www.gcourts.ru/> (appeal date 11.01.2019).
6. Appeal definition of the Supreme Court of the Republic of Buryatia dated June 29, 2016 in case № 33-3440. URL : <http://www.gcourts.ru/> (appeal date 11.01.2019).
7. Federal Law of 03.07.2016 № 226-FZ «On the Troops of the National Guard of the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ (the date of circulation is 11.01.2019).

Чунихина Татьяна Николаевна

кандидат политических наук,
доцент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
tanithbook77@mail.ru

Водовозова Марина Станиславовна

студентка группы 16-Эб-ГУ 3
Института экономики,
управления и бизнеса,
Кубанский государственный
технологический университет
vodovozova1997@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, ВХОДЯЩИХ
В ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ)**

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем развития современной государственности: соотношения государственного языка Российской Федерации и государственных языков территориальных образований, входящий в состав федеративного государства. Современная языковая ситуация рассматривается как показатель трансформации социальных и культурных процессов, происходящих в российском обществе. Авторы обозначают необходимость последовательного и качественного развития языковой политики, учета интересов и особенностей всех социальных общностей; проводят анализ регионального законодательства о языках субъектов Российской Федерации. Предлагается классификация форм закрепления статуса языков субъектов Федерации.

Ключевые слова: язык, языковая политика, государственный язык, официальный язык, язык образования.

Язык как исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления, как орудие общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе, представляет собой важнейший государственно образующий фактор. Во многих странах проживают на одной территории десятки, а то и сотни народностей.

Tatiana N. Chunikhina

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
tanithbook77@mail.ru

Marina S. Vodovozova

Student of group 16-Eb-GU 3
Institute of Economics,
Management and Business,
Kuban State Technological University
vodovozova1997@mail.ru

**TO THE QUESTION OF THE STATUS
OF STATE LANGUAGES OF SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION
(BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC
OF THE RUSSIAN FEDERATION,
INCLUDING IN THE SOUTHERN
FEDERAL DISTRICT)**

Annotation. The article is devoted to one of the urgent problems of the development of modern statehood: the correlation of the state language of the Russian Federation and the state languages of territorial entities, which is part of the federal state. The current linguistic situation is considered as an indicator of the transformation of social and cultural processes taking place in Russian society. The authors indicate the need for consistent and high-quality development of language policy, taking into account the interests and characteristics of all social communities; analyze regional legislation on the languages of the constituent entities of the Russian Federation. A classification of forms for fixing the status of languages of the constituent entities of the Federation is proposed.

Keywords: language, language policy, state language, official language, language of education.

Одной из задач правового цивилизованного государства является создание таких условий гармоничного сосуществования этносов, чтобы каждая национальная общность использовала свой родной язык, не утрачивала свое культурное наследие. Мировой опыт развития многонациональных государств свидетельствует о том, что мирное, бесконфликтное взаимодействие в области

национально-языковых отношений возможно лишь там, где учтены языковые ориентации и притязания всех общностей.

Государственный язык Российской Федерации – русский – это язык, который способствует взаимопониманию, укреплению межэтнических отношений народов России в едином многонациональном государстве.

Статья 68 Конституции РФ определяет юридический, конституционно-правовой статус русского языка как государственного, устанавливает соотношение государственных языков Федерации и ее субъектов, а также предусматривает сохранение и развитие языков всех этнических групп и народов, которые являются национальным достоянием российского государства, важным элементом культуры, основной формой проявления национального и личного самовыражения. Статус русского языка включает в себя несколько правовых аспектов. Во-первых, он является государственным языком, используемым большинством населения на всей территории страны. Во-вторых, нормативно определено соотношение государственного языка с языками национальных образований, в частности, республик, входящих в состав Российской Федерации. В-третьих, русский язык выступает средством межкультурного и межэтнического общения народов государств, входивших в состав СССР.

Русский язык является основным средством межнационального общения народов России в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями. В любом многонациональном государстве ни одна нация не может находиться в духовной изоляции, а язык межэтнического общения является эффективным инструментом консолидации общества, решения общих политических и социально-экономических проблем, ознакомления народов с достижениями мировой и отечественной науки, техники и культуры. Утвердившееся в нашей стране двуязычие и многоязычие не было навязано «сверху». Это объективная необходимость совместного существования народов федеративного государства. Исторический выбор русского языка обусловлен его фактическим признанием всеми многочисленными народами нашей огромной страны.

В соответствии с принятыми Государственной Думой России в третьем чтении поправками к Конституции РФ от 11 марта 2020 г., русский язык признан «языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный состав равноправных народов Российской Федерации». Проект ч. 2 ст. 69 Конституции гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия [1].

Российская Федерация, защищая право народов РФ на использование и сохранение своих языков, провозглашает недопустимость пропаганды враждебности и пренебрежения любым языком; создания препятствий, ограничений и привилегий при использовании языков; иных нарушений российского законодательства о языках народов России.

Основополагающим документом, провозглашающим главные принципы развития языковой политики в России, стал Закон РФ, принятый 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [2]. Указанный акт был принят с целью сохранения и развития культуры народов РСФСР и языков народов РСФСР. Высший законодательный орган, таким образом, подчеркнул особую важность и назначение неповторимого языка каждого народа. Закрепляя положение этого документа, Конституция Российской Федерации 1993 г. гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, использование и создание условий для его изучения и развития.

Дальнейшее развитие правовой базы о языках народов России осуществлялось самими субъектами Федерации. Конституционными актами республик в составе Российской Федерации и их специальными документами устанавливалось юридическое закрепление языковой политики.

В соответствии со ст. 3 Конституции Республики Адыгея [3], равноправными государственными языками являются русский и адыгейский языки. В п. 2 ст. 24 подчеркивается, что каждый вправе пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества.

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [4] в ст. 17 определяет государственными языками республики калмыцкий и русский. При этом подчеркивается, что «калмыцкий язык является основой национального самосознания калмыцкого народа. Его возрождение, сохранение, развитие и расширение среды употребления являются приоритетными задачами органов власти Республики Калмыкия».

Конституция Республики Крым в ст. 10 устанавливает государственными языками Крыма русский, украинский и крымско-татарский [5]. Также, закрепляется право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 19).

Придание языку статуса государственного или официального, по мнению О.В. Озаевой [6], рассматривается как наиболее эффективное средство его защиты, поскольку создает условия для преимущественного использования и развития.

Разберем применение государственных языков субъектов РФ в таких сферах деятельности, как образование и язык работы органов государственной и муниципальной власти.

Наиболее актуален на сегодняшний день вопрос языка образования, особенно, проблема преподавания государственных языков в школах субъектов Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в РФ» [7], одним из принципов государственной политики и правового регулирования в сфере образования является единство образовательного пространства на территории государства, защита и развитие этнокультурных особенностей и

традиций народов России в условиях многонационального государства. Исходя из этих положений, русский язык в объёмном порядке изучается во всех средних школах; выпускники сдают в обязательном порядке Единый государственный экзамен по русскому языку. Статьей 14-ФЗ «Об образовании» гарантируется получение образования на государственном языке РФ, то есть, на русском, а также – выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Таким образом, в республиканских образовательных учреждениях допускается преподавание и изучение государственных языков субъектов РФ в соответствии с законодательством самих субъектов РФ. Однако изучение этих языков республик в составе Российской Федерации не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка России.

Формы и методика изучения государственных языков субъектов Российской Федерации как дисциплины обучения в учебных заведениях различаются в зависимости от содержания, но для основных положений актов самих субъектов. Анализ республиканского законодательства позволяет выделить три направления правового закрепления.

Первое направление устанавливает добровольное изучение государственного языка республики в школе, как для носителей, так и для неносителей. Такую систему используют в Крыму и Калмыкии.

Закон Республики Крым «Об образовании в Республике Крым» [8] одним из принципов государственной политики в области образования признает обеспечение языковых потребностей народов, проживающих на территории республики. Языком образования в республике закреплен государственный язык Российской Федерации – русский язык (ст. 11). Жители Крыма имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском, крымско-татарском, а также право на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Обучение на украинском и крымско-татарском языках, а также – изучение родных языков осуществляется в образовательных организациях на основании заявления родителей или законных представителей на добровольной, свободной и информированной основе. При этом добровольность заключается не в отказе от изучения родного языка, а в возможности его выбора, например, на выбор: русского, крымско-татарского, украинского или других языков народов Российской Федерации, проживающих в Республике Крым.

В соответствии со справкой «О состоянии образования на государственных (крымско-татарский, украинский) языках и изучении родных языков в образовательных организациях Республики Крым в 2018–2019 учебном году» [9], размещенной на официальном сайте Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Крым, в 2018–2019 учебном году в 544 обще-

образовательных организациях Республики Крым 96,7 % обучающихся получали образование на русском языке, 3,1% – на крымско-татарском, 0,2 % – на украинском.

В Республике Калмыкия до ноября 2017 года действовало правило об обязательном изучении в качестве учебного предмета калмыцкого языка для всех обучающихся [10], однако, в соответствии с Законом Республики Калмыкия от 21.11.2017 г. № 266-V-3 «О внесении изменения в статью 3 Закона Республики Калмыкия «Об образовании в Республике Калмыкия» это положение было пересмотрено [11]. Преподавание и изучение калмыцкого языка как государственного языка осуществляется в рамках имеющихся образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами образовательными стандартами. Ст. 10 Закона Республики Калмыкия от 15.12.2014 г. № 93-V-3 «О государственных языках Республики Калмыкия» гарантирует получение образования на государственных языках республики, право свободного выбора языка образования; а ч. 3 ст. 4 определяет, что на территории республики «знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых и иных прав граждан» [12].

Второе направление правового закрепления языка образования связано с обязательным изучением государственного языка республики в школе только для носителей языка. Подобная форма установлена в Адыгее. В соответствии со ст. 10 Закона Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» от 31 марта 1994 г. № 74-1 граждане РФ имеют право свободы выбора языка образования в соответствии с законодательством об образовании. Примечательно, что ранее ст. 10 содержала следующее положение: «Обучение детей родному языку является гражданским правом и долгом родителей» [13]. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона Республики Адыгея «Об образовании в Республике Адыгея» от 27.12.2013 г. № 264 [14], во всех образовательных организациях, реализующих имеющие государственную аккредитацию образовательные программы начального общего основного общего и среднего общего образования, обучение в которых ведется на русском языке, с первого класса в качестве обязательного учебного предмета для носителя языка вводится преподавание и изучение адыгейского языка. Под носителем языка Закон понимает лицо, владеющее государственным языком Республики Адыгея.

Следующая сфера функционирования государственных языков республик в составе Российской Федерации – применение их в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Статья 11 Закона «О языках народов РФ» определяет язык работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления русским языком. В то же время в

органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных органах республик наряду с государственным языком РФ могут использоваться государственные языки республик. Законодательно предусмотрено, что власти могут говорить на своем национальном языке, при условии, что предоставляется перевод на русский язык.

В законодательстве республик Адыгея, Калмыкия и Крым не используется термин «официальный язык». В органах государственной власти Адыгеи и Калмыкии используются два государственных языка, на двух языках публикуются законы и иные правовые акты. Издание республиканских газет и журналов, работа официальных интернет-сайтов государственных органов представительной и исполнительной власти республики осуществляется на двух языках. В Республике Крым пока не принят закон о государственных языках, на сегодняшний день правовые акты республики издаются на русском языке.

На наш взгляд, политика полиэтнического государства:

Литература:

1. Проект Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Одобрен Государственной Думой 11 марта 2020 г. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения 11.03.2020).
2. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.
3. Конституции Республики Адыгея. Принята на XVI сессии Законодательного собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 г. (с изм. на 31.07.2019 г.). URL : http://constitution.garant.ru/region/cons_adig/ (дата обращения 10.03.2020).
4. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 05.04.1994 г. (с изм. на 29.06.2012 г.). URL : <http://glava.region08.ru/ru/step-ulozhenie.html> (дата обращения 10.03.2020).
5. Конституция Республики Крым. Принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г. URL : http://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (дата обращения 10.03.2020).
6. Озаева О.В. Юридическая институционализация государственного языка в многонациональном обществе // Юристы-Правоведы. 2007. № 4. С. 45–57.
7. Об образовании в РФ: Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.03.2020 г.) // Российская газета. 2012. 31 декабря.
8. Об образовании в Республике Крым: Закон Республики Крым от 06.07.2015 г. № 131-ЗКР/

– должна признавать языки внутригосударственных образований как выразителей культурного богатства;

– служить формой проявления уважения географического района каждого языка;

– не допускать препятствий со стороны нового административного устройства для развития языка;

– поощрения использования в устной и письменной речи в разных сферах общения;

– обеспечения преподавания и изучения языков, как представителями этнических групп, так и всеми желающими.

Подвести итог хочется словами Президента Российской Федерации В.В. Путина: «...нужно изменить вектор нашей государственной политики, нашей государственной пропаганды в сторону национальной терпимости, в сторону готовности людей разного этнического происхождения, вероисповедания, внешности, языка, культуры жить вместе друг с другом в одной стране, в стране под названием Россия» [15].

Literature:

1. The draft Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority» Approved by the State Duma on March 11, 2020. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (date of appeal 03.11.2020).
2. Vedomosti SND and Armed Forces of the RSFSR. 1991. № 50. Art. 1740.
3. The Constitution of the Republic of Adygea. Adopted at the XVI session of the Legislative Assembly (Hase) – the Parliament of the Republic of Adygea on March 10, 1995 (as amended on July 31, 2019). URL : http://constitution.garant.ru/region/cons_adig/ (date of appeal 03.10.2020).
4. The Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia dated 04.05.1994 (as amended on 06.29.2012). URL : <http://glava.region08.ru/ru/step-ulozhenie.html> (date of appeal 03.10.2020).
5. Constitution of the Republic of Crimea. Adopted by the State Council of the Republic of Crimea on April 11, 2014. URL : http://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (date of appeal 03.10.2020).
6. Ozaeva O.V. Legal institutionalization of the state language in a multinational society // Lawyer-Jurisprudence. 2007. № 4. P. 45–57.
7. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (as amended on March 1, 2020) // Russian newspaper. 2012. 31 December.
8. On education in the Republic of Crimea: Law of the Republic of Crimea of July 6, 2015 № 131-ЗКР/

2015 // Крымские известия. 2015. 30 июля. № 143 (5809).

9. URL : <https://monm.rk.gov.ru/ru/structure/210> (дата обращения 12.03.2020).

10. Ст. 3 Закона Республики Калмыкия от 15.12.2014 г. № 94-V-3 «Об образовании в Республике Калмыкия» // Хальмг Унн. 2014. 20 декабря.

11. *Хальмг Унн*. 2017. 22 ноября.

12. *Хальмг Унн*. 2014. 20 декабря.

13. В ред. Закона Республики Адыгея от 29.04.2014 г. № 289 «О внесении изменений в Закон Республики Адыгея о языках народов Республики Адыгея» // Советская Адыгея. 2014. 6 мая.

14. URL : https://www.gshra.ru/pravovye-akty_650.html (дата обращения 08.03.2020).

15. Заседание Совета по межнациональным отношениям. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19475> (дата обращения 10.03.2020).

2015 // Crimean News. 2015. July 30. № 143 (5809).

9. URL : <https://monm.rk.gov.ru/ru/structure/210> (date of appeal 03.12.2020).

10. Art. 3 of the Law of the Republic of Kalmykia dated December 15, 2014 № 94-V-3 «On Education in the Republic of Kalmykia» // *Halmg Unn*. 2014. 20 December.

11. *Halmg Unn*. 2017. 22 November.

12. *Halmg Unn*. 2014. 20 December.

13. In the ed. Law of the Republic of Adygea dated April 29, 2014 № 289 «On Amending the Law of the Republic of Adygea on the Languages of the Peoples of the Republic of Adygea» // *Soviet Adygea*. 2014. 6 May.

14. URL : https://www.gshra.ru/pravovye-akty_650.html (date of appeal 03.08.2020).

15. Meeting of the Council on Interethnic Relations URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19475> (date of appeal 03.10.2020).

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Elena V. Shanazarova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
Public Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Legal Institute
Federal Service executions
of punishments of Russia
Milena.555@mail.ru

Поликарпова Марина Жоржевна

старший преподаватель
кафедры публично-правовых
дисциплин факультета
права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Marina Zh. Polikarpova

Senior teacher Departments of Public
Disciplines of Faculty
Rights and Managements,
Vladimir Legal Institute
Federal Service executions
of punishments of Russia
Milena.555@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ
НАДЕЖНОСТИ УЧАСТНИКОВ
КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**PROBLEMS OF VERIFICATION
OF RELIABILITY OF CORPORATE
RELATIONS PARTICIPANTS**

Аннотация. Корпоративные правоотношения многообразны и могут быть классифицированы по различным критериям. Статья посвящена анализу возможных методов проверки участников корпоративных правоотношений с помощью открытых интернет-ресурсов. Обосновываются корпоративные риски для участников данных отношений. Несмотря на развитие информационных технологий в области корпоративного права, корпорации довольно редко используют открытые интернет ресурсы для проверки своих будущих бизнес-партнеров и довольствуются лишь запросом копий учредительных документов.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения, корпоративная безопасность, развитие открытых интернет-ресурсов, корпоративные риски, рейтинг добросовестности контрагента.

Корпоративные правоотношения многообразны и могут быть классифицированы по различным критериям. В зависимости от оснований возникновения правоотношений, можно выделить две основные группы корпоративных правоотношений. Первая группа представляет собой правоотношения, опосредующие участие или членство внутри одной корпорации. К второй группе правоотношений относятся производные, или зависимые, корпоративные правоотношения.

К данному виду корпоративных правоотношений относятся правоотношения с участием третьих лиц. Они возникают, в частности, при

Annotation. Corporate legal relationships are diverse and can be classified according to different criteria. The article is devoted to the analysis of possible methods of verification of participants in corporate legal relations using open Internet resources. Corporate risks for participants in these relationships are justified. Despite the development of information technologies in the field of corporate law, corporations rarely use open Internet resources to check their future business partners and are content only to request copies of constituent documents.

Keywords: corporate legal relations, corporate security, development of open Internet resources, corporate risks, counterparty integrity rating.

приобретении доли уставного капитала или крупного пакета акций лицами, не являющимися участниками или акционерами, в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральным законом от 26.12.1996 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Это, так называемые, правоотношения с потенциальными или будущими участниками корпорации.

Исходя из данного толкования корпоративных правоотношений, мы можем справедливо говорить о корпоративной безопасности как об

определённом элементе корпоративных правоотношений, поскольку отношения между участниками разных корпораций всегда связаны с определенными рисками.

Под корпоративной безопасностью принято понимать совокупность специальных методов, средств и мероприятий, обеспечивающих её надёжную защиту от внешних и внутренних угроз, способствующих достижению стратегических целей корпорации. Построение любой системы корпоративной безопасности требует определенных усилий руководителя корпорации по организации работы службы безопасности [1].

Практическая деятельность службы безопасности основывается на применении типовых алгоритмов, инструкций и регламентов. С.Б. Зайнулин выделяет следующий алгоритм действий службы безопасности:

– мониторинг угроз корпорации; определение потенциальных угроз;

– разработка – внедрение превентивных методов; определение текущих угроз;

– разработка оперативных методов; осуществление методов нейтрализации угроз.

В связи с появлением различных информационных технологий, в области корпоративной безопасности наблюдается тенденция, что неспециалисты данной сферы не успев изучить, к примеру, что такое облачные хранилища информации, уже узнают, что на смену им приходят цифровые системы на технологии блокчейн. Все это, в свою очередь, влияет на динамику развития современного корпоративного права [2].

Исследуя вопрос о влиянии информационных технологий на корпоративное право, предполагается, что благодаря процессу цифровизации имеются предпосылки формирования электронных ресурсов для проведения безопасных корпоративных правоотношений, ведь степень вовлеченности информационных технологий в корпоративную практику постоянно растет. В данной статье анализируются возможные способы определения потенциальных угроз будущих участников корпоративных правоотношений через открытые электронные ресурсы.

При проведении исследования предположим, что известен только идентификационный номер налогоплательщика участника корпоративных правоотношений.

Во-первых, на сервисе «Риски бизнеса: Проверь себя и контрагента», сайта ФНС России, предоставляется возможность получить выписку из Единого государственного реестра юридических лиц и проверить наличие следующей информации об будущем участнике компании: размер уставного капитала, сведения о правопреемстве, сведения о нахождении в процессе ликвидации.

Также, в рамках принципа должной осмотрительности мы можем проанализировать указанные в выписки ОКВЭД. Однородность и приемлемое

количество ОКВЭД в сведениях ЕГРЮЛ свидетельствует о добросовестности будущего участника Общества. Если же в сведениях ЕГРЮЛ имеется информация о более чем 50-ти видах деятельности, и все они являются разнородными, относящимися к разным сферам, то сделка с таким участником вызывает вопросы.

В конце декабря 2018 года на сайте ФНС России произошел запуск сервиса «Прозрачный бизнес». Используя сервис, можно оперативно получить сведения:

– о наличии адреса массовой регистрации; о наличии руководителя в реестре дисквалифицированных лиц;

– о наличии задолженности по уплате налогов и сборов;

– о начале процедуры банкротства или ликвидации юридического лица.

Данный сервис существенно расширил перечень открытых сведений для проверки новых участников корпоративных правоотношений.

Кроме того, на сайте Федеральной налоговой службы России есть возможность провести проверку предстоящих изменений в ЕГРЮЛ. Как известно, изменения в ЕГРЮЛ появляются только спустя 5 рабочих дней после подачи заявления. К примеру, если перед заключением сделки купли-продажи доли уставного капитала участник корпоративных правоотношений подал заявление на изменение состава учредителей, то уже новое изменение не пройдет регистрацию.

Во-вторых, с помощью сервиса Электронное Правосудие можно проверить участника корпоративных правоотношений на наличие дебиторской задолженности перед различными кредиторами. При принятии решения о сотрудничестве при заключении договоров данный этап проверки является очень важным, поскольку связан с крупными финансовыми рисками. Правильный анализ судебных дел, с участием юридического лица, даёт возможность своевременно сделать вывод о добросовестности организации, и тем самым избежать убытков и сохранить деловую репутацию.

В-третьих, рекомендуется проанализировать бухгалтерскую отчетность участника корпоративных отношений за год, предшествующий году заключения сделки. Данные бухгалтерской отчетности организации за любой период можно бесплатно получить на сайте Росстата (при условии, что организация представляла бухотчётность в органы статистики).

Немало юридических лиц и предпринимателей, относят финансовые документы к коммерческой тайне. И потому возможность где-то найти бухгалтерскую отчетность предприятия их настораживает. Однако закон «О бухучете» от 2011 г. № 402-ФЗ в ч. 11 ст. 13 не относит баланс к документам категории «коммерческая тайна». Сервис Росстата позволяет безвозмездно посмотреть бухгалтерскую отчетность будущего участника компании.

В-четвертых, сервис «Банк данных исполнительных производств» Федеральной службы судебных приставов позволяет анонимно проверить компанию, учредителем которой является новый участник корпоративных отношений, на наличие исполнительных производств и задолженностей. Для проверки необходимо ввести наименование компании и юридический адрес, а также выбрать регион регистрации. Не уточнив информацию о предприятии перед заключением договора, можно попасть в затруднительную ситуацию и потерять финансы.

В-пятых, с помощью информации в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» необходимо проанализировать все имеющиеся сведения о будущем бизнес-партнере. Обоснованием отказом в таком случае чаще всего является негативная деловая репутация на рынке как об контрагенте.

В конце проведенного исследования выношу на обсуждение предложение, заключающееся в модернизации существующего сервиса «Прозрачный Бизнес» путем создания рейтинга добросовестности контрагента (РДК).

Механизм рейтинга работает следующим образом:

Литература:

1. *Чеховская С.А.* Новые контуры корпоративного права // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 23.
2. *Зайнуллин С.Б.* Особенности корпоративной безопасности российских предприятий / Зайнуллин С.Б., Сорокин Н.Д. // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2017. Т. 9. № 6. С. 11.

– новое юридическое лицо автоматически получает максимальный рейтинг – «10 из 10»;

– внесение сведений о недобросовестности контрагента автоматически уменьшает рейтинг (уменьшение рейтинга происходит лишь на основании вступившего в силу судебного решения);

– внесение сведений, связанных с благотворительной деятельностью компании, повышает рейтинг (социальная поддержка малоимущих слоев населения, проведение мероприятий по развитию науки и искусства, спонсирование организаций по защите окружающей среды и т.д.).

Несмотря на развитие информационных технологий в области корпоративного права, корпорации довольно редко используют открытые интернет ресурсы для проверки своих будущих бизнес-партнеров и довольствуются лишь запросом копий учредительных документов. Включение вышеперечисленных методов проверки участников корпоративных отношений в систему корпоративной безопасности обеспечивает защиту экономической безопасности корпорации, а также гарантирует безопасность проведения корпоративных сделок.

Literature:

1. *Chekhovskaya S.A.* New contours of corporate law // Business law.2018. № 3. P. 23.
2. *Zainullin S.B.* Features of corporate security of Russian enterprises / S.B. Zainullin, N.D. Sorokin // Internet journal «NAUKOVEDENIE». 2017. Vol. 9. P. 6–11.

Щербина Никита Юрьевич

аспирант кафедры правового регулирования рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
shcherbina93@gmail.com

Емелина Людмила Анатольевна

преподаватель кафедры правового регулирования рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
shcherbina93@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В ОТСУТСТВИЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Аннотация. Настоящая статья рассматривает инструмент субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, в случае признания соответствующего должника несостоятельным. Постсоветская, российская бизнес-практика довольно часто предполагала весьма простую, но эффективную схему ухода от обязательств, которая заключалась в юридическом «разветвлении» одного экономического субъекта на два юридических лица. В процессе экономической деятельности обязательства и убытки закреплялись за одним юрлицом, активы и прибыль за другим, и, в последствие, первое банкротилось, минимизируя расходы самого субъекта экономики, в т.ч., и за счет ухода от платежей в бюджетную систему. Ликвидировать подобную практику позволило юридическое определение понятия лиц, контролирующих должника, введенное в Федеральное законодательство о банкротстве. На сегодняшний день практический интерес представляет алгоритм привлечения к субсидиарной ответственности таких лиц вместе с должником, в т.ч. в случаях, когда в отношении самого должника процедура банкротства не реализуется.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, несостоятельность, привлечение контролирующих должника лиц.

Институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника в современной внутрироссийской судебной практике, обретает существенную актуальность, что обусловлено необходимостью постоянной адаптации к

Nikita Yu. Shcherbina

Graduate student of Department of Legal Regulations of Market Economy, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
shcherbina93@gmail.com

Lyudmila A. Emelina

Teacher of Department of Legal Regulations of Market Economy, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
shcherbina93@gmail.com

FEATURES OF SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR IN THE ABSENCE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEEDINGS

Annotation. This article considers the instrument of subsidiary liability of persons controlling the debtor if the relevant debtor is declared insolvent. Post-Soviet, Russian business practice often involved a very simple but effective scheme of withdrawal from obligations, which was the legal "branching" of one economic entity into two legal entities. In the process of economic activity liabilities and losses were assigned to one legal entity, assets and profit after another, and as a result the first failed, minimizing expenses of the subject of the economy itself, including due to withdrawal from payments to the budget system. This practice was eliminated by the legal definition of persons controlling the debtor introduced in the Federal Bankruptcy Law. To date, the algorithm of subsidiary liability of such persons together with the debtor is of practical interest, including in cases where bankruptcy proceedings against the debtor itself are not implemented.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, insolvency, involvement of persons controlling the debtor.

изменяющимся гражданско-правовым и общественным отношениям механизмов определения размера ответственности и применения опровержимых презумпций ответственности упомянутых лиц.

По общему правилу, заявления о применении права субсидиарной ответственности к субъектам гражданско-правовых отношений, за которыми может быть установлен статус лиц, контролирующих должника, направленные кредитором соответствующего должника, признанного банкротом, либо арбитражным управляющим, согласно положениям статей 61.16, 61.19, и 61.20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], подлежат рассмотрению арбитражными судами либо в общем порядке, если процедура банкротства на момент подачи заявления уже завершена, либо в рамках рассматриваемого дела о несостоятельности.

На практике же получил фактическую реализацию дополнительный механизм привлечения к субсидиарной ответственности физических и юридических лиц, имеющих достаточные признаки субъектов, контролирующих должника в ситуации, когда процедура банкротства юридически не инициирована, или по каким-либо причинам не реализуется на момент такого привлечения.

Абзац 8, пункта 1 статьи 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривает прекращение арбитражным судом дела о несостоятельности, в случае, если отсутствуют ресурсы, достаточные для возмещения судебных расходов на реализацию, предусмотренных в деле о банкротстве процедур, в т.ч., финансовых средств, которые необходимы для выплаты вознаграждения арбитражному управляющему.

При этом пунктами 14 и 15 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» разъясняется, что в случае наличия у суда необходимых и достаточных сведений о невозможности финансового обеспечения процедуры банкротства на любой стадии рассмотрения дела, включая стадию проверки обоснованности самого искового заявления о признании того, или иного должника банкротом, суду необходимо назначить судебное заседание для рассмотрения вопроса о прекращении производства по такому делу.

О месте проведения упомянутого судебного заседания, а также – о его точной дате и времени начала суд должен заблаговременно известить всех участников дела, в том числе, всех учредителей должника, подвергаемого процедуре банкротства, которые согласно действующему законодательству несут риск субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Если от упомянутых лиц в установленные законом сроки не поступят письменные согласия финансировать (софинансировать) процедуру банкротства соответствующего должника, суду остается только вынести определение о прекращении производства по делу сославшись на вышеупомянутый 8-й абзац первого пункта 57-й статьи № 127-ФЗ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Иными словами, действующее законодательство позволяет, контролирующим должника лицам осуществить финансирование процедуры банкротства, в ходе которой конкурсная масса, предназначенная для погашения части требований кредиторов представляет собой совокупность выявленного имущества должника, и имущества, получаемого в результате оспаривания ранее совершенных сделок должника с движимым и недвижимым имуществом.

Необходимо понимать, что современное российское законодательство позволяет возлагать субсидиарную ответственность и на лицо, утратившее в последствии контроль над должником, в связи с чем, финансирование с его стороны процедуры банкротства является, по сути, единственной возможностью распределения ответственности между юридическим лицом как имущественным комплексом и лицом, действия которого в определенный период повлекли возникновение оснований для привлечения к субсидиарной ответственности.

Если исковое заявление о признании того или иного должника несостоятельным подается соответствующим уполномоченным органом, с учетом специфики финансирования им банкротных процедур в пределах лимитов бюджетного финансирования, действует иной порядок разрешения вопроса об отсутствии у должника имущества для целей возмещения соответствующих расходов.

Так, постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» в пункте 13 содержит актуальные разъяснения о последствиях отсутствия у налогового органа, являющегося заявителем по делу о несостоятельности, сведений, с необходимой достоверностью подтверждающих реализацию возможности оплачивать саму процедуру признания должника несостоятельным, за счет имущества, находящегося у него на балансе, либо принадлежащего должнику на любом законном основании. Согласно указанным разъяснениям, суду надлежит оставить без движения заявление уполномоченного органа, дополнительно предложив последнему представить доказательства наличия у должника имущества, с последующим возвращением заявления при непредставлении их в установленный срок [2].

Обзор судебной практики Верховного Суда № 1 (2019), содержит подробные разъяснения, в соответствии с которыми уполномоченный орган после возвращения заявления о признании должника несостоятельным по выше указанному основанию, вправе обратиться с иском о привлечении к субсидиарной ответственности субъектов, контролирующих должника; соответствующий иск подлежит разрешению согласно гл. III. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3]. Обязанность суда возвратить заявление при отсутствии сведений об источниках финансирования процедуры банкротства отражена и в пункте 5 статьи 61.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Таким образом, с учетом вышеизложенного, лицо, контролировавшее должника, не извещается судом о необходимости финансирования процедуры банкротства должника, и не имеет возможности самостоятельно обратиться с заявлением о признании должника несостоятельным в случае утраты над ним корпоративного контроля.

Целесообразным явилось бы применение к требованиям уполномоченного органа общих положений о применении абзаца 8 пункта 1 статьи 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» по итогам рассмотрения в судебном заседании возможности прекращения производства по делу о банкротстве, включая стадию проверки обоснованности такого требования, с извещением всех заинтересованных лиц, включая тех, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам соответствующего должника.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на порядок определения компетентного суда для целей рассмотрения заявления о привлечении лиц, контролирующих должника к субсидиарной ответственности по его обязательствам. Пунктом 2 статьи 61.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрен принцип закрепления исключительной компетенции привлекать к субсидиарной ответственности по обязательствам должника лиц, его контролирующих, за тем же судом, который и рассматривал первоначальное дело о банкротстве данного должника. Однако, в случае возвращения заявления по основаниям отсутствия финансирования процедуры банкротства фактически дело о несостоятельности судом не возбуждается и, соответственно, не рассматривается.

Согласно статье 61.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», заявление о привлечении к субсидиарной ответственности в связи с неподачей или с несвоевременной подачей заявления должника рассматривается тем же арбитражным судом, который ранее рассматривал дело и о банкротстве, но прекратившим производство по такому делу, либо возвратившим заявление.

Необходимо помнить, что в случае заявления истцом каких-либо иных оснований привлечения

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Сайт компании «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения 25.02.2020).
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве». Сайт компании «КонсультантПлюс» URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96486/ (дата обращения 25.02.2020).

к субсидиарной ответственности, помимо статьи 61.12 «Закона о банкротстве (несостоятельности)», определение специальной компетенции арбитражного суда по месту нахождения должника основано не на прямом указании законодательства. Пунктом 4 статьи 61.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» установлены особенности рассмотрения в общем порядке заявлений о привлечении лиц, контролирующих должника, к субсидиарной ответственности, в случае наличия нескольких кредиторов, требования которых не удовлетворены в ходе процедуры банкротства, в том числе коллективный характер соответствующего иска.

Поскольку в случае возврата заявления уполномоченного органа по рассматриваемым основаниям дело о банкротстве не возбуждается, следует резюмировать множественность кредиторов должника и в независимости от количества истцов опираться на положения главы 28.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Норма о коллективном иске, обуславливает необходимость рассмотрения дела о привлечении лица, контролирующего должника к субсидиарной ответственности по месту расположения должника, т.к. иное толкование статьи 61.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», нарушало бы права и законные интересы лиц, имеющих право присоединиться к коллективному иску.

Необходимо также учитывать и правовую позицию, изложенную в пункте 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», к заявлению уполномоченного органа, поданному вне рамок дела о банкротстве, вправе присоединиться только кредиторы, требования которых подтверждены ни чем иным, как судебным актом, вступившим в законную силу.

Иными словами, в отсутствие возбуждения судом процедуры банкротства в отношении должника лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности по обязательствам соответствующего должника, защищено от требований кредиторов, не подтвердивших наличие денежного обязательства документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона.

Literature:

1. The federal law of 26.10.2002 № 127-FZ «About insolvency (bankruptcy)». The Website of the ConsultantPlus company. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/(date of the address 25.02.2020).
2. Resolution of the Plenum of the IAC of the Russian Federation № 91 dated 17.12.2009 «On the Procedure for Repayment of Expenses in the Bankruptcy Case». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96486/ URL (date of appearance 25.02.2020).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019). Сайт компании «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323388/ (дата обращения 25.02.2020).

3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation №1 (2019) (ed. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 24.04.2019). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323388/ website (date of appeal 25.02.2020).

Шмыгина Ольга Валерьевна

старший преподаватель
кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики,
Сибирский университет
потребительской кооперации
olga78an1@rambler.ru

Ol'ga V. Shmy'gina

Senior teacher
Departments of Criminal Law,
Process and Criminalistics,
Siberian University
of Consumer Cooperation
olga78an1@rambler.ru

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАСИЛЬСТВЕННОЙ УГРОЗЫ
В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**

**DIFFERENTIATION
OF VIOLENT THREATS
IN CRIMES AGAINST PROPERTY**

Аннотация. Проблема угрозы как способа совершения преступлений против собственности является одной из самых слабоизученных и требует более четкого научного и законодательного определения. В статье рассматриваются виды насильственной угрозы выступающих способом совершения преступлений против собственности. Делается вывод о целесообразности дифференциации уголовной ответственности за «насилие опасное (не опасное) для жизни» и «насилие опасное (не опасное) для здоровья». Такое же разделение следует применить и к угрозе насилием.

Annotation. The problem of threat as a way of committing crimes against property is one of the most understudied and requires a clearer scientific and legislative definition. The article considers the types of violent threats that act as a way of committing crimes against property. It is concluded that it is appropriate to differentiate criminal liability for «violence dangerous (not dangerous) to life» and «violence dangerous (not dangerous) to health». The same division should be applied to the threat of violence.

Ключевые слова: насилие, психическое насилие, угроза, насильственная угроза.

Keywords: violence, mental violence, threat, violent threat.

Проблема угрозы как способа совершения преступлений против собственности является одной из самых слабоизученных и требует более четкого научного и законодательного определения.

Угроза убийством и (или) причинение тяжкого вреда здоровью не закреплена ни в одном составе главы 21 УК РФ. Данные виды угроз объединены в термин «под угрозой применения насилия». Хотя теоретически представляется возможным разграничить смежные составы, при совершении преступлений против собственности с применением угроз различной по степени общественной опасности. Но на практике такое разграничение вызывает определенные сложности и, как правило, влечет судебные ошибки.

Постановлением Верховного суда РФ в пункте 6 от 17 декабря 2015 г. № 56 разъясняется, что под угрозой применения насилия следует понимать угрозу применения насилия любой степени тяжести, в том числе угрозы убийством. Следовательно, имеется вероятность свободной трактовки угрозы применения насилия как способа совершения преступления.

Так, кассационным определением Верховного Суда Республики Коми был изменен приговор в отношении Тигиева С.Ф. и его действия переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на п. «а, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Суд мотивировал свое решение исходя из того, что Тигиев в процессе нанесения ударов потерпевшим, брызнул в лицо поражающим газом, судебно-медицинская экспертиза в отношении потерпевших не проводилась и применение насилия, опасного для жизни и здоровья либо угроза применения насилия, не установлены. Также не был установлен газовый баллончик, применяемый, по словам потерпевших в отношении них.

Насильственные угрозы, выступающие способом совершения преступлений против собственности, бывают следующих видов:

Другой приме. Ульяновским областным судом, верно был изменен приговор Железнодорожного

- угроза убийством;
- угроза причинением тяжкого вреда здоровью;
- угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья;
- угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья;

районного суда г. Ульяновска, а действия виновного также были переклассифицированы с ч. 3 ст. 162 УК РФ на п.п. «а, в, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. При рассмотрении апелляционной жалобы, было выяснено, что в данном случае обвинение построено на том, что О.В., была введена в заблуждение виновным, выдавшим себя за сотрудника почтового отделения, причиняя физическую боль, повалил ее на пол. В процессе нападения Давыдовым Д.А. была высказана следующая фраза: «Не смотри на меня, тебе же будет лучше!». Судебная коллегия не усмотрела в действиях Давыдова Д.А. обязательные элементы разбоя, а именно нападения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия.

Угроза, высказанная виновным: «Не смотри на меня, тебе же будет лучше!» приобретает неопределенный характер и не может быть расценена в качестве угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья. Хотя в разъяснениях Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 отмечается, что хищение, соединенное с неопределенной угрозой применения насилия, в вопросах квалификации содеянного должны решаться с учетом всех обстоятельств дела.

Термин «угроза применения насилия не опасного для жизни и здоровья» в преступлениях против собственности встречается в ст. 161 УК РФ и в п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ. А термин «угроза применения насилия опасного для жизни и здоровья» закреплен в ч. 1 ст. 162 УК РФ и в ч. 4 ст. 166 УК РФ.

В диспозиции ст. 163 УК РФ, законодатель закрепил термин «под угрозой применения насилия», не разграничивая по степени общественной опасности, а по сути, объединив в один. Таким образом, при конструировании уголовно-правовых норм законодатель уравнивает по степени общественной опасности угрозы применения насилия как опасные так и не опасные для жизни и здоровья. Ведь если виновный угрожает причинить вред жизни, то это одна ситуация, а если здоровью, то совсем другая и степень общественной опасности данных деяний тоже будет различной.

Рассматривая насильственную угрозу в преступлениях, предусмотренных ст. 166 УК РФ, можно проследить, что демонстрация угроз различной степени общественной опасности существенно влияет на квалификацию преступления.

Все чаще фиксируются случаи завладения автомобилем с применения насилия опасного (не опасного) для жизни и здоровья или угрозой применения такого насилия. И именно наличие данных признаков затрудняет точную квалификацию рассматриваемого преступления. Насильственная угроза как способ совершения преступления предусмотрена в составе незаконного завла-

дения транспортным средством без цели хищения (угон) в качестве средства дифференциации уголовного наказания, так как угроза указана в числе квалифицирующих признаков.

Не совсем понятна позиция авторов, предлагающих исключить из ст. 166 УК РФ, квалифицирующие признаки, предусматривающие применение насилия, и квалифицировать подобные деяния как грабеж [1, с. 47]. Ведь насколько известно, грабеж совершается открытым способом, в то время как незаконное завладение транспортным средством возможно, как открыто, так и тайно от собственника, а применение насилия в процессе угона повышает общественную опасность данного преступления.

Причем, на квалификацию преступления не влияет, кто управляет транспортным средством сам собственник (владелец) или угонщик, о чем в п. 25 постановлении Пленума Верховного Суда от 09.12.2008 № 25 дается разъяснение на этот счет.

Таким образом, для точной и правильной квалификации преступлений основным правилом является установление в преступлениях, совершаемых с применением насильственной угрозы, всех признаков состава преступления, включая формы выражения угрозы, характер примененного насилия виновным, степень восприятия угрозы потерпевшим. Подобный подход позволит избежать судебных ошибок при квалификации деяния, и устранит условия, способствующие необоснованному допущению объективного вменения, запрещенного ч. 2 ст. 5 УК РФ.

В юридической литературе неоднократно высказывались мнения о необходимости разделения насилия опасного для жизни и здоровья на два обособленных признака: «насилие опасное для жизни» и «насилие опасное для здоровья» [2, с. 8; 3, с. 12]. Авторы делают акцент на том, что насилие или угроза применения насилия не опасного для жизни охватывается термином «насилие опасное для здоровья». В свою очередь, то, что не представляет опасности для здоровья, не может быть насилием. Считаем, что такое разделение повлечет за собой нарушение в законодательную конструкцию, так как, например, разграничение между насильственным грабежом и разбоем возможно именно по способу совершения преступления.

В связи с этим, мы считаем целесообразным дифференцировать уголовную ответственность за совершение преступлений с применением «насилия опасного (не опасного) для здоровья либо угрозы применения такого насилия» и «насилия опасного (не опасного) для жизни либо угрозы применения такого насилия». Таким образом, можно будет избежать многих проблем при квалификации подобных деяний.

Литература:

1. Бархатова Е.Н. К вопросу о квалификации угона. Насильственный угон / Е.Н. Бархатова;

Literature:

1. Barkhatova E.N. On the issue of the hijacking qualification. Violent hijacking / E.N. Barkhatova;

Отв. за вып. А.А. Морозов // Преемственность и новации в юридической науке Материалы межвузовской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2014. С. 46–50.

2. *Карганова Б.Г.* Санкции за преступления против жизни и здоровья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. 25 с.

3. *Семенова Н.Д.* Диспозиции и санкции за преступления, связанные с насилием над личностью. : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000. 26 с.

Responsible for release. A.A. Morozov // Continuity and innovations in legal science Materials of the interuniversity scientific conference of adjuncts, post-graduates and applicants. OTV. per issue. A.A. Morozov. Omsk, 2014. P. 46–50.

2. *Karganova B.G.* Sanctions for crimes against life and health : autoref. dis. ... cand. the faculty of law. Sciences. Krasnodar, 1999. 25 p.

3. *Semenova N.D.* Dispositions and sanctions for crimes related to violence against a person. abstract. dis. ... cand. the faculty of law. Sciences. Rostov-on/D., 2000. 26 p.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Артамонова Ярославна Сергеевна

доктор политических наук,
доцент,
кафедра социальных отношений,
рекламы и связей с общественностью,
Московский технический
университет связи и информатики
mei_2018@inbox.ru

Зенов Павел Евгеньевич

кандидат юридических наук,
кафедра социальных отношений,
рекламы и связей с общественностью,
Московский технический
университет связи и информатики
artamonova@etspir-mtuci.ru

ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Аннотация. В статье представлен взгляд авторов на формирование цифровой экономики. Данный социально-экономический феномен является сложным системным сегментом не только в социально-экономической структуре современного Российского общества, но и занимает значительное место в социально-экономических отношениях других стран. В представленной статье рассматриваются как контуры и стратегия данного процесса, предложенные зарубежными экспертно-аналитическими сообществами (прежде всего, экспертным сообществом Давосского экономического форума), так и логика развития «цифровой экономики» с позиций Отечественных экспертов.

Ключевые слова: цифровая экономика, экспертные сообщества, социальная реальность, современный социум, социально-экономический феномен, социальная структура, социальные процессы, современное Российское общество.

Идеи современной цифровой экономики развивают традиционную, заложенную Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716). Этот выдающийся аналитик, математик, физик, юрист и языковед подарил миру две пророческие идеи, относящиеся к цифровой революции. Первая – это трактовка математики как науки о возможных мирах! Лейбниц предложил двоичную систему счисления и на этой основе построил механический калькулятор, который мог делить и умножать. Вторая идея связана со «считающими машинками», которые должны быть столь точны и эффективны, что «им можно будет поручить судопроизводство». И это в развитых странах уже стало реальностью [7, с. 288].

Yaroslavna S. Artamonova

Doctor of Political Sciences,
Assistant Professor,
Department of the Social Relations,
Advertising and Public Relations,
Moscow Technical University
of Communications and Informatics
mei_2018@inbox.ru

Pavel E. Zenov

Candidate of Law Sciences,
Department of the Social Relations,
Advertising and Public Relations,
Moscow Technical University
of Communications and Informatics
artamonova@etspir-mtuci.ru

EXPERT COMMUNITIES AND DIGITALIZATION OF THE ECONOMY OF MODERN SOCIETY

Annotation. The article presents the authors' view on formation of «digital economy». This socio-economic phenomenon is a complex system segment not only in the social and economic structure of modern Russian society, but also occupies a significant place in the social and economic relations of other countries. In the presented article both contours and strategy of the given process, offered by foreign expert and analytical communities (first of all by expert community of the World Economic Forum), and logic of development of «digital economy» from positions of Domestic experts are considered.

Keywords: digital economy, expert communities, social reality, modern society, socio-economic phenomenon, social framework, social processes, modern Russian society.

Главным идеологом новой цифровой реальности является основатель экспертного сообщества Давосского экономического форума (World Economic Forum), где сотни экспертов-аналитиков намечают контуры приятного будущего, профессор из Швейцарии Клаус Мартин Шваб [12, с. 16]. Четвертая промышленная революция, которая началась в XXI веке, опирается на цифровую революцию. Это – вездесущий и мобильный интернет, миниатюрные и производительные устройства, искусственный интеллект и обучаемые машины. Эксперты-аналитики Давосского форма выделяют 21 переломных момента, которые ожидаются к 2025 году. И в них «10 % носят одежду, подключенную к сети интернет; первый

имеющиеся в продаже имплантируемый телефон; правительство вправе собирать налоги с помощью цепочек блоков (технологии блокчейна); первый робот с искусственным интеллектом в составе корпоративного совета директоров...» и т.д. Мир делается более «прозрачным и управляемым. Человек при этом лишается личной свободы личного пространства, реализация давосского Social...» [12, с. 16].

В своё время, эти риски осознавал основатель кибернетики Роберт Винер. В 1947 году, размышляя о цифровой революции, он писал: «Современная промышленность должна объединить человеческий мозг... Тогда средний человек со средними или ещё меньшими способностями не сможет предложить для продажи ничего, за что стоило бы платить деньги. Выход один – построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продай» [5].

США, несмотря на тотальное внедрение компьютеров, что делается и у нас, в России, рост производительности труда в экономике уменьшился в сравнении с золотым десятилетием (1958–1968 годами) в 10 раз. Тенденция в мировом сегменте цифровой экономики ещё безрадостней. Сфера, где производство происходит на основе «цифры», в последние годы не наблюдается роста ВВП, а произошло даже сокращение [6, с. 44].

Действительно, уже сегодня меняется занятость: в сельском хозяйстве развитых стран занято всего 2 % населения, промышленности – 10 %, в управлении – 13 %. На что должны делать остальные 75 %?¹

Свободное время? Такие ученые, как К. Маркс, Й. Масуда, называли это важным ресурсом и источником богатства человека. Да! Если оно заполнено самообразованием, общением, добрыми делами. Однако социологические исследования показывают, что например, российские мужчины уделяют женщинам и детям лишь 45 минут в сутки, а компьютеру и гаджетам уделяют более 6 часов [8].

Американские корпорации в сети подчиняются, напрямую, закону 2001 года (после взрыва башен-близнецов) который первоначально назывался «Патриотический акт», а затем был переименован в «Акт о свободе» [1]. Этот закон устанавливает обязательный характер сотрудничества корпораций с правительством США, что приняла форму обязательного «слива» информации. Те же, кто уклоняется от исполнения этого закона, подлежат серьезным наказаниям. Так глава «Facebook» Марк Цукерберг был вызван на «допрос» в сенат США, где его вынудили извиниться и публично согласится на сотрудничество с правительством. У нас есть собственные платформы: RuTube, и социальные платформы «ВКонтакте», «Одноклассники». Но все они завязаны на «Facebook» и, хотя вы вошли в эти сети – завели друзей, потратили свое время и вдруг –

всё может исчезнуть, так как правительство США так решило.

В КНР нет никакого «Facebook». Они с самого начала разрабатывали свои системы.

Наша же электроника в годы М.С. Горбачева было загублена. Сегодня завязка на «Facebook» во многом связывает руки. Так, например, блокировать контент внутри «Facebook» своим решением мы не можем. Даже, если это распространяющие наркотические вещества, делающие призывы к терроризму, нарушающие и другие законы, они с «Facebook» могут только договариваться. Но они не обязаны идти нам навстречу ведь они не имеют даже своего представителя на нашей территории. И применить, например, к ним закон о некоммерческой организации, мы не можем. Единственное, что мы можем – заглушить весь «Facebook».

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию в 2016 г. отметил, что формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и Независимости России, конкуренция отечественных компаний, поэтому программа «цифровая экономика», утвержденная распоряжением правительства РФ от 28 июля 2017 года №1632-Р, объединяет интеллектуальные ресурсы представителей технологичных предприятий, исследовательских и образовательных коллективов.

Президент Российской Федерации в своем слове Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. отметил: «Технологическое отставание, зависимость означающая снижение безопасности экономических возможностей страны, а в результате – потеря суверенитета» [10, с. 3].

В России программа развития цифровой экономики следует давосскому проекту. Так, в программе «Цифровая экономика РФ» говорится о 8 ключевых направлениях, таких же, как в Давосском проекте [9]. В эту программу ежегодно предлагается инвестировать более 100 млрд рублей, а в общем речь идёт о триллионах. Но ни в одних документах не сказано: когда и каким образом удастся хотя бы вернуть вложенные деньги.

Возникает вопрос – как отечественные представители экспертного сообщества России оценивают ситуацию, сложившуюся в рассматриваемом сегменте социальной реальности?

Программа «цифровая экономика», по оценки главы группы компаний Info-Watch, специалиста по информационной безопасности Натали Касперской, это первая попытка сделать что-то вне рамок коммерции [11]. Ведь сейчас все социальные институты развития, те, что у нас есть, ориентированы на прибыль. Это и «Сколково» и Российская венчурная компания (РВК), и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), и инвестиционная компания «РосИнфоКомИнвест», созданная

¹ **Примечание:** Рассчитано по Российскому статистическому ежегоднику М., 2017. С. 623–624.

при министерстве связи. У России во время Великой Отечественной войны был опыт по созданию, по меньшей мере, двух конкурирующих структур, которые создавали самолёты и другую сложную технику. Сегодня такой подход пока не используют. Есть попытки финансировать АО «Роснано». А Чубайс показывал планшет, которым должен был обеспечить всех школьников. Время пришло. Средства освоены. Но изготовленный планшет оказался не востребован. Другой пример: фирма Vola. Она получила большие деньги. Освоила. Выпустила продукт, который затем был продан в Китае. И на этом дело закончилось, а национальной платформы так и не возникло.

Есть успехи по «Софту». Здесь за выпуск продукта отвечает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минсвязь России) в которой создали экспертно-аналитический совет (из 40 человек), решающий всё. Сегодня по «Софту» в российском реестре уже более 5000 продуктов.

А вот за «железо» отвечает такой федеральный орган исполнительной власти России как Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России), который, правда начал согласование в рамках проекта «цифровая экономика». Однако лучше, когда на исходном этапе новое направление будет строиться на основе общего интегратора. Таким интегратором в проекте «Цифровая экономика» является аналитический центр (АЦ) при пра-

вительстве Российской Федерации. Бизнес - в этой роли выступает Автономная некоммерческая организация (АНО). Но пока нет архитектора, каким был Королёв в космическом проекте.

Таким образом, необходимо отметить, что программа «цифровая экономика» является важным направлением в рамках безопасного развития страны [2]. В тоже время, слепое следование постулатам, предложенным зарубежным аналитическим сообществом (прежде всего, Давосским клубом) навряд ли могут быть в полной мере функциональны для Российского социума [4].

Возможный вариант видения ситуации был предложен Отечественным экспертом Натальей Касперской. Она считает, что нам необходим рынок в сфере «цифронии», но одним! Однако логика современного развития социальной структуры, социальных институтов Российского общества и мирового сообщества в целом свидетельствует о том, что это будет очень трудно сделать. В этой ситуации Наталья Касперская предлагает войти в объединении с китайцами. Во-первых, китайцы идут впереди по «железу» и догнать их почти нереально. Во-вторых, у нас ведутся разработки собственных процессоров, но остается нерешенным в рамках страны запрос по себестоимости. Чтобы быть конкурентоспособным по цене, нужно производить не менее миллиона штук, но такого рынка нет ни в России, ни в Евразии. А выйти на другие внешние рынки требует огромных инвестиций [8].

Литература:

1. Аналитик об «Акте о свободе»: США ограничивают гражданские права. URL : <https://ria.ru/20150603/1067920247.html> (дата обращения 24.02.202 г.).
2. *Артамонова Я.С.* Актуальные проблемы развития экономики в современных условиях / Я.С. Артамонова; Под редакцией И.Л. Сурат // Материалы международной научно-практической конференции 11 апреля 2018 г., Москва. М., СГУ, 2018. С. 438–442.
3. *Артамонова Я.С.* Институты гражданского общества как ресурс обеспечения информационной безопасности демократического государства / Я.С. Артамонова, И.В. Лиханова // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 1. С. 31–37.
4. *Артамонова Я.С.* Аналитическое моделирование ИК-услуг сетей NGN / Я.С. Артамонова, В.Н. Максименко // Инновации и инвестиции, 2015. № 6. С. 136–142.
5. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном мире и машине. М. : Советское радио, 1958.
6. *Малинецкий Г.Г.* Блеск и нищета цифровой реальности. Труды ВЭО. 2018. Т. 210. М. : № 2. С. 44.
7. *Овчинский В.С.* Технологии будущего против криминала. М., Книжный мир, 2017. С. 288.

Literature:

1. Analyst on the «Freedom of speech»: the USA restricts civil rights. URL : <https://ria.ru/20150603/1067920247.html> (date of issue 24.02.202 г.).
2. *Artamonova Y.S.* Current problems of economic development in modern conditions / Y.S. Artamonova; Edited by Surat I.L // Materials of the international scientific and practical conference April 11, 2018, Moscow. M., 2018. P. 438–442.
3. *Artamonova Y.S.* Civil society institutions as a resource of information security of a democratic state / Y.S. Artamonova, I.V. Likhonova // Ethnosocial and ethnic culture. 2019. № 1. P. 31–37.
4. *Artamonova Y.S.* Analytical modeling of the information services and networks in NGN / Y.S. Artamonova, V.N. Maksimenko // Innovation and investment. 2015. № 6. P. 136–142.
5. *Wiener N.* Cybernetics or control and communication in the animal world and the machine. M. : Sovetskoe radio, 1958.
6. *Malineckiy G.G.* The glitz and misery of digital reality. M. : 2018. № 2. P. 44.
7. *Ovchinskiy V.S.* Technologies of the future against crime. M., Knizhniy mir, 2017. P. 288.

8. О цифровых угрозах // «Завтра» №15, апрель. 2019. С. 8. URL : http://zavtra.ru/blogs/o_tcifrovih_ugrozah (дата обращения 03.01.202).

9. Программа «Цифровая экономика РФ» утверждена Председателем Правительства Российской Федерации Медведевым Д.А. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2019 г. URL : <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 24.02.2020).

10. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 1 марта 2018 года. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 02.02.2020).

11. Уроки кибергиены. Наталья Касперская: Как России сохранить цифровой суверенитет// Росийская газета № 54(7517). URL : <https://rg.ru/2018/03/14/natalia-kasperskaia-rasskazala-kak-rossii-sohranit-cifrovoj-suverenitet.html> (дата обращения 24.02.2020).

12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Издательство «2», 2017. С. 16.

8. About digital threats // «Zavtra» №15, april 2019, С. 8. URL : http://zavtra.ru/blogs/o_tcifrovih_ugrozah (date of issue 03.01.202).

9. The program «Digital economy of the Russian Federation» was approved by the Prime Minister of the Russian Federation Dmitry Medvedev. Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2019. URL : <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (date of issue: 24.02.2020).

10. Putin V.V. Message of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation. March 1, 2018. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (date of issue 02.02.2020).

11. Lessons tiberghien. Natalia Kaspersky: How Russia can preserve digital sovereignty // Rossiyskaya Gazeta № 54(7517). URL : <https://rg.ru/2018/03/14/natalia-kasperskaia-rasskazala-kak-rossii-sohranit-cifrovoj-suverenitet.html> (date of issue 24.02.2020).

12. Shvab K. Fourth industrial revolution. M. : Publishing house «2», 2017. P. 16.

Бадмаев Очир Михайлович
студент,
факультет финансовых рынков
имени профессора В.С. Геращенко,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Badmaev.Ochir923@yandex.ru

Влияние цифровизации на бухгалтерский учет

Аннотация. Настоящая статья рассматривает основные аспекты воздействия процессов цифровизации на отрасль бухгалтерского учета.

Бухгалтерский учет, будучи неотъемлемой подсистемой функционирования любого экономического субъекта, постоянно испытывает воздействие динамично меняющихся внешних факторов, среди которых в качестве основных, помимо изменений законодательной базы можно выделить технологические и инфраструктурные изменения внешней среды предприятия, при этом, конкурентоспособность предприятия зависит, в том числе и от эффективности его бухгалтерского подразделения, напрямую зависящей от технологического обеспечения. Цифровизация глобальной экономики ставит перед системой бухгалтерского учета новые задачи, обусловленные необходимостью вовлечения в отчетность новых финансовых и экономических систем и инструментов.

Ключевые слова: цифровизация, бухгалтерский учет, финансовая отчетность.

Ведение бухгалтерского учета является неотъемлемой составляющей любой хозяйственной деятельности, а значит от эффективности работы бухгалтерского обеспечения в зависимости от того, ведется оно структурным подразделением самого предприятия или отдано на аутсорсинг, во многом зависят и показатели эффективности всего предприятия в целом.

Сам бухучет базируется на исторически сформировавшихся бухгалтерских методах:

- первичном наблюдении: инвентаризации и документальной фиксации;
- стоимостном измерении: калькуляции и оценки;
- систематизации и упорядочении: бухгалтерском счете и двойной записи;
- обобщении: бухгалтерском балансе и бухгалтерской отчетности [1].

Поэтапная цифровизация гражданско-правовых отношений в современной России, появление и

Ochir M. Badmaev
Student,
Faculty of the Financial Markets
named after Professor V.S. Gerashchenko,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Badmaev.Ochir923@yandex.ru

IMPACT OF DIGITALIZATION ON ACCOUNTING

Annotation. This article considers the main aspects of the impact of digitalization processes on the accounting industry.

Accounting, as an integral subsystem of the functioning of any economic entity, is constantly affected by dynamically changing external factors, among which technological and infrastructure changes in the external environment of the enterprise can be identified as the main, in addition to changes in the legislative framework, and the concurethability of the enterprise depends, among other things, on the effectiveness of its accounting division, which is directly dependent on technological support.

Digitalization of the global economy poses new challenges to the accounting system as a result of the need to involve new financial and economic systems and instruments in reporting.

Keywords: digitalization, accounting, financial statements.

развитие различных цифровых сервисов, обеспечивающих функционирование экономических субъектов, в том числе, обслуживающих взаимодействие между фискальными органами и субъектами экономики, оказывает непосредственное влияние и на сферу бухгалтерского учета. При этом можно констатировать, что цифровизация, сама по себе, оказывает влияние на значительное улучшение как характеристик бухгалтерской информации, так и возможностей ее применения [2].

Необходимо отметить, что развитие цифровых технологий позволяет не только в значительной степени ускорить процессы сбора и анализа информации, но и автоматизировать ряд технологических процессов работы с первичными бухгалтерскими данными, например посредством интеграции систем складского и бухгалтерского учета, а также – с программным обеспечением внешних удаленных электронных сервисов. В частности, уже сегодняшние технологические возможности позволяют обеспечить автоматизированное проведение закупок на электронных торговых

площадках на основе анализа запасов на складах предприятия.

Очевидно, что цифровизация сферы бухгалтерского учета оказывает непосредственное влияние на его следующие основные аспекты:

– получение, накопление, хранение и предоставление необходимой учетной информации;

– систематизацию получаемой учетной информации;

– доступ к собранной и систематизированной информации.

К результатам цифровизации бухгалтерского учета, также – стоит отнести и повышение оперативности доступа бухгалтеров к изменениям законодательных и иных требований к документации бухучета. Сегодня абсолютное большинство работников бухгалтерий в России используют данные, размещенные на официальных информационных ресурсах всемирной сети, чтобы более эффективно вести бухучет и в считанные минуты получать практически всю необходимую информацию. Бухгалтеру теперь не нужно ждать очередного выпуска журнала, извещениями о нововведениях в бухучете, достаточно воспользоваться Интернетом и сразу увидеть обновления [3].

Вместе с тем, дальнейшая цифровизация экономики и, собственно, сферы бухгалтерского учета неизбежно будут связаны с необходимостью решения ряда вопросов, среди которых необходимо выделить следующие наиболее очевидные направления:

1. Адаптация учетной политики и системы бухгалтерского учета, исходя из новых условий цифровизации и виртуализации экономического пространства.

2. Поскольку, чем выше степень цифровизации экономики, тем в большей степени данные становятся экономическим активом, очевидно, что в обозримом будущем потребуются единая стандартизированная, формализованная система идентификации и учета цифрового актива как объекта бухучета.

Литература:

1. Финансовый учет : учебник / Под ред. проф. В.Г. Гетьмана. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2017. 622 с.

2. Карпова Т.П. Направления развития бухгалтерского учета в цифровой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3(111). С. 52–57.

3. Безрукова Т.Л. Особенности устойчивого развития предпринимательской деятельности в инновационной экономике // Актуальные направления научных исследований XXI века. Теория и практика. 2016. № 3(23). Т. 4. С. 62–64.

3. Введение в бюджетное поле новых активов, таких как уже известные на сегодняшний день токены и криптовалюты, при этом в ближайшем будущем нельзя исключать развития в виртуальной среде новых инструментов, которые также сумеют занять ниши финансовых активов.

4. Возможное развитие института «арендованных активов», поскольку бизнес-модель предприятия в цифровой экономике позволяет заменить продажу физического объекта на продажу его рабочего ресурса. Например, торговая компания платит владельцу электронной торговой площадки только за период ее использования, а производителю антивирусного обеспечения – только за время обслуживания предприятия, т.е., владелец программного обеспечения продает вам не программу, а ее функционал.

5. Все вышеперечисленное естественным образом потребует для системы бухучета наличия специалистов соответствующей квалификации.

Анализ фактов позволяет с уверенностью предположить, что дальнейшая цифровизация сферы бухгалтерского учета в ближайшей перспективе приведет к следующим процессам и явлениям:

– расширению отражения области деятельности организации в учете;

– повышению качества и оперативности учета;

– увеличению числа новых объектов учета;

– формированию инновационных методов оценки новых объектов учёта;

– формированию новых подходов к комплексному интегрированию разных видов учёта;

– совершенствование применяемых цифровых технологий учета.

Вместе с тем, дальнейшие процессы цифровизации экономики и самой системы бухгалтерского учета потребуют разрешения ряда вопросов, обусловленных цифровой трансформацией системы экономических взаимоотношений.

Literature:

1. Financial accounting : textbook / under ed. Prof. V.G. Getman. 6th Ed., Re-Work and additional. M. : INFRA-M, 2017. 622 p.

2. Karpova T.D. Directions of Accounting Development in Digital Economy // News of St. Petersburg State Economic University. 2018. № 3(111). P. 52–57.

3. Besrukova T.L. Features of sustainable development of entrepreneurship in innovation economy // Current directions of scientific research of the XXI century. Theory and Practice. 2016. № 3(23). С. 62–64.

Базербаша Мохамад
аспирант,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
bazerbashi@mail.ru

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АУДИТА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Стратегический аудит является очень важным способом контроля деятельности подразделений и предприятия в целом. В современных условиях, при усилении конкурентной борьбы, руководители предприятий понимают важность высокоэффективного и конкурентоспособного функционирования. Именно поэтому стратегический аудит становится одним из основных инструментов повышения эффективности управления предприятиями различных организационно-правовых форм и их деятельности. В свете вышеизложенного целью данной статьи является рассмотрение роли и места стратегического аудита в повышении эффективности деятельности организаций в современных экономических условиях. В конце статьи по итогам проведенного исследования в сделаны заключительные выводы.

Ключевые слова: аудит, стратегический аудит, стандарты стратегического аудита, внутренний аудит.

Стратегический аудит – это один из способов контроля, проверки и оценки работы, ее правомерности и эффективности деятельности во всех подразделениях предприятия. Цель стратегического аудита – помочь членам предприятия эффективно выполнять свои функции, предоставив руководству предприятия данные анализа и оценки, рекомендации и дополнительную информацию по результатам проверок.

Для понимания роли и назначения стратегического аудита необходимо исследовать управленческие нужды предприятия. Это обусловлено потребностью высшего руководства в информации о результатах повседневной деятельности структурных подразделений предприятия для реализации контрольных функций. Целесообразно делегировать эти обязанности подразделения стратегического аудита. Стратегические аудиторы выполняют специфические проверки, в результате чего своевременно выявляют скрытые недостатки и отклонения, то есть:

– обеспечивают защиту от ошибок и злоупотреблений;

– определяют «зоны риска»;

Bazerbashi Mohamad
Postgraduate student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
bazerbashi@mail.ru

THE ROLE OF STRATEGIC AUDIT IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF ORGANIZATIONS

Annotation. Strategic audit is a very important way to control the activities of departments and the enterprise as a whole. In the modern conditions, with increased competition business leaders understand the importance of highly efficient and competitive functioning. That is why strategic audit is becoming one of the main tools to improve the management efficiency of enterprises of various organizational and legal forms and their activities.

In the light of the above, the purpose of this article is to consider the role and place of strategic audit in improving the effectiveness of organizations in modern economic conditions. At the end of the article about the results of the research, the final conclusions are made.

Keywords: audit, strategic audit, strategic audit standards, internal audit.

– оценивают возможности предупреждения будущих недостатков или отклонений;

помогают идентифицировать слабые стороны и минимизировать их влияние на результаты работы [6].

Поскольку основное содержание работы службы стратегического аудита заключается в сборе, анализе информации и формировании на этой основе выводов и рекомендаций, руководство предприятия должно заботиться о том, чтобы служба стратегического аудита была возможность получать всю необходимую ей информацию. Поэтому следует четко определить отдела в организационной структуре, чтобы обеспечить:

1) эффективное движение информации в двух направлениях: входной информации - в службу стратегического аудита из разных подразделений предприятия как планово-экономических, финансовых, так и производственных структурных подразделений; исходной информации - с отдела стратегического аудита к руководителям соответствующего уровня в целях выполнения рекомендаций внутренних аудиторов;

2) сотрудничество и взаимосвязи с другими службами и отделами предприятия. Для того

чтобы эффективно выполнять свои функции, в процессе сбора информации служба стратегического аудита должна учитывать и изучать существующую на предприятии систему информационных потоков. Это одна из предпосылок, что обеспечивает интегральное взаимодействие службы стратегического аудита с другими подсистемами управления, без чего невозможно конструктивно решать проблемы эффективной организации службы стратегического аудита как подсистемы управления [5].

При создании службы стратегического аудита руководство предприятия, в первую очередь, должно определить форму организации ее. В современных условиях хозяйствования наблюдается процесс концентрации капитала и объединения предприятий в финансово-промышленные группы, корпорации, концерны, формируется корпоративное управление.

Исследование вопросов создания организационных структур сложных систем показывает, что, когда количество предприятий, входящих в состав корпорации, растет, происходят изменения организационной структуры через децентрализацию функций управления корпорации и переход к сегментной организационной структуре.

Существует три основных принципа выделения сегментов в корпорации:

- продуктовый;
- географический;
- по клиентам.

Выбор принципа разделения на сегменты зависит от области деятельности компании, специфики рынков, на которых она работает, личных предпочтений высшего руководства корпорации. После выделения и формирования отдельных дивизионов происходит передача отдельных функций управления к каждому из них, в том числе и функции стратегического аудита. Центр управления деятельностью отдела стратегического аудита дивизионов сконцентрирован в главном офисе компании. Дивизион также имеет свои службы стратегического аудита. Организация ее работы должна формироваться так, чтобы обеспечить оперативный движение информационных потоков от низших звеньев к главному отделу стратегического аудита [4].

Для понимания задач, поставленных перед службой стратегического аудита, уместно ознакомиться с основными функциями стратегического аудита. Такими функциями являются:

- контрольная;
- информационная;
- профилактическая;
- прогнозная.

Также, есть дополнительные функции стратегического аудита, но они устанавливаются руководителем предприятия в зависимости от особенностей и потребностей.

Операционный (исследования хозяйственной системы с точки зрения ее эффективности и производительности), который содержит функциональный:

- контроль функции производства, управления, сбыта;
- технологический: контроль профессионального уровня техники и технологии (системы производства);
- организационный: контроль функционирования процессов или организационной структуры;
- экономичен: контроль соблюдения экономических норм, правил расчетов и отчетности;
- правовой: контроль выполнения международных, государственных, местных законодательных актов и положений, а также внутренних регламентов и предписаний руководителя;
- социальный: контроль выполнения коллективных договоров между администрацией и коллективом предприятия, соблюдения психофизиологических рекомендаций при назначении работников на должность;
- специальный: определяется потребностями администрации, в том числе, выявление причин неэффективности функционирования систем электронной обработки информации, исследование возможности злоупотреблений в конкретном подразделении [2].

Аудит на соответствие требованиям проводится по двум направлениям:

- аудит на соответствие принципам – процедуры контроля соблюдения нормативных требований законодательства, учетных стандартов, внутренних правил предприятия;
- аудит на соответствие целесообразности - процедуры контроля деятельности должностных лиц на предмет рациональности, целесообразности, обоснованности и эффективности.

Достигается экономическая эффективность за счет предупреждения различного рода нарушений, своевременного внесения изменений в налоговые расчеты совместно с применением налоговых льгот, значительных сокращений штрафных налоговых санкций и рациональной учетной политики предприятия.

Работа стратегического аудитора гораздо больше может повлиять на эффективность деятельности предприятия, чем проверка независимого внешнего аудитора. Стратегический аудитор более подробно знает структуру предприятия, специфику функционирования, может более реально оценить «человеческий фактор».

Целесообразным будет сотрудничество стратегического аудитора и планового отдела по направлениям:

– анализа составленной отчетности;

– расчета показателей финансового состояния предприятия на ближайшую перспективу;

– составление прогнозного баланса.

Таблица 1

Комплекс мероприятий системы стратегического аудита по предупреждению злоупотреблений

Мероприятия	Способы	Ответственные
Учет ресурсов	Обеспечение прозрачности процесса движения ресурсов	Бухгалтеры, материально-ответственные лица
Нормирование расходов ресурсов	Утверждение ограничений технологических потерь и списание ресурсов	Инженерно-технические, технологические, ревизионные службы
Распределение ответственности	Сопровождение движения ресурсов официальной передачей ответственности	Менеджер (среднего звена)
Внедрение личных правил приема на работу ответственных работников	Консультации с предыдущим работодателем, специальное тестирование	Менеджер по персоналу
Забота о сотрудниках	Внедрение пакета социальных гарантий для работников	Владельцы компании, топ менеджеры
Карательные меры	Введение в норму увольнений по статье за недоверие, штрафования материальноответственных лиц	Работники всех уровней

В заключение необходимо отметить, что стратегический аудит играет крайне важную роль в современном ведении бизнеса. На сегодняшний день роль стратегического аудита повышается ввиду возрастающей конкуренции на рынке, ускорении изменений во внешней среде, интернационализации бизнеса, а также - развития новых технологий и появления новых отраслей в экономики.

С помощью стратегического аудита оцениваются перспективы развития бизнеса, а также прогнозируются и обосновываются стратегии развития организации. Его проведение позволяет сравнить несколько бизнес-проектов и выявить наиболее выгодную для компании стратегию. А также, стратегический аудит позволяет минимизировать риски и предугадать, прибыль или убыток от текущей хозяйственной деятельности организации в будущем.

Литература:

1. *Чувикова В.В.* Бухгалтерский учет и анализ : учебник для бакалавров / В.В. Чувикова, Т.Б. Иззука. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. 248 с.
2. *Голов С.Ф.* Управленческий учет : учебн. М. : Либра, 2003. 704 с.
3. *Керимов В.Э.* Об использовании аналитических процедур в процессе аудиторской проверки // Бухгалтерский учет. 2015. № 14. С. 29–34.
4. *Kit V.* Стратегический управленческий учёт / В. Кит; Пер. с англ. М. : Олимп-Бизнес, 2002. 448 с.
5. *Лытнева Н.А.* Учет, анализ и аудит внешне-экономической деятельности коммерческих

Предприятию для эффективной его деятельности необходимы стратегические аудиторы, имеющие специфические средства труда: такие как аудиторские стандарты, рекомендации и нормы. Стандартами определяется общий подход проведения аудита, совместно с масштабами аудиторской проверки, видами отчетов аудиторов, вопросами методологии, и базовыми принципами, которым следовать должны все представители данной профессии вне зависимости от тех условий, в которых проводят аудит.

Для эффективного осуществления стратегического аудита на предприятии целесообразной будет разработка уникальных стандартов. При помощи стандартов стратегического аудита осуществляется регулирование деятельности предприятия (права, ответственность, обязанности) и взаимоотношений со специалистами и службами при проведении проверок аудиторских на конкретном участке учета или подразделения.

Literature:

1. *Accounting book and analysis : Student for bachelor / V.V. Chuvikova, T.B. Izuka. M. : Publishing and trading corporation «Dashkov and C°», 2015. 248 p.*
2. *Golov S.F.* Management accounting : textbook. M.: Libra, 2003. 704 p.
3. *Kerimov V.E.* On the use of analytical procedures in the audit process of auditing // Accounting accounting. 2015. № 14. P. 29–34
4. *Kit V.* Strategic management accounting / V. Kit; Trans. from the English. M. : Olimp-Business, 2002. 448 p.
5. *Lytneva N.A.* Accounting, analysis and audit of internal economic activity of commercial organizations /

организаций / Н.А. Лытнева, Е.А. Боброва, Т.В. Федорова. М. : Форум, 2016. 320 с.

6. *Осадчук Л.А.* Учет, анализ и аудит внешнеэкономической деятельности : учеб. пособие. М. : Каравелла, 2015. 400 с.

N.A. Lytneva, E.A. Bobrova, T.V. Fedorova. M. : Forum, 2016. 320 p.

6. *Osadchuk L.A.* Accounting, analysis and audit of foreign economic activity : textbook. M. : Caravel, 2015. 400 s

Баландина Таисия Михайловна

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
гуманитарных и социальных наук,
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт
войск Национальной гвардии
Российской Федерации
balandinatm@gmail.com

Девлетов Руслан Николаевич

адъюнкт,
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск
Национальной гвардии
Российской Федерации
kafedra_soc.nauk@bk.ru

**ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ
ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

Аннотация. В настоящее время социальная защита субъектов труда представляет собой механизм поддержания устойчивости уровня жизни различных социальных групп населения, поэтому необходимо расширение параметров ее социальной оценки.

Для решения данной задачи в статье анализируются две концептуальные группы теоретических подходов к оценке социальной защиты: узкая (оценка социальной защиты по единому параметру – стабилизация и рост уровня жизни субъекта профессиональной деятельности); широкая (оценка социальной защиты по широкому перечню параметров защиты субъекта профессиональной деятельности). По результатам анализа представляется интегрированный комплекс параметров оценки социальной защиты военнослужащих, включающий две взаимосвязанные и взаимозависимые системы: 1) уровень жизни (тенденции стабилизации и роста дохода, образования, жилищного и здравоохранительного обеспечения акторов); 2) технологии социальной защиты (разработка и реализация минимальных социальных стандартов по предоставлению возможностей потребления, услуг оказываемых страховой, социокультурной системами общества, процесс разработки и реализации технологии социальной защиты, его эффективность, социальный контроль).

Ключевые слова: оценка социальной защиты, субъекты труда, уровень жизни, минимальные социальные стандарты, доход, образование, военнослужащие.

Taisiya M. Balandina

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department
of Humanities and Social Sciences,
Saratov military order of Zhukov red banner
Institute of the National guard
of the Russian Federation
balandinatm@gmail.com

Ruslan N. Devletov

Adjunct,
Saratov Military order of Zhukov Red Banner
Institute of the National guard
of the Russian Federation
kafedra_soc.nauk@bk.ru

**PARAMETERS FOR EVALUATING
THE SOCIAL PROTECTION
OF MILITARY PERSONNEL**

Annotation. Currently, social protection of labor subjects is a mechanism for maintaining the stability of the standard of living of various social groups of the population. Therefore, it is necessary to expand the parameters of its social assessment.

To solve this problem, the article analyzes two conceptual groups of theoretical approaches to the assessment of social protection: narrow (assessment of social protection by a single parameter-stabilization and growth of the standard of living of the subject of professional activity); broad (assessment of social protection by a wide list of parameters of protection of the subject of professional activity). Based on the results of the analysis, an integrated set of parameters for assessing the social protection of military personnel is presented, including two interrelated and interdependent systems: 1) standard of living (trends in stabilization and growth of income, education, housing and health care for actors); 2) social protection technologies (development and implementation of minimum social standards for providing consumer opportunities, services provided by the insurance and socio-cultural systems of the society, the process of developing and implementing social protection technology, its effectiveness, and social control).

Keywords: social protection assessment, labor subjects, standard of living, minimum social standards, income, education, military personnel.

Актуальность оценки системы социальной защиты военнослужащих определяется современным этапом развития военной организации, необходимостью обновления взаимодействия военных и гражданских структур российского социума. В настоящее время общество нуждается в качественно новом подходе к оценке реализации законодательно установленных социальных гарантий военнослужащим и членам их семей.

Таким образом, обращение к данной проблематике обусловлено необходимостью теоретического анализа существующих концепций социальной защиты, обобщения накопленного в науке практического опыта, а также – необходимостью представления расширенного комплекса параметров оценки социальной защиты военнослужащих как специфической трудовой группы общества.

Для решения поставленной задачи необходимо проанализировать общие концепции социальной защиты отдельных профессиональных групп населения, обобщить теоретические подходы к раскрытию параметров оценки данной системы социальной защиты. Важно не только рассмотреть традиционно используемые параметры данной социальной защиты в целом, но и обосновать основные направления данной оценки на примере военнослужащих, рассмотреть уровень жизни акторов труда как наиболее универсальный показатель социальной защиты. Традиционно в научной литературе оценка социальной защиты отдельных профессиональных групп осуществляется в рамках двух подходов:

- 1) узкого (единого, специализированного);
- 2) широкого (системного, интегрированного).

Проанализируем идеи этих концептуальных подходов подробно.

Узкий (единый) подход к оценке социальной защиты профессиональной группы предусматривает ограничение оценочного анализа по одному наиболее важному параметру внешнего проявления реализации механизма социальной защиты. В рамках узкого подхода исследователи рассматривают единый социально-экономический принцип оценки социальной защиты. При этом они интегрируют идеи теории человеческого капитала и парадигмы социальной политики. В рамках процессов формирования человеческого капитала представляется доктрина, согласно которой социальная политика, прежде всего, ориентирована на достижение и стабилизацию определенного уровня жизни населения. Именно в результате разработки и поддержания социальных стандартов уровня жизни, через защиту прав трудовых акторов и достигается социально значимый результат механизма социальной защиты. П. Бурдье в этой связи отмечает, что успех социальной защиты человека продиктован тем результатом, в каком он получил необходимый ему уровень жизни и является носителем господствующей социальной культуры общества, представляется известным, узнаваемым, имеет «собственное имя», «собственное реноме». В конечном итоге

поддержание социально значимого уровня жизни субъекта определяет возможность владения им необходимым «набором специфических качеств, которые являются условием достойной жизни, приобретения и сохранения «хорошей репутации» [1, с. 52]. Профессиональные социальные группы общества в результате реализации механизмов социальной защиты формируют определенный стиль потребления, дистанцирования в социально-экономическом пространстве в отношении к другим или другому социальному слою «...я тот, кто живет на Елисейских полях, а не на окраине, я тот, кто слушает классическую музыку, а не рок, я хожу в костюме, а не в джинсах» [1, с. 52].

Несложно заметить, что реализация социальной защиты позволяет обеспечивать человеку определенный социально необходимый уровень жизни, а значит и соответствующее качество потребления. Последнее и обеспечивает социально-экономические условия для формирования символического капитала: набора символов, проявляющихся в социальном и экономическом пространстве, стилей жизни членов определенной профессиональной группы. По сути, социальная защита определяет уровень социально-экономических возможностей той или иной личности, входящей в состав профессиональной группы. В результате формируется или не формируется личный социально-экономический капитал, ему принадлежащий. Способности и потребности субъекта профессиональной группы здесь являются конечным экономическим результатом реализации механизма социальной защиты, непрерывного накопления возможностей саморазвития, продолжающегося длительное время. Можно утверждать, что в результате реализации механизма социальной защиты формируется «героический» или «профетический» процесс сохранения и роста уровня жизни как фактора саморазвития личного капитала субъектов профессиональной группы. П. Бурдье в этой связи отмечает, что уровень жизни определяет удовлетворение нужд и формирование харизмы личности. Одновременно он представляет собой условный результат социальной защиты, инаугурации, осуществленной в пустоте, а также молчании «институций и аппаратов: профетическая акция дарования значимости» [1, с. 211–212]. Современные исследователи развивают теоретические подходы классиков социологии. Так, С.С. Соловьев в результате анализа процесса социально-экономической оценки системы социальной защиты военнослужащих обосновывает идею о том, что оценка системы социальной защиты должна осуществляться в рамках исследования общего результата целевой социальной политики, направленной на формирование определенного уровня жизни трудовых акторов. Здесь же доказывается, что социальная защита военнослужащего в целом представляет собой процесс эффективной или не эффективной реализации определенных наборов экономических и социальных мер и гарантий жизнедеятельности военному актору, а также – членам его семьи [2].

Аналогичный подход представляет Н. Ерохина. Она связывает социально-экономическую оценку

системы социальной защиты с непосредственной оценкой уровня жизни социальных объектов труда. При этом модель социально-экономической оценки, данным автором рассматривается только на микроуровне [3]. На наш взгляд, данный подход представляется ущемленным и должен дополняться макроуровневой оценкой эффективности социальной защиты военнослужащего. В научных источниках находим и системный подход к социально-экономической оценке системы социальной защиты профессиональных групп. Так, Ю.Г. Быченко отмечает, что социальная защита – это комплексная система и должна оцениваться комплексно на макро- и микроуровнях. Важнейший внешний показатель эффективности социальной защиты проявляется в достигнутом уровне жизни членов семьи субъекта в целом [4]. Социальная защита нормализует, а в определенных условиях, усиливает возможности потребления членов семьи различных субъектов труда. В данном контексте можно говорить о том, что уровень жизни является наиболее абстрактным показателем эффективности системы социальной защиты субъектов профессионального труда. Именно механизмы социальной защиты создают нормальные условия жизнедеятельности субъектов. Последнее необходимо рассматривать как предпосылку динамичного саморазвития человеческого капитала акторов профессионального взаимодействия. Стабильность обеспечения уровня жизни – это, прежде всего, социально-экономический фактор обеспечения не только нормального питания, но и удовлетворения потребностей в жилье, одежде, информационных и культурных услугах. Стабильный уровень жизни позволяет индивиду эффективно вкладывать время и средства в собственное саморазвитие. Последнее приводит к формированию у него профессионально необходимых свойств, развитию общих трудовых способностей и потребностей [5].

Таким образом, в рамках узкого подхода оценка социальной защиты профессиональной группы осуществляется на основе анализа совокупной результативности защиты индивидуума: стабилизации и роста его уровня жизни. Оценочный анализ ограничивается одним, хотя и наиболее важным параметром. Конкретизируется достижение защищенности по внутренним характеристикам уровня жизни: доходу, образованию, медицинскому и социокультурному обслуживанию. По сути, уровень жизни в рамках рассмотренных концепций представляет собой внешний наиболее важный показатель эффективности всей социальной политики, в том числе, и ее компонентов, обеспечивающих социальную защиту субъектов труда. Социальная политика государства заключается не только в достижении общего развития общества, но и в установлении общественно значимого и необходимого уровня жизни акторов, обеспечении достойного социально-экономического, а также – социального статуса членов любого трудового коллектива общества. При этом данный подход не лишен недостатков. При отождествлении эффективности социальной защиты с уровнем жизни субъектов из объекта анализа исключается наличие самого процесса социальной защиты: формирование и реализация технологий, методов защиты, модернизация социальных

гарантий, разработка и внедрение социальных программ, мероприятий, направленных на обеспечение достойного уровня жизни людей. Вместе с тем сам рост уровня жизни, качество жизнедеятельности, социального потребления в целом может достигаться и в результате других факторов, не связанных с системой социальной защиты граждан.

Рассмотрим теоретические подходы, представленные в рамках широкого (системного, интегрированного) теоретического подхода. Т.М. Баландина, С.В. Хвостанцев акцентируют внимание на необходимости применения широкой системы параметров оценки социальной защиты [6]. В данном контексте социальная защита представляется как системный объект управленческой государственной политики и социального контроля общества [7]. В современных условиях военная организация конструирует повышение социальной защищенности своих членов в результате оптимизации комплекса социального управления, а также – трансформации перечня социальных гарантий военнослужащих [8].

В рамках социальной концепции представляются разработки, направленные на выявление широкого перечня параметров оценки конкретных профессиональных групп (в том числе и военнослужащих как специфической профессиональной группы). Так, А. Милов разрабатывает специфические принципы оценки социальной защиты и государственной поддержки различных групп военнослужащих [9]. Он констатирует, что социальная защита военнослужащих определяется базовыми статьями Конституции России. При этом обеспечение конституционных прав военнослужащих и определяет перечень основных направлений реализации, а значит и оценки социальной защиты:

- 1) социально-экономических – обеспечение достойных условий жизни военнослужащего и членов его семьи;
- 2) социально-культурных – обеспечение достойного уровня удовлетворения социальных и культурных потребностей, как самого военнослужащего, так и членов его семьи [10].

Предлагаются основные параметры оценки социальной защиты военнослужащих: наличие эффективных технологий защиты, охрана жизни, сохранение здоровья, материальное обеспечение военнослужащего и членов его семьи. Акцентируется внимание на том, что основные параметры оценки социальной защиты всецело связаны с достижением достойного уровня жизни человека. Последний определяет дополнительные параметры, связанные с технологиями страхования жизни, охраной здоровья, «в том числе обязательное государственное страхование; пенсионное обеспечение; материальное обеспечение; обеспечение жильем» [11, с. 213]. А. Кудаев конкретизирует данный подход. Он доказывает, что в современных условиях необходимо применять «интегрированную оценку реализации социальных гарантий военнослужащих» [12]. Важно оценивать реализацию всех социальных гарантий, обеспечивающих достижение необходимого

уровня жизни семьи военнослужащего, уточнять уровень эффективности технологий и методик обеспечения или не обеспечения прав, основных льгот военнослужащему.

Таким образом, в контексте широкого, специализированного теоретического подхода представляются принципы широкого перечня параметров оценки социальной защиты военнослужащих. В рамках данных концепций система оценки социальной защиты военнослужащих имеет основную и вспомогательную подсистемы. В оценку включены параметры базовых характеристик, прежде всего определяющих наличие эффективных технологий защиты, которые обеспечивают стабилизацию дохода личности. При этом дополнительный комплекс оценки социальной защиты военнослужащих конкретизирует базовые параметры по подсистемам: жилья, труда, страхования, компенсации по увольнению, получения социальных и экономических льгот, услуг культурного, социально-бытового, туристического комплексов.

Подводя общие итоги, необходимо сделать вывод о том, что существующие концепции оценки социальной защиты профессиональных групп с разных позиций представляют параметры данной оценки. Если в рамках узкого подхода ученые связывают данную оценку с анализом только конечных результатов социальной защиты: достижение необходимого уровня жизни представителями профессиональных групп, то в рамках широкого подхода представляется целая система показателей (предлагается анализировать весь перечень непосредственных параметров социальной защиты акторов): эффективность технологий защиты, стандарты по доходу (поддержание социально значимых характеристик получаемого дохода субъектов профессиональной деятельности), стандарты по образованию (обеспечение основного и дополнительного образования субъектов профессиональной деятельности), стандарты по жилью (обеспечение жильем семьи военнослужащего), стандарты по здравоохранению (по оказанию услуг системой здравоохранения).

Литература:

1. Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Соловьев С.С. Методика измерения социальной напряженности в вооруженных силах // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 68–73.
3. Ерохина Н.А. Социальная оценка персонала в условиях совершенствования системы управления организацией // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 12. С. 122–127.
4. Быченко Ю.Г. Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников / Ю.Г. Быченко, В.В. Ершов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 247–253.

На наш взгляд, необходимо согласиться с попыткой обоснования уровня жизни как основного показателя эффективности функционирования системы социальной защиты. Одновременно отметим, что данный показатель является обобщенным. Анализ динамики изменения уровня жизни акторов не позволяет в полной мере выявить результативность действующей системы социальной защиты. Важно оценить также и действующую систему принципов, технологий, методов, юридически установленных органами государственной власти социальных гарантий, программ, мероприятий, направленных на обеспечение достойного уровня жизни людей, максимально возможного качества жизнедеятельности, удовлетворения социальных и экономических потребностей, а значит и саморазвития способностей граждан.

Таким образом, уровень жизни необходимо представить как базовый показатель в системе оценки социальной защиты. При этом важно дополнить показатель социальной защиты по достижению «уровня жизни», с одной стороны, оценкой эффективности технологий социальной защиты, с другой – показателями, характеризующими процесс социальной защиты по основным параметрам образования, жилья, здравоохранения. Дополнительные показатели необходимо определять в рамках оценки реализации непосредственного процесса социальной защиты. Здесь наиболее важные показатели должны характеризовать процесс разработки и реализации минимальных социальных стандартов по предоставлению возможностей потребления, услуг, оказываемых страховой, социокультурной системами общества. В процессе оценки системы социальной защиты важно выявить зависимость роста защищенности военнослужащего от выслуги лет, влияние на механизм социальной защиты особенностей служебно-трудовой деятельности акторов и географического положения места проживания семьи военнослужащего.

Literature:

1. Bourdieu P. Sociology of politics. M. : Socio-Logos, 1993. 336 p.
2. Solovyov S.S. Method of measuring social tension in the armed forces // Sociological research. 1993. № 12. P. 68–73.
3. Yerokhina N.A. Social assessment of personnel in the conditions of improving the management system of the organization // Bulletin of the Volga Academy of public service. 2007. № 12. P. 122–127.
4. Bychenko Yu.G. Project development of cultural human capital of military contractors / Yu.G. Bychenko, V.V. Yershov // Izvestiya Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2017. Vol. 17. № 3. P. 247–253.

5. *Быченко Ю.Г.* Совершенствование мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих национальной гвардии Российской Федерации / Ю.Г. Быченко, А.А. Савенко // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 3. С. 27–34.
6. *Баландина Т.М.* Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России / Т.М. Баландина, С.В. Хвостанцев // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3(67). С. 167–171.
7. *Баландина Т.М.* Внешний социальный контроль хозяйственной организации / Т.М. Баландина, А.В. Кузьмин // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 1(46). С. 85–90.
8. *Суркова И.Ю.* Гражданская и военная социальная работа в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 11. С. 106–117.
9. *Милов А.Н.* Реализация социальных гарантий военнослужащих по контракту и членов их семей (по материалам социологического исследования «Гарантия – 2008») // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 346–353.
10. *Суркова И.Ю.* Удовлетворенность воинской службой в российской армии: факторы и перспективы // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 96–103.
11. *Серебрякова Н.А.* Система социальной защиты военнослужащих // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. № 1(30). Т. 1. С. 212–223.
12. *Кудаев А.В.* Интегрированная оценка реализации социальных гарантий // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4(49). С. 89–96.
5. *Bychenko Yu.G.* Improvement of motivation of service and labor activity of servicemen of the national guard of the Russian Federation / Yu.G. Bychenko, A.A. Savenko // Central Russian Bulletin of social Sciences. 2018. Vol. 13. № 3. P. 27–34.
6. *Balandina T.M.* Professional adaptation of officers of the national guard of Russia / T.M. Balandina, S.V. Khvostantsev // Bulletin of the Saratov state socio-economic University. 2017. № 3(67). P. 167–171.
7. *Balandina T.M.* External social control of an economic organization / T.M. Balandina, A.V. Kuzmin // Bulletin of the Saratov state social and economic University. 2015. № 1(46). P. 85–90.
8. *Surkova I.Yu.* Civil and military social work in the USA // USA and Canada: economy, politics, culture. 2012. № 11. P. 106–117.
9. *Milov A.N.* Implementation of social guarantees for military personnel under the contract and members of their families (based on the materials of the sociological study «Guarantee-2008») // Social and humanitarian knowledge. 2010. № 2. P. 346–353.
10. *Surkova I.Yu.* Satisfaction with military service in the Russian army: factors and prospects // Sociological research. 2012. № 3. P. 96–103.
11. *Serebryakova N.A.* System of social protection of military personnel // Bulletin of the Saratov state technical University. 2008. № 1(30). Vol. 1. P. 212–223.
12. *Kudaev A.V.* Integrated assessment of the implementation of social guarantees // Bulletin of the Volga Institute of management. 2015. № 4(49). P. 89–96.

Беляева Юлия Вячеславовна
бакалавр кафедры менеджмента
и экономической безопасности,
Пензенский государственный университет
mail.beliaeava@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Настоящая статья рассматривает изменения в потребительском поведении среднестатистического российского покупателя, обусловленные происходящей цифровизацией всех сфер социальной жизни и развитием информационных технологий.

Доступность цифровой инфраструктуры и наличие широкого доступа к внутрироссийским и иностранным электронным сервисам обуславливают возможность не только получать подробную информацию о желаемом к приобретению товаре и максимально расширять круг потенциальных поставщиков, но и облегчает процедуры возврата товара, что естественным образом накладывает определенный отпечаток на мотивации совершения той или иной покупки.

Ключевые слова: цифровизация, потребительское поведение, трансформация, модель Блэкуэлла – Миниарда, Нейромаркетинг, импульсивные покупки.

Очевидно, что такие масштабные явления, как повсеместная цифровизация всех сфер жизни, наряду с бурным развитием сервисов интернет-торговли и служб доставки, позволяющих приобретать любые категории товаров, от одноразовой посуды до предметов роскоши и элитного потребления, не могли не отразиться на потребительском поведении массового российского покупателя.

В целом, поведение потребителя зависит от ряда маркетинговых стимулов, таких как товар, цена, место сбыта товара, продвижение товара, и характеристик самого покупателя – культурных, социальных, личностных и психологических факторов [1].

Универсальной моделью, описывающей потребительское поведение, можно считать модель, предложенную в 1968 году Д.Ф. Энджелом, Р.Д. Блэкуэллом и П.У. Миниардом, основанную на системном подходе к основному перечню факторов, определяющих поведение потребителя и

Iuliia V. Beliaeava
Bachelor of Department of Management
and Economic Security,
Penza State University
mail.beliaeava@gmail.com

TRANSFORMATION OF CONSUMER BEHAVIOR IN RUSSIA UNDER INFLUENCE OF DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND DIGITALIZATION OF SOCIETY

Annotation. This article considers changes in consumer behavior of the average Russian buyer caused by the ongoing digitalization of all spheres of social life and the development of information technologies.

The availability of digital infrastructure and the availability of wide access to domestic and foreign electronic services make it possible not only to obtain detailed information about the goods desired for purchase and to maximize the range of potential suppliers, but also to facilitate return procedures, which naturally impinges on the motivation for making a purchase.

Keywords: digitalization, consumer behavior, transformation, Blackwell model – Miniard, Neuromarketing, impulse shopping.

дающую адекватное представление об изменчивой природе принятия решений [2]. Данная модель регулярно пересматривалась и совершенствовалась, дополнялась новыми сведениями о поведении потребителей, однако, ее суть по-прежнему базируется на подходе к изучению принятия решений покупателем, как к процессу схождения путей, преодолевающих череду стандартных стадий анализа информации, который предшествует принятию решения в пользу того или иного варианта потребительского выбора. При этом основной процесс принятия решения, по сути, всегда представляет собой последовательность шести взаимосвязанных этапов:

- возникновение (осознание) потребности;
- поиск информации о возможностях удовлетворения; предпокупочная оценка вариантов;
- выбор/приобретение; потребление товара и оценка удовлетворенности;

– распоряжение после потребления (освобождение) [3].

Однако развитие информационных технологий и, вызванная данным явлением цифровизация торговли, в значительной степени повлияли на этапы модели принятия потребительских решений Энджела-Блэкуэлла-Миниарда:

Трансформация первого этапа «возникновение (осознание) проблемы»: возрастающую роль на осознание покупателем потребности о покупке играет нейромаркетинг. Науке удалось приоткрыть, так называемый, «черный ящик» – то, что происходит в сознании потребителя перед решением о покупке. А в купе с искусственным интеллектом, потребитель получает сегодня наиболее персонализированные, нативные рекламные сообщения и именно в тот момент, когда потенциальный покупатель будет готов совершить конверсию. Результатом данных изменений послужило возросшее количество импульсивных покупок, а также – потребление, так называемых, массовых товаров (престижные товары массового потребления).

Трансформация второго и третьего этапов «внутренний и внешний поиск и оценка альтернативных вариантов»: согласно вышеупомянутой концепции, чем больший объем информации находится в распоряжении покупателя, тем больше должна быть вероятность того, что решение о покупке будет взвешенным и хорошо продуманным. Однако в современном мире покупатель далеко не всегда углубляется в сравнительные характеристики товаров. Возрастающую роль на второй и третий этапы в модели Энджела-Блэкуэлла-Миниарда стали играть социальные сети, лидеры мнений, мода (модизация затронула даже исторически менее подверженные моде индустрии, такие как: рынок недвижимости, автомобилестроение или гаджеты). Сегодня покупатель сместил фокус с качества и безопасности продуктов как с единственно главенствующих критериев и стал воспринимать данные характеристики как разумеющиеся; эта тенденция выражается в растущих ожиданиях потребителей, когда вне зависимости от ценового сегмента товара, клиент ожидает высокого и неоспоримого качества. Однако в расцвет эры потребления на первое место выходят такие тренды, как символическое потребление и оценка людей на основе потребления. В свете данных аспектов, возрастающее влияние получают социальные сети и лидеры мнений (как среди ближнего круга потребителей, так и медиа – авторитетов). Таким образом, бренд товара и его коммуникационная стратегия сегодня имеют преобладающее значение над остальными факторами, влияющими на решение о покупке.

Трансформация четвертого этапа «покупка»: технологии кардинальным образом изменили сам процесс приобретения товара. Благодаря развитию технологий, мы видим новый тренд в совершении покупок – showrooming (шоуруминг) – процесс, когда покупатель осматривает товар в офлайн-магазине, а совершает покупку в интернет-магазине. Это существенным образом влияет

на образ коммуникации между ритейлером и продавцом, где последний должен иметь не только офлайн, но и онлайн представительство, с удобными способами оплаты и доставкой. Также, в связи с ускорением темпа жизни современного человека, важно, чтобы процесс покупки был максимально упрощен для потребителя. В современном мире конкурентным преимуществом поставщика становится знание о клиенте, как следствие, компаниям необходимы актуальные базы данных о клиентах, история их покупок и предпочтений, знание о предпочтительном времени совершения покупки.

Этап потребления товара и оценки удовлетворенности также видоизменился под воздействием технологий. Сегодня потребитель активно делится своим опытом потребления; несколько потребителей с похожими мнениями объединяются в сообщества, власть которых на бренд и информационное поле вокруг него колоссальная. Мнение одного недовольного потребителя, высказанное в социальных сетях, может подхватить волна других недовольных потребителей, в результате чего компания может понести огромные финансовые убытки. Однако в случае позитивного покупательского опыта, компания увеличит LTV клиента и сможет построить вокруг себя сообщество «фанатов» бренда.

Таким образом, очевидно, что модель, предложенная Д.Ф. Энджелом, Р.Д. Блэкуэллом и П.У. Миниардом, остается актуальна по сей день, однако, претерпевает значительные изменения:

1. Повысился уровень и спектр потребительского спроса, т.к. российские потребители желают сегодня удовлетворения запросов, возникающих в результате получения все более широкого диапазона информации, а поскольку покупательная способность и физическая способность потребления имеют вполне конкретные ограничения, данные обстоятельства влекут перераспределение спроса и предложения в направлении увеличения разнообразия при тенденции минимизации объема по видам товаров. Например, если 15 лет назад тропические фрукты на российском рынке были представлены в основном апельсинами, бананами, ананасами и плодами актинидии китайской (киви), удовлетворявшими практически весь имевшийся платежеспособный спрос на данную продукцию, то сегодня российские покупатели формируют спрос на значительно более широкую номенклатуру тропических фруктов, названия которых могут быть даже не известны большей массе потребителей, но при этом запрос на отдельные виды таких фруктов хоть и стабилен, но незначителен, вследствие чего удовлетворяется не магазинами розничной торговли, а специализированными интернет-ресурсами.
2. Вследствие повышения доступности информации о желаемых товарах или услугах, можно констатировать повышение разборчивости покупателей.
3. Несмотря на повышение разборчивости, увеличилась и внушаемость потребителей маркетинговыми сообщениями, вследствие появления

технологий нейромаркетинга, а также более глубокого знания о потребителе, позволяющего

Литература:

1. *Котлер Ф.* Маркетинг-менеджмент. СПб. : Питер, 2006. 155 с.
2. *Брейкер М.* Маркетинг. Спб. : Питер, 2002. 1200 с.
3. *Блэкуэлл Р.Д.* Поведение потребителей / Р.Д. Блэкуэлл, П.У. Миниард, Д.Ф. Энджел. СПб. : Питер, 2007. 112 с.

выстраивать персонализированную коммуникацию.

Literature:

1. *Kotler Philip.* Marketing Management. Spb. : Petersburg, 2006. 155 p.
2. *Breaker M.* Marketing. Spb. : Petersburg, 2002. 1200 p.
3. *Roger D. Blackwell.* Consumer Behaviour / Roger D. Blackwell, Paul W. Miniard, James F. Engel. Spb. : Petersburg, 2007. 112 p

Герсонская Ирина Валерьевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики и финансов,
Липецкий филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
g3071971@ya.ru

Irina V. Gersonskaya
Candidate of Economics,
Associate Professor,
Associate Professor of Departments
of Economics and Finance,
Lipetskiy branch of the Russian Academy
of National Economy and State
Services under the President
of the Russian Federation
g3071971@ya.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

THE EFFECTIVENESS OF THE FUNCTIONING OF THE PUBLIC SECTOR OF THE ECONOMY

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективности функционирования государственного сектора экономики. Обобщены научные подходы к экономической категории «эффективность государственного сектора». Исследуются существенные виды эффективности деятельности государственного сектора – экономическая, социальная и социально-экономическая. Приводятся основные показатели для оценки эффективности в социально-экономической системе государственного сектора экономики.

Annotation. The article deals with the efficiency of the public sector of the economy. Scientific approaches to the economic category «public sector efficiency» are summarized. Essential types of public sector efficiency – economic, social, and socio-economic-are studied. The main indicators for evaluating efficiency in the socio-economic system of the public sector of the economy are given.

Ключевые слова: социально-экономическая система, национальная экономика, государственный сектор, общественные блага, эффективность, ресурсы государства, виды эффективности госсектора, социальный эффект.

Keywords: socio-economic system, national economy, public sector, public goods, efficiency, state resources, types of public sector efficiency, social effect.

В современных условиях развития национальная экономика практически всех без исключения стран мира представляет собой преимущественно смешанную, то есть, гибридную социально-экономическую систему, основными компонентами которой являются государственный и предпринимательский секторы, а также – домашние хозяйства. Такой системе присущ симбиоз и, прежде всего, тесные взаимосвязи, взаимовыгодные социально-экономические отношения между всеми элементами системы в процессе ее функционирования.

посредством структур, входящих в состав государственного сектора экономики происходит справедливое распределение и перераспределение национального дохода, а также осуществляется государственное регулирование системы национальной экономики. Госсектор осуществляет регулирование процессов, происходящих в социально-экономической системе национальной экономики.

Государственный сектор национальной экономики функционирует на базе государственной собственности, управляется со стороны государственных институтов, полностью контролируется органами государственной власти или местного самоуправления. В современных условиях развития государство «...заинтересовано как в эффективности общих результатов, так и в обеспечении коммерческих результатов...» [4] своего предпринимательства, которое осуществляют различные государственные корпорации. Но, при этом,

Также, государственный сектор национальной экономики осуществляет производство общественных благ и услуг, необходимых населению, которые, по различным причинам, не хочет брать на себя предпринимательский сектор, и прежде всего, в силу их убыточности или очень низкой рентабельности. К общественным благам и услугам, оказываемым государственным сектором для населения, относят образование, медицинское обслуживание, разные формы социальных услуг, всестороннее развитие человеческого капитала, обеспечение экологической и других видов общественной безопасности, формирование развитой общественной инфраструктуры, ком-

фортной среды проживания людей и т.д. В процессе своего функционирования, государственный сектор распоряжается и использует для повышения уровня общественного благосостояния все финансово-экономические ресурсы, которые имеет в собственности государство, и прежде всего, это такие ресурсы как государственный бюджет и внебюджетные фонды, государственные земли, стратегические государственные корпорации и предприятия, бюджетные учреждения и организации социальной сферы. Поскольку в такой сектор направляются довольно значительные государственные ресурсы, то повышение эффективности функционирования государственного сектора национальной экономики является весьма актуальным вопросом в экономической теории.

В современной экономической теории существуют несколько научных подходов к эффективности государственного сектора экономики.

Наиболее распространенным является целевой подход (Т.Д. Ромащенко, Ю.И. Трещевский, Е.В. Балацкий и др.), в соответствии с которым «...эффективность определяется как степень соответствия достигаемых результатов установленным целям...деятельности...» [6]. Целевая эффективность госсектора определяется не только точностью выбора и постановки целей, но также качеством и степенью достижения его структурами установленных задач.

Сторонники затратного подхода (Е.И. Данилина, Д.В. Горелов, Я.И. Маликова, Е.В. Балацкий и др.) утверждают, что оценить эффективность деятельности госсектора возможно на основе соотношения затрат и результатов, то есть «...отношение суммарного полезного эффекта или результата к совокупным затратам» [2]. Они понимают под эффективностью установленное соотношение между объемами произведенной продукции и величиной израсходованных ресурсов. При этом «госсектор полностью подпадает под эти показатели и может подвергаться соответствующей количественной оценке различных аспектов своей деятельности» [1].

Приверженцы управленческого подхода (В.В. Лукьянова, О.В. Рудакова, Е.М. Самородова, Л.М. Марченкова, Л.М. Кузнецова и др.) считают основной эффективностью государственного управления, так как «...если управленческая система обеспечивает реализацию целей при оптимальном использовании ресурсов, то она считается эффективной» [3]. В госсекторе «акценты при оценке эффективности управления необходимо делать на административные процедуры, на результативность деятельности руководителей...» [7].

Сторонники воспроизводственного подхода (А.В. Ревкуц, С.К. Демченко, Е.П. Васильев) считают целесообразным комплексное исследование влияния деятельности государственного сектора на социально-экономическую систему, что «...учитывает все стадии процесса воспроизводства...и позволяет дать системную макроэкономическую оценку...эффективности...» [5].

Эффективность государственного сектора экономики целесообразно рассматривать с учетом произведенных общественных благ, распределения национального дохода, перераспределения экономических ресурсов через государственный бюджет, рациональность использования государственной собственности, доходность государственных предприятий, результативность государственных расходов и степень удовлетворения социальных потребностей общества. Поэтому, по нашему мнению, можно выделить экономическую эффективность, социальную эффективность, а также социально-экономическую эффективность функционирования государственного сектора экономики.

Экономическая эффективность, определяемая как соотношение затрат и результатов, характеризует результативность государственных предприятий, учреждений и организаций, осуществляющих свою деятельность в различных сферах национальной экономики. Такие компании «... не отличаются от предприятий негосударственных, поскольку их деятельность должна быть организована по принципу максимальной эффективности – обеспечение максимального результата при минимальных затратах ресурсов [7]. Анализ функционирования государственных компаний должен дополняться расчетом показателей оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности. К ним можно отнести: качество и конкурентоспособность продукции, чистая прибыль и рентабельность, окупаемость капитальных вложений, скорость оборота средств и др. Также, эффективность характеризуется стоимостью государственного имущества, масштабами деятельности государственных компаний, объемами государственного заказа, выпущенной продукции и его доли в ВВП, численностью работающих и производительностью труда.

Социальная эффективность характеризует определенный общественный эффект и уровень достижения поставленных государством целей социального характера. В целом социальная эффективность «...состоит...в установлении четких, работоспособных механизмов общественной координации» [3]. Для оценки социальной эффективности изучаются показатели, характеризующие степень достижения поставленных целей общественного развития. Социальный эффект можно определить как конкретный результат в отношении отдельного индивида, группы людей или всего населения страны, получивших выгоду. В процессе анализа целесообразно установить количественные и качественные результаты функционирования госсектора. К количественным результатам можно отнести объем произведенных общественных благ и предоставленных государственных услуг. К качественным результатам относят социально-экономический эффект от производимых общественных благ и оказанных государственных услуг: повышение качества жизни, улучшение медицинского обслуживания и экологической обстановки, развитие человеческого капитала, снижение инфляции и безработицы, рост общественного благосостояния и т.д.

Социально-экономическая эффективность государственного сектора экономики определяется

соотношением полученного социального эффекта и произведенных расходов. В этом случае показателями эффективности становятся масштаб выполненных работ и объем оказанных услуг госсектором домохозяйствам и предпринимательскому сектору экономики, а также их доля к ВВП. В процессе исследования проводится анализ государственных расходов на финансирование общественных направлений деятельности, так как «...хорошее бюджетное финансирование госсектора создает предпосылки для его эффективной деятельности...» [1]. При этом из государственного бюджета финансируются мероприятия по обеспечению национальной безопасности и развитию фундаментальной науки, а также и социально-ориентированные виды деятельности государства, направленные на производство общественных благ.

Литература:

1. *Балацкий Е.В.* Элементы экономики государственного сектора : монография. М. : Капитал страны, 2013. 159 с.
2. *Данилина Е.И.* Экономика государственного и муниципального сектора : учебник / Е.И. Данилина, Д.В. Горелов, Я.И. Маликова. М. : ИТК «Дашков и К°», 2015. 217 с.
3. *Лукьянова В.В.* Социальная эффективность государственного и муниципального управления / В.В. Лукьянова, О.В. Рудакова // Основы экономики, управления и права. 2013. № 6(12). С. 23–28.
4. *Новак М.А.* Роль государственно-частного партнерства на современном этапе социально-экономического развития российской экономики / М.А. Новак, И.В. Герсонская // Северный регион: наука, образование, культура. 2019. № 3/4 (43/44). С. 62–65.
5. *Ревкуц А.В.* Воспроизводственный подход как методологический инструмент исследования эффективности функционирования государственного сектора / А.В. Ревкуц, С.К. Демченко, Е.П. Васильев // Modern Economy Success. 2019. № 5. С. 111–118.
6. *Ромащенко Т.Д.* Методология научного исследования экономики, управления и финансов : учеб. пособие. 2-е изд. / Т.Д. Ромащенко, Ю.И. Трещевский, Д.Ю. Трещевский. Воронеж : ВГУ, 2018. 232 с.
7. *Самородова Е.М.* Особенности управления предприятиями государственного сектора экономики: совершенствование организационно-экономического механизма / Е.М. Самородова, Л.М. Марченкова, Л.М. Кузнецова // Российское Предпринимательство. 2017. Т. 18. № 12. С. 1949–1964.

Таким образом, оценка эффективности государственного сектора имеет важное значение для функционирования социально-экономической системы, а научный инструментарий такой оценки должен обеспечивать получение достоверных данных, которые позволят управленческим структурам «...охарактеризовать общественную и отчасти экономическую эффективность деятельности предприятий государственного сектора экономики» [7]. Если структуры госсектора рационально используют все экономические ресурсы, то их функционирование определяется как эффективное. Если устанавливается нерациональное использование ресурсов в госсекторе, то выявляются резервы возможного повышения социально-экономической эффективности.

Literature:

1. *Balatsky E.V.* Elements of public sector Economics : monograph. M. : Capital of the country, 2013. 159 p.
2. *Danilina E.I.* Economy of the state and municipal sector : textbook / E.I. Danilina, D.V. Gorelov, Y.I. Malikova. M. : Dashkov & C°, 2015. 217 p.
3. *Lukyanova V.V.* Social efficiency of state and municipal management / V.V. Lukyanova, O.V. Rudakova // Fundamentals of Economics, management and law. 2013. № 6(12). P. 23–28.
4. *Novak M.A.* The Role of public-private partnership at the present stage of socio-economic development of the Russian economy / M.A. Novak, I.V. Gersonskaya // Northern region: science, education, culture. 2019. № 3/4 (43/44). P. 62–65.
5. *Revkuts A.V.* Reproduction approach as a methodological tool for studying the effectiveness of the public sector functioning / A.V. Revkuts, S.K. Demchenko, E.P. Vasiliev // Modern Economy Success. 2019. № 5. P. 111–118.
6. *Romashchenko T.D.* Methodology of scientific research of Economics, management and Finance : textbook. 2nd ed. / T.D. Romashchenko, Y.I. Treshchensky, D.Y. Treshchensky. Voronezh : VSU, 2018. 232 p.
7. *Samorodova E.M.* Features of management of enterprises of the state sector of the economy: improvement of the organizational and economic mechanism / E.M. Samorodova, L.M. Marchenkova, L.M. Kuznetsova // Russian Entrepreneurship. 2017. Vol. 18. № 12. P. 1949–1964.

Демирова Валерия Александровна

старший преподаватель,
кафедра менеджмент и маркетинг,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
demirova.valeriya@yandex.ru

Суханова Полина Александровна

старший преподаватель,
кафедра менеджмент и маркетинг,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
bo.polina@mail.ru

**ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Аннотация. При ограниченных финансовых возможностях населения по приобретению жилой недвижимости ипотечное кредитование становится одним из главных инструментов социально-экономического развития государства. Повышение качества жизни граждан и развитие национальной экономики сложно представить без возможности улучшения жилищных условий населения. Вместе с тем, финансовый механизм ипотеки способствует формированию платежеспособного спроса на рынке жилой недвижимости. В настоящей статье приведён обзор факторов, влияющих на объёмы рынка ипотечного кредитования, выделены основные причины сокращения количества выданных ипотек в России.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, рынок жилой недвижимости, ипотечная ставка, ипотека.

Сегодня в России приобретение жилой недвижимости для большинства жителей страны является открытым вопросом, так как основная часть населения не в состоянии улучшить свои жилищные условия самостоятельно, ввиду отсутствия достаточных финансовых накоплений. Государство, в свою очередь, из-за ограниченности бюджетных средств, способно помочь с решением жилищных проблем только отдельным группам населения, особо нуждающимся в государственной поддержке.

В современных условиях сделать приобретению жилой недвижимости, доступной для большинства жителей России, а не отдельных групп населения, способствует развитие ипотечного кредитования. Эта форма долгосрочного кредитования

Valeriia A. Demirova

Senior teacher,
Department of Management and Marketing,
St. Petersburg State
Transport University
Emperor Alexander I
demirova.valeriya@yandex.ru

Polina A. Sukhanova

Senior teacher,
Department of Management and Marketing,
St. Petersburg State
Transport University
Emperor Alexander I
bo.polina@mail.ru

**MORTGAGE LOAN
AS AN INSTRUMENT
OF SOCIAL AND ECONOMIC
DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Annotation. With limited financial opportunities of the population to purchase residential real estate, mortgage lending is becoming one of the main tools of the socio-economic development of the country. Increase the quality of life of citizens and developing the national economy is difficult to imagine without the possibility of improving the living conditions of the people. At the same time, the financial mechanism of mortgages contributes to the formation of stable demand in the residential real estate market. This article provides an overview of factors affecting the volume of the mortgage market, highlighting the main reasons for the decrease of issued mortgages in Russia.

Keywords: mortgage lending, residential real estate market, mortgage rate, mortgage.

под залог недвижимости способна обеспечить взаимосвязь между основными участниками сделки и направить финансовые ресурсы в реальный сектор экономики. Поэтому развитие рынка ипотечного кредитования является важным элементом рыночной экономики.

На законодательном уровне понятие «ипотека» официально появилось и стало регулироваться в России только в 1998 году с принятием Федерального закона № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [1]. Данный закон за 20 лет претерпел ряд значительных изменений и дополнений, приближаясь с каждой принятой поправкой к максимально комфортным условиям кредитования для заемщиков.

Рынок ипотечного кредитования в России является достаточно молодым и быстрорастущим. Это подтверждают данные, приведенные за последние 10 лет (рис. 1) [3].

Из диаграммы, приведенной на рисунке 1, видно, что рынок развивается достаточно планомерно. Исключения составляют два года – 2015 и 2019, в которые наблюдается сокращение объемов выдачи ипотек. В 2015 году это явилось следствием падения цен на нефть в 2014 году и резким

ослаблением курса рубля. Теперь рассмотрим причины сокращения количества выданных ипотечных кредитов в 2019 году. В 2019 году объем выданных кредитов в денежном выражении сократился на 5 % по сравнению с 2018 годом. В количественном выражении в 2019 году было выдано 1,27 млн ипотечных кредитов и это на 14 % меньше, чем в 2018 году. Проанализировав ситуацию на рынке ипотечного кредитования в 2019 году (рис. 2) можно сделать вывод о причинах сокращения количества выданных ипотек [4].

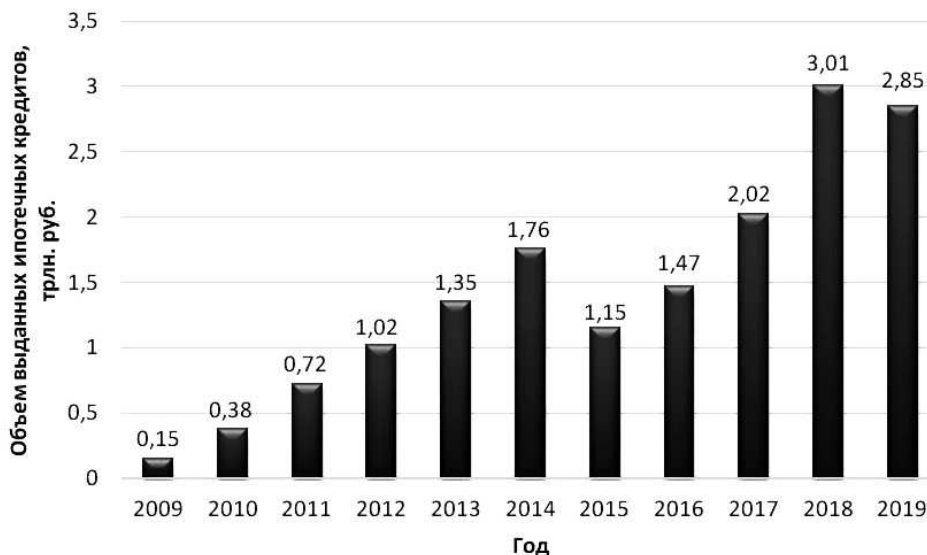

Рисунок 1 – Выдача ипотечных кредитов в России, 2009–2019 гг., трлн руб.

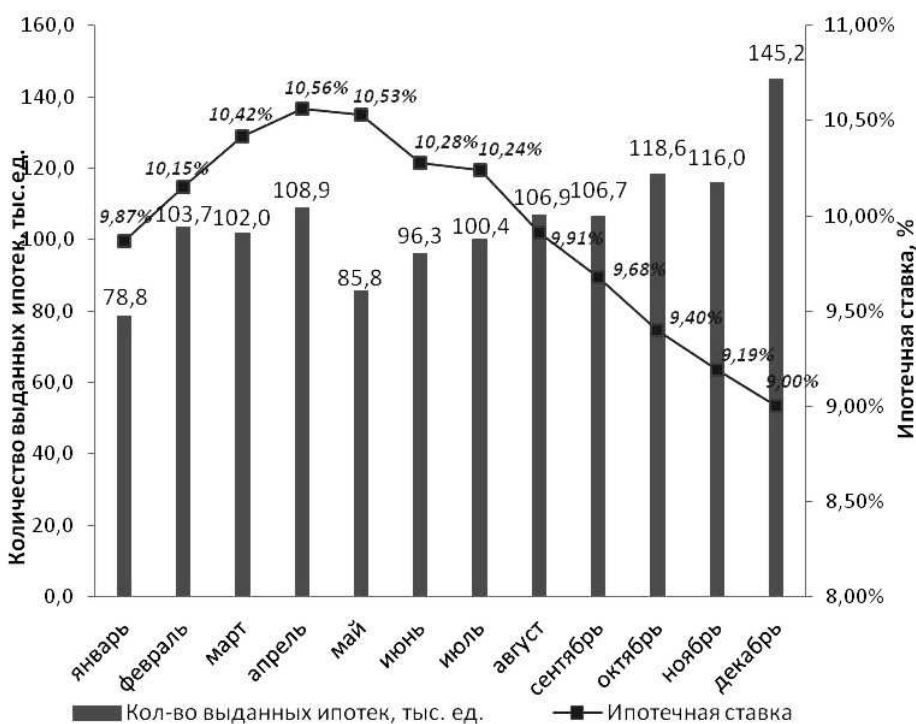

Рисунок 2 – Количество выданных ипотек в 2019 году в соотношении с кредитной ставкой за рассматриваемый период

Так, в мае 2019 года количество ипотечных кредитов относительно предыдущего месяца снизилось на 21 %. Именно в мае, согласно диаграмме на рисунке 2, ставки по кредиту достигли максимальных 10,5 % годовых, регулярно увеличиваясь с начала года, что в большей степени повлияло на значительное сокращение спроса в первом полугодии 2019 года.

Вторым фактором является официальный переход на систему эскроу-счетов с 01 июля 2019 года. В связи с этим потенциальные покупатели жилой недвижимости могли отложить покупку до введения системы, чтобы обезопасить себя от возможности стать обманутым дольщиком и иметь возможность застраховать вложенные средства на сумму до 10 млн рублей, так как деньги на эскроу-счетах подлежат обязательному страхованию. Поэтому если во время выполнения обязательств по эскроу-договору у банка будет отозвана лицензия или он будет объявлен банкротом, покупатель жилья получит возмещение, предусмотренное Федеральным законом № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках РФ» [2].

Третий фактор, повлиявший на сложившуюся ситуацию – это ограничение платежеспособного спроса на рынке недвижимости, так как у большого числа потенциальных покупателей сегодня недостаточно финансовых средств для выплаты ипотеки.

После кратковременного снижения числа выданных ипотек в мае 2019 года ситуация во втором полугодии стала меняться в лучшую сторону, а наибольшее количество ипотечных кредитов было выдано в декабре (145,2 тыс.), когда ставка впервые в истории российского рынка ипотечного кредитования опустилась до 9 % [4].

Но следует отметить, что в правительстве РФ считают принятые меры не достаточными. Премьер-министр РФ Мишустин М.В. на заседании Правительства 13.02.2020 заявил, что «в среднем ставка по ипотеке в декабре предыдущего года составляла 9 %, и это бремя даже для семей со средними доходами ... с такой ставкой мы не сможем помочь людям улучшить жилищные условия ...». Ставки должны опуститься ниже 8 %, считает глава правительства. В виду того, что ситуация с доходами населения в России находится в неудовлетворительном состоянии [6]. Так по данным Райффайзенбанка, у 38 % россиян, которые хотят взять ипотеку, нет денег на первоначальный взнос: 23 % опрошенных собираются брать деньги на первоначальный взнос под залог имеющейся недвижимости, 20 % – из материнского капитала, 13 % – с продажи любого имущества и 10 % – через потребительский кредит. В связи с этим правительство должно предпринимать радикальные меры по дальнейшему снижению ставки по ипотечным кредитам [5].

Аналитики на рынке недвижимости строят оптимистичные прогнозы насчёт дальнейшего

понижения ставки по ипотеке: денежно-кредитная политика Центрального банка снизит средние ставки по ипотеке в стране до 8 % к 2021–2022 годам, то есть, раньше обозначенного правительством официального срока – к 2024 году – считают в финансовой группе БКС [7].

Данный прогноз имеет все шансы быть верным ввиду того, что в течение второго полугодия 2019 года наблюдалась положительная динамика снижения ключевой ставки, которая напрямую связана с ипотечной – ставку понизжали 5 раз с 7,75 % (на начало 2019 года) до 6,25 % (на конец 2019 года). В 2020 году Центральный банк снизил ключевую ставку 07 февраля до 6 % годовых [8]. Главным результатом снижения ключевой ставки является удешевление ипотеки и увеличение числа ипотечных займов.

Однако при снижении ипотечных ставок наблюдается рост среднего срока ипотечного кредита. Так, в конце 2019 года средний срок рублевого ипотечного кредита составил 18,2 лет, на конец 2018 года – 16,7 лет, а в конце 2013 года – 14,7 лет, что почти на четверть меньше срока ипотеки в 2019 году. Следует отметить, что срок ипотечного кредита резко увеличился за последние два года: в 2018 году – на 12 месяцев, в 2019 году – на 18 месяцев [4]. Это связано с ростом средней стоимости кредита, которая увеличилась в связи с ростом цен на недвижимость в целом. Заемщики пытаются за счет увеличения ипотечных сроков уменьшить срок ежемесячного платежа и, таким образом, сбалансировать кредитную нагрузку при недостаточном росте или даже сокращении собственных доходов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что рынок ипотечного кредитования в России обладает большим потенциалом, в связи с тем, что цены на жилую недвижимость растут более быстрыми темпами, чем доходы подавляющего числа жителей страны. Таким образом, ипотека для многих становится единственным вариантом улучшения жилищных условий. Поэтому в конце 2020 года, объемы выдачи ипотечных кредитов снова могут превысить отметку в 3 трлн рублей, как это было в 2018 году, в связи с тем, что на рынке присутствует отложенный спрос, который может в скором времени перейти в разряд реального, благодаря применению следующих профилактических мер:

- дальнейшего понижения ипотечных процентных ставок,

- разработки ипотечных программ и системы отложенных платежей, направленных на поддержку населения, оказавшегося в сложном финансовом положении, в том числе с привлечением государства.

- разработки и реализации системы дифференцированного подхода к ипотечному кредитованию в зависимости от типа приобретаемого жилья и уровня жизни населения.

Литература:

1. Федеральный закон № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998, (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/
2. Федеральный закон № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках РФ», от 23.12.2003, (ред. от 27.12.2019). URL : <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.za-konrf.info%2Fzakon-o-strahovanii-vkladov%2F>
3. Ипотечное кредитование в цифрах. Статистика выдачи ипотечных кредитов. URL : http://rusipoteka.ru/ipoteka_v_rossii/ipoteka_statistika/
4. Итоги 2019 года на рынке ипотеки: объемы жилищного кредитования падают, несмотря на снижение ставок, 03.02.2020. URL : <http://www.realto.ru/journal/articles/itogi-2019-goda-na-rynke-ipoteki-obemy-zhilishnogo-kreditovaniya-padayut-nesmotrya-na-snizhenie-stavok/>
5. *Кошкина Ю.* Почти у 40 % желающих взять ипотеку не нашлось сбережений на первый взнос, 01.02.2020. URL : https://www.rbc.ru/finances/01/02/2020/5e3305459a794765d741be6e?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2Fnews
6. *Тадтаев Г.* Мишустин заявил о невозможности помочь россиянам ипотекой под 9 %, 13.02.2020 / Г. Тадтаев, Ю Старостина. URL : <https://www.rbc.ru/finances/13/02/2020/5e4504799a79472bc43ae498>
7. ЦБ вновь снизил ключевую ставку. Что будет с ипотекой, кредитами и рублем, 09.09.2019. URL : <https://ria.ru/20190909/1558398706.html>
8. Центральный банк Российской Федерации. Ключевая ставка Банка России. URL : https://cbr.ru/hd_base/keyrate/

Literature:

1. Federal Law № 102-FZ «On Mortgage (Real Estate Mortgage)» of 07/16/1998, (latest edition). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/
2. Federal law № 177-FZ «On insurance of deposits of individuals in banks of the Russian Federation», of 12/23/2003, (ред. от 27.12.2019). URL : <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.za-konrf.info%2Fzakon-o-strahovanii-vkladov%2F>
3. Mortgage lending in numbers. Mortgage loans statistics. URL : http://rusipoteka.ru/ipoteka_v_rossii/ipoteka_statistika/
4. Results of 2019 in the mortgage market: the volume of housing lending is falling, despite the reduction in rates, 03.02.2020. URL : <http://www.realto.ru/journal/articles/itogi-2019-goda-na-rynke-ipoteki-obemy-zhilishnogo-kreditovaniya-padayut-nesmotrya-na-snizhenie-stavok/>
5. *Koshkina Yu.* Almost 40 % of those wishing to take a mortgage did not find savings on a down payment, 01.02.2020. URL : https://www.rbc.ru/finances/01/02/2020/5e3305459a794765d741be6e?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2Fnews
6. *Tadtaev G.* Mishustin declared the impossibility to help the Russians with a mortgage at 9%, 13.02.2020 / G. Tadtaev, Yu. Starostina URL : <https://www.rbc.ru/finances/13/02/2020/5e4504799a79472bc43ae498>
7. The Central Bank again lowered its key rate. What will happen to the mortgage, loans and the ruble, 09.09.2019. URL : <https://ria.ru/20190909/1558398706.html>
8. The Central Bank of the Russian Federation. Key rate of the Bank of Russia. URL : https://cbr.ru/hd_base/keyrate/, free

Евстратова Татьяна Анатольевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
и административного управления,
Российский государственный
социальный университет
doroshenkot@yandex.ru

Ветрова Екатерина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента
и административного управления,
Российский государственный
социальный университет
eavetrova@yandex.ru

Кабанова Елена Евгеньевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
и административного управления,
Российский государственный
социальный университет
cool90@list.ru

Катаева Валентина Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент
orileader@gmail.com

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)**

Аннотация. На сегодняшний момент основным ведомством, отвечающим за стратегический подход к развитию территории, выступает Министерство экономического развития соответствующей территории, которое во взаимосвязи с региональным правительством, другими министерствами и ведомствами формирует документ, определяющий основные векторы развития субъекта Российской Федерации, и именно на Министерство ложится основная ответственность за качество данного документа. Принципами формирования стратегии развития территории могут выступать ориентация на сильные или слабые стороны региона, и от содержания стратегии будет зависеть, какие именно отрасли будут приоритетными в части поддержки своего развития, какие будут обеспечены дополнительными источниками финансирования, а какие будут развиваться самостоятельно, без пристального внимания со стороны государства.

Tatiana A. Evstratova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
Department of Management
and Administrative Management,
Russian State Social University
doroshenkot@yandex.ru

Ekaterina A. Vetrova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
Department of Management
and Administrative Management,
Russian State Social University
eavetrova@yandex.ru

Elena E. Kabanova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
Department of Management
and Administrative Management,
Russian State Social University
cool90@list.ru

Valentina I. Kataeva

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor
orileader@gmail.com

**STRATEGIC PLANNING
AS AN INSTRUMENT OF REGIONAL
DEVELOPMENT (FOR EXAMPLE,
THE MINISTRY OF ECONOMIC
DEVELOPMENT STAVROPOL TERRITORY)**

Annotation. At present, the main Department responsible for the strategic approach to the development of the territory is the Ministry of economic development of the relevant territory, which in conjunction with the regional government, other ministries and departments forms a document defining the main vectors of development of the subject of the Russian Federation, and it is the Ministry that bears the main responsibility for the quality of this document. The principles of forming a territorial development strategy can be based on the region's strengths or weaknesses, and the content of the strategy will determine which industries will be priority in terms of supporting their development, which will be provided with additional sources of funding, and which will develop independently, without close attention from the state.

Ключевые слова: стратегическое планирование, Министерство экономического развития Ставропольского края, государственное регулирование стратегическим планированием.

Keywords: strategic planning, Ministry of Economic Development of the Stavropol Territory, state regulation of the strategic planning.

В настоящее время существует множество точек зрения на процесс стратегического планирования, каждая из них имеет свои особенности и специфику, но все схожи в одном – планирование помогает развитию и модернизации региона. Сформулированные выводы могут быть использованы структурными подразделениями субъектов Российской Федерации для совершенствования процесса стратегического планирования.

Отечественные экономисты А.Д. Вачугов и В.Р. Веснин определяют стратегическое планирование как «...набор конкретных целей, которые необходимо достичь к определенному периоду. Они охватывают наиболее общие проблемы развития производства и распределения ресурсов на много лет вперед и разрабатываются самостоятельно по различным направлениям, но при этом подчиняются определенной иерархии. По своему характеру эти планы близки к прогнозам» [2].

Э.А. Уткин под стратегическим планированием понимает «...особый вид практической деятельности людей – плановую работу, состоящую в разработке стратегических решений, предусматривающих выдвижение таких целей и стратегий поведения соответствующих объектов управления, реализация которых обеспечивает их эффективное функционирование в долгосрочной перспективе, быструю адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды» [6].

В Ставропольском крае реализуются мероприятия 17 государственных программ Российской Федерации и включенных в них 4 федеральных целевых программ, для чего используются средства федерального бюджета в объеме 16,1 млрд рублей.

В рамках подпрограммы «Социально-экономическое развитие Ставропольского края на 2016–2025 годы» государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года заключено было соглашение от 14 февраля 2018 г. № 370-08-2018-018 между Минкавказом России и Правительством Ставропольского края о предоставлении в 2018 году из федерального бюджета 500,0 млн рублей на реализацию 4 инвестиционных проектов Ставропольского края общей стоимостью 2,3 млрд рублей, из них 531,9 млн рублей – бюджетные ассигнования и 1,7 млрд рублей – внебюджетные источники [4].

В результате реализации данных проектов будет создано около 300 рабочих мест, налоговые поступления в бюджеты всех уровней в течение 5 лет после начала осуществления финансирования составят более 800 млн рублей.

В рамках государственной программы Ставропольского края «Экономическое развитие и инновационная экономика» городу Невинномысску была предоставлена субсидия из бюджета Ставропольского края в размере 64,0 млн рублей на софинансирование проектирования 6 объектов инфраструктуры на территории регионального индустриального парка общей стоимостью 1,3 млрд рублей, необходимых для реализации инвестиционных проектов.

По итогам 2018 года была проведена процедура оценки регулирующего воздействия 94 проектов нормативных правовых актов, разработанных органами власти края. Для представителей органов местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края проводились семинары о методологии проведения и новых методах оценки регулирующего воздействия.

Мероприятия, проведенные в сфере оценки регулирующего воздействия проектов и экспертизы, позволили повысить позицию Ставропольского края в рейтинге качества осуществления оценки регулирующего воздействия и экспертизы в субъектах Российской Федерации, формируемом Министерством экономического развития Российской Федерации [7]. За 2018 год Ставропольский край достиг значительных результатов и отнесен к «Высшему уровню» качества осуществления оценки регулирующего воздействия и экспертизы в субъектах Российской Федерации, тогда как в 2017 году Ставропольский край был отнесен к «Хорошему уровню». Всего в данную группу в 2018 году вошли 36 регионов.

На 1 января 2019 года число субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае достигло 116 тысяч, что выше уровня, сложившегося по состоянию на 01 января 2018 года, на 1 %.

В рамках деятельности организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляются следующие мероприятия:

– государственным унитарным предприятием Ставропольского края «Гарантийный фонд поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае» в 2018 году предоставлены поручительства 85 субъектам малого и среднего бизнеса. Общая сумма выданных поручительств 837,3 млн рублей, что позволило привлечь в экономику края более 1,9 млрд рублей кредитных ресурсов;

– некоммерческой организацией микрокредитной компанией «Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае» в 2018 году предоставлены микрораймы 437 субъектам малого и

среднего бизнеса. Общая сумма выданных микрозаймов составляет 570,4 млн рублей. Процентные ставки за пользование микрозаймами установлены в размере не более 7,75 % годовых;

– перечислен имущественный взнос в размере 32,4 млн рублей в некоммерческую организацию «Фонд поддержки предпринимательства в Ставропольском крае», что позволило обеспечить деятельность структурных подразделений Фонда поддержки: Центра поддержки предпринимательства, Центра координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства.

В 2018 году были привлечены средства федерального бюджета и бюджета Ставропольского края в размере 15 789,79 тыс. рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета – 10771,30 тыс. рублей, на развитие некоммерческой организации «Фонд содействия инновационному развитию Ставропольского края», что позволило обеспечить деятельность структурных подразделений: Регионального центра инжиниринга (РЦИ), Центра кластерного развития (ЦКР) субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае и регионального центра компетенций в сфере производительности труда в Ставропольском крае.

При содействии РЦИ в 2018 году предоставлено более 220 субъектов малого и среднего предпринимательства получили государственную поддержку, в том числе:

– 2 компаниям разработаны проекты модернизации существующих производств с привлечением более 4 миллионов рублей собственных инвестиций в основной капитал;

– 2 экспресс оценки Индекса технологической готовности предприятий;

– оказаны услуги по антикризисному консалтингу, выявлению текущих потребностей и проблем для 3 производственных предприятий;

– проведены 4 технологических аудита, 1 экологический аудит, 3 финансовых аудита на 8 производственных предприятиях;

– оказано более 95 услуг по сертифицированию выпускаемой продукции предприятий;

– 5 предприятий получили консультационные услуги по защите прав на результаты интеллектуальной деятельности;

– проведено 10 обучающих семинаров.

В 2018 году на обеспечение деятельности Центра кластерного развития из федерального бюджета было выделено 2771,3 тыс. руб. Несмотря на столь скромный бюджет, сотрудникам ЦКР удалось сохранить 5 существующих кластеров «Химия, биохимия, биотехнологии», «Фармацевтика и медицина», «Агропромышленный», «Легкопромышленный» и кластер «Энергообеспечения и строительных материалов», также увеличить общую численность членов кластеров до 79 субъек-

тов малого и среднего предпринимательства и запустить формирование 6 кластера, который объединит производителей меховой промышленности края.

За 2018 год при содействии Центра кластерного развития 52 субъекта малого и среднего предпринимательства получили государственную поддержку, было организовано и проведено 14 мероприятий, включающих семинары, вебинары, круглые столы, кратковременные программы обучения сотрудников, форумы и конференции, оказано 157 услуг, из которых:

– 144 услуги были представлены в виде индивидуальных консультаций и оказания содействия в вопросах государственной и муниципальной поддержки, а также 13 прямых услуг для субъектов малого и среднего предпринимательства,

– 7 услуг в организации работ по обеспечению соответствия продукции предприятий малого и среднего предпринимательства, являющихся участниками кластеров, требованиям потребителей в целях выхода на новые рынки сбыта (разработка единых стандартов), в виде: услуг по разработке и внедрению системы менеджмента качества (СМК) в соответствии с требованиями стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015 и сертификация систем менеджмента качества (СМК) на соответствие требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015, услуг по подтверждению соответствия продукции требованиям технических регламентов таможенного союза (ТР ТС), а также услуг по получению декларации соответствия требованиям ГОСТ-Р;

– 1 услуга по проведению информационных компаний в средствах массовой информации.

За 2018 год Фонд оказал услуги 54 предприятиям Ставропольского края, 26 из которых впервые обратились за государственной поддержкой.

Совокупный объем внебюджетных источников, привлеченных в 2018 году на услуги, оказанные Фондом для субъектов малого и среднего предпринимательства, составил 1 862 тыс. рублей.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года в рамках национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», Министерством разработаны паспорта региональных проектов «Системные меры по повышению производительности труда» и «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях», утвержденные Советом при Губернаторе Ставропольского края по проектной деятельности [5].

Для реализации региональных проектов на базе Фонда в 2018 году создан региональный центр компетенций в сфере производительности труда.

Министерством и региональным центром компетенций совместно с АНО «Федеральный центр компетенций в сфере производительности

труда» в ноябре 2018 года отобраны 4 региональных предприятия для участия в реализации регионального проекта. Эксперты Федерального центра компетенций (ФЦК) организовали практическую работу по реализации регионального проекта на предприятиях первой волны (ПАО «Завод АТЛАНТ», ООО «Шоколенд»), с марта 2019 года развернется работа на предприятиях второй волны (АО «Арнест», ООО «Баксанский бройлер»).

В реализацию регионального проекта до 2024 года планируется вовлечь 133 крупных и средних предприятий края, из которых 14 предприятиям будет оказана экспертная поддержка ресурсами ФЦК, а комплексная работа с 66 ставропольскими предприятиями будет возложена на специалистов РЦК, параллельно РЦК будет оказывать консультационную поддержку 53 предприятиям, решившим применить методики повышения производительности труда самостоятельно.

В 2018 году привлечены средства федерального бюджета и бюджета Ставропольского края в размере 28142,22 тыс. рублей, в том числе, за счет средств федерального бюджета – 8000,00 тыс. рублей, на создание и содержание центров молодежного инновационного творчества (ЦМИТ), а также на обеспечение ранее созданных центров. Поддержаны проекты по созданию ЦМИТов в г. Железноводск, г. Изобильный, г. Георгиевск, по развитию ЦМИТа в Ставрополе. Услугами ЦМИТ за весь период деятельности воспользовались более 20000 человек и реализовано более 150 проектов различных направлений от часов до роботов и концептуальных макетов машин и оборудования.

В настоящее время в крае формируется пятилетняя программа развития сети ЦМИТ, в рамках которой предусмотрено ежегодное создание не менее 2-х новых центров за счет средств бюджета Ставропольского края [3].

В Ставропольском крае созданы и функционируют 38 офисов МФЦ, 243 территориально обособленных структурных подразделения (ТОСП) МФЦ, а также 5 Центров оказания услуг для бизнеса (ЦОУ): 3 центра – в г. Ставрополе, 1 центр – в г. Михайловске Шпаковского района, 1 центр – в г. Минеральные Воды.

Общее количество окон обслуживания заявителей в офисах и ТОСП МФЦ составляет 698, в том числе, 21 специализированное окно обслуживания для бизнеса и 9 окон ЦОУ. Доля жителей Ставропольского края, имеющих доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» в МФЦ, составляет 97,47 %. Общее количество обращений в МФЦ за 2018 год составило 2750655, количество оказанных услуг – 1540269.

Уровень удовлетворенности заявителей качеством предоставляемых услуг в МФЦ в 2018 году составил 96,9 % при нормативном показателе 90 %, в 2017 г. данный показатель составлял 94,2 %, 2016 г. – 92,3 %.

В МФЦ организовано предоставление 49 федеральных государственных услуг, 57 государственных услуг органов исполнительной власти Ставропольского края, а также организована возможность предоставления 66 типовых муниципальных услуг. Кроме того, в МФЦ предоставляется 7 услуг акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», осуществляется регистрация граждан в Единой системе идентификации и аутентификации [1].

В 2018 году в доход краевого бюджета от уплаты госпошлины за оказание через МФЦ федеральных услуг, поступило почти 283 миллиона рублей, в 2017 году данная сумма составляла 254 миллиона, а в 2016 году – менее 209 миллионов рублей.

За 2018 год были значительно активизированы международные и внешнеэкономические связи Ставропольского края. Делегации Ставропольского края приняли участие в зарубежных выставках в Азербайджане, Казахстане. Состоялись визиты делегаций в Беларусь, Азербайджан. Край посетили делегации официальных и деловых кругов Швейцарии, Франции, Австрии, Греции, Германии, Израиля, Белоруссии, Узбекистана, Туркменистана, Армении.

По итогам проведенных мероприятий заключено:

– 98 экспортных контрактов на общую сумму 1,60 млрд рублей;

– 290 соглашений и договоров о сотрудничестве.

Основная цель проведенных мероприятий: продвижение продукции ставропольских товаропроизводителей на российский и зарубежные рынки, привлечение российских и зарубежных инвестиций, передовых технологий.

Итогом проведения мероприятий стала стабилизация внешнеторгового оборота Ставропольского края на уровне 1,7 млрд долларов США в год и создание предпосылок для его роста на уровне 3,3 %. Экспорт региональной продукции составил в 2018 году – 1,07 млрд долларов США, по отношению к 2017 году рост составил 6,9 %, импорт в 2018 году составил – 640,9 млн долларов США, снижение данного показателя произошло на 2,2 %.

Рассмотрим основные недостатки стратегического планирования развития регионов, которые характерны и для Ставропольского края:

– неопределенность методологического подхода социально-экономического развития региона;

– недостатки организационного обеспечения процесса стратегического планирования, которые заключаются в том, что даже самые продвинутые специалисты и консультанты не могут сформировать стратегию развития конкретной территории, не зная все ее особенности. Сюда же можно отнести неправильный подход к использованию услуг внешних консультантов, когда нанятым

специалистам не верно, или не четко указаны цели и задачи желаемой стратегии. Данная проблема выявилась в процессе разработки первоначального варианта стратегии развития Ставропольского края до 2035 года, когда к ее разработке были привлечены внешние специалисты;

– отсутствие контура стратегического планирования на уровне муниципальных образований Ставропольского края, которые своими документами стратегического характера не должны противоречить стратегии развития региона;

– отсутствие при разработке стратегии развития Ставропольского края до 2020 года стратегических представлений по отношению к будущему состоянию и развитию региона, что привело к утрате целенаправленности в процессе стратегического планирования. Документ носил больше декларативный характер, определяющий общие векторы развития региона, и не предполагал реальных действий и конкретных инструментов. В данном контексте важным для края является наличие в новой стратегии, рассчитанной на период до 2035 года, стратегического мышления и четкое понимание желаемого состояния региона специалистами, осуществляющими разработку региональной стратегии;

Таким образом, перечисленные проблемы влияют на качество стратегического планирования развития территории и не позволяют сформировать качественный документ, отвечающий потребностям региона, не дающий в полной мере раскрыть потенциал территории, и осуществлять динамичное развитие региона в соответствии с поставленными целями и задачами.

Вывод.

Что касается возможностей реализации стратегического плана развития Ставропольского края как геостратегической территории, то для осуществления поставленных перед регионом целей и задач необходимо создание определенных условий, формируемых на уровне Российской Федерации, для чего в адрес Совета Федерации, Полпредства и Минэкономразвития РФ предлагается внести ряд инициатив от Министерства экономического развития Ставропольского края и Правительства края в разрабатываемый План мероприятий по реализации стратегии.

1. Для достижения целей национальных проектов считаем целесообразным увеличить объемы финансирования из федерального бюджета для субъектов, входящих в состав геостратегических территорий и при распределении межбюджетных трансфертов, в том числе, дотаций между субъектами РФ, применять повышающие коэффициенты для геостратегических территорий в диапазоне от 1,3 и выше.

2. Распределение федеральной господдержки в настоящее время носит заявительный характер. При этом должны выполняться ряд требований к

субъектам РФ и муниципальным образованиям, включая наличие проектно-сметной документации, на создание которой у субъектов РФ и муниципальных образований зачастую отсутствуют бюджетные средства. Предлагается для геостратегических территорий, в том числе, для Ставропольского края, ввести возможность софинансирования из федерального бюджета мероприятий по разработке проектно-сметной документации.

3. Также предлагается выделять дополнительные средства из федерального бюджета на модернизацию коммунальной инфраструктуры, износ которой достиг более 60 % в рамках федеральных проектов. Особого внимания в крае заслуживает в этом направлении инфраструктура Кавказских минеральных вод, на которую ложится дополнительная нагрузка отдыхающих.

4. Ряд расходов специфического характера, не вошедших в национальные цели и приоритеты, например, переселение из ветхого и аварийного жилья на селе, предупреждение чрезвычайных ситуаций и другие, но влияющие на достижение национальных целей, также должны иметь выделенные лимиты федерального бюджета на финансирование геостратегических территорий и включаться в соответствующие госпрограммы развития Северо-Кавказского федерального округа.

5. Целесообразным также является объединение территориального и отраслевого принципов в Госпрограмме Северо-Кавказского федерального округа. Существующий в настоящее время подход не позволяет госпрограмме развития Северо-Кавказского федерального округа считаться полноценным инструментом комплексного развития субъектов, входящих в состав данного макрорегиона, так как только часть расходов отражается в данной госпрограмме, а часть отражается в составе отраслевых государственных программ РФ. Край может выйти с инициативой представления в госпрограмме развития всех расходов федерального бюджета в форме аналитического свода с обязательной привязкой расходов к ответственным исполнителям – федеральным органам исполнительной власти, заявленным целям национальных проектов, с указанием доли расходов федерального бюджета, приходящихся на субъект, по тому или иному направлению.

6. Необходимы гарантированные расходы предупредительного характера из федерального бюджета на ликвидацию и предупреждение чрезвычайных ситуаций, противооползневых мероприятий, подтоплений, чтобы не возникло необходимости реструктурировать краевой бюджет в случае возникновения таких ситуаций, сокращая расходы на развитие региона и реализацию Стратегии.

Таким образом, предлагаемые мероприятия позволят повысить эффективность стратегического планирования в Ставропольском крае и качество реализации мероприятий, заложенных в документах стратегического характера.

Литература:

1. *Kabanova E.E.* The assessment of public (municipal) service provision by multifunctional centers. *Academy of Strategic Management Journal / E.E. Kabanova, E.A. Vetrova, T.A. Evstratova, V.I. Kataeva, Ju.O. Sulyagina.* 2018. Т. 17. № 3.
2. *Вачугов Д.Д.* Стратегия планирования. Основы менеджмента и рынка / Д.Д. Вачугов, В.Ф. Веснин // *Социально-политический журнал.* 1998. № 8.
3. Постановление губернатора Ставропольского края от 9 июля 2008 года № 541 «Об утверждении Положения о министерстве экономического развития Ставропольского края» (с изменениями на 19 августа 2019 года). URL : <http://docs.cntd.ru/document/461504860> (дата обращения 14.01.2020).
4. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL : <https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie> (дата обращения 12.01.2020).
5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения 14.01.2020).
6. *Уткин Э.А.* Стратегическое планирование. М. : ТАНДЕМ : ЭКМОС, 1998. 440 с.
7. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (редакция от 18.07.2019) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 30.06.2014. № 26 (Часть I). Ст. 3378 (дата обращения 10.01.2020).

Literature:

1. *Kabanova E.E.* The assessment of public (municipal) service provision by multifunctional centers. *Academy of Strategic Management Journal / E.E. Kabanova, E.A. Vetrova, T.A. Evstratova, V.I. Kataeva, Ju.O. Sulyagina.* 2018. Т. 17. № 3.
2. *Vachugov D.D.* Planning strategy. Fundamentals of management and market / D.D. Vachugov, V.F. Vesnin // *Socio-political journal.* 1998. № 8.
3. Resolution of the Governor of Stavropol territory dated July 9, 2008 № 541 «On approval of the Regulations on the Ministry of economic development of Stavropol territory» (as amended on August 19, 2019). URL : <http://docs.cntd.ru/document/461504860> (accessed 14.01.2020).
4. The spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 was approved by government decree № 207-R of February 13, 2019. URL : <https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie> (accessed 12.01.2020).
5. Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (accessed 14.01.2020).
6. *Utkin E.A.* Strategic planning. M. : TANDEM : EK MOS, 1998. 440 p.
7. Federal law of 28.06.2014 № 172-FZ (revision of 18.07.2019) «On strategic planning in the Russian Federation» // «Collection of legislation of the Russian Federation», 30.06.2014. № 26 (Part I). Art. 3378 (accessed 10.01.2020).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 20.03.2020
Подписано в печать 24.03.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,2
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 43

e-mail: id.yug2016@gmail.com